

Борис ДРУЦЭ

СЛЕЗА ЗОЛОТАЯ

ЕВРЕЯМ И ИХ ЧУДЕСНОЙ СТРАНЕ

Кишинёв • 2021

Иллюстрации: Вероника Друцэ (дочь писателя)

Художественный, технический редактор: Андрей Дорган

*Автор выражает глубокую
признательность другу, публицисту,
редактору газеты
«Теленештская улица»
Менахему Вайнбойму, который
способствовал изданию этой книги*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мой дебют в литературе начался более сорока лет назад. За это время я издал двадцать книг прозы, поэзии и публицистики. Настоящая книга включает прозу и поэзию на еврейскую тематику, впервые переведенные на русский язык.

Я часто задаюсь вопросом: что за смысл писать, если нынешнее поколение читает все меньше и меньше? И неожиданно прихожу к выводу: я пишу и для себя. Мне доставляет удовольствие излагать на бумаге свои мысли и чувства. Это началось в детстве, когда мама рассказала мне печальную историю о двух влюбленных, расстрелянных в начале войны в овраге на краю нашего села.

Она родилась в местечке Теленешть, где больше половины населения составляли евреи, и провела детство и юность в их кругу. Они вместе учились в школе, дружили, влюблялись, а когда пришла война, еврейская община распалась: часть эвакуировалась, а часть осталась и была истреблена. Я родился спустя десять лет после войны, но мама часто вспоминала и рассказывала нам о прошлой жизни. Рассказывала и плакала. Плакала, и когда встречалась со своими школьными подругами, которые чудом уцелели после кровопролитной бойни. Отправляясь к ним в гости, она брала и меня, маленького, с собой. Добрые и душевные подруги мамы угощали нас хументашами и другими еврейскими лакомствами, но никогда эти встречи не обходились без рассказов о страшных днях войны...

Именно поэтому мои первые литературные опыты представляли собой истории, услышанные из уст мамы. Они стали небольшими новеллами, а в стихах я изложил балладу о трагической любви еврейского юноши и девушки.

Был я очень робким и писал втайне. И лишь в старших классах осмелился открыть свой секрет Бениамину Моисеевичу Когану – завучу школы, который преподавал у нас румынскую классическую литературу. Выпускник Ясского университета, он был личностью неординарной, интеллигентом до мозга костей! Литературным языком он владел в совершенстве, говорил «будто читал по книге». Свои обширные знания он пере-

давал нам через произведения Эминеску, Александри, Крянгэ, Матеевича. Мы слушали Бениамина Моисеевича, затаив дыхание. Он учил своих учеников красиво и правильно говорить на родном языке и первым открыл нам, что истинное научное название нашего языка «румынский», а не молдавский. В 70-е годы прошлого века он был автором многих книг, дидактических программ, больших разделов в учебниках по языку и литературе.

В Теленештской средней школе среди преподавателей было много евреев – Мендель Шапочник, Мирон Струлович, Давид Бронштейн, Бума Беккер, братья Давид и Хаим Вайнбоймы, Илья Цехман и другие, которые, помимо родного идиша, с какой-то особой гордостью разговаривали между собой на элитном румынском языке. Тогда-то я и осмелился показать моему учителю свою новеллу. Через несколько дней, к моему удивлению, он пригласил меня на прогулку по аллее старинных акаций, которая вела к его дому. Он сказал, что ознакомился с моими набросками, и пристально посмотрев на меня своими большими умными глазами, задумчиво произнёс:

– Я рад, что ты увлекся пробой пера. Это прекрасное занятие. Но ты должен много читать, работать над собой, изучать психологию, познавать внутренний мир человека, обогащаться знаниями, взвешивать каждое слово и каждую фразу, внимательно осмысливать то, что излагаешь на бумаге. Думаю, у тебя есть шанс.

– А как надо писать стихи? – ляпнул я ни с того ни с сего.

Мой учитель весело рассмеялся.

– Стихи пишутся по призванию души. Сама жизнь преподнесёт тебе уроки, и ты сможешь стать неплохим писателем.

Его слова меня воодушевили, стали толчком к тому, чтобы я продолжил.

Мне жаль, что моему любимому учителю так и не довелось прочитать ни одну из моих напечатанных книг. Он ушел из жизни до того, как я опубликовал стихи, фрагменты из которых когда-то читал и Бениамин Моисеевич Коган. Мой израильский друг, поэт и просветитель Менахем Вайнбойм, выходец из Теленешты, перевел мои стихи на русский язык. Предоставляю их на суд моих дорогих читателей.

РЕСВИЕМ

“В слезах поднимется цветок...”

(В память о трагедии еврейского народа)

Холмы по-прежнему стоят,
Исходят чёрными слезами.
Евреи толпами вопят
И провожают жизнь мольбами.

В долине чёрная луна
Вдруг превратила лето в зиму,
И непонятно в чём вина
Бредущего к расстрелу клина.

Мужчины, дети, старики
И женщины идут под пули
Зверей-безумцев - вопреки
Святым писаньям Божьей воли.

Младенец к матери приник,
От криков смерти убегая,
И глас еврейский вновь возник,
От Бога жизни вопрошая.

Глас поднимался в небеса,
«Шма Израель...»* неслось над полем.
Нет, не случились чудеса -
Земля покрылась красной кровью.

Печалится народ Давида.
Он помнит смерть и чёрный пепел.
Но и в оковах, и в обидах
Вновь возрождает счастья жребий.

*«Шма Израель...» (иврит) – молитва, которую евреи произносят утром и вечером. Это первая молитва, которую произносит ребёнок, и последние слова, которые произносит умирающий.

2. Испокон веков

Трудились вместе молдоване
И бессарабские евреи.
И идиш пел в устах у Вани,
Румынский - у красивой Леи.

Еврей молился в синагоге,
И душу очищал словами.
Детей учил заветам Бога,
Переживал за них ночами.

В местечки тёк ручей евреев:
Сороки, Кишинёв, Фалешты,
Капрешты, Измаил, Оргеев
И целый город Теленешты.

Колечки дружбы стыковались,
Всевышнего творя желанья.
Ковры совместной жизни ткались,
Сплетаясь в образах преданий.

Как в зеркало судьбы смотрелись
В потоках Прута и Днестра.
Пока красиво песни пелись,
Кричала грусть издалека.

Кричала и предупреждала
О крови, что покроет мир
О нации, что пострадает
О бойне, что куёт вампир.

3. Только любовь...

Моше, Маися одноклассники,
Живут давно в одном дворе.
И каждый день в любой погоде
Выходят в школу на заре.

«Какая пара! - слышны сплетни
Прекрасна юная любовь!»
Он плод сорвёт с высокой ветви,
Букет цветов подарит вновь.

Маиса, девка озорная,
Шалом-Алейхема читала.
Искала ада смысл и рая,
А вечерами танцевала:

Под звёздным небом с ухажёром
Еврейский танец, хору, сырбу
С Дориной, Анкой, Мэриорой
И рыжим долговязым Штирбу.

Казалась жизнь безмерно сладкой
Под синим небом бессарабским.
Оно дарило тёплой лаской
И щедростью обильной царской.

Мечтала пара о любви,
О жизни в городе, о свадьбе.
И тайно прятались в тени
Лозы помещичьей усадьбы

Маисе Мойше обещал,
Что к осени жениться хочет,
И жадно плечи целовал,
Лицо, уста, и лоб, и очи.

Лежали в любовной истоме.
Им снились счастливые дни.
Но вдруг разбудили колонны
Фашистской жестокой брони.

В небе слышен гул моторов,
Танки топчут спелые поля.
В страхе сжавшись у заборов
Евреи наши группками стоят.

4. Истребление

Толпы невинных евреев
На страшную бойню ведут.
Как самых постыдных плебеев
Пустили всё племя под кнут.

Солнце на небе чернеет,
Пылает жарой над селом,
Прислушавшись к стонам евреев,
Идущих в овраги гуртом.

Сосед и пособник арийцев
Стрелял и злорадно кривил
Улыбку, забыл кровопийца,
Что денег у Мойше молил.

У края оврага обнялись
Моше и Маиса в любви.
Стояли с народом, и сжались,
Но не склонив головы.

Евреев нещадно косили,
Кидали в смердящую пасть,
А лица убитых просили:
«Господь, покажи свою власть!»

Шесть миллионов невинных
Детей, матерей, стариков
Ушли по извечной причине:
За веру своих праотцов.

Молчит овраг, луна погасла.
Звезда рыдает в тишине
В земле убитые напрасно
лежат в бессмысленной войне...

Могли спасти Маису с Мойше,
Сдержать судьбы еврейской трепет.
Не ожил идиш гордой ношей,
Остался синагоги пепел.

Прошли года, и дни, и ночи,
Вновь на земле цветут цветы.
Миры еврейские клокочут
Под тенью древней Меноры*.

*Менора (иврит) — семисвечник который находился в иерусалимском храме. Один из древнейших символов иудаизма.

5. О, Боже, горячо молись за них...

Снова лето наступило,
Любовь окутала холмы,
И память-грусть не утаила,
Что шепчут нежные цветы.

О, Господи, доколе живы
Леса, моря, земля и небо,
Не дай безумия приливам
Евреев убивать свирепо.

В полях колышется пшеница,
Волной бежит из края в край,
Воспоминанием искрится
И прошлому кричит «Прощай!»

Кричит «Прощай!», но сохраняет
Глаза Маисы и Моше,
И память бережно играет
Любовью нежной в тишине.

Как птица Феникс Иудея
Воспряла гордо из руин.
И вновь евреи, как идею,
Подарят миру мысль святынь.

Мы не забудем времена,
В бессмертие ушедших рано.
В граните чёрном имена -
Для нас любовь и талисманы.

Да процветает сей народ,
И имя рода освятится!
И да хранит его Господь,
Чтоб миру грешному дивиться.

Шесть из моих изданных книг посвящены еврейской тематике. По сей день я восхищаюсь стойкостью и гениальностью этого древнего народа, у которого есть чему поучиться. Изучая разные исторические источники, я все глубже постигал его красоту и талант. На долю евреев выпали страшные испытания, но они сохранили стойкость духа и своё национальное достоинство. Мне нравился идиш, который я слышал в детстве и в юности в Теленешть. Благодаря этому красивому и сочному языку, общение евреев, которые собирались вместе, принимало особое изящество, какой-то таинственный самобытный колорит. Всегда приятно находиться в среде еврейских интеллектуалов и общаться с ним. В моих книгах «*Flori de dor pentru Şalom*» (Цветы любви к Шалому, 2004); «*Păsări uitate în zbor*» (Птицы, забытые в полете, 2008); «*Sub steaua lui David, cu Dumnezeu*» (Под Звездой Давида – к Богу, 2009); «*Pandurii tristeţii*» (Витязи печали, 2011); «*Oglinda tăcerii*» (Зеркало молчания, 2012), «*Seismul din creier*» (Землетрясение в мозгу, 2017) я старался выразить мое уважение к евреям и к их еврейским вопросам. При желании, читатель может убедиться в этом, открыв мои книги.

Я думаю, что после еврейской эмиграции в другие страны, мы стали беднее. Если бы сегодня в местечках и городах Молдовы была бы та же консистентная среда евреев, как и раньше, наша страна процветала бы. В пору, когда евреи массово уезжали, я написал ностальгическую песню о потерянном мире. Её можно найти в соцсетях интернета. Вот она:

Евреи, милые, евреи

Мы жили все одной семьёю
В уютном нашем городке
Играли свадьбы, песни пели
И в жизнь пускались на легке
Нам не забыть весенних ливней
Садов цветенья ясный день
Когда светились мы от счастья
А на дворе цвела сирень.
Но вдруг судьба нас разлучила
И Вас умчали поезда
В неведомые нам пространства
В Обетованные края
Евреи, милые, евреи!
Как не хватает Вас, друзья

Припев:

Пусть гаснут свечи
И годы мчатся
Душой мы вместе Навсегда
И все невзгоды Судьбы пороги
Нас не разлучат никогда

В моем краю теперь далеко
От Вас и Вашей теплоты
Воспоминаний дымка тает
Средь каждодневной суеты
Не слышен больше сочный идиш
И нет веселости былой
И балаганный шум Привоза
Подался в след шальной волной
Так хочется, чтоб только радость
Хозяйкой Ваш входила дом
Чтоб мир царил, чтоб пело сердце
И чуть грустило о былом
Пусть нить времен не оборвется
И единит нас всех „Шалом!”

Припев:

Евреи, милые евреи

слова и музыка Борис Друцэ

$\text{♩} = 180$

Ла-ла, ла-ла - - - - -

Ми ми-ли все о-дной се-мье-ю

В уютном на-шем го-род-ке

И гра-ли сва-дьян, не-счи пе-ли

И в жиды пус-ка-лись на-лег-ке

Нам не за-быть ве-се-лиям АН-вей

Са-дов цве-те-нья а-ский день

Ког-да све-ти-лись мы от сча-стья

А на уво-ре цве-ла си-рень

Но вдруг судь-ба нас раз-лу-чи-ла

И вас уе-ха-ли по-е-зда

В не-ве-до-ми-е нам про-стра-но-тва

В О-бе-то-ва-нии е кра-я

Ев-ре-и, ми-ла-е, ев-ре-и!

Как не хва-та-ет вас, дру-зья

Пусть за-снут све-чи и го-ди ми-то-ся

Ду-шой мы вме-сте На-всег-да

и все не-вздо-хи су-дбы по-ро-ги

нас не ра-злу-чат ни ког-да.

Ностальгия по времени, ушедшему безвозвратно, объясняется и тем, что в последние годы я познакомился и подружился с замечательными личностями еврейской национальности, живущими в Кишиневе. Мой кругозор постоянно расширялся, появлялись возвышенные чувства в компании таких мастеров литературы как Александр Козмеску, Мотл Сакциер, Анатол Гужель (который перевел знаменитую поэму Е. Евтушенко «Бабий Яр» на румынский язык), Александр Громов, Иосиф Балцан, Михаил Хазин, Наум Бернштейн, Илья Марьяш, режиссёр *Театра на Улице Роз* Юрий Хармелин и многих других великолепных мастеров своего дела. К сожалению, многих из них уже нет в живых, но они останутся в моем сердце и в памяти моих детей навсегда.

На протяжении всего творческого периода моей литературной

деятельности постоянно обращался и обращаюсь к еврейской тематике, что связано с историей холокоста. В романе «Сотрясение в мозгу» мой герой, лесник, постоянно заботится о том, чтобы сохранить память о тех таинственных местах, скрытых от глаз людей, ибо многие евреи во время прошедшей войны были застрелены и закопаны в анонимные могилы которые и поныне находятся в полном забвении в глуби лесов и оврагов. Мой герой, после того как узнал от родителей, что есть такое спрятанное место, загородил анонимную братскую могилу и добился установить там менору... На территории стран Европы и поныне есть места, где были убиты евреи и остаются и поныне неизвестными.

Привязанность к еврейской тематике укрепилась особенно, в начале 90-х годов, когда я начал посещать культурные мероприятия организованные евреями. Я был свидетелем как ученый историк Исидор Пилат организовал первый музей еврейской трагедии Молдовы. В центральном еврейском культурном центре Кишинева (КЕДЕМ) мне посчастливилось общаться с мыслителем Теодором Магдером, филологом Ритой Клейман, музыкантами Серго Бенгельсдорфом, Зиновием Столяром, Златой Ткач, а также со скульптором Иосифом Китманом, учеными Марком Габинским, Якобом Копанским, Рубином Удлером, Исааком Берсукером, художником Эдуардом Майденбергом, архитектором, автором молдавского центрального цирка Семеном Шойхетом. Я присутствовал на встречах с нашим знаменитым земляком Авидгором Либерманом из Израиля, который совершил несколько поездок по молдавской земле, родине его предков, а также присутствовал на великолепных лекциях по мировой литературе Сары Соломоновны Шпитальник, слушал радиопередачи Моисея Лемстера, рассказы внуки классика еврейской мировой литературы Менделе Мойхер-Сфорима Елены Абрамович, песни на идиш Славы Фарбера – и каждый из них представлял собой своеобразную, оригинальную личность.

Особенно впечатлил меня Идиш-центр, который обосновал мэтр еврейской литературы, последний писатель Бессарабии, писавший на идиш, Ихил Шрайбман. Это был мудрец, глубоко любивший нашу родную землю, на которой он родился и жил, восхищаясь самобытностью и красотой несчетных бессарабских еврейских местечек между Прутом и Днестром. Он обожествлял идиш и с горечью наблюдал, как этот язык исчезает, как медленно и незаметно

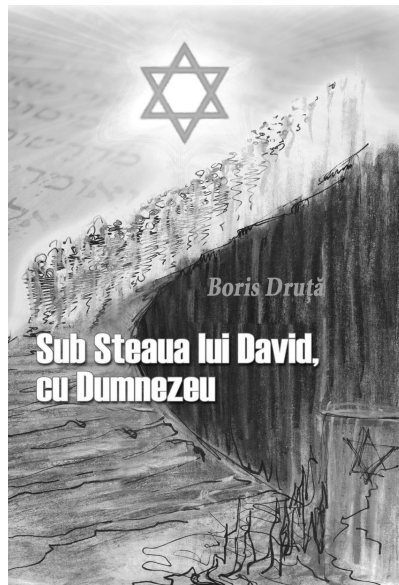
умирают представители старшего поколения, а молодым евреям не у кого его перенять.

Ихил Шрайбман гордился, что является продолжателем творчества Шолом Алейхема, Менделе Мойхер-Сфорима, Ицхака-Лейбуша Переца и других писателей, с которыми он познакомился, будучи редактором единственного еврейского журнала, издававшегося в Советском Союзе.

Именно от И. Шрайбмана я узнал о творчестве Иосифа Керлера, узника свободы, диссидента советского периода, автора гимна, который я разучил на идише и исполнил со

своими детьми на одном из праздников «Ам Исроел, хай!» («Народ Израиля жив!»). С восхищением слушал и продолжаю слушать песню **Сон на идиш** на стихи замечательного поэта Михаила Финкеля в исполнении Заслуженного артиста Молдовы Славы Фарбера. Вдохновленный этим прекрасным исполнением, я перевел его стихотворение на румынский язык, включив его в сборник еврейских поэтов «Розы для идиша» (*Trandafiri pentru idiș*).

Большую плеяду евреев в течение многих лет я представлял в периодической печати Молдовы, а также в книге «Под звездой Давида – к Богу». Евреи внесли неоценимый вклад в развитие всех сфер нашей жизни: литературу, науку, медицину, юриспруденцию. Люди старшего поколения с уважением и любовью вспоминают о тех временах, когда в школах, универси-

татах, в больницах, в торговле, на инженерных должностях работали специалисты евреи. Книга вышла на румынском языке. Я напечатал её на свои средства тиражом всего в 50 экземпляров и раздал близким и знакомым.

К сожалению, я не нашел спонсеров, чтобы увеличить тираж. Жаль, так как нынешнее поколение Молдовы мало знает о том, что когда-то в Бессарабии жила большая диаспора евреев. Но я рад, что сумел написать книгу о тех светлых днях, когда имел возможность находиться среди этого талантливого народа. Его языку я посвятил следующее стихотворение.

В объятиях идиша

Уходят в вечность поколения,
Исчезнут вязи красоты.
Мой сладкий идиш, я в волненьи:
Успокоенье ищешь ты?

Странной магией звучат слова,
Умело выбиты на плитах.
Красивых букв строка полна,
Но к неживым тропа забыта.

Живут в молчании могилы,
А в чёрном мраморе и камне
Слова необычайной силы -
Майн маме-лушен – идиш мамы.

Ещё живёт язык для смеха
И эпитафий для надгробий,
Но завершилась его веха,
Не будет вновь ему подобий.

Ты ярко осветил эпоху,
Родным был для отцов и дедов.
Кто будет знать хотя бы кроху
В подмене лет и документов?

Живу надеждой и мечтой:
Ихил, земляк наш бессарабский,
Поэт с еврейскою душой,
Опять вернёт нам идиш ясный.

Посещая Еврейскую общину, я заочно полюбил Израиль - историческую родину евреев, к которой они относятся с благоговением. Это действительно земля обетованная с её много-страдальным народом. И я написал:

Израиль, слеза золотая

Ты как узор на крыльях мотылька,
Меж Азией и Средиземноморьем,
Над сушей здесь проносятся века,
А небо с морем красотою спорят.

И звезды отражаются волной,
И небо эти волны отражает.
Теперь Израиль навсегда со мной,
Как на щеке слезинка золотая.

Изгои и паломники бредут
По древним тропам, где поют акриды.
На флагах никогда не меркнет тут
Шестиконечная Звезда Давида.

И Моисей выводит свой народ
Из рабства, и уже разверзлись воды,
Но только вера посуху пройдет
К земле обетованья и свободы.

Путь из Египта долог и тяжел,
Кругом враги, грядущее туманно.
Но кто не вышел... тот бы не дошел
До изумрудных пастбищ Ханаана.

Пусть разум изнемог, бессильна плоть
И страшно оглянуться из руины,
Теперь ведет, Израиль, сам Господь
Уж пять тысячелетий с половиной.

И для евреев нет судьбы иной, -
Идти вперед, ползти, изнемогая...
И эта доля навсегда со мной,
Как на щеке слезинка золотая

В 2011 году, благодаря Маисе Коган, дочери моего прославленного учителя, я побывал в Израиле. Это было нечто незабываемое. Я посетил многие уголки этой страны - Акко, Хайфу, Тель-Авив, Ашкелон и, конечно, Иерусалим. Свои впечатления об этой поездке я подробно изложил в книге *«Oglinda tăcerii» («Зеркало молчания»)*. В нее я включил и книгу публицистики *«Израиль – страна любви!»* В который раз я воочию убедился, что евреи всего мира берегут свою историческую родину, как зеницу ока.

Святой Иерусалим – любовь моя

Ранним утром, в глубокой ночи
Скромные, вечнозелёные
Оливы стоят, как скрипачи,
Прямо на сцене рождённые.

Иерусалим, цветок земли,
Фокус множества народов,
Враги тебя на беды обрекли,
Но ты ушёл от сумасбродов.

Здесь земли матерей святых,
Христос ходил с учениками,
И к вере звал людей простых.
И накормил их всех хлебами.

Под синей сенью небосвода
Здесь и легко, и тяжело.
Страна еврейского народа
Любовью правит, а не злом.

Иерусалим, ты светоч яркий,
Защита каждому в стенах
Ты рай земной, сошедший в парки
И в улицы, что на холмах.

Мы в хрониках твоих бессмертны,
Судьба вписала навсегда.
Веками разных стран поэты
Дарили ореол огня.

Иерусалим, страна Давида,
Земля прощаний и надежд,
К тебе опять приходим с миром,
Как на последний наш рубеж.

В 2010 году я вместе с сыном и дочерью посетил Бабий Яр. Потрясенный увиденным, я решил перевести на румынский язык поэму Ицхака Каценельсона «Опять подаются вагоны» об узниках Освенцима. Позже я издал книгу переводов на румынский язык и других еврейских авторов. Книга вышла в свет под названием *«Trandafiri pentru idiș»* («Розы для идиша»). В нее вошли произведения Довида Кнута, Мойше Пинчевского, Моисея Лем-

стера, Мотла Сакциера, Ефрема Бауха, Михаила Хазина, Любы Вассерман, Алисы Ягубец, Михаила Финкеля и др.

В завершение - немного о любви. О той обворожительной любви Ихила Шрайбмана и его жены Марины, русской библиотечарши с Урала. Меня и сейчас восхищает эта история. Они встретились случайно. Разница в возрасте была большая, но Марина любила его всю жизнь. Выучила идиш и помогала писателю в редактировании и подготовке книг к изданию. После смерти Ихила она продолжала переводить на русский язык и издавать его рукописи.

Марина нередко говорила: «Любовь не придумана поэтами. Она существует, и я бы вышла замуж только за Ихила».

На центральном еврейском кладбище в Кишиневе, рядом с мужем покоится Марина Шрайбман – любимая и преданная супруга писателя. Я посвятил этой исключительной женщине следующие строки:

Марине Шрайбман

Любовь – не выдумка поэтов,
И запах утренний цветов
Над нами веет милосердно –
Как свежий утр ветерок.

Любовь – не выдумка поэтов,
Росой приходит на листьях.
Она предтеча силуэтов
Из предстоящих нам годах.

Любовь – не выдумка поэтов.
Она с Маэстро навсегда.
Храни его, Марина, вечно,
Ихила яркая звезда!

В завершение хочу выразить благодарность Менахему Вайнбойму, Александре Юнко, Мирославе Метляевой за переводы моих стихов на русский язык.

Данную книгу прозы, которую я предлагаю читателям, я решил в знак глубокого уважения к этому древнему народу называть ***Слеза золотая*** или ***Евреям и их чудесной стране.***

Автор, 2021

ΠΡΟΒΛΗ

Этлия Беккер

*«Ибо не неправеден Бог,
чтобы забыть дело ваше и труд любви, которую вы оказали во имя Его...
послуживши и служа святым.»
(Послание к евреям Святого Апостола Павла. Гл. 6, катрен 10)*

После того воскресного дня, когда над городком завязался воздушный бой, а под холмом Мольник упали два советских самолета сбитые «Мессершмидтом», на дороге, ведущей к Днестру появилось множество телег, увозящих местных евреев в эвакуацию. Запряженные в дальний путь лошади с трудом тянули за собой полные скарбом, детьми и плачущих женщин телеги. Напуганные, с печатью вселенской грусти на своих лицах, люди, попавшие в беду, смотрели с болью на места, где они прожили жизнь, а сейчас вынуждены все бросить, чтобы спастись. Пламенем неугасающих пожаров городок провожал своих обитателей и советские войска, вынужденные отступать. Некоторые почти пустые телеги неслись в спешке мимо конвоя сопровождающего обоз, мимо людей, вынужденных плестись пешком.

Кое кто из беженцев отставал, но после прощальных объятий, опять хаотично следовал за конвоем, не зная и не предполагая куда все направляются, с болью покидая свои родные места. Высокие травы, выглядывавшие из каменных щелей надгробных плит старенького кладбища что на околице городка, печально дрожали в легком колыпании ветра.

У деда Никэ было много друзей, среди евреев и он вышел на окраину Иняски, села расположенного совсем рядом с дорогой беженцев, попрощаться с ними.

Непонятное и смутное ощущение терзало его разум, успокаивала лишь мысль, что евреи всегда были хорошо информированы и, если решили эвакуироваться, значит на это есть серьезная причина.

Из всего еврейского населения, которое прошлым летом, в июне 1940, с большой радостью встречала советских солдат на мосту Чулук, не осталось и следа. Советское командование также покинуло городок, отступая под натиском немецких войск. Опи-

раясь на посох, дед с грустью следил за этим кошмаром, бередея раны своего окаменевшего сердца.

– Прощай, капитан Ион! – вывел его из оцепенения грустный голос мельника городка Менделя Шляйзера.

– А почему уезжаете, господин Мендель? Оставайтесь, без вас умрет жизнь городка. Как мирились с уходящей властью, так примиримся и с той, которая придет...

– Если бы, капитан Ион, – холодно промолвил Мендель, обнимая и притягивая к себе трех своих детей – двух взрослых дочерей и рыжего сына подростка.

Его старенькая телега с бревном вместо одного колеса, которую тянула за собой лишь одна черная лошадь, была полна грусти и причитаний его жены Фаины, женщины худой, с впалыми глазами и с распущенными как у утопленника волосами.

– Надо было забраться в телегу Лейба Локса, она была почти пустой – удивленно сказал старик, пытаясь хоть как-то разрядить удручающую атмосферу.

– Господин Ион, – вздохнул Мендель, озираясь вокруг своим мутным взглядом. – Разреш и нам иметь... своих негодяев!

Дед Никэ посмотрел еще раз на движущийся людской поток, надеясь увидеть еще кого-нибудь из друзей, которые всего лишь за один день стали как будто другими. Сколько он ни пытался, не мог найти слов утешения.

– Случайно не жалеешь их? – прогремел рядом голос одноглазого Коли Хэйташу. Второй глаз он потерял во время драки, когда поймали его с замужней женщиной из Бэнешт. – Жиды всегда нас обманывали, жили за наш счет... Вот наступил и их час расплаты...

Старик окинул его долгим взглядом – разве стоит с таким продолжать разговор? Но он все же, сделав знак рукой, позвал его подойти поближе:

– Так вот, чтоб ты знал, одноглазый: государство тем богаче, чем оно лучше может защитить своих евреев! Еврей никогда не сунет свои руки в чужие карманы!

Коля поймал на себе цепкий взгляд старика и смолчал. У деда борода была белой, колючей, он прошел две войны и считался рачительным хозяином в Иняске.

К вечеру поток беженцев поредел.

На следующий день стало известно, что на Желтом берегу

Коля Хэйташу с двумя сообщниками ограбили несколько телег, оставляя несчастных людей почти голыми на дороге.

Когда в городок Теленешты вступили немецко-румынские войска, поток беженцев прервался, ввергая в ужас и страх евреев, так и не успевших эвакуироваться...

* * *

К середине июля поспела черешня. Лето в том году было поздним, и кроваво-красные ягоды долго колыхались под дуновением ветра, похожие на алые веснушки, поселившиеся на ветках.

Как только поменялась власть, на убогие домики и обедневшие лавки городка обрушились дождевые потоки. Новая власть сразу же начала еврейские погромы: дети, старики, женщины, мужчины силой были доставлены во двор Мокилеса, где обычно во время ярмарок продавались животные. В промежутках между дождями палящее солнце поднимало облака пара, высвобожденного влажной землей. Запах навоза еще собирал оводов, ос, шмелей.

Пленные, собравшись маленькими семьями на размокших от дождя циновках, изо дня в день обреченно ждали свою участь. Они все были арестованы за одну ночь и теперь сутками напролет находились под открытым небом, обливаемые частыми дождями, изнуренные жарой. Из-за забора из старых досок, почерневших от времени и местами подпираемые сучковатой изгородью, за ними постоянно наблюдали солдаты.

Крестьяне близлежащих сел, привыкшие приходить в городок за продуктами, находили все магазинчики закрытыми. Лихорадочный шепот заставлял некоторых из них задерживаться возле двора Мокилеса, взволнованно следя за злосчастным загоном. Гонимый тем же шепотом, старик Никэ тоже очутился рядом с бывшей ярмаркой. Среди несчастных пленных он узнал Мошку Беккера, сапожника. У которого пока дети были маленькими, всегда заказывал обувь. На Беккере не было лица. Он озирался испуганно вокруг, не находя с кем обмолвиться словом. Рядом, на мешковине, Сара бессознательно гладила волосы 13-летней девочки и качала коляску, откуда выглядывал грудной ребенок. Увидев старика, Мошка взглядом позвал его поближе, чтобы сказать ему пару слов:

– Капитан Ион... Нас убьют... Мы евреи... Очень прошу, ради Христа! Дети ни в чем не виноваты. Спаси их от смерти, если можешь...

Старик, услышав эту мольбу, содрогнулся. Посмотрел на старую черешню в глубине двора, на которой между двумя толстыми ветками соорудил себе наблюдательный пункт немецкий солдат, играющий на губной гармошке баварские мелодии. Когда ему надоедало дуть в эту чужую дудку, срывал по одной кроваво-красной черешне, бросая их лениво в рот. Он выплевывал косточки на головы несчастных, умирая от смеха.

Узнал старик и Бенджамина Когана, раввина, арестованного в синагоге во время службы. С обычной тюбетеечкой на голове, белый как снег и грустный как всемирный потоп, он все время читал Тору. Увидев старика Никэ из Иняски, раввин обратился к нему с той же мольбой:

– Спаси детей, капитан Ион. Поговори, пожалуйста, с властями... Твой Бог тебе воздаст на веки вечные...

Ошеломленный, он и не заметил, когда к нему подошел угрюмый лейтенант с суровым взглядом. А еще через несколько мгновений он очнулся среди двух штыков, арестованным. Казалось с лейтенантом шутки плохи.

– Из-за того, что ты нарушаешь порядок, мы должны расстрелять тебя на месте.

Слышал о таком законе?

– Война войной, а мы все под Богом ходим, – посмел старик возразить. – Я свой век уже прожил, мне нечего терять. Я тоже служил в Фэлчу...

– Военное время, отец, – сказал лейтенант, смягчившись, вытирая пот со лба. – Мы исполняем приказ маршала...

Его сопроводили к начальнику поста, офицеру с круглым и надменным лицом. Тот окинул старика проницательным взглядом, прочитал ему целую нотацию, потом, сдерживая свою спесь, стал ему угрожать:

– Не шути с огнем, дед. Следи за собой, если не хочешь такой же судьбы как у тех из загона для скота. Эти пленные не лучше животных, которых проглатывает жерло войны – дети, старики, женщины, без разницы. Но этим все не кончилось. Старик был сопровожден до Иняски, где его дом обыскали. В дороге он осмелел и все пытался завести разговор с лейтенантом.

– Неужели у вас нет сердца, парни? В чем согрешил наш народ, чтобы мы так издевались над невинными людьми?

– Военное время, отец, – напомнил ему еще раз офицер. – Такова политика. Таков закон... Многое и я не принимаю, но приказы не обсуждаются, они выполняются!

На этом он замкнулся и молчал всю дорогу, не обращая внимания на ворчание старика.

– А дети в чем виноваты? Они душевно чисты и непорочны, они ангелы – не унимался дед Никэ.

После обыска, не найдя ничего компрометирующего, офицер вдруг схватил старика за руку и отошел с ним подальше от глаз соседей, следивших с ужасом через забор за этой неприятной процедурой и сказал ему с печалью в голосе: – Дома у меня осталась больная мать, жена мастерица-ткачиха и трое маленьких детей... Я на службе, отец! Что я могу сделать? Завтра, в обед, состоится казнь. А от того загона до окраины городка, где все будут расстреляны, одна дорога и один мостик...

* * *

Ночью опять разразилась гроза. Утром же день начинался освещенный горячим солнцем. На скользкой дороге появилось огромное количество улиток.

Старик Никэ не мог сомкнуть глаз. Только перестал идти дождь, он вышел в темноту ночи, и направился к тропинке только ему одному знакомой. Он притаился в зарослях дерезы, следя как со стороны городка приближалась колонна покалеченных и обессиленных людей. Стариков, которые не в силах были передвигаться, бросали в телегу с окровавленными боковинами, которую тянули за собой два быка. Те же, которые, еле-еле передвигали ногами, опираясь на более сильных, под окрики солдат продолжали свой смертный путь. Из-за липучей грязи с их ног срывалась обувь, но никто не возвращался за потерянной обувью. Рубашки пленных были без пуговиц, одежда вся превратилась в лохмотья. Гонимая к месту казни, толпа уже не плакала, не возмущалась. Лица людей выражали только безразличие и безнадежность. Солдаты с автоматами следили за каждым движением пленных. Два мотоцикла с колясками обогнали колонну, испачкав грязью зловещий конвой. Увидев немецкого офицера и пулеметы, установленные на мотоциклах, кто-то из

женщин запричитал на иврите, распространяя вселенскую печаль на все извилистые холмы с белыми волнами подсушенного ковыля. Старый Бенджамин, с черным от грязи подолом длинного черного халата, продолжал читать молитвы из Торы, изредка поднимая руки к небесам, прося милости и прощения у Бога.

Рядом с раввином передвигалась семья Мошки. Беспомощный, подавленный сапожник поддерживал не перестающую плакать жену. Будто спокойная, с двумя аккуратно заплетенными косами, с легкостью толкая детскую коляску, шла Этлия, их дочь. Ее лицо не выражало ни капли страха перед опасностью. Ее братик Барук спокойно лежал в коляске, пытаясь откусить черешню, которую кто-то сорвал для него с дерева у лагеря. Колонну замыкал лейтенант, у которого автомат уже был с блестящим штыком. Услышав душераздирающие причитания охваченных паникой женщин, офицер украдкой перекрестился...

Когда колонна дошла до мостика, соединяющего два берега не очень глубокого оврага, всего лишь в ста шагах от вод Чулука, старший по колонне приказал конвою остановиться.

Солдаты выбрали с десятков мужчин посильнее и привели их к крутому берегу реки. Множество черных как смола пиявок безуспешно пытались выбраться на зеленеющий край берега. Мужчин дали лопаты и приказали вскопать квадратную яму. Оставшись на дороге, колонна получила другой приказ: сесть на еще совсем мокрую землю. Все следили с ужасом за движением десяти лопат.

...Яма была готова к полудню. Офицер приказал приводить в исполнение приговор. Пленные, все как один выстроившись вокруг ямы, начали отчаянно кричать, безуспешно просить пощады. Солдаты, построившись в два ряда – с переднего ряда на коленях, а со второго ряда стоя – приготовили автоматы.

«Огонь!» послышалась команда и люди, изрешеченные пулями, падали один за другим в бездну ямы, отчаянно размахивая руками.

«Господи, останови это безумие! Как можешь допустить такое? – причитал дед Никэ, притаившись, почти не дыша, под мостиком и следя за казнью ни в чем неповинных евреев. – Что же нужно человеку для того, чтобы жить спокойно на земле, дарованной для мира и процветания Господом Богом? И почему человек убивает человека, уничтожая себе подобных без страха перед Всевышним...?»

Многие из казненных были только ранены... Падая в яму, они в отчаянии хватались руками за края рва, как за надежду на жизнь. Солдаты торопились добивать их безжалостно прикладами, и когда люди опять сползали на дно, они снова открывали огонь. Мотоциклы с пулеметами стояли готовые к бою. Совсем рядом с этим кошмаром, немецкий офицер вытирал свои очки надушенным белым платочком...

К вечеру яма была засыпана землей. До самой ночи из-под земли раздавались стоны несчастных людей, казалось, что земляной курган дышит...

Никто из тех, кто наблюдал за этим кошмаром, даже не заметил были ли среди казненных Этлия Беккер и ее маленький брат Барук. Наверно для карателей было не так важно – две-три души больше или меньше на целую колонну людей...

* * *

Дед Никэ подождал в зарослях, пока совсем не стемнело. Он позаботился, чтобы дети не увидели казнь своих сородичей, чтобы не выдали сами себя. Под навесом ночной тьмы, притаившись среди высоких сорняков, они втроем прошли через овраг, передвигаясь впотьмах по долине, дошли до Закоулка в Иняске. Шли вдоль леса до прибрежной рощицы, полной сочных и пахучих трав, среди которых росло много чертополоха. Здесь, в старом домике жила Арефта, старая одинокая женщина со своими двумя козочками.

Дети дрожали от усталости и печали. Этлия смотрела в одну точку и казалась безразличной ко всему происходящему. Чувствовала в своих дрожащих руках только святую книгу Тору, которую схватила в последний момент из рук своего дяди Бенджамина... Малыш, увидев себя и сестру в человеческом доме, начал хныкать. Его губы потрескались от страха, жажды и голода. Как только открылась дверь, старик попросил сестру погреть воду.

– Спас их от смерти, дорогой мой?! – спросила с удивлением Арефта, больше радуясь, чем тревожась за свою безопасность. Она перекрестилась, обращаясь к своим иконам: «Бог всемилостивый! Он все и всех видит!».

– Тут никого не было? – спросил старик.

– Днем гулял по лугу Коля Хэйташу, со своей лошастью. Он сейчас староста, каналья!..

– Имей ввиду, сестра! – выжидающе посмотрел на нее старик. – Отвечаешь головой за этих несчастных детей... Если кто-то спросит, скажи, что это твои внуки из Скулучен. И не вздумай хвалиться кому-то!..

Старик оставил детей в заботливых руках Арефты и вернулся в свой дом, в другом конце села, узнать, что люди говорят о страшной казни евреев, а главное, видел ли кто-то его с детьми. Про себя все время он благодарил офицера, который помог вызволить из беды детей... «Теперь уже никто их не убьет, – успокаивал он себя. – У меня был полный дом детей, всех воспитал, поднял на ноги. Теперь у них у всех свои хозяйства. Мне уже не долго осталось, но, Господи, дай мне сил спасти эти невинные души!..»

* * *

Этим летом Этлия проводила первые свои каникулы у родителей. Она училась в лицее «Королева Мария» в Кишиневе, была старательной, сообразительной ученицей и веселой девочкой. Мечтала стать учительницей румынского языка. Увлекалась поэзией и была влюблена в цветы, деревья и звезды.

Ее жизнерадостное лицо было усыпано веснушками, как черные угольки на нем светились глаза. Этлия была большой оптимисткой ей казалось, что жизнь прекрасна и что все люди добрые. Всегда слушалась маму, отца, ходила в синагогу со всей своей родней, с благоговением слушала проповеди своего дяди Бенджамина, самого уважаемого раввина в округе. Именно у него научилась читать Тору.

Девочка начала читать и Арефте строки из святой книги. Старая женщина когда-то была очень красивой, стройной, но годы оставили свой отпечаток на ее внешности, и она доживала свой век в одиночестве со своими козами. Этлия через несколько недель оправилась от стресса и начала рассказывать старухе все интересное и увлекательное, что она успела узнать из книг. В такие минуты на лице Арефты появлялась улыбка умиления и счастья. Чувствовалось, как что-то меняется в ее душе.

Из старого сундучка она достала вышитую молдавскую национальную блузку и одела на девочку. Мальчику, которому только исполнился годик, сшила пеленки из полотенежного полотна, ко-

торое она приготовила для последнего своего часа и всю жизнь переживала, чтобы моль его не съела.

Арефта ни на минуту не забывала, что сказал ей брат Никэ: «Ты отвечаешь своей жизнью за этих детей». Одно время она держала их спрятанными в сарае. Сшила им матрас из сена, кормила детей молоком, варила им картошку, мамалыгу. Дети с трудом приходили в себя после пережитой трагедии. Брала их с собой в лес пасти коз. Они следили чтобы козы не грызли кору деревьев.

Ее дом был отделен от села большим обрывом, обросшим камышом и репейником. Почти каждый вечер наведывался дед Никэ, принося им кое-что из еды. В селе не было слышно ничего об их истории. Лишь Коля Хэйташу, встречая его несколько раз, всегда верхом на своем коне, напоминал, чтобы дед был поосторожнее с ним, ведь он староста села и у него большие права!

– Полюбила этих детей больше своей жизни, – как-то сказала Арефта. – Посмотри, какие они хорошенькие! Зачем, Господи, появились они на этот свет, чтобы увидеть столько несчастий!?...

У малыша Барука волосы были золотистыми, взгляд живой и любознательный. Мальчик очень любил игры и приключения. Он начал ходить; Этлия поддерживала его за ручку, гуляя по тропинке, целовала с любовью после каждого сделанного шага. Девочка была послушной, смышлёной, терпеливо исполняла капризы своего братика. Старуха учила ее вышивать, доить коз... Этлия справлялась с работой по дому с легкостью и с удовольствием.

Однажды, встретив на лугу нескольких своих односельчанок, старуха все расхваливала своих внуков из Скулучен. Война уходила все дальше и дальше. Люди сомневались в словах Арефты, что ее родня из Скулучен оставила своих детей у нее на долгое время. Но старуха была своенравной, и никто не пытался спорить с ней. А дети настолько изменили жизнь Арефты, что она позабыла о наказаниях своего брата Никэ.

* * *

После казни евреев в Теленештах, жизнь там как будто замерла. Старик Никэ ходил в городок, больше чтобы узнать вести с фронта и не подстерегает ли его какая-то опасность. Через несколько месяцев он с большим сожалением и болью узнал, что

офицер, помогавший ему спасти детей, был разоблачен и казнен. Кто-то донес на него, и он был расстрелян как предатель.

Шел второй год войны.

После первых поражений под Москвой и на Дону, немцы озверели, если встречался какой-то немецкий офицер в Теленештах, это чувствовалось по его настроению и поведению, а также по повадкам их союзников. Ожесточились и прихвостни фашистов. Коля Хэйнашу стал еще беспокойнее. Иногда подходил к калитке старика, сверлил его единственным своим глазом и говорил:

– Не думай, старый хрыч, что я ничего не понимаю... Я очень умный и сообразительный... Твое счастье, что мы родственники...

Дед Никэ ничего не отвечал, а в тот же день отправлялся к сестре и просил ее держать свой язык за зубами.

– Надо будет одно время прятать их от глаз людских.

– А не будет ли лучше, брат, их окрестить? Обратим их в христианскую веру, и тогда исчезнут все подозрения.

– Ты дело говоришь, – согласился старик.

...В одно воскресное утро пришла в церковь старуха Арефта со своими внуками. Она отдала Барука на руки отцу Георгию, который провел его через алтарь. Но все внимание было обращено на его сестру. Этлия была прекрасна и юна, как свежая заря. Стройная, лишь с несколькими веснушками на своем прелестном юном лице, со взглядом лани, с изысканными манерами, которым ее обучили в Кишиневском лицее, она за полчаса, сколько длилось крещение, заморожила всех вокруг. Женщины смотрели с восхищением и завистью на сокровище, свалившееся неизвестно откуда на старуху Арефту.

– Кто бы мог подумать, что у нее такие родственники! И посмотри только, какая изящная ее внучка! А какое у нее красивое имя!

– А какую рубашку она ей сшила! Даже не подозревали, что у тебя такая видная внучка в Скулученах.

– Она смышлѣна и деловитая! – отзывалась старуха на похвалы окружающих. – Похожа на бабушку!

Но после крещения старуха вернулась испуганной. Когда они засобирались домой, у ворот церкви встретились с Хэйташу на своем коне, который с удивлением вытаращил на них свой единственный глаз из-под выпуклых очков, делавших его взгляд еще свирепее.

– Обманула священника, старая карга! – уставился на нее од-ноглазый. – Люди говорят, что это твои внуки. Но чего-то они уж слишком рыжеватые. Похожи на жишовчиков... В Скулученах нет у тебя такой родни...

– А тебе недостаточно, что поиздевался над их семьей в ту ночь прошлого лета? – попыталась уговорить его старушка, больше подбадривая себя. – Если не успокоишься сам, успокоит тебя Господь! Что ты все дергаешься, как будто черви у тебя в одном месте... Тебе что, не все равно, как люди переносят свои несчастья в эти тяжелые времена?

– Люди говорят, а у меня уши на то, чтобы слушать, – немного унял свою спесь Коля. – Жиды во все времена мучили воду повсюду. Поэтому люди мстят им.

– «Какие люди? Такие, как ты», – хотелось Арефте возразить ему, но она решила не связываться с этим ненормальным. И махнула лишь рукой в знак неуважения.

– И все же... Если что, лес рядом, – промолвил намеками староста. – Чтобы ты не говорила, что я совсем плохой. Если бы я был таким, давно бы только лес знал твою судьбину, со всеми твоими внучками. – И он стал подгонять лошадь...

Всю дорогу от церкви до дома она прижимала к себе детей, будучи готовой защитить их в любой момент от любой опасности.

– Вы ничего не бойтесь, – сказала как-то старушке Этлия. – О смерти лучше не думать... Смерть приходит тогда, когда человек уже не существует. Пока живем, мы должны верить в красоту жизни, в счастливое будущее... В то предвоенное лето, наш лицей посетил писатель Ионел Теодоряну, который написал роман «В Меделенах». Он с наших мест и очень интересно пишет. – Девочка замолчала, будто путешествуя вдали от опушки леса. В других мирах...

После дождливой осени наступила снежная, с сильными морозами зима. Жизнь в округе шла своим чередом. Луга покрылись глубокими снегами.

Дед Никэ принес им муки, овечьей брынзы и много картошки. Все реже и реже приходил он к ним, чтобы не оставлять следов и не накликал беды.

Как только наступила весна, Арефта стала выходить с детьми в лес, и даже заходила иногда к соседям. Этлия много знала и

продолжала рассказывать старушке все новые и новые интересные вещи. И односельчане все чаще заходили в гости к Арефте. Женщины обращались к Этлии, чтобы та прочла им письма, приходящие от близких с фронта, или чтобы написала несколько слов родственникам, уехавшим из села...

Луг покрылся скатертью из разноцветья, Этлия любила тут бывать с братиком, гуляя среди благоухающих луговых цветов, плела веночки и одевала ему на голову. Приходил дед Никэ и приносил им деревянные игрушки, сделанные своими руками, встреча с ним для маленького Барука превращалась в настоящий праздник. Старик замечал, что Этлия все больше взрослеет и хорошеет, медленно-медленно с ее облика как будто стирались следы перенесенной боли и печали. И глубоко вздохнул...

Молох самой страшной войны перемолол десятки, сотни тысяч евреев, как когда-то уничтожали их библейские варвары. Брошенные в концентрационные лагеря и крематории, в ту середину века им оставалась только надежда на приход нового Моисея, который укажет бы им путь и опять проведет бы по лабиринтам судьбы святого народа, по пустыням человечности к новому поприщу обета. А до той поры в зеленой роще живописного бессарабского села, под крышей старого крестьянского домика, девочка по имени Этлия Беккер и ее братик проживали сказку своей жизни, пока совсем короткой, не зная, что им принесет завтрашний день и следующий год.

* * *

Новая власть пыталась доказать, что она установилась тут навсегда, хотя весть о поражениях фашистов на Дону уже ни для кого не была секретом. Коля Хэйташу чаще стал появляться в роще, все пытаясь вывести на чистую воду Арефту. Он становился наглее, уже не стеснялся появляться на людях в украденных у казненных евреев, вещах, в лаковых хромовых сапогах Менделя Шляйзера.

– Знаешь ли ты, старая карга, что лейтенант был расстрелян Военным трибуналом? Он пожалел жидов! Расследование доказало, что до ямы не дошли все евреи... – Говорил он язвительно, будто задыхаясь от злобы. – Понимаю я, что ты прячешь двух жидовских отпрысков... Чтобы не было непри-

ятностей, уведи их подальше, куда посчитаешь нужным... Если не желаешь потерять свою старую голову ... Не посмотрю, что была моей теткой...

Высокая, с широкими скулами и с приподнятыми руками, будто готовая в любой момент схватить за шиворот непрошенного гостя, старушка сдержалась, когда поняла, что его последние слова – это и совет, и предупреждение... Накануне брат Никэ, почувствовав нависшую над ее домом опасность, призвал ее быть осторожнее.

– Исчезнуть отсюда, говоришь? – возмущалась Арефта в стиле своего брата Никэ, когда краем глаза увидела за калиткой каски двух жандармов. – Детей тут нет, я их отправила домой... Идите, ищите...

...На небольшой лужайке посреди леса, возле маленького озерца, остававшегося мало знакомым для жителей Инешт, дед Никэ вскопал землянку. На деревянной лавочке Арефта постелила толстые циновки, принесла из дому две подушки и одеяло. Детей она привела сюда еще накануне.

Вечерами, привязывая своих коз в загоне, она по извилистым тропинкам направлялась на ночлег к своим внукам. Иногда приходил присматривать за ними и дед Никэ.

Однажды утром в дом старухи прорвались жандармы, и начали искать детей, переворачивая все вверх дном. Коля Хэйташу руководил обыском, все подбадривая солдат искать по лучше. Так ничего и не найдя разочарованные солдаты ушли, выстрелив несколько раз по направлению к лесу. Лес ответил им лишь эхом нескольких сбитых пулями веток.

– Берегись! – завыл староста на прощание. – Наступило время, когда и я себе не принадлежу. Такова политика!..

* * *

В тот же день, к вечеру, домик на опушке леса был окружен взводом солдат в зеленой военной форме. Два старых человека – высокая старуха, почти без единого зуба во рту, и старик с белой, колючей бородой – после недолгого допроса были расстреляны. Колесница войны снова повернула свое дышло к западу и все ближе приближалась к рощице Чулука.

...На следующий день, когда вечерело, Этлия Беккер со своим братом Баруком за руку и старой коляской с пожитками появились на опушке леса. После того как девочка убедилась, что за ними никто не следит, по незнакомой тропинке они пошли на встречу звездам и луне, которые должны были показаться из-за облаков. Все дальше и дальше оставалась позади рощица со своими желтоватыми, осенними цветами.

После того, как рощица была покинута детьми и стариками, земля тут же стала холоднее, грустнее и беднее.

В воздухе чувствовался запах осеннего дождя и пороха.

ОТРАДНО ИЛИ ГРЕШНО

*Мотто: «И нашел я, что горче смерти женщина,
потому что она – сеть, и сердце ее – силки,
руки ее – оковы; добряк пред Богом спасется от нее,
а грешник уловлен будет ею».*
(Екклесиаст)

Не могу поверить, что уже состарился: если проживу еще год, стукнет мне пятьдесят, а если проживу еще столько, сколько уже прожил?.. Какое приятное прошлое, и какая несчастная перспектива! Кто сказал, что жизнь единственная школа, в которой человек учится умирать? Когда-то, будто вчера, думал только об одежде и школьных оценках, потому что родители зарабатывали на хлеб с маслом для меня.

Теперь, видит Бог, я живописец, но сирота, с кистью и красками в руках пытаюсь совершенствовать произведение Всевышнего, а на самом деле зарабатываю на хлеб с маслом для своих детей. Как говорится: вот это творчество! Спрашиваю себя: я создаю произведение или оно меня создает? Почему, например, сейчас одежда интересует меня меньше всего? Потому, что главное для меня сейчас это то, что не хожу голым, как примитивные люди.

Здоровье тает на глазах. Нарисую-ка я обнаженную женщину, решил как-то. Но не знал какую: молодую или женщину в годах?

Какая разница, если я молодой старик. Живу в настоящее время более грешно, чем отрадно. Зря говорится, что перед нами будущее. Перед нами настоящее, а будущее позади нас. Утверждаю это, но, может быть, я чуждак!

Со здоровьем не шутят. Подумав о подкреплении своего здоровья, выкроил немного времени из своего рабочего графика и отправился на поиски хорошего самочувствия, поменяв правый берег Днестра на его левый берег.

Наступила чарующая осень, для меня можно сказать, еще и счастливая, так как еду в санаторий «Стругураш», расположенный рядом с селом Маловата. Хорошо лежать в постели или бродить по тропинкам и любоваться гаммой цветов, великолепно и романтично отражающиеся в водах Днестра, особенно на закате. Смотри, человек, и удивляйся, как великолепна природа, изобилуя мудростью и вечной гармонией провожает, одно за другим, времена года, целые десятилетия, столетия. Кажется, природа ладит даже с войсками России и Украины, дислоцированными в Приднестровье с 1990 года, и которые устанавливают там свои законы.

Несчастливые люди, живущие в этих местах, возмущаются, что им не разрешают собирать фрукты и овощи, выращенные на полях, унаследованных от предков. И как подумаешь, что приднестровские румыны унижены с одобрения Киева и Москвы, хочется уйти, куда глаза глядят. Теперь и детей лишили родного языка. Сколько цинизма, сколько фарисейства у «этих старших братьев», которые до вчерашнего дня трубили о нерушимой дружбе между народами, называя себя бастионом мира во всем мире! И я, теперь, как и все бессарабцы моего возраста, продолжаем жить с ощущением, что нас лишили Родины. Не чувствуем, что под ногами своя, родная земля. Она у нас есть, но уже очень давно в состоянии оккупации... Видит ли Бог, что творится? Видит, и это и есть наше утешение, дающее надежду на лучшее будущее.

В качестве награды за эту Божью заботу, я обязан нарисовать картину новыми красками и придумать какие-то геометрические фигуры на фоне портретов людей, которые вызывали бы у наших румын не цинизм, не фарисейство, не дай Бог, а, скажем, солидарность, или, если хотите, любовь к своему народу. Что-то вроде Великого Национального Собрания, наделенного абсолют-

ными полномочиями. А над его решениями чтобы преобладали только Божьи решения. Вот демократия была бы! Посмотрел бы я тогда на казаков, как смотрел на них ранее, в Украине...

Лежа на санаторной кровати, чувствую, что старею медленнее и начинаю понимать, что человеческая жизнь – это всего лишь путь, пройденный от Бога к Богу. Идея исходит от моего характера, иногда ненасытного, вечно влюбленного, а в настоящее время задумчивого, более взвешенного. Эти же мысли подчеркивает мягкое течение Днестра, одинокая церковь с двумя башенками, возвышающаяся на другом берегу Днестра, в селе Холеркань.

Когда-то этот храм стоял в центре деревни. Но когда коммунисты решили построить Дубоссарскую ГЭС, жители были вынуждены переселиться повыше, на холме, и только церковь осталась осиротевшей на берегу реки. Теперь я одинок, как она. Правда, в дни религиозных праздников ее окна озаряются светом, а извилистая тропа, ведущая из деревни в направлении церкви, наполняется толпами людей. Звонят колокола, будто в ритм моего сердца, а воздушное пространство окрестностей находится во владении белых птиц, знак того, что Бог не оставил без своего благословения эту местность. Я молюсь Ему, чтобы защитил церковь, потому что только пока она существует, местные жители имеют не только будущее, но и прошлое. Прошлое, оно тоже наше богатство. А церковь в равной степени, – это и наше прошлое, и наше будущее. Как жизнь человеческая: она не начинается с рождением одного человека и не заканчивается чьей-то смертью. Господи, помоги мне сотворить сокровище!..

После ужина, женщины, приехавшие на лечение, выходят на террасу перед санаторием и начинают петь. Давно не слышал таких старинных песен в исполнении женского хора. Песни того же возраста, что и я. Пение «а капелла» прерывает оркестр, и вместо старинных мелодий звучат вальсы и танго цвета золотисто-желтого металла. Какое приятное слово – фанфара! Говорю про себя: «Пошли, хорошая, станцуем!» Так когда-то говорилось на танцах у меня дома. Танцуют все: и молодые, и старые. Скорее всего, танцуют старики, так как большинство приехавших подлечиться в санаторий, люди старше 50... Признаюсь, я был среди них, как исключение из правил.

И надо признать, я не был единственным исключением. Среди шаркающих ног людей в возрасте можно было увидеть пары молодых лодыжек, которые совсем не были лишними тут. Иногда исключение большего стоит, чем сам закон, особенно если он принят парламентом, избранным по ошибке.

Я прожил некоторое время оторвавшись от обычной семьи, и оказался старым холостяком... Поклялся в то время, что больше никогда не женюсь. Я не хотел, в эти моменты тихого одиночества, вновь окунуться с головой в новую историю любви, пусть и короткую. Годы убедили меня, что я лишен таланта главы семьи. Я никудышный человек, то есть.

К сожалению, у меня есть глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать, и сердце, чтобы влюбляться... Как я мог рисовать переполненную событиями жизнь или, скажем, суету сует жизни, когда слышал, как другим поется, как тебе когда-то пелось, и когда видел, как кому-то хочется танцевать, как и тебе когда-то хотелось это делать. Я настоящая сирота: ни родителей, ни песен, ни танцев. И семьи у меня нет, как у всех нормальных людей. Осталась только любовь к окружающему миру. Отмечаю, что и воображения у меня нет. Да, я художник. Это моя трагическая комедия. Благодарю Тебя, Господи, за то малое, что дал мне, и только мне. Бедненький я! И не уверен, это отрадно или грешно. Комедия, смешанная с трагедией.

Не помню, в который день моего отдыха стало известно, что на лечение в наш санаторий приехала группа граждан из Израиля. Они были, по их словам, бывшие наши соотечественники, эмигрировавшие когда-то на Землю Обетованную. Тут же мое воображение вернуло меня в городок, где я провел свое детство, отрочество и где был влюблен в девочку-еврейку, дай Господи ей здоровья и шепни, пожалуйста, ей на ушко, чтобы она появилась хоть еще раз в поле моего зрения. Как только услышал женские голоса, выбежал на террасу. Задержался тут долго, стоя под старой рябиной с деформированным стволом. Начал играть духовой оркестр, был объявлен дамский вальс и вдруг, на удивление завистников, ко мне подошла барышня с черными как антрацит волосами, в черном костюме, по сумасшедшему контрастирующего с белым воротничком, и с приятным акцентом в голосе, при звуках которого я тут же потерял голову. Пусть, Господи, казаки

выкидывают фокусы в Приднестровье, потому что я сейчас тону в черном, в белом, в чирикание птиц и в ангельском голосе молодой женщины, приехавшей из жарких стран.

Размышляя таким образом, игриво сказал совсем другое:

«Подходящий момент, чтобы вы мне назвали свое имя.»

И вымолвив это, я почувствовал вокруг нашей пары заинтересованные взгляды многих парней, один из которых в любой момент мог оказаться моложе и интереснее меня. Барышня не растерялась. Наоборот, окинув меня светящимися угольками своих изумительной красоты глаз, она снова опьянила меня бархатным голосом:

«Талия, – ответила она. – Вам нравится это имя или нет? Моя мама назвала меня так, но могла бы назвать и иначе. Например, могла назвать меня Ронит или Перли, Нехама или Дорит, или Ге-ула или Елишева, и даже Ахува... Издавна евреи называли своих женщин самыми красивыми именами, – улыбаясь, начала убеждать меня моя новая знакомая, будто она была моей ровесницей и будто нас крестили в одной и той же воде.»

Видя ее откровенность, я тоже назвал свое имя, дарованное родителями. Оркестр играл мелодию «У реки, на берегу Днестра», старинная длинная песня, к нашей общей с ней радости. И так как я не мог быть ее братом, а она не могла быть моей сестрой, я почувствовал ее нежные руки на своей шее. Мгновения, которые последовали, уходили, как листья с веток деревьев, которых ласкала прохладная осень. Странное чувство заставило меня узреть, что барышня не хочет расставаться со мной.

Но как я мог не обнять ее, когда все вокруг следили за нами любопытными глазами: женщины моего возраста и молодые люди ее возраста... Закончилась мелодия «У реки, на берегу Днестра» и, наконец, я вернулся на свое место, где встретил Валентина, соседа по комнате. Увидев меня растерянным и рассеянным, он тут же сообщил, что девушка непрерывно следит за мной глазами... Хотелось удостовериться в словах приятеля, и, когда нашел глазами Талию, чуть не упал, от изумления – на меня смотрела Брурия Голдман, моя одноклассница, моя первая любовь. Старая сказка, но, смотри, она опять только начинается...

Городок Теленешты, центральный парк, играет оркестр Наума Кижнера... Играет профессионально. Звучат молдавские на-

родные мелодии «Хороши свадьбы в колхозе», «Виноградник на холме», «В колхозе на большаке» и многие другие... В памяти проносятся школьные годы. Сегодняшний художник тогда был школьником и на перемене позволил себе, дать ей тумака, потому что она зашла в школу, не потрусив валенки от снега... Девушка начала плакать, пожаловалась в учительскую, и стала с нетерпением ожидать моего наказания. Но завуч школы Бениамин Моисеевич Коган встал на мою защиту, говоря Брурии:

«Этот мальчик трудолюбивый и очень талантливый художник! Он тебя ударил не со зла, а потому что сегодня он дежурный по школе... Видишь, у него на руке красная повязка?!»

Бедный учитель не знал, что значит красный цвет для любви. Я же, художник, знал. И, возможно, во имя той красной повязки Брурия простила меня. Позже, когда я встречал ее в коридорах школы, она стеснялась меня, но никогда не избегала.

Однажды вечером даже пригласила к себе домой и сыграла для меня на фортепиано «Лунную сонату» Бетховена. Затем представила меня своей матери по имени Сира. Мама Брурии работала в городской библиотеке. Благодаря этому знакомству, я зачастил в библиотеку, и это привило мне любовь к художественной литературе. Мне, крестьянскому сыну, почти не имевшему понятия о высокой культуре, хотелось научиться изысканным манерам у семьи Голдман. Вот стану учителем, и тогда увидите, каким я могу быть!

Долго пришлось жалеть, что обидел мою любимую еврейку. Я делал все, чтобы искупить свою вину... Сочинял стихи, которые посвящал не только Брурии, но и всем еврейским девочкам из ее класса, только чтобы заслужить прощение и быть оцененным не только как драчун...

Может, слишком громко сказано, но мне нечего скрывать: рядом с Брурией и ее семьей, школьные годы прошли как в сказке. Признаюсь, положила руку на сердце, что, будучи школьниками, она не позволила мне ни разу поцеловать ее. Не разрешила поцеловать и в прощальный вечер накануне моего отъезда в армию. Но и не позволила мне предаваться отчаянию, – обещала, что будет ждать меня...

Мой поэт и художник, – пробормотала Брурия на прощание таким голосом, что армия стала для меня адом большим, чем ад всей жизни.

При возвращении из армии, действительно, я нашел ее, как и оставил. Только она стала еще привлекательнее. Боже, какой красавицей была Брурия!

...Мы танцевали на террасе возле колхозного рынка, когда я еще не успел поменять свою военную форму советского солдата на гражданскую одежду. Все собравшиеся на танцы следили за нами. Они не могли понять, как так советский солдат говорит на их языке, и танцует как все.

Тогда мы ночи напролет гуляли по улочкам, наполненным ароматом цветов, которые шептали вместо нас друг другу сладкие слова, которые казались опьяненными светом неоновых ламп, симфонией лягушачьего хора, пение которого раздавалось из речки Чулук. Брурия доказала, что она замечательная рассказчица, которая может увлечь. Она перелистывала вслух странички тысячелетней истории еврейского народа, который, как и мы, бессарабцы, имеет отца-прародителя, я не был уверен, что и мне случится пройти хоть раз по дорогам, протоптанным ими. Как не пришлось ходить и всем тем, кто погиб в фашистских гетто и лагерях... Рассказывала она и про субботний праздник шабат. В ее историях слышался глухой отзвук морских раковин и чудесные мелодии красивой далекой страны, о которой советская пропаганда трубила только плохое. Она, Брурия, помогла мне полюбить Шолом-Алейхема, Марка Шагала, Модильяни, Спинозу, Чарли Чаплина...

Она помогла мне понять по-другому полное грусти колыхание ковыля, который продолжает расти и сегодня над оврагом, где нашли вечный покой ее предки, расстрелянные фашистами в годы второй мировой войны. Безусловно, Брурия знала намного больше, чем я, если слезы появлялись у нее каждый раз, когда она смотрела на овраг...

Тогда еще я задумал нарисовать картину, представляющую собой колокольчик в виде девочки как она, а также большой колокол в виде подростка, как я. Идея была навеяна ее красным платьем с широким подолом, а также завистью, с которой наблюдали за нами молодые люди нашего возраста. Вспоминаю лицо Ихила Гершфельда, который, как-то увидев нас вместе, стал кусать одновременно из двух варенных кукурузных початков. Мы с Брурией были неразлучны долгое время, могли бы

даже пожениться, завести семью и детей... Но почему, Господи, никогда в жизни не бывает так, как ожидаешь?

Однажды, когда я готовился к очередному свиданию с Брурией, вдруг узнал, что она уехала в Израиль. Эта новость для меня стала громом среди ясного неба. В те годы евреи покидали страну неожиданно, не сказав никому ни слова, будто прячась, потому что советские чиновники их ненавидели и вручали им необходимые документы с презрением. Несчастные люди, чтобы избежать неодобрения друзей и знакомых, поступали так, чтобы не ставить никого в неловкое положение. Но для меня, как, вероятно, и для Брурии, это был настоящий стресс и ее слезы в последний наш вечер, проведенный вместе остались в моей памяти на всю жизнь...

И только время летит безжалостно быстро. Со временем исчез ее дом, у порога которого когда-то горела неоновая лампа, освещающая кроны старых абрикосовых и вишневых деревьев. Рухнула от старости старая синагога, так как некому было ее спасать, потому что все евреи покинули город, будто никогда их тут и не было. Лишь два кладбища – одно старое-престарое, почти сравненное с землей на прилегающей территории кирпичного завода, и другое, более свежее и ухоженное вблизи Михалаша – сохранили в определенной степени память о многочисленной еврейской диаспоре городка прошлых лет.

... Оркестр снова начал играть вальс. Логично, настала моя очередь подойти к Талии и пригласить ее на ответный танец. Мне вспомнились мудрые слова, не только произнесенные, но и написанные самым знаменитым царем евреев всех времен, Соломоном, не знаю, как это получилось, будто кто-то невидимый, скрытый в моем существе, шептал их.

«...Всеу свое время, и время всякой вещи под небом: время рождаться, и время умирать. Время болеть и время исцеляться. Время плакать и время смеяться. Время бросать камни и время собирать камни.

Время любить и время ненавидеть»

Путешествуя на волне Соломоновых мыслей, я продолжал восхищаться грациозностью Талии, и мне казалось, что вижу в ней воплощение Брурии. Почувствовав, вероятно, мысли своего

далекого предка, Талия не удержалась от соблазна и, как огненное пламя, вырвавшееся на свободу, полностью отдалась ритму вальса, бросая и меня в бездну танца. В отрадной, и вместе с тем, греховной жизненной ситуации, оказался я.

Решил попытать счастья, и прошептал на ухо той, что представлялась Талией:

«Брурия, это ты?»

«Нет, где вы ее видите? Я ведь уже сказала вам, я Талия, дочь Брурии.»

Я не мог найти слов, чтобы заполнить тишину, возникшую между нами. Зато Талия стала разговорчивее, чем я мог себе представить. И во время того же вальса я смог узнать, что, уехав навсегда из нашего городка, Брурия Голдман стала солдатом национальной армии Израиля, вышла замуж за офицера, от которого родила трех дочерей. Три раза заражалась гепатитом, от чего пострадала печень. Лечилась в Эйлате, Кирьят Шмане, Твении, Ашкелоне и на Мертвом море, выдала замуж первых двух дочерей. Талия рассказывала все это страстно, согревая меня своим дыханием и прижимая к своей высокой упругой груди. Слушая ее, я почувствовал, как краснею. Почувствовал будто молодую, что мудрые слова Соломона уже не такие мудрые, и что Маловата больше не Маловата, а Земля Обетованная, где моя сегодняшняя любовь становилась близнецом любви вчерашней. Я ничего не желал сильнее, как окончания как можно быстрее этого очаровательного вальса, чтобы избавиться от этой проклятой любви.

Люди знают, что у меня нет таланта и ума, чтобы завести нормальную семью. Все горел в течение пятидесяти лет, наплодил кучу детей, и теперь, вот, танцую с одной из моих дочерей, и думаю, что смог бы иметь детей и с ней. Господи, прости меня, грешного! Что же мне теперь делать? Только Соломон сказал, что всему свое время. Неужели я не собираю камни, а бросаю еще дальше те камни, которые когда-то уже бросал? Разве недостаточно страдал из-за моей развратной природы, чтобы опять почувствовать искушение начинать все с самого начала? Когда пора думать о смерти, мое сердце горит пламенным огнем, и я таю под взглядами девушки, которая могла бы быть моей дочерью. Кто я пред тобой, Господи? Святой или безбожник? Когда

начал разговаривать с Богом, я понял, что это все мне приснилось, что я уже не танцую с Талией. Время вальса давно прошло, и наступило время сна, который куда-то ушел. То есть все прошло, превращаясь в ночной кошмар. Нет ни прошлого, ни будущего...

Теперь я смотрел с балкона на чистую, будто застывшую, воду Днестра, наблюдал как месяц застилал свой легкий светлый мосток с левого берега реки на правый, а звезды будто спорили с моими терзаниями на ватерлинии. Я подумал: «Почему, Господи, люди так много творят, если ты сотворил все до них?» Я продолжал стоять на балконе и любоваться величественными далями, которые начинались в Маловате, витали над спокойной водой и расстилались будто по проторенному пути сквозь предрассветный туман, уходя вдаль, к румынской Бессарабии.

После беглого сна, я проснулся. Начинался новый день. Принял назначенные врачом процедуры, позавтракал, и, как обычно, отправился на прогулку по окрестностям, таким образом пытаюсь поверить, что все произошедшее, это просто сон. Было и прошло, слава тебе, Господи!

Я позволил себе очутиться в объятиях осени, когда на полях созревает выращенный урожай и после полного сельскохозяйственного цикла земля одаривает своим богатством тружеников полей, садов и виноградников.

Спустился к Днестру, где виноградники со спелыми-переспелыми гроздьями колыхались в дрожащей воде, и стал бросать камешки в зеркало воды, думая, что может удастся попробовать вина из нового урожая. Но не дано было попробовать молодого вина. Успел лишь установить мольберт и подобрать краски для холста, находясь под впечатлением холодного рассвета, птиц, молодых и старых, которые свободно поднимались в небеса сквозь тонкую завесу тумана, простирающегося над спокойной речной гладью, как вдруг услышал ласковый голос:

«Шалом! Знаете, вы бы подошли для работы сторожем в виноградниках.» – «Неужели вы думаете, что я смог бы уберечь виноградники от казачьего нашествия?» – Не нашел я ничего другого, что ответить. Но и она не унималась:

«Конечно, с моей помощью, я думаю, вы бы справились.»

Своими прекрасными черными глазами она вглядывалась

в то, что я нарисовал в предыдущие дни. Затем указав тонким пальцем на набросок мачты одинокой лодки в середине реки, сказала:

«Хочу поплавать с вами там, в середине Днестра.»

На Талии был надет спортивный костюм темного цвета с белым воротником, похожего на костюм ее мамы, когда она была школьницей. Волосы она собрала несколько причудливо, заплела их в две косы, которые спускались ниже талии, как носила в детстве ее мама. На голове у нее была надета кепка яркого желтого цвета. Пока восхищался ее образом, меня осенила мысль:

«Хотите покататься на лодке?»

«Это мечта всей моей жизни» – искренне улыбнулась моя новая знакомая и стала поспешно собирать в охапку тимьян, который, как густая щетка, рос рядом. Затем посмотрела по-детски в безоблачное небо, и вдруг спросила:

«Интересно, когда падает звезда, действительно умирает человек?»

«Умирает, точно умирает, но вскоре возрождается, чтобы выполнить свое предназначение, упущенное в первой жизни» – попытался я строить из себя Соломона, царя всех евреев.

Талия ничего не ответила. Она поймала своей рукой мою руку и так, держась за руки, мы подошли к импровизированной пристани, где вокруг лодок крутилась группа парней, которые, очевидно, попытаются украсть мое счастье. Талия же спешно взяла весла в свои руки и, дожидаясь пока я заплатил за прогулку, прыгнула в лодку. Вот мы уже на середине реки. Я не мог найти повода для разговора, и нам ничего не оставалось, как слушать плеск воды под взмахи весел. Только позже, барышня начала петь на сладком и приятном языке:

Adama... Ani cașuva le koleh...

Я слушал ее, и чувствовал, что теряю голову. Я не мог думать ни о чем, вспомнив лишь цитату из Библейского Екклесиаста: «Сладок свет и радость для глаз видеть солнце».

Вдруг, Талия прервала мои мысли детским вопросом: – «Как вы оцениваете современный терроризм?»

«Как перманентную революцию, развязанную экстремистами» – ответил я, больше механически, чем логически.

«Хороши революционеры» – сказала она на этот раз необычайно задумчиво.

«Моя страна всегда находится в состоянии войны, но наш народ никогда не уступит. Но подождите! Почему мы начали про революцию, если еще не говорили про любовь. Давайте любить, потому что только любовь постоянна. Моя мать не забыла вас и хотя и жила с другим, всегда была и остается в душе вашей...»

«Что вы имеете в виду, Талия?» – спросил я.

«Что имели в виду все женщины до меня, и что будут иметь в виду после меня,» – произнесла уже несколько избалованным голосом барышня.

А я снова вспомнил притчи царя Соломона: «Праведник спасается от беды, а вместо него попадает в нее нечестивый». В который раз спросил себя, кто я: праведный человек или грешник? Смогу ли я спастись от сетей, появившихся опять на моем пути? А Талия продолжала соблазнять меня. Прилипла к моему плечу и начала жужжать, как оса в ухо, что она готова провести всю ночь на Днестре.

«В нашей стране очень жарко,» – говорила она, – «и я хочу насытиться, наконец, запахом и красотой здешних трав и цветов, всегда овеванных прохладой, которыми моя мама и мои бабушки и дедушки наслаждались всю свою жизнь. Они научили меня и румынскому языку. Особенно грамотно говорил на этом языке дед Арон, бывший учитель... Мама говорила, что вы другой, а не такой, каким хотите показаться мне...»

«Какой такой другой?» – спросил я ее после паузы.

«Я прильнула к вам, думая, что вы меня согреете. Уже вечер, становится прохладно,» – промолвила Талия, затем спросила – «Сколько раз вы согревали своим теплом мою мать?»

Хотелось бы ответить ей, но я не мог вспомнить, обнимали я когда-либо Брурию. Она была гордой, сдержанной, с развитым чувством собственного достоинства. Как почти все девочки моих школьных лет. Талия не знает, о чем я думаю, но смотрит на меня игривым взглядом, ожидая ответа. Отвечаю, в конце концов, вопросом на вопрос: – «Сколько классов ты закончила, дочь моя?»

Она смеется. Смеется громко и без стеснения прикасает-

ся пухлыми красными губами к моим сжатым губам. Опыняя меня своими сладкими поцелуями все больше и больше, она промолвила, хихикнув:

«Неужели так важно, сколько классов я закончила? Может тысячу классов. Не существует в мире школ, в которых научили бы тому, что я хочу от вас. Просто, еще не родился тот умник, который бы научил вас этому...»

Она говорила, подталкивая меня к греху, сумасшедшая. Эта девчонка сделала свое дело. И сделала она это умышленно, лишив меня дара речи. Помню, как она, отстранившись от моего плеча, нетвердой походкой добралась до передней части лодки и начала петь песню на слова, которые, уверен, ни седой добрый Днестр, ни население обеих его берегов не слышали никогда:

Adama	Adama
Ani cașuva le cole-h	Inaim humot vi țufot
Adama	Ima Adama
Tamid u lean șe ele-h	***
Adama	Adama
Hașvili bo esa hu șvile-h	Notenet Pirieli le hulam
Im-a-Adama-a-a	Adama
Adama	Tova u tmima le olam
Reglaim ehahot ieheifot	Adama
Adama	Lamdi ma et bnei a haadam
Panaih hamot ve oftot	Ima Adama.

...Затем, ближе к закату, она объясняла мне, что ее имя, Талия, на румынском языке означает Божья роса, похожая на ее и мою родину. Родину, вновь обретенную после тысяч лет чужбины, родину, измученную войнами и другими ненастьями, в которой единственное, что не может быть поколебимо – это любовь, как символ непрерывности жизни на земле. Восстановить Родину, это как создать ее заново...

Слушал ее, думая про себя: «Нет! Я не должен допустить проникновение этого ребенка в мою жизнь. И я не должен проникнуть в ее жизнь. Лишь моя Бессарабия... как и Израиль...»

Но барышня была более возбужденной, чем я. Она быстро

перешла от романтики к патетике, села мне на колени и обняла мою шею своими горячими руками:

«Думаете, я зря проделала такой долгий путь из моей страны в вашу страну? За все эти годы мама ни на минуту не прекращала думать о вас. С помощью друзей день за днем узнавала, где вы находитесь, как вы живете, что вы делаете, с какими проблемами сталкиваетесь в жизни... Я ее стала ревновать к вам, и задалась целью найти вас именно сейчас. И я не ошиблась. То есть, мама не ошиблась. Вы мужчина всей ее жизни! Жизни, незаполненной любовью. Вы нравитесь и мне... Я хочу сделать то, что не смогла сделать моя мать, хочу осуществить мечту ее юности...»

В ее глазах вдруг появились слезы, и я подождал после паузы, полной эмоций, чтобы она продолжила свою исповедь:

«Она вас любила. Любит и сейчас... Она тает на глазах, у нее рак... Я не знаю, как другие мои сестры, но я для этого приехала, не дайте мне уйти отсюда, пока не получу то, что не смогла получить моя мать.»

После долгих размышлений, я стал говорить ей как старик, которым и являюсь:

«Трудную задачу взяли на себя, моя дорогая. Но как отец советую: семь раз отмерьте, а то нарушите не закон, а традиции. Нарушая закон, можете очутиться в тюрьме; тогда как ломая традиции, даже во имя благородной цели, вы своими собственными руками открываете дверь в ад для себя и для всего вашего рода. Бойтесь Бога, дочь моя!

Она посмотрела на меня долгим пронзительным взглядом, затем снова начала петь отрывки из той же песни: «Ima Adama-a-a...»

Я, в свою очередь, налегая на весла, направляя лодку к берегу.

«Я приду сегодня вечером в вашу комнату,» – сказала девушка, когда мы шли к зданию санатория. «Хочу показать вам, какое красивое платье сшила мне мама. Я очень похожа на нее. Не правда ли?»

«Я с самого первого момента нашего знакомства понял это» – ответил я.

Затем я расстался с Талией, дав ей понять, что буду ждать ее в своей комнате сегодня вечером. На самом деле, я не собирался задерживаться больше в санатории, а тем более ночевать в Маловате.

В тот же день я попрощался с Валентином, и поехал в Кишинев. В то время, когда Талия должна была войти в мою комнату, я был в дороге к себе домой. Завершил я свое пребывание в санатории на несколько дней раньше положенного срока.

Слезы невольно катились по моему лицу в монотонном шуме автобуса. Водитель пытался завести со мной разговор, но тщетно, потому что я, как уже говорил, продолжал плакать, и думал о своей собственной жизни. Я думал, например, что вся человеческая жизнь – это всего лишь воззвание, но, поверьте мне, не воззвание вперед, как мы привыкли думать, не в будущее, а воззвание назад, к истокам, куда, каким-то чудом, тебя могут привести лишь святые и Господь Бог. Что будет дальше, одному Богу известно...

Талия звала меня, бередила мою душу, пробуждала сладкую мечту подростка во мне и вдохновляла меня продолжать дышать глотки свежего счастья и радости жизни. Мне показалось, что она шепчет в спину: «Не бойся, будь смелым! Какой смысл жизни человека на земле?» И она же отвечала: «Смысл в том, чтобы чувствовать себя живым, и радоваться, что в твоём сердце нашли место любовь, люди, природа... Ведь природа создана для человека, а не наоборот».

Еще долго чувствовал ее воззвание к жизни, к счастью, к радости, которое тревожило мою душу, сокрушало мой разум, бросая меня в ловушку греха, будто я вступал в настоящую войну, и было уже слишком поздно, чтобы выйти целым и невредимым из этого состояния...

Песня Талии держала меня в плену, ступала по моим следам, звенела в ушах, и я все думал, как перенести этот рассказ на холст. Будет отрадной или будет такой же банальной моя картина, как и моя жизнь? Отрадной или грешной?

ДОРОГЕЯ

«Не любить не страшно – страшно не уметь любить».

М. Эминеску

На Бессарабию обрушились ураганные ветра, и несколько дней подряд тяжёлые облака летели во все направления, рассеиваясь за горизонтом. Из Кишиневского аэропорта один за другим взмывали пассажирские лайнеры, по Днестру шли корабли, а дороги были забиты автомобилями и автобусами, в которых сидели люди, решившие покинуть Родину. Каждый стремится уехать, и каждый готов воспользоваться возможностью эмиграции в другие края в поисках лучшей жизни.

Природа забыта людьми, но не Богом. Необработанные поля, старые кладбища и брошенные, почти безлюдные деревни, стоят в безмолвном молчании, надеясь, что когда-нибудь всё вернется на круги своя... И во всех этих хлопотах, связанных с массовым отъездом тысяч и тысяч бессарабцев, остаётся небольшая надежда, что часть из тех, кто уезжает, когда-нибудь всётаки вернется домой.

Первыми забили тревогу и ушли с посохом скитаний евреи. Деревни, а затем и городки, в которых жил этот древний народ, покинуты. Сегодня только изредка можно встретить старика или старушку, которые, не имея никого за рубежом, напоминают нам в эти дни тяжелых испытаний, что в Бессарабии до недавнего времени благоденствовали большие еврейские общины, а теперь их нет.

1

Только что отпраздновавший пятидесятилетний юбилей, писатель и адвокат Наум Вайнштейн с удивлением обнаружил, что самый ожесточенный огонь, самое жгучее пламя человеческой души может разгореться, когда безвозвратно теряешь запоздалую любовь. «Это смешно, это так забавно в моём возрасте влюбиться в девчонку, которой меньше половины моих лет, – корил он себя. – Теперь, если я её потерял, с кем поделиться своей болью, кто сможет всё выслушать, чтобы как-то утешить меня?

В таких случаях любому легче судить тебя открыто – смотрите, мол, старый хрыч, какую роскошь себе позволил! Неужели он не понимает, что это против человеческой природы, против всех моральных и христианских норм?!»

Когда только начался этот роман, друзья предсказали его драматический финал, полный потрясений и страданий. Об этом же они предупреждали его и когда любовный роман был в полном разгаре, и когда встречали его под руку с ней на улицах города, на концертах и спектаклях, а также когда они гуляли в компании его друзей.

Кто-то даже сказал ему, что в городе существует группа бабышень, которые прилипают к пожилым мужчинам, но только если мужчины богаты. Притворяются по уши влюбленными для того, чтобы оказаться в комфортных условиях и удовлетворять все свои материальные запросы. На самом деле, они ведут двойную жизнь, имея друзей своего возраста и наслаждаясь всеми прелестями свободы. Некоторые даже умудряются вступить в брак, чтобы получить наследство или потратить все средства пожилых женихов, и в конечном счёте оставив их без гроша в кармане – бросить, как бросают тряпки после долгих стирок. У Наума же сказка о большой любви, начавшаяся через несколько лет после развода с последней женой, не вызывала никаких сомнений.

Чем глубже бездна страстей засасывала его, тем гуще становился мрак, окутывающий его разум. Наум Вайнштейн проснулся в гражданском браке, продлившемся около четырёх лет, это заставляло его верить, что они создали крепкую семью и разница в возрасте не имеет никакого значения. Тем более, что молодца постоянно заставляла трепетать его сердце, заявляя, что тает от любви к нему. Годы, прожитые под одной крышей, текли, будто на бушующих волнах, несущих его неизвестно куда, и он ничего рационального за этот период времени так и не смог достичь. Всё случившееся, видимые и невидимые события, он начал понимать лишь тогда, когда прогнозы друзей оправдались, и он оказался в беспросветном одиночестве.

Родственники, как и другие евреи его родного городка, эмигрировали. Он бы также уехал, не будь у него в столице хорошо оплачиваемой работы и дюжины детей от разных женщин, кото-

рые нуждались в его помощи. Но его держало на Родине еще одно – могилы родителей на местном кладбище.

Евреи уехали, оставив кладбище на произвол судьбы. Администрация города приняла решение снести старую часть кладбища, и на его месте организовать парк культуры и отдыха для горожан. Когда бульдозеры сравняли с землёй больше половины кладбища и почти приблизились к могилам его родителей, он, писатель и юрист Наум Вайнштейн, перегородил своим телом дорогу бульдозерам, и только так смог остановить вандализм на еврейском кладбище. С тех пор он боролся с местной властью, чтобы между новым парком и оставшейся частью кладбища построить стену. В какие колокола он не бил, в двери каких только инстанций не стучался, но добился от городских властей обещания, что проблема будет решена. Уже который год его всё успокаивают, что сегодня-завтра найдутся средства, и стена будет построена. Он обращался за помощью и к евреям, разбросанным по всему миру, чьи родственники были похоронены на старом кладбище, но от них тоже получал одни обещания. Наум Вайнштейн был уверен, как только он уедет за границу, еврейское кладбище будет снесено без промедлений.

Он был единственным ребёнком у своих родителей. У него были два брата-близнеца, но, когда во время Второй мировой войны нацисты вторглись в город, они нашли их опасными для третьего рейха. Братьям исполнилось только по шесть лет, когда их схватили и вместе с другими еврейскими детьми, женщинами, стариками расстреляли на окраине городка. Родители не смогли простить себе, что оставили детей дома с родственниками, уехав по делам на месяц в Азербайджан, в Баку, где их и застала война. Наум родился через десять лет после великой трагедии, и родители берегли его как зеницу ока. Они вырастили и воспитали сына, вложив в него всю теплоту и безграничную любовь своих измученных сердец, создав для него все условия для получения хорошего образования. Когда родители умерли, один за другим, в одно лето, они забрали с собой и частичку сердца сына. С тех пор Наум приходил к их могилам, когда появлялись какие-либо проблемы или просто, когда становилось тяжело на душе. Он поставил два красивых памятника на родительских могилах, оставив между ними место еще для одной могилы, и просил друзей и

родственников, что дети должны похоронить и его здесь, когда настанет его последний час.

Облака продолжают своё непрерывное плавание во все четыре стороны света, накрывая своими теньями грустные аккорды прощальной песни людей, которые уезжают, уезжают, уезжают... А остающиеся полны забот и тревог повседневной жизни.

Появление этой девушки в его жизни он сравнил с вторжением небесного огненного шара в размеренную, полную рутины жизнь одинокого немолодого человека. Он жил в новом микрорайоне столицы, в трёхкомнатной квартире, где находился и его офис. Недавно он развёлся с последней женой. Почти все его бывшие любимые женщины проживали в городе, но только дети навещали его, да и то в основном за материальной помощью. Жизнь шла уединенно, без истинной радости.

В его доме-офисе всё пахло одиноким мужчиной: он сам стирал одежду, и даже научился стряпать. Соседки частенько заскакивали к нему посоветоваться, как консервировать вишню в собственном соку и как потом делать с нею вареники, как правильно готовить айвовое варенье на зиму. Его последняя любовь ушла из дома, и он стал пустым после её отъезда. Он постоянно чувствовал себя окутанным облаком полного разочарования. Когда начинались зимние праздники с их долгими вечерами, мертвая тишина, стоявшая в комнатах, нарушалась только лаем бродячих собак, сворам живших в лабиринтах тихого столичного микрорайона.

В царившей свинцовой тишине его единственными компаньонами были печаль и недоумение. Ночами напролёт он анализировал одну и ту же картину: последняя супруга наглухо закрыла перед ним дверь, грубо и жестоко позабыв про всё, что он для неё сделал. А делал он для неё больше, чем для себя и для своих десяти детей. Сначала, делал все чтобы помочь ей, а затем, чтобы сделать её счастливой. Вместо благодарности Наум получил две звонкие, жгучие пощёчины и саркастическую улыбку Иуды. Остался наедине с собой – униженный, оскорбленный, с оплётанной душой.

Он не считал бы жизнь жизнью, если бы время от времени не вспоминал прожитые годы, стремясь найти объяснения самым темным из них. Как любой человек, Наум нуждался в общении. Иногда мужчине казалось, что в его доме выключили свет, и солн-

це забыло дорогу в его окна. А хотелось света, хоть слабого мерцания пламени свечи, ощущения женского тёплого присутствия.

Он пытался завести отношения с другими женщинами, чтобы заменить ушедшую любовь, но оказалось, что это не так просто, как в молодые годы. С удивлением Наум видел, что почти все, с кем он искал дружбы, отвечали отказом, но не только из-за разницы в возрасте, но и из-за того, что он был многодетным отцом. Он привык строить отношения с молодыми женщинами, забывая о своём возрасте, а годы опустились на его широкие плечи незаметно. Теперь ему было понятно, что не каждая молодая девушка решится на отношения с ним. Женщин всегда привлекали его интеллект и манера говорить, но, в конце концов, они откровенно заявляли, что он староват для них. Если бы он был моложе хотя бы на десять лет...

Единственным спокойным пристанищем стало еврейское кладбище, где покоились его родители, и куда он зачастил в последнее время. Ухаживая за могилами, он обращался к родителям вслух, просил помощи в поисках душевного покоя и продолжения своего земного пути. После этого он возвращался в город спокойным и умиротворённым. По утрам, просыпаясь, он читал молитву, брился, приводил себя в порядок, пил кофе, и обязательно целовал мезузу¹ на двери, прося Всевышнего о помощи и направления на путь истинный.

Как ни странно, он снова мечтал встретить женщину, жениться. Очень хотел этого, но боялся. В своём немолодом возрасте он опасался оставаться один в доме. Хотел любить, но где же та, которая его тоже полюбит, и будет готова жить с ним под одной крышей в мире, гармонии и любви? Беспокойство охватывало его ещё больше при встрече с жёнами друзей, большинство из которых нравились ему, и он думал, что они именно те, о которых он мечтал всю жизнь.

Одиночество терзало его, особенно по возвращанию домой. Вновь и вновь он молился о женщине, но никто его не ждал в пустом доме, и хотелось быть, печально и дико, как зимний ветер в степи. Он чувствовал, что, как всегда, встретит долгожданную

¹ Мезуза – прикрепляемый к правому косяку входной двери (в верхней части) в еврейском доме свиток пергамента из кожи ритуально чистого (кошерного) животного, содержащий часть молитвы Шма.

женщину, когда перестанет её искать, как часто случалось в его жизни.

Прошло немало времени, пока он решил найти себе постоянное занятие и хоть как-то утолить одиночество и печали. Стал писать, звонить друзьям и знакомым, старался не обращать внимания на пустоту в доме, куда возвращался только переночевать.

Его друг Владимир Шеремет предложил ему возглавить Общественный родительский комитет лицея «Спиру Харет», где училась и Малка, одна из его дочерей, Наум тут же согласился. Он сразу почувствовал себя занятым человеком. Стал наводить порядок в документах и понял, что для работы в офисе ему нужен секретарь. Хотя число безработных в стране росло, трудно было найти надёжного человека. Он обратился за помощью к знакомым юристам из Верховного суда с просьбой найти подходящую кандидатуру.

Наконец, чудо произошло! В начале января позвонила сотрудница суда и сообщила, что нашлась кандидатура, в которой он нуждался. Наум обрадовался и тут же отправился туда. Встретив в одиночестве Новый год, он надеялся, что первые дни нового года принесут ему то, что он искал. Они встретились в просторном холле суда. Перед ним стояла молодая, красивая и очень скромно одетая девушка. Потупив взор, она застенчиво отвечала на его вопросы. Наум не собирался особенно расспрашивать её, но всё же поинтересовался образованием девушки и узнал, что она выпускница факультета права Государственного университета Молдовы. Она закончила юридический факультет в прошлом году и до недавнего времени жила с родителями на юге страны. Ей хотелось бы работать в городе, потому что в деревне можно умереть со скуки. Она готова согласиться даже на скромную должность секретаря, несмотря на то, что у неё законченное высшее образование. Девушка была одета в чёрное пальто, а на голове у нее была шапочка, из-под которой виднелись вьющиеся черные волосы. Большие глаза, пухлые губы и живой румянец на щеках делали ее очень привлекательной. Она казалась живой куклой. Её образ не соответствовал возрасту, указанному в паспорте. Пока он смотрел документы, девушка по-прежнему застенчиво стояла перед ним. Он окинул взглядом её тонкую фигурку и почувствовал жалость к ней. Хотя в последнее время появились

и некоторые другие предложения, Наум остановился на этой девушке с лицом и внешностью ангела.

– Иоанна, – отозвалась она на вопрос как её зовут. – Иоанна из села Брынза, Кагульского района.

Наум предложил прямо сейчас поехать в офис, чтобы конкретно обговорить с девушкой аспекты её работы. У него было много документов с собой, и под их тяжестью по дороге к офису на его портфеле оторвалась ручка. Он решил приобрести новый дипломат. Как только они зашли в отдел канцелярских товаров, его взгляд остановился на чёрном портфеле. Он давно мечтал о таком.

На улице в тот день было холодно. Редкими и большими хлопьями падал снег. Ветер разбрасывал снежные комочки вдоль улицы.

– Вы не могли бы одолжить мне немного денег? – внезапно спросил он девушку, будучи не совсем уверенным в положительном ответе и жалея, что оставил все деньги в сейфе офиса.

– Могу, – покраснев, ответила девушка и протянула ему банкноту в двести лей, которую достала из кармана пальто. Портфель стоил именно столько. Наум пытался угадать – румянец на её лице от застенчивости или этот макияж нарисовал мороз.

– Теперь совсем другое дело! – воскликнул он, когда все документы нашли своё место в новом портфеле, и они продолжили путь в офис лица.

«Странно, – думала девушка, – отдала человеку, которого вижу впервые в жизни, все свои деньги... А если он аферист?» В её глазах появилось беспокойство. Мужчина рядом быстро шёл по замёрзшему тротуару, и резкий скрип его обуви как бы усиливал дрожь от холода, охватившего её хрупкую фигурку сквозь потёртое от времени пальто. Из его уст легко отделялись облачки пара, которые кружились у её лица, будто подтрунивая над ней.

Он резко остановился перед банкоматом, и девушка невольно ткнулась холодным носом в его добротное пальто из хорошей ткани. Господин адвокат улыбнулся и обвёл её долгим взглядом, будто желая узнать, какие тревожные мысли мучают молодое создание. Он, посмотрев внимательно в раскалённые угольки её глаз, схватил за локоть, чтобы извиниться, и чуть не опрокинул себя и её в сугроб снега. На мгновение их пронзил озноб, а затем

сладкий трепет. Наум обменял в банкомате доллары, и Иоанна, получив обратно свои деньги, вздохнула с облегчением.

– Эти деньги я берегла для оплаты съёмной квартиры, – сказала она, будто оправдываясь. Оказалось, что перед ней порядочный человек, и она зря подумала о нём плохо.

В небольшом, но удобном офисе со столом, четырьмя стульями и окном на улицу Наум объяснил новой знакомой, что будет входить в её обязанности секретаря. Ему нужен в Родительском комитете надёжный человек на каждый день в определённые часы – родители приходят вносить оплату за обучение и другие педагогические услуги. Девушка с энтузиазмом выслушала все объяснения и инструкции и согласилась с условиями своей секретарской деятельности в должности личного референта Наума.

– Таким образом, Вы будете секретаршей, но сохраните и стаж специалиста в области права, – конкретизировал он, боясь, что девушка откажется от должности референта. Затем, подмигнув, добавил: – Это небольшое нарушение, но в трудовой книжке появится запись о назначении вас на должность юрисконсульта, а книжку вы пока не обязаны показывать кому-либо ещё...

Иоанна обрадовалась, когда Наум протянул ей трудовую книжку с записью о приёме на работу, и они пожали друг другу руки. Она ещё раз посмотрела на первую запись в книжке о своей трудовой деятельности, и в её глазах появилась детская радость при чтении названия должности «юрисконсульт».

Наум поймал её радостный взгляд, и её внешность ангела показалась ему ещё очаровательнее. «Мы в офисе будем вдвоём, только ты и я», – подумал он, и смутное удовлетворение зародилось в его сердце.

2

Так началась карьера Иоанны из Брынзы. Девушка с первого дня понравилась Науму: умна, способна, старательна, легко и с удовольствием выполняет его поручения. К сожалению, о её личной жизни он ничего не знал. Ему стало известно лишь, что она не замужем, как указала в анкете, и что ей 22 года. Будучи романтиком в душе, он вскоре понял, что вот-вот в его жизнь ворвётся череда амурных праздников – девушка с каждым днём нравилась ему всё больше, но он не спешил и изучал её. Старался не подда-

ваться соблазнам, понимая, что она может стать для него новым потрясением. И всё же с появлением Иоанны её ангельский образ не выходил из его головы он ни днём, ни ночью.

По утрам, встречаясь с ней в рабочем кабинете, он чувствовал, что в нём всё закипает от нежности. Ему казалось, что от неё исходят запахи полевых цветов, свежие ароматы любви и красоты. Когда он говорил с ней, голос его приобретал бархатный тембр. Когда глаза встречались, он чувствовал учащённое биение сердца в груди. Подобные чувства он испытал очень давно, когда его одноклассница Лучия разбудила в нём трепет первой любви. Он, который в школе дёргал девочку за косички, стал стесняться, когда встречал её на улице и погружался в её глубокие, как озера, глаза, с трудом находя оттуда дорогу назад.

Эту историю давно уже пора было забыть, но появление Иоанны вновь разбудило давние эмоции подросткового возраста. Они поселились в душе, и его останавливала только боязнь, что новая любовь с подчиненной могла закончиться для него большими неприятностями. Он спрашивал себя: «А если у неё есть парень, и у них серьезные намерения на будущее? Как среагирует он, когда узнает, что старый хрыч, который годится ей в отцы, ухаживает за ней?» Но его мысли, вольно или невольно, всё равно возвращались к молодой девушке.

Прошёл месяц с тех пор, как они стали коллегами. В душе Наума поселилась гармония. Беспокоило только то, что они не остаются вместе и после работы. И чем больше времени он её видел, тем сильнее становились его чувства к этой порядочной и исполнительной девушке.

Он чувствовал, что готов сопровождать её по дорогам запутанной жизни 24 часа в сутки. С особым удовольствием встречал он теперь по утрам красивую, нежную, ухоженную девушку, готовую выполнить любую его просьбу. У Наума были и другие дела, и обязанности – всё-таки он занимался адвокатской деятельностью, и на это порою уходили дни напролёт. Но когда он слишком задерживался с клиентами, Иоанна обязательно звонила, подробно рассказывала о делах в офисе, отчитываясь о проделанной работе, как солдат перед старшим по званию офицером. «Все хорошо, и почему бы не заглянуть в офис?»

Однажды, когда они корпели над документами, Наум понял,

что и девушка выработала определенную привязанность к нему: всё чаще она останавливала взгляд своих внимательных и прекрасных глаз на нём, одаривала сладкими улыбками перед уходом. Когда он входил в кабинет с мороза, она тут же вскакивала из-за стола и бежала готовить ему горячий чай. Потом садилась возле него и просила, чтобы он никуда не торопился и постарался расслабиться. Пока он потягивал чай, она рассказывала ему, что произошло в организации в его отсутствие. В основном, это были мелочи, но она говорила о них так взволнованно, будто её впечатлял любой пустяк. В такие моменты ему хотелось повернуть беседу в более интимное русло, но он не знал, как это сделать, чтобы не спугнуть очаровательную собеседницу. Он никак не осмеливался спросить, кто её друзья и чем она занимается в нерабочее время. Он знал, что она живёт то в общежитии, то в доме двоюродной сестры, муж которой работал за рубежом, и помогает кухне нанять двух маленьких детей. Но удобный случай для вопросов об интимной стороне её жизни ещё не представился.

Откровенно говоря, он боялся. Он влюбится в девушку по-настоящему, а она ему откажет. И тогда опять переживать разочарования. Не раз в жизни девушки ему отказывали, а потом он долго и мучительно страдал. Поэтому он старался избегать ситуаций, грозящих сентиментальными ранами. В этот раз он вновь почувствовал себя влюблённым, а ангельский образ девушки поселился в его воображении и в холодном пустынном доме.

Подходящая возможность побыть с Иоанной появилась, когда старый друг, доктор Палади, пригласил его к себе в гости после работы. В последнее время Наум не слишком любил ходить по гостям и вначале хотел отказать другу, но потом ответил, что подумает. На самом деле, он поймал себя на мысли, как пригласить девушку к Палади.

– Меня пригласил в гости мой друг, врач-анестезиолог, – сказал он как бы между прочим Иоанне. – Мне не очень по душе кутежи, но, если бы Вы составили мне компанию... Отказать ему тоже не хотелось бы.

– Мне было бы любопытно познакомиться с врачами, – ответила девушка после минутного колебания. – На самом деле, мои родители настаивали, чтобы я стала юристом, мне же больше нравилась медицина. Да и конкурс в том году в Медин-

ститут был не такой серьёзный.

– Вы знаете, своим визитом мы очень обрадуем друга и его жену, – сказал Наум с облегчением. И подумал про себя: «Хорошо, что согласилась, это к лучшему...»

Договорились встретиться после работы у памятника Максиму Горькому – одному из излюбленных мест городских евреев. Доктор Палади забрал их оттуда на своей машине. Стояли последние дни зимы, морозы ослабли, снег растаял почти везде, а сосульки под навесами домов за ночь превращались в небольшие каскады. Но вечера были еще прохладными, темнота наступала рано, а небо было высоким и звёздным. На девушке было лёгкое чёрное пальто с капюшоном и казалось, что она продрогла насквозь. Когда они сели в машину, её подбородок слегка дрожал, и Наум спрятал её ладошку в свою большую руку, поцеловал, а затем начал согревать теплым дыханием. Девушка ответила милой улыбкой.

Это был вечер бурных дискуссий, эпицентром которых был Наум со своими рассуждениями о настоящем и будущем Бессарабии. Иоанна впервые присутствовала на таком вечере пересечения мнений, находила интересными словесные поединки и обнаруживала много новых вещей, о которых не имела ни малейшего представления. Хозяйка дома Анжела, жена доктора, приняла Наума и его спутницу очень тепло, но не могла поверить, что их приятель снова решился на авантюру, бросается в новый роман, на этот раз с настоящим ребёнком.

– Это моя секретарша! – вспомнил Наум за словесными баталиями. – Но она ещё и юрисконсульт. Выпускница факультета права, – поспешил он подчеркнуть её статус образованного человека.

Семья Палади продолжала угощать их вкусной домашней едой и шампанским. Науму не верилось, что рядом с ним сидит девушка, о которой он мечтал все последнее время. Его мысли и взгляды вращались вокруг неё, и он был готов убежать на улицу, чтобы остаться наедине. Он чувствовал её глаза, дыхание, и ему казалось, что он слышит биение её сердца. Это прекрасное чувство ожидания было загадкой, чудом...

Встреча в доме доктора Палади закончилась поздно, и хозяин дома предложил отвезти их на своей машине до общежития, где жила Иоанна. Звёзд на небе становилось всё больше и

больше. Мороз усиливался. Прежде, чем сесть в машину, Наум взял маленькую руку Иоанны в свою ладонь и спросил:

– Тебе понравилось в гостях у Палади? – Это был вопрос, не требующий ответа, и она ответила улыбкой, без слов.

У общежития они вышли из машины. Кто-то разбил лампочку над входной дверью, и дом в темноте больше был похож на тюрьму, чем на общежитие. Пришло время расставаться. Настал самый важный момент, которого Наум ждал весь вечер. Девушка казалась весёлой и умиротворенной. Его глаза заблестели, измеряя тонкую фигурку в темноте с головы до пят. Желание переполняло его, но вдруг Наум засмутился.

– Спасибо, мне было очень хорошо, – сказала она, считая, что пора расставаться.

Наум медленно приблизил её к своей груди и произнес несколько неловко:

– Если у вас нет парня, пожалуйста, не ищите его!

Внутренний голос подсказывал ему, что нужно быть очень осторожным при расставании. Он осторожно пожал ей руку, поднес к своим губам, поцеловал и сказал: «Спокойной ночи!»

Иоанна не торопилась отнимать руку. Кровь ударила Науму в голову. На мгновение он подумал прижать её к груди, но воздержался, резко повернулся и пошёл к машине.

– Так быстро? – удивленно спросил его друг.

Наум, смущаясь, махнул рукой в знак неудачи, будто отгоняя вопрос. Водитель нажал на акселератор, и машина тронулась с места. Свист шин рассёк ночную тишину и развеял все заоблачные ощущения. На прощание приятель посчитал себя вправе дать ему совет:

– Наум, я заметил, что ты влюблён в эту девочку. Будь осторожен! Она совсем ребёнок. Можешь попасть в беду, её родители не поймут ваших отношений. Тебя могут посчитать... педофилом!

В ту ночь Наум долго не мог заснуть. Морфею пришлось ждать, пока мысли в его воспламенённом сознании не уюмонились, а образ девушки не растаял в туманном океане. Он продолжал думать над словами, которые скажет ей завтра, при встрече утром на работе, и чувствовал, что это будет самым важным событием года. И что, если произойдёт чудо, и она примет его дружбу? Он не знал, есть ли у неё друг, но даже

если это так, он приложит все усилия, чтобы она приняла его предложение о дружбе. А дружба, как известно, в любой момент может перерасти в большее чувство – в любовь.

Он видел её во сне, бегущей через поле зелёной ржи. Во ржи, будто наяву, он пытался поймать её за голые и мокрые пятки, а они всё время выскальзывали из его ладоней. Наум падал, и пока он поднимался, девушка вновь отдалялась, продолжала смеяться и звонко звать за собой голосом хрустального колокольчика. Проснувшись, он подумал, что надо изгнать из головы мысль, о возможной любви между ними. Об этом можно только мечтать. Так бывает только в кино. Страх охватил его, когда он подумал, что вполне возможно, что у неё действительно есть парень, и он молод, а у него на висках уже появляется проседь...

Он быстро поднялся с постели, принял холодный душ, на скорую руку съел завтрак и побежал на работу, оставив квартиру не прибранной. В офисе Иоанна приветствовала его обычной улыбкой, как будто вчера вечером ничего не случилось. Подавая ему кофе, она, как бы между делом, напомнила, что через три дня у него день рождения:

– Будем праздновать, босс? – спросила она, сладко улыбаясь и указывая на календарь, висевший за его спиной.

– Не люблю отмечать свой день рождения. Годы всё чаще напоминают, что я старею.

И попытался увидеть её реакцию. Но Иоанна оставила его слова без внимания. Наум поспешил уйти. На улице он продолжал видеть перед собой образ девушки, но он шел под руку не с ней, а со своими колебаниями – как-то не верилось, что в их ещё не завязавшихся отношениях есть шанс на будущее. Слишком велика разница в возрасте. «Она почти ребёнок, а я мужик в летах с дюжиной детей на закорках».

* * *

В тот же день, после работы, он пошел на кладбище к могилам родителей, лежавшим вблизи Бейт Тахара², разрушенного

² Бейт тахара (иврит) – перед захоронением, еврея обмывают и одевают. Это происходит в специальном помещении на кладбище – Бейт тахара (Дом очищения).

здания, где евреи когда-то оплакивали и обмывали покойников, прежде чем предать их земле. Наум навёл порядок вокруг могил, прочитал молитву «Кадиш»³ за упокой душ отца и матери.

Затем вернулся домой, где уже давно никто его не ждал. Желая поделиться эмоциями, он по привычке позвонил единственной семье евреев, ещё живших по соседству с ним, Хоне и её мужу Ицику Мазику. Хона жаловалась на боли в пояснице, а Ицик всё расспрашивал господина адвоката, что происходит в стране и мире, а также что нового в высших эшелонах власти.

Через пятнадцать минут после телефонного разговора, как всегда, в дверях Наума появился человек в свободном одеянии, которое было намного шире, чем хилое тело хозяина, и в потрепанном сюртуке. Из-под пояса брюк отвисали верёвочки цицита⁴, голова накрыта штраймлом⁵, а большим платком он постоянно вытирал лоб и вспотевшую шею. Со смычком и скрипкой подмышкой, с которой расставался только когда шёл в синагогу, Ицик походил на старого скрипача из фильма «Табор уходит в небо» режиссера Эмиля Лотяну. После прослушанной истории о новой страсти Наума, он помолчал с минуту, затем поднял смычок в виде восклицательного знака, жеста, означающего, что он хочет дать адвокату хороший совет.

– Я всю жизнь любил только свою жену Хону. А ты, мой друг, берегись! Опять зацепился за молодую юбку! Учись у меня, так как от других ты ничего не узнаешь в нашем старомодном городе. Самое нежное существо, которое может находиться рядом с мужчиной, это женщина! Наиболее опасный зверь, который может находиться рядом с мужчиной, это тоже женщина! Поэтому никогда не верь им! Сколько существует этот мир, она вводит в искушение мужчину. Ты влюблен? Очень хорошо...

³ Кадиш (иврит) – еврейская молитва по умершему близкому родственнику. Читается раз в год в день смерти усопшего.

⁴ Цицит (иврит) – сплетённые пучки нитей, которые еврейские мужчины носят с 13 лет и одного дня поверх брюк. Цицит привязывается к углам талита – прямоугольного молитвенного облачения.

⁵ Штраймл (идиш) – головной убор евреев-хасидов из меха, который надевают в торжественных случаях (суббота, праздники, свадьба, встреча с ребе (раввином)).

И Ицик Мазик притронулся смычком к струнам скрипки, импровизируя бодрую мелодию.

– Но будь всегда осторожным, – продолжил он свои нравоучения, – в наш век женщины стремятся использовать нашу наивность, чтобы иметь с нас какой-то прок. И потом, как говорится: кто женится по большой любви, тот проживает кошмарные ночи и великолепные дни...

Ицик сыграл ему на скрипке несколько нежных мелодий, затем перешёл на грустные ноты, выпил пару стаканов красного вина, которыми Наум всегда его угощал, закусил хлебом и петушиным окороком, а для придания пикантности мясу он уничтожил ещё и несколько зубчиков чеснока. И пошел счастливым домой, к своей Хоне...

3

Его день рождения в том году совпал с выходным днём. Науму исполнялось 50 лет, и он решил отпраздновать полувековой юбилей дома. В последнее время ему разонравились кутежи в ресторанах с близкими друзьями и родственниками, которые не упускали возможность поковылять у него новости о его многочисленных жёнах и о богатом потомстве.

Начали собираться гости. Среди первых пришли талантливый художник Сергей Фусу, подаривший ему репродукцию Винсента Ван Гога, и его брат, Дмитрий Фусу, вручивший Науму свитер, связанный его женой. На всех событиях в доме Наума присутствовал Мазик со своей скрипкой и женой Хоной, которая обычно не принимала участия в дискуссиях, но активно пробовала всю еду со стола. Была тут и Родика, бухгалтер Общественного родительского комитета лица «Спиру Харет», и мать Голды, младшей дочери Наума, а также Иоанна из Брынзы. Когда появился и его хороший друг, стилист Павел Никэ, затем семья Палади, которая никогда не пропускала такие мероприятия, Наум понял, что компания в полном сборе. Гости веселились почти до полуночи. Скрипка Ицика полностью удовлетворила все пожелания присутствующих, и в доме Наума перемежались радость и грусть, романсы и дойны.

Наум в этот вечер решил не пить. Он не сводил глаз с Иоанны, казавшейся рассеянной и смотревшей на всех отсутствующе.

щим взглядом. Но он чувствовал, что ей хочется пообщаться с ним. В разгаре кутежа, когда гости спорили на различные темы, Наум пригласил её в свою библиотеку. Он начал собирать её еще будучи студентом, когда учился на юридическом факультете. Многочисленные ряды томов, выстроенные на полках в спальне адвоката, поразили девушку. Наум увлеченно рассказывал ей о своём самом главном богатстве, как о кладе драгоценных камней.

Он показал ей Тору⁶, старинную книгу, которой гордился как святыней. Он получил её в наследство на бармицву⁷ от своего деда по материнской линии. Его звали Мойше, он был раввином в Теленештской синагоге и умер много лет назад. Эта священная для каждого еврея книга многое видела в своей жизни. Дед хранил ее как зеницу ока, особенно на дорогах смерти, в Приднестровском гетто, а затем во времена сталинских репрессий. Девушка увидела росписи на иврите и узнала от Наума, что его отец был образованным евреем, как и его мать. С малых лет Тора стала первой его книгой в родительском доме. Он был горд тем, что в его коллекции есть реликвия, оставшаяся в наследство от деда. На стенах висели репродукции произведений Модильяни и букеты роз, вышитые крестиком его матерью, когда она была в подростковом возрасте.

Иоанна слушала Наума с большим интересом. Ей казалось, что они находятся в музее и перед ней опытный экскурсовод. А Наум чувствовал, как по его телу пробегала дрожь.

Было слышно, как в зале гости что-то бурно обсуждают. А он на мгновение растерялся. Ему хотелось перейти к более интимным темам, но он не знал, как это сделать, чтобы не испугнуть молодую девушку.

– Тебе нравится? – спросил он, и обнял ее своими большими руками за хрупкие плечики.

– У вас замечательная библиотека, – ответила девушка. И по-

⁶ Тора (иврит) – Пятикнижие Моисея, совокупность иудейского религиозного закона

⁷ Бар-Мицва (иврит) – (для мальчиков) или Бат-Мицва (иврит) – (для девочек) – еврейский ребёнок, достигающий совершеннолетия (13 лет + 1 день мальчики и 12 лет + 1 день девочки), становятся ответственными за свои поступки. Это называется Бар-Мицва или Бат-Мицва.

сле недолгой паузы, усмехнувшись, добавила: – Но тут чувствуется отсутствие руки хозяйки.

Уже не в первый раз в этот вечер жар охватил всё его существо. Наум обнял Иоанну и легко поцеловал в губы. Почувствовав, что она не возражает, Наум осмелел и стал целовать её жадными и долгими поцелуями. Вернувшись из головокружения в действительность, он спросил шепотом:

– Хочешь быть со мной? В смысле... жить у меня?

– У меня никогда не было мужчины с такой большой разницей в возрасте, – смущенно ответила девушка.

Ответ показался ему неожиданно спокойным и честным.

– Подумай над этим. Ты бы смогла оживить этот пустой дом.

У него перехватило горло и пропал дар речи. Девушка улыбнулась в ответ и направилась в зал, откуда слышался смех и разговоры на высоких тонах. Они покинули библиотеку по очереди, чтобы не вызывать подозрений у собравшихся.

Когда веселье было в самом разгаре, они украдкой опять вернулись в библиотеку. Там они долго целовались, и Наум в пылу страсти уложил Иоанну на кровать рядом с полкой книг. И если бы девушка не сопротивлялась, угрожающе показывая ему кивком на дверь зала, он точно тут же занялся бы с ней любовью. Но узнать друг друга поближе в тот вечер им было не дано.

Когда дискуссия начала скатываться к неконтролируемой шумихе одурманенных умов, девушка призналась, что ей хотелось бы незаметно уйти к себе в общежитие. Наум вздохнул и вызвал такси.

4

Адвокат Наум Вайнштейн родился в одном месяце с великим румынским поэтом Григорием Виеру. Помогая ему в одном судебном процессе, он, обнаружил, что они относятся к одному знаку зодиака. Вскоре Наум стал другом поэта. Их объединял не только успех выигранного процесса, но и знания Наума в области всемирной культуры в целом, и румынской литературы, в частности.

Наум происходил из древней бессарабской еврейской семьи Вайнштейн, чьи последние потомки в советском периоде натурализовались почти полностью. Что же касается Наума, если бы

он не стал известен своими яростными протестами против сноса еврейского кладбища, мало кто бы мог подумать, что он из рода Давида.

Поэта Григоре Виеру и Наума связывало еще и то, что первый потерял отца во время второй мировой войны, а близкие второго пережили все ужасы Холокоста. Их связывала и память о близких, преждевременно ушедших из жизни, и минуты молчания в увековечивании их душ. Не случайно поэт Григоре Виеру был редактором первой его новеллы, который поменял и первую букву его имени, для большего престижа, как подумалось Науму.

На гала-концерт, посвященный 70-летию юбилею поэта, в зале Дворца «Джинта Латинэ», Наум получил специальное приглашение. Он пригласил и Иоанну, но она отказалась сопровождать его, утверждая, что у нее неотложные дела. После страстных поцелуев в библиотеке, он не ожидал отказа.

Дворец «Джинта Латинэ» располагался недалеко от их офиса. Добраться до него можно через Центральный городской парк. Когда Наум вышел с работы, на улице смеркалось.

До начала концерта еще оставалось время, и он решил посидеть на скамейке на Аллее классиков, возле бюста Михаила Эминеску. Еще будучи студентом, он любил приходить к бюсту поэта; ему казалось, что тут думается лучше, что здесь его чаще посещает вдохновение. Тут он мог встретить знакомых журналистов и литераторов и поговорить с ними о литературе и искусстве.

Был тихий февральский вечер. Люди не спеша гуляли по парку. Вдруг он увидел Иоанну, идущую по нижней части парка под руку с высоким парнем в черном пальто. Они завернули на тропинку за фонтаном и остановились друг перед другом. Они стояли совсем близко от него, но не думали, что кто-то следит за ними. Её крошечная фигура контрастировала с высоким и хорошо сложенным парнем – ей приходилось вставать на носочки, когда они целовались. Потом они направились к фонтану, веселые и счастливые, будто весь мир принадлежал только им двоим.

Резкая боль пронзила сердце, и Наум подумал, что он должен исчезнуть из жизни этой девочки. Просто подать в отставку и уехать, потому знал из опыта в прошлом: когда любовь безответная, любящей стороне предстоит страдать. Кроме этого, он планировал издать этим летом книгу прозы. Наконец, он уже не был

юнцом, чтобы конкурировать с её молодостью.

И вдруг он подумал: «А почему я назвал парня верзилой? Парень как парень. Даже хорошо сложен...» И ему стало стыдно, что он осмелился назвать его так, потому что несколько часов назад ещё верил в любовь между ребёнком и им, старым хрычом, одного возраста с её родителями. «Это не то общество, о котором ты думал, старик. Это не твоего ума и сердца дело. И даже не идиллия, умело создаваемая самым блестящим писателем. Это бессарабская провинциальная реальность, и ты должен стоять обеими ногами на земле...» – подумал он. И через пару секунд спросил себя: «А какова связь между Бессарабией и вечно влюбляющимся мужиком, как Наум Вайнштейн? Ты просто старый хрыч!»

На следующий день рано утром он зашел к директору лица. Директор, как всегда, присутствовал «в ареале», как он сам любил выражаться. Наум объявил ему, что решил уволиться. Директор удивленно посмотрел на него, но не успел спросить о причинах увольнения, так как Наум опередил его, мотивируя своё решение тем, что у него много важных и неотложных дел по основной адвокатской работе, и для их решения он вынужден уволиться. Через два часа он привел к директору лица своего друга Джорджа Андриеша, бывшего менеджера одного из коммерческих банков, согласившегося занять его место.

В офисе взгляды Наума и Иоанны пересеклись: полный недоумения взгляд офисной секретарши и холодный, упрекающий взгляд Наума. Он холодно поздоровался с ней и передал журнал для записи о своём увольнении.

– Уходите от нас из Объединения? – смущенно спросила она, глядя на него искоса, как будто подозревая, что происходит что-то неладное.

– Я юрист, барышня, – ответил он с недовольством в голосе. – Рад, что мы навели порядок в деятельности Общественного объединения. Дальнейшие дела будут идти сами по себе, а моя адвокатская деятельность не позволяет проводить тут много времени. Вы должны сработаться с вашим новым начальником. Завтра же и познакомитесь, – бросил Наум, прощаясь.

Теперь, когда все события произошли, и решение принято, ему оставалось лишь, проанализировав происходящее, сделать

собственные выводы. С каждым днём время будет отдалять его от случившегося сегодня и от девушки с антрацитовыми глазами. Время станет транквилизатором, унимающим боль, обрушившуюся на него вместе с переживаниями. И в то же время он обнаружил, что его каждодневная жизнь подвергается опасности появления неожиданных сюрпризов.

Он обнаружил, что на земле существуют особи, которые сделали своей «профессией» нанесение вреда. Как Бог приносит добро на землю, так кто-то, искушаемый дьяволом, создает людям только проблемы. Он знал, что в городах участились различные виды чёрной магии – некоторые колдуны наводят порчу на людей. Что-то могут подбросить тебе в пищу, и колдовство тебя проберёт как трёхдневного агнца. Шли слухи, что появились женщины, желающие удержать мужчин, и для этого добавляют в их пищу или напитки несколько капель крови, набранной во время их менструального цикла. После употребления этого «бабьего сока» человек попадает, вопреки своей воле, в сеть женских чар и эгоистических интересов...

И так как нынешняя его страсть бередила каждый уголок его сознания, он посчитал нужным выйти из игры. И как можно быстрее, чтобы обойти беду. «Такие увлечения опасны, им удаётся поглотить все твои чувства, – терзал он себя мыслями о расставании с Иоанной. – В конце-концов, в таких случаях тебя могут оставить голым не только в материальном смысле, но и в смысле духовном – когда в сердце поселяется бесконечная пустыня. В моём возрасте трудно переживать чувства, превращающие твою душу в лохмотья».

Так Наум Вайнштейн убеждал себя, что правильно поступил, уволившись из общественной организации. «У неё жизнь молодой женщины, и почему я должен залезать на чужое пастбище?» Он отгонял мысли о молодой девушке, но они все равно лезли в голову, как тараканы. Вновь и вновь возвращаясь к событиям последних дней, Наум пробовал угадать, был ли он последовательным и честным с самим собой или опять допустил промах. Так случалось с другими женщинами, с которыми он сожительствовал какой-то период времени и даже заводил детей, но так и не смог создать крепкой семьи. И опять углублялся в свои рассуждения: «Ты уже покинул офис, ты уволен, на работу вместо тебя

вышел другой человек, и что ты хочешь сейчас? Прощай, момент страсти!» Он отгоял эти мысли, но тогда и понятия не имел, что его отношения с Иоанной из Брынзы только начинаются.

Три дня Наум занимался служебными делами: ходил на заседания, исполнял обязанности защитника в судебных процессах – у него было несколько трудноразрешимых дел. Ему было тяжело сосредоточиться. Мысли о девушке с ангельской внешностью всё время впутывались в алгоритм защиты, как соли в химической реакции между кислотой и щелочью. Он пытался убедить себя, что жизнь состоит не только из выигрышей, но и из поражений, необходимо привыкнуть и к ним. Тем более, что в его жизни были и проигрыши, более, чем за 25 лет юридической практики. «Не всё то золото, что блестит», – гласит старая пословица. И ты, слава Богу, дожил до социальной категории, деликатно называемой журналистами «третьим возрастом». Зачем терзать себя – девушка скоро привыкнет к своему новому боссу и напроць забудет о тебе».

Ему не верилось, что он ошибся и в этот раз. Он не мог знать, что барышня была далеко не ангелом, и с первых же дней знакомства между ними строила планы в нескольких направлениях, а с вечера, когда они целовались, мысли её приобрели очертания хорошо продуманного наступления. И когда Наум скрылся за дверь, она почувствовала, как зашаталась ее голубая мечта. Правда, мужчина был не первой молодости, но Иоанна находила его не совсем уж пожилым. Было приятно находиться с ним рядом – всегда одет с иголочки: в костюме, при галстукe, а на его щеках с озорством играют румяные тени горячей молодости. «И почему я должна упустить этот шанс?» – спрашивала она себя в день увольнения адвоката. Тем более, что она была одна – новый начальник, появившись в тот же день, обещал выйти на работу только через несколько дней.

5

Прошло три дня. На третий день вечером он не торопился после работы в свою пустую квартиру, а медленно шёл, любуясь снежинками последнего месяца зимы, нежно и бесшумно падавшими с небес. Он слышал восторженные детские возгласы со стороны катка, любовался огнями окон соседних домов, как вдруг

на его мобильный пришло сообщение. За последние дни у него не было ни одного. Даже если некоторые процессы были в самом разгаре, а некоторые клиенты хотели проконсультироваться или привести дополнительные доказательства, он просил звонить по телефону, а не присылать сообщения. Открыл телефон почти механически, и тут же, едва начав читать сообщение, мысли привели его к Иоанне. Сообщение было от неё. Он стал читать: «Почему Вы уходите? Не уходите. Если Вы оставите меня, я потеряю всяческую поддержку в этом городе, и нет никакого смысла оставаться тут... Я нуждаюсь в Вас, мой ангел».

«Странное совпадение», – подумал он с горечью. Резко повернув к дому, быстро избежал по лестнице этажей, открыл дверь, нетерпеливо толкнув её плечом, бросил портфель на стул в прихожей, дошёл до библиотеки и грохнулся на диван. Мысли и чувства боролись в нём без жалости, и минут через пятнадцать ему показалось, что мозги закипели. Он резко встал и пулей выбежал на улицу. Тихо падающий снег и холодный воздух сослужили ему хорошую службу – буря терзающих мыслей и чувств утихла. Через четверть часа быстрая ходьба успокоила Наума, и ноги сами привели его к дому, но мысли продолжали стелить королевские ковры к образу девушки из Брынзы с иссиня-черными горящими глазами.

Всю ночь он не сомкнул глаз, а утром – кто сказал, что ночь хороший советчик? – уже не был в состоянии устоять перед соблазном. Вошёл в кабинет директора лица «Спиру Харет» также уверенно, как три дня назад, когда вздумал уволняться. На столе лежало его заявление об увольнении, ещё не подписанное. В присутствии директора он позвонил знакомому из банка и попросил его повременить с устройством на работу в Общественном комитете. Затем разорвал собственное заявление, чем ещё больше удивил директора. Уже возле двери он бросил, моргнув директору:

– Что ни делается, всё к лучшему. Надеюсь, всё будет хорошо.

В полдень он пригласил свою секретаршу в пиццерию. Пока готовили заказ, каждый замкнулся в своём молчании, не осмеливаясь первым начать разговор. Обменялись лишь несколькими фразами о меню. Когда подали пиццу, и они занялись едой, Наум схватил быка за рога:

– Если бы ты была моей, я бы научил тебя ездить, купили бы автомобиль... В моих силах сделать тебя нотариусом!

И после короткой паузы добавил:

– Но Вы, Вы не хотите быть моей!

Иоанна спокойно слушала его и казалось, что она больше была сосредоточена на пицце, чем на его словах. Он тянул пиво и продолжал свой монолог, но тут она заговорила:

– А если я соглашусь?

Она глядела на него пристальным взглядом, и это обезоружило Наума. Он не ожидал от неё такого резкого поворота. Он был полон решимости убеждать, добиваясь ее согласия, но хотел и поставить свои условия. Теперь он энергично резал пиццу и жевал её, собираясь с ответом. Но девушка первой возобновила разговор:

– Парень, с которым вы видели меня в парке, женится на другой девушке...

«Откуда она знает, что я их видел? – удивленно подумал Наум.

– Они же меня не заметили... Смышлёная малышка!» Вмиг рассеялись все заранее подготовленные реплики, и он перешёл к лобовой атаке:

– Пойдем ко мне сегодня вечером.

– Завтра, – согласилась она. – После работы я приду к тебе, мой ангел.

Её вчерашнее сообщение тоже заканчивалось этим словом, но из уст девушки оно звучало необыкновенно нежно. Они завершили обед в тишине, и до конца рабочего дня обменивались лишь короткими служебными фразами, но чаще, чем обычно.

На следующий день девушка подарила ему Мэрцишор (символ весны) и поцеловала в щёку. «Вот почему она сказала завтра», – подумал Наум. Весь день они делали вид, что заняты своими делами: она – офисной документацией, а он потратил несколько часов на подготовку к процессу, делая телефонные звонки и приводя в порядок некоторые бумаги. Но они оба были заняты одной и той же мыслью...

День 1 марта заканчивался морозным вечером и ясным звёздным небом. Как мечтательная натура, он подумал, что в его биографии холостяка это начало светлой и счастливой страни-

цы. Он был уверен, что вечер будет совершенно фантастическим. И не ошибся. Девушка хорошо знала своё «ремесло». Они сразу занялись любовью без прелюдий и предварительных ласк. В постели она вела себя с ним, как с молодым неопытным юнцом, и казалась ненасытной...

Они любили друг друга до рассвета. Эта ночь стала и ночью взаимных откровений – девушка призналась, что первые сексуальные отношения у нее случились в 16 лет, и что после этого у неё было много мужчин. Так что она была женщиной в полном смысле слова. Успела даже сделать аборт. Обычно интимные отношения случались у Иоанны с парнями моложе нее. Но чаще всего она вспоминает о вечерах с парнем из Кэйнар, который был на два года старше. После университета он начал работать в прокуратуре в одном из районных центров. Она долго тосковала по нему, и лишь Андрей, один из её прежних приятелей, примерно двухметрового роста, напоминал иногда ей о «любви» к парню из Кэйнар.

Иоанна оказалась болтливой. Она призналась, что как-то на день рождения сокурсницы они так опьянели, что устроили оргию в общежитии. Это продолжалось всю ночь – приглашённые девушки после выпитого занялись групповым сексом: друзья с друзьями, знакомые со знакомыми, и даже незнакомые с незнакомыми. Но это было давно, прошло два года с тех пор, и она в таких оргиях больше не участвует. Ещё недавно она встречалась с Томасом, которого любила по-настоящему. Правда, было время, когда Томас был увлечен другой девушкой, но вскоре вернулся к ней. Их дружба продолжалась до тех пор, пока они не побывали в гостях у его родителей. К сожалению, или к счастью, она не прошла «испытательный тест», устроенный его матерью. Томас очень любил своих родителей, прислушивался к ним, и теперь готовится к женитьбе на другой. «Он оказался ненадёжным человеком, и я не смогла бы доверять ему, – вздохнула девушка. – Жаль его новую жертву, но это уже её заботы». И, обнимая Наума, произнесла с лёгкой усладой:

– Сейчас, когда я рядом с тобой, мне больше никто не нужен.

После второй ночи любви, когда их сердца горели на одном огне страсти и объединились в одном очаге, Наум попросил разрешения называть её другим именем, в тот момент лучше всего

соответствующим ей.

– Что это значит? Мои родители называли меня Иоанной.

– А я хочу называть тебя Доротеей, по-древнегречески это имя означает «посланная Богом»!

И вдруг комната наполнилась таким хохотом Иоанны, который трудно было остановить. Насмеявшись вдоволь, девушка довольно и загадочно улыбнулась и воскликнула: «Прикольно!»

6

С этого вечера Иоанна оставалась у Наума и не уходила ни в общежитие, ни к двоюродной сестре. Утром после первой ночи, проведенной вместе, Наум вручил ей связку ключей и сказал, что отныне его дом будет иметь двух хозяев. Он относился к ней с большим вниманием и нежностью, как к самому дорогому и желанному существу на свете.

Наум вёл «Хронику жизни» – своего рода дневник, в котором отмечал самые счастливые и незабываемые моменты своей жизни. Он начал доверять Иоанне свою «Хронику», чтобы и она вносила свои заметки и впечатления об их страстной любви. И она действительно, когда у неё появлялась необходимость с кем-то поделиться, излагала на страницах «Хроники» свои сокровенные мысли. Это были описания, изобилующие верностью и верой в Наума.

Вскоре она познакомилась с принципом писательского творчества Наума Вайнштейна: он постоянно работал над словом и речью, создавая стихотворение или рассказ.

Самым неожиданным открытием было то, что Наум хорошо разбирался в музыке – он не только здорово играл на гитаре, но и писал музыку. Она узнала, что в детстве он играл в школьном духовом оркестре, а в армии служил в военном. Наум со своим другом Анатолием Рошковану занимался аранжировкой одной песни за другой, записывая их в студии. Даже записал несколько песен на идиш⁸ и на иврите⁹.

⁸ Идиш – разговорный язык ашкеназийских евреев (в основном, Восточной Европы).

⁹ Иврит – возрождённый древнееврейский язык семитской семьи, государственный язык Израиля, священный язык иудаизма.

При записи песни «Ам, Израэль, хай!»¹⁰, которая была своего рода гимном еврейского достоинства, Наум пригласил в студию и Доротею. Он представил на её суд эту мелодию, любимую евреями всего мира. Иоанна – Доротея была в восторге. Она испытывала интерес к этому древнему языку еще со школьной скамьи. Во время учёбы в университете она посещала курсы по изучению иврита и немного владела им. Наум скопировал резервный диск CD с записью песни, исполненной романтичным и кристально чистым голосом Доротеи, и это ему пригодится намного позже.

7

Давно в его доме не было столько света, тепла, нежности, и такой идеальной чистоты. Он вдруг стал счастливейшим человеком. Забыл о холоде одиночества, о романтических мечтах встретить идеальную женщину, подходящую его возрасту. Он начал верить, что разница в возрасте, значение прожитых больше не имеют никакого значения.

Часто он выходил с Доротеей на прогулки по бульвару и понял, что она совсем не стесняется прохожих, находясь рядом с ним. Напротив, брала под руку и гордо шагала, будто хвалясь, что у неё такой спутник. Часто ходили на стадион – с тех пор, как она поселилась у Наума, Доротея боялась набрать вес и решила заниматься аэробикой в спортклубе, но её хватило лишь на пару раз. Позже стала заниматься спортом в тренажёрном зале, и делала это регулярно.

Через некоторое время совместной жизни Наум заметил, что Доротея порою становится безвольной, не слишком упорной в работе. Когда дело доходило до получения результатов, требовавших интеллектуальных усилий, она не изъясляла никакого желания и рвения. Если и добивалась чего-либо, то для этого её надо было заставлять. Но жизнь скуки и рутины в их дом не заглядывала.

Наступило лето. Наум покорила Доротею необычными для мужчины кулинарными способностями: ему нравилось варить компот из вишни и мариновать огурцы в банках. Осенью он доказал, что может заготавливать на зиму и варенье. Его любимым оказалось айвовое. На балконе у него хранились два мешка сахара (один для себя, другой – для потомства). Заготовка солений,

¹⁰ Ам Израэль хай (иврит) – Народ Израиля жив! – израильская народная песня.

компотов, варенья были его слабостью, и он гордился банками с вкусами, которые хранились в шкафах над входной дверью.

Доротея не увлекалась заготовкой компотов, готовкой айвового варенья или маринованных огурцов, но хобби Наума стало для неё откровением. Особенно, когда сравнивала адвоката со своим отцом, который не любил хозяйничать, не проявлял себя даже в мужских домашних делах. Всем домашним хозяйством управляла её мать.

В их семье существовало правило: еда должна была быть съеденной в тот же день, на следующий никто даже не дотрагивался до вчерашней. Видно было, что Доротея хорошо усвоила это правило: она готовила вкусные блюда и понемногу, чтобы не оставалось на следующий день. Наум удивлялся, как это хрупкое и нежное создание изо дня в день всё больше поражает и радует его гастрономическими изысками.

Кроме таланта вкусно готовить, Наум пытался обнаружить и другие её склонности. Однажды, в один из субботних дней, они отправились вдвоём на еврейское кладбище. У Вайнштейна была слабость: читать и размышлять над текстами или образами, запечатлёнными на надгробьях. Даже при посещении новых мест, он сделал своей привычкой в первую очередь посещать кладбища. Они бродили несколько часов, держась за руки, среди могил еврейского кладбища, которое собирались сносить. Молчаливые могилы окутали своим холодом её душу, но на девушку не произвели впечатления ни кладбище, ни сражения Наума с властями ради его сохранения. При возвращении домой он предложил ей зайти в какой-то бар – весна запаздывала в том году, и мороз еще оставался главным владыкой аллеи. Она дрожала и прижималась к Науму. Готовясь к посещению кладбища, Доротея оделась по-весеннему. Наум протянул ей бокал с коньяком и настоял, чтобы она выпила всё до дна. В тот день он впервые увидел её прилично захмелевшей. «Эта хрупкая голубка, оказывается, быстро хмелеет», – подумал он. Она была молчаливой, и её одолевал сон. Дома Доротея сказала, что идёт спать.

– Со мной, зайчик мой, пьянствовать – удовольствие не большое, – протяжно зевнула она, – многие из моих парней думали, что спиртное делает меня темпераментней, но они ошибались... – И заснула, не раздевшись.

Науму эти слова запали в душу как свинец. Ему вдруг захоте-

лось, чтобы девушка не рассказывала больше о своих прошлых любовных похождениях.

Тогда же он обнаружил, что она храпит во время сна так, что дрожат стены. Позже он понял, что сила храпа зависит от степени опьянения – чем больше и чем крепче были спиртные напитки, тем её храп опаснее для окон. Её детское личико и храп зрелого уставшего мужчины стали его забавлять, и он поцеловал её в розовые щечки. Храп оборвался. Доротея улыбнулась, не открывая глаз, как истинный ангел, и через несколько мгновений «тромбоны» опять нашли свою партитуру. Забавно, что эти аспекты – храп, пьяные женщины, как правило, ему очень не нравились, а тут он почувствовал всё большее и большее влечение к ней.

Он прочитал множество романов, где герои были любовниками или семейной парой с большой разницей в возрасте. И теперь он оказался героем своего, собственного романа, слушая объяснения Доротеи, что она не видит никакой разницы между ним и молодыми мужчинами.

Она была честна с ним и часто рассказывала о своей интимной жизни, о сделанных абортах. Они договорились, что она не несёт никакой вины за это перед ним, так как всё случилось до него. Это было в прошлом, а теперь они вместе, и с течением времени должны стать одним целым. Они живут гражданским браком, в котором любовь и вера должны основываться на честности, верности и взаимном уважении друг к другу. Наум принял эти условия безоговорочно – будто находился в сказочном плаваньи. Такого сюрприза, такого подарка от Творца он уже не ожидал. И он стал считать себя счастливейшим человеком.

Девушка действительно показывала, что любит его по-настоящему. Она часто повторяла, что привыкла к нему, и разница в возрасте не мешает ей вовсе. Она называла его ласковыми словами – ангел, милый, котёнок, кролик, малыш. Что можно еще пожелать такому человеку, как Наум, после двух разводов и нескольких неудачных гражданских браков, кроме настоящей любви со стороны девушки моложе собственной дочери? Ощущения, что он так любим молоденькой девочкой, радость от того, что они живут вместе, деля и радость, и горе пополам, делали его счастливым.

Он жил как во сне. Лишь одно его не устраивало: дни казались

бесконечными, а судебные процессы – длиннее зимних ночей. Он всегда с нетерпением ждал вечера. У него было ощущение, что судебные заседания никогда не закончатся и никогда не наступит час, когда он сможет уйти домой, к Доротее, изобретающей новые блюда на кухне. Несмотря на молодость и мнение, что молодые женщины сегодня не умеют даже картофель чистить, Доротея оказалась умелой хозяйкой. Готовила необыкновенно вкусные блюда, не забывая похвастаться, что этот навык ей привила с любовью мама из Брынзы.

И он не отставал от нее в том, что касается секретов вкусной кухни – учил Доротее готовить еврейские блюда: *yuh* – юх, *yuh mit fasolies* – юх мит фасолес, *farşmac* – фаршмак, *leikeh* – лейкех, *farpreigilte leiber* – фарпрейгелте лейбер, *knişekleh* – книшеклех и другие *idiş mahulim* – идише махулем¹¹.

В этот океан счастья, обрушившего свои волны на его холостяцкое жилище, холодным ветром вторгалась лишь дочь Мирабэлла, которая заявила, что в их отношениях нет ничего серьезного, более того, это позорный факт. Её отец сожительствоует с девочкой на тридцать лет моложе себя. «Разве ты не понимаешь, что наши общие знакомые меня высмеивают из-за этого?» – упрекала она его.

Это был первый упрёк со стороны детей в его адрес. Мирабэлла была его старшей дочерью от первого брака. Она была замужем, хорошо ладила с супругом и имела право порицать его, своего непутёвого отца. Такие же реплики он слышал и от других своих близких, но не воспринимал их всерьёз.

Любовь и страсть поглотили его, и он переступил через все предрассудки мира, считавшегося правильным, но на самом деле полным безнравственности. Его больше не интересовало прошлое девушки, он даже смирился с тем, что она курит, иногда сигарету за сигаретой. Он был убеждён, что девушка, со своими незначительными недостатками, любит его и с нежностью заботится о нем. Если это не так, то почему она называет

¹¹ Еврейские блюда – (идиш): *yuh* (юх) – куриный бульон; *yuh mit fasolies* (юх мит фасолес) – бульон с фасолью; *farşmac* (фаршмак) – рубленая селёдка; *leikeh* (лейкех) – бисквитный пирог; *farpreigilte leiber* (фарпрейгелте лейбер) – жареная печень; *knişekleh* (книшеклех) – пирожки из теста с начинкой.

его нежными и ласковыми словами, которыми ни одна из его предыдущих жён и сожительниц не называла: ангел, малыш, милый, котик? Он был готов принять бой с бывшими жёнами, детьми, со всем миром, защищая свой дом и свою новую любовь.

Наум собирался с первых же дней их совместной жизни применить все свои таланты, чтобы сделать Доротею верной и по-настоящему счастливой женой.

Сначала он настоял, чтобы она записалась на водительские курсы, чтобы стала серьезно изучать компьютер и программы к нему. Доротея старательно следовала его наставлениям, а Наум исправно оплачивал все расходы, даже те, которые предназначались для её личных радостей и желаний.

Позже он узнал о её невероятной страсти к вождению – оборотной стороне успехов, которых она добилась. Доротея была несказанно рада и горда, показывая водительские права, оборотную сторону того, что каждый раз ее привозил на учебном автомобиле до порога дома сам инструктор, смуглый человек с усами в виде горшка. Прощаясь, он пожимал ей руку, что-то шепча ей на ушко, а другой рукой будто отдавал ей честь. За всем этим в действительности скрывалась не только их совместная учебно-инструкторская деятельность. Но об этом и о многом другом адвокат Вайнштейн догадается или узнает гораздо позже. Пока он был счастлив и наслаждался радужными красками любви.

* * *

Ицик Мазик, узнав о новой страсти своего друга, однажды вечером зашёл в гости со своей скрипкой и стал играть свадебные мелодии.

– Рад, что ты опять счастлив, – похвалил он Наума. – Твоя зазноба маленькая и худенькая. Тебе повезло, не будешь тратить много ткани на одежду. Я же должен играть на многих вечеринках, чтобы заработать денег и купить своей Хоне ткани. Ведь ей нужно столько метров, как на чехол для одного танка!

И он начал петь для Доротеи песню, написанную адвокатом, и сопровождая себя на скрипке.

Заплетай мне косы, мама,
И позволь увидеть мир,
Ты глаза в платок не прячь,
Ибо душит меня плач.
Выросла, мама, дочь твоя,
И ей принадлежит весь мир,
Почему ж руки дрожат твои,
Будь спокойна, она вернётся.
Вернётся, и будешь рада
За дочку свою родную,
Будь здоровой, моя родная,
А я уезжаю надолго...

В компании этого тщедушного еврея, Ицика Мазика, Наум и Доротея провели чудесный вечер, полный хорошего настроения и загадочной прелести.

8

С тех пор, как эти двое превратили квартиру в «гнездышко любовных игр и безумств», в их дом почти перестали приходить гости. Большинство его друзей давно уже стали бабушками и дедушками, у них теперь были совершенно другие заботы, некоторые состарились раньше времени, а другие даже поменяли миры. Но многие просто стеснялись переступить порог его дома. Доротея не завела друзей среди сокурсников. Правда, однажды к ним пришла её подруга студенческой поры Марта Сикару, высокая, статная девушка, с открытым, смуглым лицом, из Погорен, села возле Брынзы.

В компании двух молодых девушек Наум решил сначала продемонстрировать свои кулинарные таланты. Следуя молдавской традиции, он сварил мамалыгу со шкварками, сметаной и овечьей брынзой, затем потушил куриное мясо с овощами, блюдо, которому отдают предпочтение евреи. Когда обед был готов, он пригласил двух подруг за стол, предложив по бокалу вина.

После обеда он познакомил девушек со своей богатой библиотекой, поиграл на гитаре, а затем пригласил в кабинет, и там они слушали его песни и авторские музыкальные композиции,

записанные в течение нескольких лет в студии композитора Анатолия Рошковану. Девушкам особенно понравились «Цыганская песня» и композиция «Голда». У Наума было много детей, и каждому из них он посвятил по одной песне.

По глазам Доротеи Наум Вайнштейн понял, что он должен произвести хорошее впечатление на гостью. И тогда известный писатель, и адвокат вступил в игру – пригласил девушек танцевать. Он предпочитал вальсы и танго, и девушки, привыкшие к современным стилям поп-музыки, забавно смеялись, когда он кружил их в ритме классических танцев.

Марта считалась самой ближайшей подругой Доротеи по факультету. Она была родом из того же района и поддерживала хорошие отношения с Томасом. Доротея была уверена, что Марта расскажет их общему другу об увиденном в доме Наума, и изо всех сил пыталась произвести самое лучшее впечатление. После многих вальсов и танго Наум оставил девушек одних на несколько минут.

Когда он вернулся, Марта, утопая в кресле под картинами Ван Гога и Сезанна, твердила со слезами на глазах: «Какая ты счастливая, моя дорогая! Даже не представляешь, какая же ты счастливая!»

Науму польстила эта сцена, и он решил удивить их еще больше. Он позвонил другу военному, который через четверть часа был у них, и все четверо на роскошном джипе поехали в сауну. Только тогда Доротея и Марта выяснили, что на самом деле означает побывать в настоящей сауне. Наум сделал обеим сухой массаж, а затем натёр каждой из них спину, ноги, руки, грудь кукурузной мукой, после мытья смазал молодые тела мёдом, и только потом позволил им пройти в парную, а затем в бассейн...

Это был превосходный, фантастический вечер. Когда подошло время прощаться глаза Марты сверкали завистью к Доротее. Она поняла, что её сокурсница встретила любящего мужчину с хорошо упакованной квартирой, вхожего в высшие круги общества, о котором она, молодая девушка без связей, могла только помечтать. Через несколько дней Доротее неожиданно позвонили.

– Поздравляю тебя, подруга! Bravo! Живёшь с мужчиной, которому далеко за 50, в его квартире со всеми удобствами, с би-

блиотекой и пинокотекой. Браво, используй его, как это умеет делать Иоанна из Брынзы. Ой, извините, она уже До-ро-те-я!

Это был Томас. Она была так удивлена, что едва смогла вымолвить:

– Лучше о себе позаботься.

«Неужели это дело рук Марты? – подумала она с досадой и процедила сквозь зубы, – «предательница!» Но всё равно было приятно.

На следующий день она встретила с Томасом на улице. Она узнала, что он служит в Центральном участке полиции и ожидает повышения по службе. Доротея уже была готова поздравить его, но он опередил её:

– Если до вчерашнего дня я уважительно относился к тебе, то теперь нас ничто не может связывать. Возможен только ни к чему не обязывающий секс. Здесь ты на белом коне, тут тебе равных нет!

Его ядовитый тон ранил её. Вечером она пожаловалась Науму, что Марта предала её.

– Если бы ты видел, сколько ненависти и сколько осуждения было в его глазах, в его словах, – продолжила Доротея. – Не могу понять, откуда берётся это всё в людях?

И Доротея бросила окурок в ствол грецкого ореха, растущего перед балконом, с такой злостью, будто ей захотелось уничтожить всё вокруг себя. Тут же прикурила еще одну сигарету и заговорила с решимостью в голосе.

– Марта больше не моя подруга. Она предательница! Как я не раскусила её раньше, мы ведь учились на одном факультете и жили в одной комнате в общежитии. Она была и остается доносчицей, у нее потребительское отношение к жизни и к своим друзьям!

И будто желая отомстить своей бывшей подруге, она призналась, что знает очень многое о Марте, но никогда не рассказывала общим друзьям о её похождениях. Никто в институте не был в курсе, что ради хороших отметок на экзаменах, она легко и с удовольствием делила постель с преподавателями...

Наум провел широкой ладонью по её мягким волосам, по-отечески успокаивая:

– Отныне ты должна хорошо думать над тем, кого приглаша-

ешь в гости. Наш дом должен стать нерушимой крепостью. Если хочешь, чтобы это так и было, ты должна отказаться от своей дружбы с завистливыми людьми...

Беседа влюбленных проходила сентябрьским вечером. С дерева изредка падали зрелые орехи. С грохотом ударяясь об твёрдый асфальт, некоторые из них раскалывались, другие же катились до цветочной грядки, откуда дожди и ветра гнали их потом по всему двору. Это были грецкие орехи с тонкой скорлупой, и по утрам, когда жильцы седлали свои автомобили, мотоциклы, мопеды и направлялись на работу или по своим делам, на свинцовом асфальте оставались пятна от раздавленных ореховых ядер и скорлупы.

Когда-то Науму нравилась эта музыка живой природы, он даже сочинил песню под названием «Полёт грецких орехов». Но теперь ему в голову пришла совсем другая параллель: так и в жизни – некоторых уносят воды, других калечит колесо судьбы, а сколько людей доходят до стола истории в качестве пищевых ингредиентов?

Когда он заметил, что рука Доротеи потянулась за третьей сигаретой, он легко и плавно поймал её, нежно опустил себе на плечо, и девушка прильнула лицом к его груди. Оба поднялись и направились в библиотеку. Перед большим окном слегка покачивались ветки рябины – её спелые гроздья, казалось, придают пурпурный оттенок и стенам, и книгам на полках, и картинам. С тех пор, как они стали жить вместе, библиотека превратилась в спальню, тогда как свою спальню адвокат Наум Вайнштейн уступил «квартирантке».

Это была дешёвая легенда, не стоившая и выеденного яйца. Просто теперь не придётся давать объяснений никому, кроме, может быть, Мирабэлле, которая уже свыклась с мыслью, что её отец нырнул с головой в новую любовную авантюру. Библиотечный диван был свидетелем их первых поцелуев и первых ночей любви.

Наум гладил густые и ароматные косы Доротеи и говорил успокаивающие слова: «Отныне мы должны знать, кому раскрывать секреты дома. Ведь дом – это очаг двух влюблённых друг в друга людей, который должен оставаться крепостью для них, – шептал ей на ухо мужчина, скользя руками по её плечам, талии

и бёдрам. – Средневековой крепостью, построенной на столетия. Только так она защитит от недоброжелателей тайну любви. Когда же в свой дом приводишь слишком много друзей, знакомых, коллег, стены крепости начинают рушиться...»

Она позволила себя утешить, всё с большей страстью отдаваясь возлюбленному, и вскоре из комнаты слышались шёпот и непрекращающиеся вздохи любви, известные влюблённым всего света.

9

С этого дня Доротея объявила Науму, что она будет верна только ему и будет называть его своим мужем. Поклялась, что окончательно разорвёт дружеские отношения с Мартой, исключит её из списка друзей.

Тот сентябрьский закат, алое мерцание рябиновых ягод и удовольствия плоти нашли отклик в душе адвоката, заставив в очередной раз окунуться с головой в буйные штормовые волны, не подозревая, что чем ближе он плывёт к берегу, тем больше опасность разбиться о скалы или о прибрежные камни. Мало таких буйных волн достигают гавани, где находят покой.

Томас и его зависть, аборт от него, намёки на возможные отношения с другими мужчинами в её жизни до знакомства с ним и откровения Доротеи, что она не со всеми бывшими партнёрами чувствовала себя так хорошо в постели, как с ним, затаились где-то глубоко, в самом потаённом углу мозга, покрываясь пылью и паутиной. Даже откровение, особенно неприятное для Наума, что ей больше всего нравилось заниматься сексом со своим сокурсником по факультету, парнем из Кайнар, и что только с ним достигала апогея счастья в постели, также спряталось в том же тёмном углу подсознания.

– А со мной, как ты себя чувствуешь? – спросил он её, несколько растерянным голосом.

– Мой дорогой, не переживай, – ответила она, покрывая его лицо поцелуями. – В постели мне с тобой очень хорошо! И не думай, что я нахожусь рядом с тобой только потому, что мне нужна квартира и что у меня нет выбора. Ты мне нравишься, я влюблена в тебя!

Господин адвокат жадно глотал приятные откровения. Они заставляли его сердце трепетать от волнения и чувствовать себя

рядом с Доротеей самым счастливым человеком. Они решили стать «цельным, неделимым монолитом», готовыми делить одну судьбу в настоящем и будущем. В этом его еще больше убедило последнее откровение молодой девушки, которое она сделала в тот запомнившийся вечер, опоясанный алыми проблесками рябиновых гроздей. Тогда Наум Вайнштейн поверил, что девушка с горящими угольками в глазах, готова отказаться от всех своих друзей и остаться с ним навсегда.

На следующий день они сходили на рынок на улице Путь Бессарабии, откуда Доротея вернулась с попугаем в клетке. Она любила экзотических птиц. Давно мечтала иметь их в своем доме, и теперь Наум удовлетворил эту прихоть. Она была весёла и в хорошем настроении.

Вечером у двери стал мяукать серый кот, он так и норовил войти в дом. Доротея открыла дверь, он вошел в прихожую, но Наум, недолго думая, отправил его на улицу.

– Видно, кот заблудился и ищет хозяина, у нас могут быть неприятности, – сказал он. Потом признался: – С детства не люблю кошек в доме. Не могу объяснить почему, но они мне не нравятся. И ещё кот может слопать твоего попугая.

Доротея согласилась с ним.

В те счастливые вечера очередная волна искренних откровений открывала для Наума новые страницы её биографии. Он узнал, что настоящие родители Доротеи не родные. Биологические родители отказались от неё при рождении, а нынешние удочерили, вырастили, дали дочери образование, заботятся о ней и делясь своим теплом. Всего этого она была бы лишена, оказавшись в детском доме для сирот. Она им благодарна до глубины души и очень ценит их за это.

– Моя судьба была бы совершенно другой, – закончила она свою исповедь, – если бы я росла в детском доме или в интернате. Можешь себе представить, с каким характером я бы выросла, и с какой судьбой? Только представь себе...

– Не могу себе представить, – ответил Наум. – Но то, что я могу предположить, это то, что ты не похожа на румынку. Ты больше похожа на славянку или на еврейку...

– Не знаю, какой я национальности, и меня это не волнует, – промолвила Доротея равнодушным голосом.

– А я не могу себе представить, как бы мог жить, не зная, откуда мои корни тянутся.

– Ангел мой, не будем говорить об этом. У меня есть родители, я их люблю как самых дорогих существ в мире. Меня бросили с самого рождения как ненужную вещь, а они меня подобрали, вырастили и воспитали с любовью.

Наум несколько раз пытался сказать, что о готов, как адвокат, покопаться в архивах и найти её истинных родителей, но она всегда отказывалась и говорила, что ей больно затрагивать эту тему, в её возрасте это уже не имеет никакого значения.

– У меня сейчас золотые родители. Они работают на железной дороге, и ещё трудятся в поте лица на нескольких участках земли, и делают всё это для моего же блага. Мама замечательная хозяйка. Хотя это её второй брак с отцом. У нас проблемы с ним – часто нервничает по пустякам, затевает ссоры на пустом месте, но всё же для меня он хороший отец.

Наум не стал настаивать. Даже если долгое время не мог понять, почему она не хочет найти своих биологических родителей, решил оставить её в покое.

Её откровения нанизывались, как бусины на нитке. Наум узнал, что у Доротеи есть ещё одна подруга по общежитию, которая, как Марта, жила года два со стариком, потому что у неё не было денег на аренду жилья. Старик оказался скупым, и она его оставила вместе с квартирой. Последние несколько месяцев она живёт в студии одного музыканта на Петриканском холму. Он ей предоставил крышу над головой и обеспечивает деньгами на мелкие расходы. Если Наум позволит, она её пригласит в гости.

– Смотри, чтобы у тебя с ней не было таких же проблем, как с Мартой, – предупредил Наум. Но девушка возразила, затягиваясь сигаретой.

– Ташка Лунгу это совсем другая натура. Она умеет держать секреты и на неё можно положиться...

– А почему она была любовницей мужчины намного старше неё? – допытывал Доротею Наум.

– Неужели ты не понимаешь? – удивилась Доротея. – Взрослые мужчины не нищетоходы. Они дают молодым девушкам, как я, не только крышу над головой, но и полезный совет, нормальную протекцию, материальную поддержку.

– И она что ему даёт взамен? – начал забавляться он серьёзностью девушки.

– Ташка? Как ты не понимаешь, она тоже жертвует собой, отдает ему самое дорогое, что есть у девушки – свою любовь.

– А как же ты? Разве ты не в такой же ситуации, живя со мной?

– Не-е-е! – снова начала кокетничать Доротея, надув губки. – У нас совсем другое дело, мой ангел. Я тебя люблю по-настоящему. Мои чувства к тебе самые искренние и чистые.

– Тогда почему ты думаешь, что Ташка поначалу не испытывала то же самое к своему старичку, которого потом бросила? – продолжал допытывать ее Вайнштейн.

– Это совсем другая история. Поверь мне, она делится со мной всем, что испытывает. Может быть, ты заметил, мы иногда встречаемся на террасе лица и беседуем, она откровенна со мной во всём.

Тут их беседа закончилась. Науму не очень хотелось слушать и другие истории об её друзьях. Ему не нравилась мыть косточки другим. Но будучи влюбленным по уши в эту страстную девушку с горящими глазами, беседы о жизни молодёжи как будто делали и его моложе.

Тем более, Доротея первые месяцы их знакомства была такой активной в постели, что Наум чувствовал себя на седьмом небе от счастья. Вечерами она торопилась домой, где её ждал мужчина, балующий её нежными словами, уверяя, что она его жена и что он себя не представляет с другой женщиной рядом.

Во время интимной близости она называла его самыми нежными словами и клялась в вечной любви. Наум всё больше чувствовал, как она ему дорога. Он прекратил связи с бывшими любовницами, которые не понимали, что с ним происходит. Никого не замечал вокруг, и все, знавшие о его любвеобильности, были удивлены верностью только одной женщине, что за ним никогда ранее не замечалось.

И все-таки Наума что-то беспокоило. В моменты грусти его грызли чёрные мысли, проникавшие из самых тайных уголков сознания. Он начинал себя допытывать, почему Доротея продолжает бояться, чтобы, упаси Господь, никто не узнал об их отношениях, в том числе ее родители. Она уверяла его, что придёт время, и она откроет им секрет и постарается убедить их, в

особенности свою мать, что и в такой интимной связи можно создать семью. Её мама Дина была бездетной, и уговаривала свою приёмную дочь выйти замуж и подарить ей внука. Родители были бы рады нянчиться с внуками, даже содержать их.

И действительно, Доротея забеременела от Наума, но не хотела ребёнка, и прервала беременность.

– Почему ты это сделала? Тебе Богом дано стать матерью. А я обеспечу вас жильем, самым необходимым для того, чтобы ты и наш ребёнок ни в чем не нуждались, – упрекал ее Наум.

Но она противилась, заявив, что в её годы рано создавать семью и думать о ребёнке. Ей хотелось повременить год-два, убедиться, что готова содержать дом вместе с Наумом, и тогда родить ребенка. Она сказала, что не будет поднимать трубку домашнего телефона – не хочет, чтобы кто-то знал об её проживании живёт у него. Ей пока нужна конспирация и защита.

Вопреки его уговорам, её настойчивость становилась подозрительной, и Наум показал Доротею с ангельской внешностью хорошему врачу, своему другу Ивану Палади. После этого она пришла в себя и стала прежней. Врач прописал ей сильные контрацептивы, предохраняющие от нежелательной беременности.

В скором времени родители узнали от недоброжелателей об их сожительстве. И это стало первой неприятностью в их жизни, в особенности для Наума. Все, что случится потом, принесет огорчения именно ему.

* * *

Приёмные родители Доротеи были людьми с высшим образованием, но из-за социальных реформ 90-х годов и трудностей сельской жизни, стали рабочими. Жили они неподалёку от железнодорожной станции и обслуживали поезда питьевой водой, но у них была и земля, на которой выращивали картофель и другие овощи для продажи на частном рынке. Отец Доротеи, Михаил, выглядел высоким, худощавым и несколько болезненным мужчиной. Её мать Дина была старше отца на несколько лет, но именно она умело и строго руководила всем хозяйством. На её лице оставили свой отпечаток каждодневные заботы и, казалось, что она не умеет улыбаться. Когда-то она была заму-

жем за достойным человеком, но тот бросил её, так как она не смогла родить ему ребёнка.

Потом она вышла замуж за Михаила. Они познакомились на танцах, поженились и стали работать вместе на одном предприятии. Их объединяли и заботы по содержанию дома со стенами из красного кирпича, расположенного прямо на берегу Прута.

У них не было детей. И так как когда-то Дине врачи сказали, что она не сможет иметь детей, они удочерили Доротею, чьи биологические родители были пьяницами из села Скулены. Мама Дина, не испугалась и рьяно взялась за воспитание хорошей девочки и достойной дочки, чтобы она стала им опорой на старости лет. Для этого постарались дать хорошее образование девочке.

Доротея росла исполнительной и послушной девочкой, но молчаливой. Хотя родители были строги с ней, они любили её как свою родную дочь, и девочка это чувствовала. Отец с матерью очень много значили для неё, и она гордилась ими.

После женитьбы на Дине, Михаил, как, впрочем, все мужчины, хотел доминировать в доме, но жена смогла сохранить за собой руководство домом. Он несколько раз пытался показать свой норов, но она тут же ставила его на место. Через несколько лет после женитьбы он заболел психическим заболеванием, и Дина шантажировала его этим недугом. Когда у него начинался приступ ярости, Дина старалась, чтобы об этом никто не узнал. Однажды он даже выпрыгнул из окна и оказался перед проезжающим поездом. Чудом он остался жив. Злые языки поговаривали, что Дина занималась гаданием.

10

Недавно Дине позвонил незнакомый человек из города и сообщил, что их дочь делит постель с пожилым мужчиной их возраста. Он назвал не только адрес и номер квартиры, но и телефон и даже описал некоторые детали жизни двух голубков, занимавшихся любовными утехами в своём любовном гнезде.

Поначалу мама Дина была шокирована услышанным. Она тут же позвонила дочери и спросила, как она может жить с мужчиной, который ей в отцы годится. У опешившей Доротеи задрожали

ли ноги. В течение всех студенческих лет она скрывала от родителей свои любовные похождения. На этот раз она поняла, что врать будет трудно. Доротея успокоила маму и пообещала приехать в субботу домой и всё объяснить.

Мама Дина не успокоилась. Она попросила соседку позвонить в город и проверить, действительно ли квартира принадлежит адвокату Науму Вайнштейну. Когда стало ясно, что это правда, мама попросила соседку связаться с адвокатом и отчитать его как следует. Та выполнила и эту просьбу. Она дозвонилась до Наума и стала укорять его в том, что он связался с девчонкой младше своих дочерей. Значит, он и как отец плохой. И пусть знает, что он пожалеет о содеянном.

Обвинительный монолог разгорался, и Наум понял, что «допрос с пристрастием» продолжится долго. Ему надоело выслушивать упрёки, хотя седьмое чувство подсказывало, что стоит дослушать собеседницу, чтобы узнать, что ей все-таки известно об его отношениях с Доротеей.

«Чем больше доказательств, тем легче можно определить преступника», размышлял Ванштейн. А когда его спросили, почему он молчит, почему не отвечает, и добавили: «А что может сказать старик с десятью жёнами, или сколько их там было у него, и двумя десятками детей, ясно, что ему нечего сказать», Наум бросил трубку.

В его ушах продолжало раздаваться эхо обозленного голоса, гремящего по всей квартире, доходя до кухни, где он с Доротеей обычно трапезничал, до библиотеки, обитель их сокровенных интимных тайн, продолжая витать над всеми уголками квартиры. Науму показалось, что голос поднимал угол пледа на диване, и что даже картины на стене стали шевелиться.

Доротея, вернувшись с работы, нашла его расстроенным, с охрипшим голосом.

– Что случилось, что с тобой, любимый мой? – спросила она озабоченным голосом.

Наум рассказал о холодном душе, вылившемся только что на него по телефонной трубке, и дал ей понять, что плохие новости пришли из её родного села Брынза. Может быть, от её родителей или близких родственников.

Доротея, нахмурившись, выслушала его и грустно сказала:

– Да, эти вести из Брынзы. Это наша соседка, первая сплетница в нашей махале.

– И что будем делать теперь? – спросил Наум. – Я же говорил, что нам давно надо было съездить к твоим родителям.

Доротей ничего не ответила. Наум даже не успел удивиться, почему его возлюбленная так быстро поняла, кто позвонил и пообещала выяснить, что это за вмешательство в их личную жизнь.

В ближайшую субботу она одна поехала к своим родителям и вернулась оттуда воскресным вечером с полной сумкой вкусных блюд, приготовленных её мамой. Девушка рассказала своим родителям, что действительно живёт на квартире у адвоката Наума Вайнштейна, а он сам живёт у своей жены. Она же, Доротей, у него находится для того, чтобы квартира не пустовала, и чтобы в ней кто-то жил. А иногда приходит ночевать в эту же квартиру и его дочь Ракеля.

«Версия правдоподобна», – подумал Наум, и всё же он спросил:

– А почему ты солгала им? Лучше бы сказала правду.

– Да нет же, ангелочек мой, – ответила она. – Сказала так, чтобы успокоить маму, но я намекнула, что не будет конца света, если я выйду замуж за человека намного старше меня. Ты не представляешь, как этим я её обидела.

– Родители не говорили, чтобы ты съехала с этой квартиры? – допытывал её адвокат.

– Нет. Потому что я с самого начала им объяснила, что тут есть все условия, и мне комфортно и хорошо. Они лишь воспротивились нашей возможной женитьбе.

Она была права. Но Наум никак не мог поймать нить её мыслей. Он мужчина со статусом, он её любит, она может тут оставаться и жить спокойно неограниченное время, а он как адвокат может помочь ей во многом в это сложное беспокойное время.

И что же из того, что Наум ровесник её папы – девушка чувствовала, с каким вниманием, добротой и терпением он обращается с ней взамен лишь на несколько мгновений любви.

Даже если она была замкнутой натурой и, по мнению адвоката, отличалась от слишком развязных современных молодых людей, её острый ум очень тщательно изучал Вайнштейна с первых же дней знакомства и сожительства, обнаружив его слабости к

молодым девушкам. Так была устроена его мужская натура – чем старше становился, тем больше любил молодых девушек. Когда он возвращался с работы, уставший от монотонности судебных процессов, было достаточно прикоснуться к Доротее, почувствовать, как она гладит его с нежностью по голове и улышать её сладкий голос: «Мой ангел, забудь о суете жизни, прижмись ко мне», и он тут же забывал обо всём на свете. Она брала его за руку и вела как послушного ребёнка в постель, где они забывали обо всём и прощали неверность друг другу.

У Наума было много женщин в жизни, несколько раз он был женат официально, имел кучу детей. И хотя его дети не жили с отцом, они поддерживали тесную связь с ним и были дружны между собой. Он заботился о них так, как мало мужчин заботятся о своих детях после расставаний с их мамами: содержал материально и объединял.

Доротее же умудрилась так повлиять на эти отношения, что львиная доля внимания адвоката принадлежала ей. Помимо его физического влечения к ней, она покорила его с самого начала искренностью и непосредственностью, стиравшими разницу в возрасте, а также своим согласием на партнёрство во всех делах. Всё чаще она называла его «мой нежный муж», а обращения «ангелочек, зайчик, птенчик» звучали всё чаще и с такой искренностью, что, услышав их, невозможно было не поверить, что между ними складывается большое и чистое чувство взаимной любви. Да и она привыкла к его нежным шаловливым объятиям, призывающим к постельным играм. Иногда она, смакуя вкус фразеологизмов и других ингредиентов языковой лексики, забавлялась смешными фразами адвоката, типа «не говори от живота», то есть не говори глупости, а только то, что нужно.

– Как мы будем дальше жить? – прервал молчание адвокат.

Доротее обняла Наума, таинственно взглянула на него своими красивыми глазами, улыбнулась и прошептала:

– Я так скучала по тебе, зайчик мой! Иди ко мне! – И тут же, в который раз, взяла за руку и повела к дивану...

Её настойчивость возбудила его, сердце смягчилось, и он забыл о трудном телефонном разговоре. Годы брали своё, и он был способен на хороший секс только после хорошего стимула со стороны Доротеи. Она каждый раз признавалась ему, что никогда не

чувствовала себя в постели так хорошо, как с ним. Эта молодая женщина была желанной для него, и он делал всё, чтобы она витала в облаках счастья и удовольствия. Его сводили с ума обольстительные речи Доротеи, которая призывала: «Мой ангел, люби меня! Люби меня!»

В тот вечер, после продолжительных игр в постели, он долго гладил ее длинные волосы, а она продолжала шептать ему на ухо нежные слова: «Дорогой и любимый мой муж! Тебе хорошо было со мной?

– Оставайся в моих объятиях вечно, – промолвил он, обняв ее миниатюрное тело.

– Будь спокоен, котик! Я очень дорожу тобой.

– Хорошо, – прошептал он умиротворённо. – У тебя такое хрупкое и нежное тело! Очень подходящее для любви.

– Я всегда буду такой, мой ангел! Не позволяй себе грустить.

– Сегодняшний телефонный разговор меня очень огорчил.

– Верю, но ты не волнуйся. Ты мне очень дорог. Я тебя очень люблю! Разве этого мало?

11

Первые месяцы любви или медовый период прошли, но в их отношениях не было места для скуки, как случалось у Доротеи с другими мужчинами, в основном молодыми. Наум любил её по-настоящему. Любил смотреть, как она ходит, как одевается, как смотрит на себя в зеркало, как принимает ванну, и как она просит потереть ей спину мочалкой и пищит детским голоском «Ах, как хорошо...».

По утрам Доротея вставала по будильнику первая. Минут 15 она занималась туалетом, обязательно пользовалась его мужскими духами и после чашечки кофе застелала постель. Когда собиралась уходить, Наум прижимал её к груди до хруста в косточках, будто изгоняя ночную усталость из тела, и целовал в щёчку. Потом выходил на балкон провожать её взглядом – маленькая и шустрая, она направлялась, семена частыми шажками, к остановке.

Она чувствовала, как он смотрит ей вслед, пожирает глазами, как восхищается её походкой, изгибами тела, лебединым контуром. Её образ всегда оставался с ним, он хранил его в душе, часто вспоминая, как она радуется и как грустит.

Они радовались жизни вместе, да и проблемы решали вместе. Когда Наум видел её грустной или в депрессии, он старался вытащить её из мира теней и спрятать в своих объятиях, выслушать её откровения и понять её печали. Доротея часто вспоминала школьные и студенческие годы, и он чувствовал её ностальгию по тем годам.

Наум был недоволен только тем, что она много курит. Вечерами дым с балкона проникал в дом через кухню, и по всей квартире распространялся неприятный запах табака. Он, человек, который никогда не курил, пытался уговорить её отказаться от этой привычки, но она не могла отказаться от сигарет. И лишь когда он настаивал, прекращала курить дома. По вечерам, когда она возвращалась с работы, он неё несло запахом сигарет за версту. Как только заходила в дом, сразу бежала в ванную комнату чистить свои клыки, как она сама выражалась.

Когда наступила осень, и сентябрь уже стучал в окна первым прохладным дождём и пожелтевшими листьями, её сердце наполнилось непонятной меланхолией – она призналась, что впервые в жизни не ходит на занятия ни в школу, ни в институт, а одноклассники и сокурсники не дают о себе знать, будто забыли о её существовании.

Жаловалась ему, что всё чаще ей кажется, что её никто не любит и что все предали её забвению.

Выслушивая эти жалобы, Наум чувствовал себя без вины виноватым. Интуитивно он догадывался, что Доротея скучает по сверстникам, по своему кругу друзей. И когда сравнивал её жизнь с жизнью своей дочери Ракелы, которая вместе с друзьями занималась туризмом, а на выходные часто посещала базу отдыха в Вадул-луй-Водэ, понимал, что его возлюбленной становится скучно с ним.

В субботние и воскресные дни Доротея вынуждена была развлекать пожилого адвоката. Правда, ей было интересно с ним – он рассказывал о процессах из профессиональной жизни, о городах и странах, в которых успел побывать. Он был прекрасным рассказчиком и обладал особенным даром описывать детали. И все же девушка тосковала.

Особенно стала часто грустить, когда узнала, что Томас, бывший ее возлюбленный, с которым она встречалась три года в

университете и которого любила до сих пор, собирается жениться. Вайнштейн тогда подумал, что он держит птичку в клетке. Портит ей жизнь, мешает её взлету и свободному полёту. И будучи хорошим отцом для своих детей, понимал, что он совершает большой грех, удерживая её рядом с собой. Он должен, даже если очень любит её, сделать все возможное, чтобы вернуть её в русло молодости, к жизни, которую она достойна прожить. Он хорошо понимал, что девушка пожертвует собой, только если любит его до бесконечности, если не может жить без него...

С приходом сентября в их жизни начали происходить странные вещи. Как только начался учебный год, им стали звонить незнакомые люди. Доротее звонили с незнакомых номеров и молчали в трубку, а Науму звонили как девушки, так и парни, которые обзывали его по-всякому и издевались над ним. Они обвиняли его в похищении и содержании в клетке птички, которой суждено летать в небесах полных очарования молодости, а не петь песни престарелому мужчине, для которого должен играть военный духовой оркестр.

Телефонные разговоры от мужчин начинались духовными аллегориями и метафорами и заканчивались нецензурной бранью. Наум не мог смириться с мыслью, что он совершает большой грех, как ему пытались внушить злопыхатели, так как он не удерживал девушку силой. Временами он начинал подозревать, что телефонные звонки и инсинуации в его адрес подстроены Доротеей, но она приходила грустной с работы, жалуясь ему, что и её целый день атакуют анонимными телефонными звонками.

«А может, это Томас», – все чаще спрашивали друг у друга влюбленные.

* * *

В этот раз Ицик пришел с самого утра. Он был в хорошем настроении и поначалу сыграл на скрипке весёлый марш, потом мелодию про голубое сердце.

– Что случилось, друг мой? Почему с самого утра такой весёлый?

– Я весёлый с колыбели.

– И всё же, каков повод твоего веселья? – еще раз спросил Наум, зевнув.

– Всю ночь не спал. Вчера был на похоронах одного христи-

анина. Провожали в последний путь, от порога до погоста, Афанасия Адашана. И скажу тебе, весёлые были похороны. Последним его желанием было, чтобы его похоронили с музыкой. И я так развеселил народ, что и сегодня болят пальцы. И вот решил хотя бы сегодня почтить память о хорошем мяснике в молчании. Знаю, что сейчас должен оплакивать его молча. Знаю, что он тебя уважал. Снабжал тебя самым лучшим мясом.

– Да, это так. Но он и тебя часто баловал хорошим куском мяса, – ответил Наум.

– Но теперь я рад за тебя.

– И почему же?

– Его жена дала мне за упокой души Афанасия две новые рубашки. Дома я показал их своей Хоне, и мы решили, что они подойдут только тебе, нашему хорошему другу. Ведь ты такой же здоровый, как сам мясник. Вот я их тебе и принёс. Бери их, они твои.

– Рубашки с похорон? Что бы это значило? – спрашивал себя Наум после ухода Ицика. – Может мне это снится?

И опять мозг просверлила мысль о том, что он держит в клетке птичку певчую.

12

После долгих и мучительных часов раздумий Наум Вайнштейн решил «освободить» девушку, которую любил больше жизни, но не имел права удерживать силой. Может быть, сам Бог не благословляет их на жизнь вместе. Значит, он обязан её отпустить в небеса волшебной молодости. Пусть наслаждается прекрасной порой молодости рядом со своими сверстниками. Он не хочет провоцировать ситуации, или калечить молодые судьбы, держа их возле себя. Его жизненный опыт подтверждал это. Наум поймал себя на мысли, что ищет причины освободить возлюбленную из своего сердечного плена.

С возрастом он обычно осенью отдыхал в санатории «Кодру» в Каларашских лесах. И в этот раз он поехал туда один, чтобы поправить здоровье. Доротей осталась одна и должна была приехать на выходные. Таким образом он хотел подготовить её к постепенному расставанию с ним.

Наступили выходные, и Доротея приехала к Науму. Она восхищалась местами сказочной красоты. Они посещали монастыри, гуляли по лесу, вслушивались в шёпот лесных ручейков. Осенние пейзажи и жёлто-пурпурные краски леса не могли оставить её равнодушной. Гуляли они, держась за руки, не замечая никого вокруг. Как-будто вернулись в свое безоблачное детство. Покупали на местном рынке осенние фрукты, виноград, мёд, наслаждались щедрой осенью. Отдыхающие провожали их любопытными взглядами и интересовались, с кем гуляет известный господин адвокат?

Доротея выглядела очень элегантно: чёрные брючки и розовая блузка подчёркивали красивую фигуру, а густые кучерявые волосы открывали детское лицо, когда она их закалывала в высокие прически.

Вечерами по воскресеньям на террасе играла музыка, и они решили сходить на танцы. Но когда на улице стемнело, они направились в осенний лес.

«Наступил подходящий момент сообщить ей о моём решении», – подумал Наум.

Ночь была ясной, небо звёздным, луна обычно в такие вечера появлялась ближе к полуночи. Они шли и слушали лёгкий шёпот осенней листвы. Наум взял Доротею на руки, поцеловал и отнёс во двор монастыря.

На улице никого не было, и они чувствовали себя в безопасности. Он стал её утешать и говорить, что хочет, чтобы она запомнила на всю жизнь эти чудесные места и прекрасные мгновения. Потом они направились к вековому дубу с табличкой «Памятник природы», которому было более 300 лет, и сели на лавочку под ним.

– Сладкая моя девочка, – начал он. – Завтра ты вернёшься в город и встретишься с Томасом. Спросишь его, любит ли он тебя. И если он ответит утвердительно, ты предложишь ему жениться на тебе. Если он согласится, значит, всё ещё можно исправить. Нет-нет, даже не пытайся мне возражать. Ведь у вас настоящая любовь. А такую любовь можно вернуть. Я не обижусь, хотя без тебя мне будет плохо... Ключ оставь у Ицика Мазика. Напиши мне прощальную записку и улети в свободную молодую жизнь. Очень прошу тебя, уговори Томаса, объясни ему, что

именно он мужчина, который тебя достоин и что будущее ваше должно быть общим. Ты поняла меня? Знай, если вы будете вместе, то я не буду чувствовать себя виноватым. Потому что иначе нельзя. Мне абсолютно ясно, что, живя с тобой под одной крышей, я делаю тебя несчастной и совершаю проступок. Это ненормально.

Девушка пыталась несколько раз прервать его монолог, но Наум накрывал её губы своим указательным пальцем.

Ночь покрывала все проблески света. Луна, единственная, кто находилась на страже битвы между ночью и днем, будто укоряла их за адюльтер или за то, что они прогоняют свою любовь. В холодной темноте, которая покорила своей властью вековой лес и этих двух влюбленных под звездным небом, Вайнштейн почувствовал горячий взгляд карих глаз. Он заметил, что во взгляде проскользнуло разочарование и неожиданное удивление. Молчание длилось недолго. И Наум продолжил:

– Если ты не уговоришь Томаса, все равно ты должна решить, что уходишь и начинаешь искать себе новое жилье. Ты молода, симпатична, умна и имеешь право быть счастливой, найти свою судьбу. Ты это заслуживаешь. Но если... Наум сделал паузу, боясь высказать последнее своё предложение. Он обнял Доротеею за плечи и посмотрел на неё несколько грустным, но решительным взглядом.

– Но, если ты решишь по-другому... Тогда можешь остаться, но с условием: ты принадлежишь только мне. Не превращай мою душу в железнодорожный вокзал. Никому не позволяй переступать порог твоего и моего сердца в грязной обуви. Ты станешь моей женой, со всеми правами и обязанностями, исходящими из этого. Ты должна быть только со мной, и никогда не изменять мне. По-другому ты сожжешь моё сердце. Ты будешь только моей, пока будешь делить со мной домашние хлопоты и постель. Если тебе надо подумать, делай это, пока я не вернусь из санатория. И давай условимся: из-за любви к тебе я забыл дорогу к другим женщинам. И ты обязана так же поступить. Ясно?! Если ты будешь изменять мне, я тебе не прощу. Отомщу и через десять лет. Я очень жестокий с людьми, которые меня предают!

В последних его словах чувствовалась и доля обвинения. Выслушав его до конца, Доротея напряглась. Она пыталась понять в

этот осенний вечер в лесу, какая сложная миссия ожидает ее при возвращении – самостоятельно решить свою дальнейшую жизнь. Голос Наума звучал строго. Еще никто не ставил её перед таким выбором: быть с Томасом, с молодостью, с другим мужчиной, которого она ещё должна встретить, или же только с Наумом.

«Неужели господин адвокат что-то узнал?» – спрашивала она себя и решила стать более осмотрительной. С тех пор, как она стала взрослой и свободно жила своей молодостью, никогда и никто не ставил ей условий, и она не знала, как нужно поступать в такой ситуации. Сейчас же нужно решить окончательно: возвращаться к Томасу или оставаться с Наумом.

– Я сделаю, как ты просишь, ангел мой, – согласилась она. – Возвращаюсь в город и решаю всё с Томасом.

«Значит, все-таки причина в Томасе», – сделал вывод Вайнштейн. На следующий день утром он посадил её на автобус.

Свинцовое небо расстилалось над живописными кодрами, туманя мысли и предчувствия. Может, она поторопилась, думала Доротея, наблюдая, как автобус поворачивает и как исчезает из вида фигура её возлюбленного. Может быть, нужно было оставить всё как есть, чтобы ситуация сама по себе прояснилась? Теперь она смотрела на своё решение глазами настоящего Наума Вайнштейна – не того, кого мучает совесть, а того, который, влюбившись в женщину, завоёвывает её всю без остатка.

«И когда же ты стал таким моралистом, старина?» – спражался Наум со своими тёмными мыслями, не дававшим ему покоя и после того, как он уже подумал, что разрезал гордиев узел в отношениях с Доротеей. Это сражение длилось несколько дней подряд, пока он не получил сообщения из города. Оно остановило битву между сердцем и сознанием: «Котик мой! Я решила окончательно! Остаюсь с тобой! Будем жить под одной крышей и любить друг друга. Я тебя целую и жду скорейшего возвращения в наше гнёздышко любви».

Последние дни показались ему вечностью. В день отъезда он с самого утра уже был готов к возвращению. Сразу же после завтрака поймал машину и поехал к возлюбленной. Стал торопить водителя и просил его прибавить скорость.

Дома была идеальная чистота. Видно было, что Доротея потрудилась как пчелка. Ему показалось, что квартира стала свет-

лой и солнечной, как в первые дни их знакомства. Вечером они опять стали одним целым. Любили друг друга, клялись в верности и в том, что останутся вместе, что бы ни случилось с ними в жизни, назло всем недоброжелателям. А весной Доротея расскажет всё своим родителям...

Через две недели, в день праздника города, Доротея отпросилась у него на час. Она обещала подруге Ташке встретиться с ней в городе и одолжить ей денег. Наум почувствовал тень беспокойства в её взгляде, но не хотел расспрашивать, подумав, что будет лучше это сделать, когда они встретятся.

Решили увидаться на главной площади города, где вечером должен был состояться концерт и салют. Доротеи не было в условленном месте. Наум ожидал от неё хотя бы звонка. Попытался дозвониться до неё, но её телефон был отключен. Вспоминая недавнюю идиллию, Наум начал беспокоиться и подумывать о том, что в их отношениях происходит что-то непонятное. Был октябрь, солнце светило до самого вечера, а Доротеи всё не было и не было.

Сбитый с толку, он подумывал направиться к дому – его стало раздражать общенародное веселье, эти поющие и танцующие люди, но в это время показалась Доротея. От неё несло табаком и алкоголем. На молодом лице отражались следы недавнего удовольствия. Она объяснила свое опоздание неясными извинениями – встретилась с группой сокурсников и было неудобно покинуть их сразу. И так как извинения не достигли цели, она обвила его руками вокруг шеи, поцеловала в губы, не стесняясь людей вокруг.

– Как же ты измучился, ожидая меня, мой дорогой котик! Сейчас пойдем домой в наше гнездышко, и все будет хорошо! И ещё хочу тебе сказать, что завтра мама присылает нам сумку с вкусняшками...

Они погуляли ещё немного среди собравшихся на площади людей. Всё это время Доротее кто-то постоянно звонил. По ответу было ясно, что тот, кто звонит, находится почти рядом. Она сторонилась Наума, сокращала диалог и пыталась умерить настойчивость звонящего. А когда отключала телефон, одаривала Наума сладкой улыбкой, после которой он таял на глазах. Когда она почувствовала, что её улыбка разлетелась на куски как при

ударе о гранитную скалу, она отключила телефон, взяла его под руку, и они направились к дому.

Вечер был еще напряженнее. Как только дошли до дому, Доротея завалилась на кровать и сразу заснула. Она начала сильно храпеть, и Науму расхотелось её будить.

Впервые почувствовал, что ему не до любви – он был одиноким в этот момент, хотя рядом с ним находилась его любимая женщина.

Проснулась она на следующий день поздно и сразу же собралась на работу.

13

Вопреки всем неприятностям и грустным событиям, их жизнь до зимы была спокойной и безоблачной. Они часто ходили на различные премьеры, не пропускали ни одного концерта любимых артистов, а также выставки знаменитых художников.

Как-то посетили творческое ателье Глеба Саинчука, хорошего приятеля Наума, когда тот праздновал свое 90-летие. Юбиляр нарисовал карандашом портрет Доротеи, и она оказалась на картине эпохи Возрождения.

В один из воскресных дней они съездили на машине Дмитрия Фусу вместе с его сыном на родину Наума, в Иняску. Он повёз её туда, чтобы познакомить с местами его детства. Там же проживал один из самых близких друзей адвоката. Дружили они с детства. Его друг держал отару овец, и Наум всегда возвращался в Кишинёв с несколькими килограммами хорошей овечьей брынзы. Они сфотографировались перед сельским домом, напоминавшем адвокату о беззаботном детстве.

Затем посетили еврейское кладбище в Теленештах, расположенное недалеко от Иняски, и навели порядок на могилах близких и родных Наума. В конце 90-х в Теленештах почти не осталось евреев, и кладбище было неухоженным. Поэтому адвокат Вайнштейн старался хотя бы раз в год появляться тут и наводить на могилах порядок.

В тот же день они заехали и к другому другу его детства – Иону Агаке. Его жена отозвала Наума в сторонку и спросила:

– Ты уже начал сожительствовать с детьми?

– Нет. Это подруга сына Дмитрия Фусу.

– Не ври, Наум. Вашу связь выдают её и твои глаза. Я тебя знаю всю жизнь. Смотри, не ошибись и на этот раз.

– Я?

– Да-да, ты, мой друг! Вижу, что она ягодка ещё та! Эта знает, что делает. И не плачь потом, что я тебя не предупреждала.

Последние месяцы года прошли легко и гладко. Они уже привыкли находиться вместе. Согласовывали вопросы и дела. Когда выходили в общество, Наум надевал красивый костюм и галстук. Доротее он тоже купил чёрный костюм, белую рубашку, и она выглядела так мило, что он был готов постоянно носить её в кармашке под сердцем.

Вечерами часто рассказывал ей о своей прошлой жизни, о многих интересных случаях из своей адвокатской практики, о времени, когда коммунисты зажимали евреев, не разрешая им поступать в престижные вузы и занимать руководящие должности. Так случилось и с ним.

Родившись в Молдове, он был вынужден изучать юриспруденцию в далёком, холодном и чужом Челябинске. Возлюбленная слушала его внимательно, но иногда ей становилось скучно, и она засыпала в его объятиях.

По утрам она вставала раньше, застилала постель, приводила себя в порядок, а перед уходом из дома одаривала его улыбкой и целовала, складывая губки бантиком. Он был спокоен, подозрения покинули его. Доротея всё больше привязывалась к нему.

Часто звонила и объяснялась ему в любви. Интересовалась, пообедал ли он, спрашивала, что готовить ему на ужин – испечь плацынды или вареники с творогом, его любимые блюда.

Вечерами рассказывала ему, как прошёл день, упоминала о смешных случаях, произошедших на работе.

Прекратились и анонимные телефонные звонки.

Доротее забавляли три соседки с их площадки, которые в одно и то же время собирались вместе перед подъездом и мыли косточки всем живущим в их доме. Она называла их «агентами службы информации и безопасности».

Денег у них было немного. Как только они появлялись, Наум выделял определённую сумму на содержание своих десяти детей, а на то, что оставалось, они приобретали все необходимое в дом. Наум настоял на обновлении гардероба своей возлюблен-

ной и купил ей одежду на свой вкус, подарил красивые серьги и инкрустированное кольцо. Однажды они побывали в салоне нижнего женского белья, и он показал, какое белье ему бы хотелось бы увидеть на ней. Консультант, женщина его возраста, удивилась, как заботится отец о своей дочери.

Со временем Доротея привыкла и к детям Наума. Первая, с кем она подружилась, была дочь Ракела, которая чаще всех приходила в гости к отцу. Они были одного возраста, и вскоре после знакомства стали подругами. Изредка вместе ходили в пиццерию ужинать втроем.

По совету Ракелы Доротея приобрела современный мобильный телефон. Эта была одна из последних моделей, со множеством опций. В памяти сохранялось всё. Случайно Наум обнаружил в телефонной картотеке множество мужских имен, среди которых знакомых ему фамилий почти не было. Это очень встревожило его и вновь заставило ревновать, но он не осмеливался спросить Доротею, кто эти люди и с кем она общается вне работы. В таких случаях, Доротея реагировала с яростью:

– Почему ты такой мнительный?! Разве благородно смотреть чужой телефон и интересоваться делами, касающиеся только меня?!

– А что, между нами есть секреты? – спрашивал с упрёком в голосе Наум.

– Думаю, что я имею право на какую-то личную жизнь, дорогой мой. Каждый человек имеет свои маленькие секреты, и это нормально. Ведь так? Будь спокоен. То, что посчитаю нужным, ты узнаешь первым.

Но Наум не сдавался. Он решил начать с другого „фланга” и все настойчивее убеждал её бросить курить, временами даже запрядал ей это делать. Доротея позволяла себе это только в местах, о которых он не знал.

Всё чаще она просила разрешения у Наума задержаться после работы в городе в компании Ташки Лунгу и её друга. Они проводили вместе время на террасе с красивым названием «Времена года», которая пользовалась успехом у молодых людей. Несколько раз он попытался запретить ей это, но Доротея возмущалась:

– Я не пенсионерка! Я буду сидеть только дома?! Я скуучаю по своим коллегам, по общению... А ты, если так сильно хочешь

ограничивать мою свободу, так и скажи: «Уходи». Никаких проблем. Поищу себе другую квартиру.

Её слова ранили его. Он чувствовал, что она его бросает, а он этого не хотел и предпочитал становиться мягче и добрее к ней. Действительно, в свои 20 с лишним лет, она имеет полное право отдыхать после работы в компании своих сверстников. Он не раз предлагал ей присоединиться к их компании, но Доротея не была в восторге от этой идеи.

– Может быть, и я как-нибудь вольюсь в твою компанию. Или мой голос прозвучит фальшиво в вашем квартете? – начинал он при помощи терминологии музыканта.

– Попозже, – согласилась Доротея. – Настанет и твой день.

– Да, буду терпелив, – легко поддавался уговорам Наум.

В канун Рождественских праздников встречи с Ташкой Лунгу после работы происходили всё чаще и чаще.

Друг Ташки, полный и высокий мужчина с собранными в пучок длинными волосами, руководил музыкальным вокально-инструментальным ансамблем. Часто его приглашали на различные презентации и на открытие новых магазинов. И Доротея посещала вместе с ними эти мероприятия, предпочитая отсутствовать вечерами.

Когда возвращалась домой, у нее блестели глаза и настроение было хорошим. Сразу же она бежала в ванную комнату чистить зубы, потом что-нибудь ела на кухне и возвращалась к Науму. Старалась успокоить его и склоняла к интимной близости.

Она редко общалась с ним на различные темы, еще реже читала книги из его богатой библиотеки. После близости она обычно отворачивалась и тут же засыпала, прихрапывая. Этот ритм жизни стал обыденным.

Из Брынзы раз в неделю она получала от родителей полную сумку с провизией. Когда случалось, что Доротея возвращалась с работы раньше обычного, она бралась за уборку, стирку, готовила что-то на кухне, каждый раз удивляя его своим кулинарным мастерством.

Время проходило незаметно, в доме Наума все больше чувствовалась женская рука. Его друзья и сослуживцы радовались за него, говорили, что он рядом с Доротеей будто помолодел.

Доротея стирала и гладила его рубашки, чистила специальной щёткой костюмы и заставляла Наума бриться каждый раз, когда

у него решались дела в суде. Вечерами они гуляли по бульвару или ужинали в пиццерии. Часто ходили в театр «Сатирикус». Посмотрели спектакль «Утерянное письмо» И.Л. Каражиале, который им очень понравился. Оба восхищались игрой актера Михаила Курагуэ. По дороге домой они имитировали некоторые его фразы в разных сценах, особо понравилось им выражение «Имейте чуть-чуть терпения».

Зима в том году не заставила себя долго ждать. Она наступила неожиданно, и была снежной, но мягкой. Все деревья во дворе их дома надели белые наряды. Последние дни уходящего года были полны нежности и ожиданий. В Сочельник они опять получили сумку с провизией от родителей Доротеи. И она с удовольствием занималась готовкой на кухне, вновь и вновь удивляя его своим талантом. Когда была занята каким-то делом, ей нравилось напевать какую-то песенку, и Науму эта её привычка очень нравилась.

Свой первый Новый год они встретили вместе. Доротея в этот раз не поехала домой к родителям на праздники. Она осталась с ним. Они нарядили ёлку, и праздничный стол накрыли тут же. Наум переживал, что его возлюбленной будет скучно с ним, но она весь новогодний вечер была весёлой, ей постоянно звонили с поздравлениями, слали сообщения с новогодними пожеланиями здоровья и успехов. Когда по телевизору они слышали бой курантов, возвещавший о смене года, они поцеловались, выключили свет и зажгли две праздничные свечи.

Под мелодию Криса Ри „And you my live” они танцевали, крепко обнявшись, как двое молодых влюблённых. Давно не переживал Наум таких приятных мгновений. Он ещё раз поверил, что это нежное девичье сердечко прислано ему самим Господом Богом. Какая гениальная мысль посетила его назвать свою любовь Доротеей!

Они провели ночь, полную волшебства и нескончаемого счастья. От девушки исходила позитивная энергия, вера в настоящий и завтрашний день. И он клялся себе, что сделает всё возможное и невозможное, чтобы удержать её рядом с собой, воспитать из неё настоящую преданную жену. Всю жизнь он играл в семью, и поэтому ему так и не удалось иметь возле себя такую супругу. Сейчас ему казалось, что такая жена находится рядом с ним, и он решил посвятить себя полностью семье, обучить Доротею и приобщить её к своему образу жизни и своим вкусам, потому что сердцем чувствовал: она его суженая, предназначенная

Всевышним, и что она этого же себе желает.

Ему казалось, что его мысли объединяются с молчанием, и в ритме танца становятся одним целым. Интимное молчание заставляло думать, что их ждёт год, полный прекрасных событий, авторами и исполнителями которых они сами и являются. Они танцевали, пока дотла не догорели свечи в канделябрах. Разноцветные огни ёлочной диадемы гармонично сочетались с мелодией и голосом Криса Ри, создавая атмосферу мечты и романтической феерии. Только к утру они нырнули в белоснежные простыни, обнялись и проспали целый день.

Вечером первого января они решили пройтись до главной городской площади, где каждый год мэрия ставила новогоднюю ёлку. Там возлюбленные сфотографировались, а Доротея покаталась верхом на лошади.

Во время каникул Доротея поехала к своим родителям поздравить их с новогодними праздниками. Наум купил для них бутылку хорошего коньяка, коробку шоколадных конфет и передал с Доротеей. Он был готов поехать с ней, но Доротея лишь сладко улыбнулась:

– Имей немного терпения, зайчик мой! Я же тебе говорила, что наступит подходящий момент, и я приглашу тебя в Брынзу. Не дави на меня.

Наум с нетерпением ждал её возвращения. Когда пришли к нему колядовать дети, он их отблагодарил сладостями и деньгами, но уже не общался с ними долго, как раньше.

В отсутствие Доротеи к нему заходила дочь Мирабэлла. Она сообщила, что не обижается на него, и если он по-настоящему любит Доротею, если им хорошо вместе и если он уверен, что в силах удержать её рядом с собой, то она не против! Благословение старшей дочери сделало его счастливым.

Зимние каникулы в Молдове длятся почти две недели, народ успевает устать от изобилия еды и ничегониделания, и лишь правительство довольно, что люди развлекаются и на время забывают о проблемах.

Наум воспользовался кратковременным новогодним отпуском и поехал на кладбище своих предков, пригласив с собой и несколько детей со своего подъезда. Для каждого из них прихва-

тил кипы¹² – своего рода тубетейки, которые одел им на головы, едва они ступили на территорию кладбища. Он и один часто приезжал на кладбище убирать и приводить в порядок могилы родных, а также спрашивать у предков их совета в каком-то деле. Предки всегда советовали ему вести достойную жизнь. На этот раз они посоветовали возрадоваться, что Бог послал ему достойную девушку. И что он должен ценить это и не слушать, что говорят люди вокруг. Он не должен забывать, что для каждого человека на свете Богом уготована своя судьба, и каждый человек проживает именно свою жизнь, а не чужую.

К концу новогодних и рождественских праздников Доротея вернулась в город, к Науму Вайнштейну. Ему показалось, что она чем-то встревожена. Её отец страдал неизлечимой психической болезнью. Мать с дочерью не любили говорить на эту тему и лезли отца в домашних условиях.

На праздники болезнь отца стала агрессивной и неуправляемой. Однажды он кинулся на людей. Доротея с матерью с трудом утихомирили его. И когда они думали, что он успокоился, отец выпрыгнул вместе с оконной рамой на улицу. Слава Богу, с ним ничего не случилось. Он остался цел и невредим, но его психическое состояние оставляло желать лучшего. Доротея попросила Наума помочь купить нужные лекарства для лечения недуга. Никто не должен знать о его болезни, в противном случае администрация его уволит. Была она встревожена еще и тем, что мама Дина не давала ей покоя своими расспросами, когда она выйдет замуж и когда одарит их долгожданными внуками.

Доротея призналась Науму, что готова работать больше и за более высокую зарплату, так как эта работа ей наскучила, да и получает она за неё гроши.

– У тебя есть выбор? – поинтересовался он. – Погоди немного, хоть год поработай в Объединении, потом найдем тебе должность юриста с более высоким окладом.

– Так и я говорила, ангел мой, но мама Дина настойчивая женщина. Мои родители не понимают, что в городе не так легко найти хорошую работу с достойной зарплатой. Мама посоветовала поду-

¹² Кипа (*иврит*) – ермолка, головной убор верующего еврея, благоговение перед Всевышним. Маленькая круглая шапочка, прикрывающая макушку.

мать, может стоит поехать на работу в США. Дочь наших соседей Эльвира уже давно там, и посылает домой солидные суммы.

– Имей немножко терпения! – обернул Наум разговор в шутиловое русло.

– Правы мы или нет, кто нас будет судить! – ответила Доротея.

– Эминеску и его Вероника.

На этой волне Наум еще раз попросил у неё руки и предложил выйти за него замуж, родить ребёнка, создать крепкую семью. Но Доротея успокоила его старым проверенным аргументом: слишком рано, она еще не готова. Когда наступит момент, и будет необходимость во всём этом, она обязательно ему сообщит.

– Нам что, разве плохо так, вдвоём?

– Да нет, – и на этот раз согласился адвокат Вайнштейн.

14

Вечером город отмечал День влюблённых, праздник, позаминствованный у католиков и нашедший приют в широкой душе Молдовы. Доротея решила доказать Науму, что она дисциплинирована, послушна и предана ему, и только ему одному. Она отказалась от кампании Ташки, Виталия и Константина. Рано вернулась с работы, села в кресло и начала плакать навзрыд:

– Никто меня не любит по-настоящему, никто не заботится обо мне. Все мои друзья и коллеги веселятся на площади, а меня даже туда не тянет уже.

Чтобы отвлечь её от мрачных мыслей и поднять настроение, Наум достал из шкафа фотоаппарат. Он впервые снимал Доротею плачущей и решил сделать нечто вроде спонтанного мини-интервью.

В конце-концов, грусть девушки прошла. Этому поспособствовал и визит в гости его друга Павла Никэ, прекрасного журналиста и писателя. Они зажгли свечи в канделябрах. Никэ был отличным рассказчиком и поделился с ними перипетиями о событиях во время ликвидации последствий Чернобыльской ядерной катастрофы, а также множеством смешных историй из жизни. У него была тихая и мягкая речь, полная доброты, но из-за хронической астмы он задыхался, что делало его ещё более комичным. На самом деле, он страдал от острой боли, но прятал страдания за ширмой юмора, повествуя о своей поездке вместе с женой в Италию, в город Милан, где издал книгу „Катастрофа” о том, как

тепло итальянцы встретили его и чествовали как знаменитого писателя...

Вечер стал для Доротей одним из самых интересных за последнее время. После ухода гостя, когда они готовились ко сну, Доротея прошептала Науму:

– Ты для меня больше, чем муж. Я всегда буду тебе верна и никогда не буду изменять тебе, мой ангел.

Её слова в этот февральский холодный вечер согрели душу влюблённого Наума, прозвучав так сладко и нежно, так искренне и приятно для его слуха. Потом она, в своей детской манере, сообщила:

– Завтра позвоню маме и попрошу прислать нам вкусную домашнюю еду, потому что наш холодильник опять пуст. А пока будем любить друг друга, единственный мой!

С этого дня Науму казалось, что Доротея стала послушнее и скромнее, но еще более загадочной. Большей частью она молчала, не поддерживала беседы ни на какую тему. Была похожа на участника кулачного боя после тяжёлого раунда, из которого вышла победителем, получив несколько болезненных ударов от противника.

Она уже не торопилась отвечать на звонки на домашний телефон Наума, как бы он не настаивал поднимать трубку в его отсутствие. „Ты же у себя дома!“ – укорял он её.

Начиная с февраля, она всегда исчезала, когда к ним приходили в гости близкие и друзья Наума. Если он допытывался, что с ней происходит, она отвечала, что желает принадлежать только ему, чтобы их семья была одной из самых крепких. Ведь он же сам всегда говорил ей, что, когда члены семьи позволяют многим заходить в их дом в качестве гостей или друзей, стены крепости начинают рушиться. А она не желает, чтобы их крепость была разрушена.

Доротея в действительности была одержима некоторыми переживаниями и сомнениями, которых не знала ранее. С тех пор, как она познала первого мужчину, у неё впервые появились необходимость и желание создать настоящую семью, укреплять её собственными силами, обзавестись детьми. Она мечтала, чтобы на кухне всегда пахло свежей вкусной едой, приготовленной собственными руками. Самым серьёзным образом она думала о

предложении Наума выйти за него замуж и официально закрепить брачный союз между ними.

Временами она жалела, что избавилась от плода, когда забеременела от него. Сожалела она и о том, что отказалась от его предложения найти ей квартиру в городе, чтобы не жить с ним, когда она родит их ребёнка. Этим он хотел дать понять, что в любом случае будет содержать их совместное дитя, как содержит и всех других своих.

Она чувствовала, что Вайнштейн любит её. Его частые объяснения в любви забавляли, но и льстили ей. Он каждый день, утром и вечером, говорил ей о своей любви, о том, что всё больше и больше привыкает к ней, и что очень скучает, когда они не вместе. Наум уговаривал Доротю поехать вместе в Брынзу и попросить родителей разрешить ей выйти за него замуж. Ведь он её так любит и всегда и во всём будет ей помогать. Наум скажет родителям, что как практикующий адвокат, сможет поддержать их дочь и в профессиональном плане. К тому же, он был известен и как хороший писатель.

Наступила весна, и было ощущение, что всё идёт по обычному руслу. Знакомые подарили Науму двух ягнят, различные напитки и другие продукты. Ягнят они оставили на её день рождения, который будет в мае. „Положись на меня, это будет запоминающейся вечеринкой, с барашками и многими друзьями“, – шутил он. Доротее вдруг тоже захотелось справить свой день рождения в необычной атмосфере. Вайнштейн решил приготовить и особенный подарок к этому дню – уговорил старого приятеля принять свою будущую жену на работу в организацию, где условия были намного лучше. На новом месте Доротея должна будет выполнять функции юриста, то есть работать по профессии – да и зарплата тут будет в два раза больше, чем в Объединении лица «Спиру Харет».

О такой работе она давно мечтала. Они вместе сходили к её будущему начальнику и договорились, что она займет должность юриста в новой организации сразу же после отпуска – первого своего отпуска в жизни.

В канун своего дня рождения Доротея собралась навестить родителей в селе, рассказать им о новой работе и узнать их мнение по поводу... По поводу чего, она сама знает! Казалось, радости нет предела.

15

Сюрприз должен был случиться именно тогда, когда Наум меньше всего ожидал этого. На самом деле он осознавал, что эти глаза с горящим взглядом прячут что-то большее, чем страсть к мужчине его возраста.

На протяжении всего года он был опьянён вечерами любви и блаженством. И когда Доротея попросила найти ей другую работу, Наум не торопился делать этого, подумав, что всё же лучше, когда они как можно дольше находятся вместе.

Доротея стала всё больше скучать рядом с ним и всё чаще отпрашивалась проводить вечера в компании Ташки и её друзей или со своими бывшими сокурсниками. Поначалу Наум не видел ничего плохого в этих встречах с друзьями и коллегами, и начинал снова привыкать сам готовить ужин. Вскоре, когда она возвращалась домой, он удивлял её приготовленными блюдами. Ей это очень нравилось. После ужина, она, как всегда, спешила в ванную чистить свои «клыки», как называла она в шутку свои белые и совершенно здоровые зубы, заставляя и Наума следовать её примеру. Потом брала его за руку как ребёнка, и они направлялись в спальню. И как всегда, Доротея приговаривала:

- Давай займемся любовью, ангел мой!
- Ты меня любишь?
- Люблю, а ты...

Для него эти минуты были самыми счастливыми. Ему казалось, что он очутился в раю. В душе Вайнштейн радовался, что в своём возрасте встретил молодую голубку, которая щедро одаривает его ласками и удовольствиями. Может, для кого-то другого этот ритуал давно стал бы рутиной, но Науму хотелось верить, и он верил, что живёт в сказке. Он использовал всё своё старание и умение, чтобы девушке было комфортно рядом с ним, чтобы она не грустила, чтобы узнавала как можно больше тайн о жизни.

Единственное, что его раздражало, был сигаретный запах от Доротеи, когда она вечерами возвращалась домой после встреч со своими друзьями. Пытаясь как-то отвлечь её от дурного влияния компании, Наум брал её с собой в гости к писателям, художникам, режиссёрам, актерам, с которыми дружил. После этих встреч Доротея возвращалась домой преображенной и отдавалась ему с большей страстью.

В День Святого Валентина выпал сильный снег, всюду лежали сугробы в рост человека. Они решили увековечить эту зимнюю сказку и снимали на плёнку веселых людей на улицах, радующихся зимней рапсодии.

На второй день после праздника всех влюбленных Доротея вернулась домой раньше, но выглядела грустнее обычного. Он пытался узнать, что случилось, но она молчала. И только когда он снова начал снимать её, она немного успокоилась и ответила на несколько вопросов перед камерой. Будто в шутку, будто всерьёз, она жаловалась, что чувствует как бежит время, как уходит молодость, а она мучается в офисе Общественного объединения с мизерной зарплатой, без никакого будущего.

Поздно вечером она успокоилась и объяснила Науму, что поддалась юношеским эмоциям, но она очень счастлива рядом с ним. Каждый раз, выслушивая такие откровения, он чувствовал, как бальзам льётся на его душу, и готов был сделать всё возможное и невозможное, только чтобы она была счастливой.

Первого марта Наум решил устроить праздник. Был первый день весны, и исполнился ровно год, как они были вместе. Они собрались пойти в сауну, и чтобы было веселее, пригласили его дочь Ракелу с подругой Катериной и племянника Срула, студента Политехнического института, который заглянул к ним в гости.

Вечер был хмурым и каким-то беспокойным. Во дворе бесчинствовала стая бездомных собак. Верхняя махала занимала, наверное, одно из первых мест в городе по количеству этих животных, плодящихся из года в год вопреки всем кризисам и трудностям, с которыми были вынуждены бороться их двуногие «собратья». На скамейке перед входом, как всегда, дежурили «сотрудницы СИБ», встречая и провожая взглядами всех входящих в подъезд и выходящих из него женщин. Науму не нравилась эта «тройка» – он считал их плохими «охранниками». После их утреннего каркания, для него как правило, наступал невезучий день. И в этот раз, когда они всей компанией отправлялись в сауну, «СИБ» проводил их пожеланием от чёрной вороны:

– Хорошего отдыха вам, дорогие наши!

Отдых в сауне в самом деле получился весёлым и шумным. Они пили пиво, ели бутерброды и то, что захватили с собой. Ког-

да вернулись домой, почувствовали, что пар унял напряжение, скопившееся за последние месяцы.

Довольный и счастливый, Наум напомнил Доротее ещё раз, что сегодня, 1 Марта, не обычный день. В этот день исполняется ровно год с тех пор, как они живут вместе. Они открыли бутылку шампанского, и хорошее настроение воцарилось, казалось, навсегда. Доротея болтала без умолку. Наум говорил об их дружбе и любви, описывая самые важные моменты их совместной жизни. Он признался, что не чувствует никакой возрастной разницы между ними и уверен, что и девушка такого же мнения. А ведь известно, что, когда люди долго живут вместе, они становятся похожими друг на друга.

– Если я правильно рассуждаю, – продолжил Наум через некоторое время начатый разговор, – с поры нашего знакомства мы оба верны друг другу. До встречи с тобой я провожал взглядом каждую проходящую красивую девушку. Теперь я равнодушен ко всем, глаза мои смотрят только на тебя, – сказал он и направился к ящику стола доставать Мэрцишоры, чтобы подарить ей.

Это признание стало роковым, и он вспоминал о нём ещё много времени спустя. Может быть, если бы он тогда не заговорил о верности, их судьба сложились бы по-другому.

Доротея долго молчала, будто взвешивая его слова. Это встревожило Вайнштейна. Её взгляд, слегка затуманенный шампанским, будто пытался поймать нить запутанного клубка, до конца которого никак нельзя было добраться.

– И я только тебя одного любила до недавнего времени, – выпалила она вдруг, и безмятежная улыбка тут же исчезла с её губ. – Не знаю, как случилось, но я тебе изменила... Сама не понимаю, как могло случиться, что я тебя променяла на другого...

Её слова обрушились на него как отравленные стрелы. Он вздрогнул. Возмущение оглушило его разум, но он изо всех сил постарался сдержаться и не кинуться на неё с кулаками.

Теперь он понял подтрунивание, промелькнувшее в пожеланиях «агентов СИБа» и вспомнил о некоторых слухах, будто её всегда перед колледжем ожидали разные мужчины на богатых машинах, в которые она садилась и уезжала в неизвестном направлении. Он, наивный, не придавал внимания этим слухам, думал, что Доротея, получив права, уезжала на машинах друзей и

коллег, чтобы набираться опыта в вождении. Затем он подумал, что ему приснилось то, что услышал. Всё же ему удалось собраться и спокойно сказать:

– Ты ничего нового не сообщила мне. Я знаю... Только одного боюсь: чтобы ты не наградила меня какой-то венерической болезнью.

И сам удивился, как ему удалось оставаться таким спокойным. Ящик стола так и не был открыт.

– Не переживай! С чужими мужчинами у меня секс всегда защищённый.

Голос у неё был уставшим и чужим. Науму показалось, что от него веет холодом, и это его встревожило. „Неужели все кончилось?“ – подумал он. И опять обратился за помощью к самоконтролю:

– И кто эти счастливики?

– Это не счастливики. Он всего лишь один. Это Томас... Но, поверь, сама не могу понять, почему я переспала с ним, когда ты меня удовлетворяешь сполна, – солгала девушка.

– Это не совсем так. Я знаю, что ты крутишь любовь и с другими мужчинами, кроме Томаса.

– Это неправда, зайчик мой! Я даже могу сказать точно, когда переспала с ним последний раз ...

Уменьшительное обращение к нему вызвало у Наума отвращение. Ему это доставляло удовольствие, ласкало его мужское эго в моменты страсти и блаженства, а сейчас слова Доротеи прозвучали фальшиво и отталкивающе. „Что ещё за Доротея? Эта простая Иоанна из какой-то Брынзы!“ – упрекнул он себя. И тут же захотело прижать её к стенке.

– А с тех пор как мы познакомились и стали жить вместе, кто был первым, с кем ты разделила ложе?

– Только с Томасом... На День города, помнишь, когда ты меня ждал на Площади Национального Собрания. Тогда мы были с ним на вилле его родителей, на Балканском шоссе...

– Почему солгала, что была вместе со своими сокурсниками по Университету?

– Не знаю... – виновато пробормотала девушка. На лице её прослеживалась паника, как у ребёнка, разбившего дорогую вазу. – Сама себе объяснить не могу, почему солгала тебе...

Было уже поздно. Наум достал ещё бутылку вина и налил себе полный фужер. Когда хотел налить и ей, она убрала стакан. Он не стал настаивать. Выпил всё содержимое на одном дыхании и налил себе снова. Ему хотелось напиться и обо всём забыть, он чувствовал, что мозги сейчас закипят.

Новость шокировала его и свела к нулю способность ясно думать, анализировать случившееся, искать какой-то выход.

Доротея встала из-за стола и направилась в библиотеку. Остановилась в дверях и ещё раз посмотрела на него виноватым взглядом, потом произнесла приглушенным голосом:

– Ангел мой, прости меня! Не грусти! Знай, что я тебя люблю, что дорожу тобой. Прости, пожалуйста, это больше не повторится...

Она задержалась еще пару минут в дверях, и Науму показалось, что на него смотрит „Незнакомка” с картины художника Крамского. Когда она ушла в библиотеку, он налил себе третий фужер. Но напрасно – он понял, что в эту ночь не сможет заснуть. Он остался один с почти пустой бутылкой. Так прошло, быть может, пару часов, а быть может, и больше. В этот момент он полностью отключился от реального мира и парил где-то между звёздным небом и серыми воспоминаниями. Ночь была тихой, лишь изредка слышались звуки тормозов и лай бродячих собак.

Далеко за полночь, покорившийся своей участи, он тоже проскользнул в библиотеку. Сначала подумал пойти прилечь в зал, но что-то необъяснимое подтолкнуло его направиться к ложу, которое они делили с Доротеей целый год.

„Хорошая годовщина”, – сказал он себе и одетым прилёг на диван, спиной к той, которую на протяжении всего этого года каждый вечер прижимал к своей груди. Но сон не спешил прийти к нему. Мысли бились как в клетке, от одной стены к другой, мигая и спотыкаясь, в поисках способа наказать или оправдать. „С другой стороны, – думал он, – Доротея была откровенна со мной, ей хватило смелости сказать правду, и она не позволила мне узнать всё это от кого-то постороннего. Да и в моей жизни было много женщин, я всех своих жён обманывал... И как я могу её наказывать после того, как она сама призналась во всём... Может, и вправду, она больше не будет изменять мне”, – успокаивал себя

Наум, вспоминая её заверения в верности. В это время он почувствовал, как её руки, когда-то очень страстно обнимавшие его, обволокли его шею, будто просили его приблизиться:

– Прости меня, ангел мой! Я только тебя одного люблю! Прости! Больше никогда тебе не буду делать больно...

16

Полночи, пока Наум не прилёт рядом, Доротея мысленно пыталась очистить воду, которую сама замутила своим роковым признанием. Ещё хорошо, что она не рассказала ему чистую правду, как было на самом деле.

С другой стороны, он не мог успокоиться: почему она все-таки решила рассказать ему о своей неверности, а не оставлять всё как было, пока бы он сам не узнал об этом? Он спрашивал себя: «Интересно, верит ли она сама в свою клятву не изменять больше ему ни с кем и сможет ли устоять перед искушениями в дальнейшем?»

Она осознавала, что несмотря на искреннее признание, обманула его. Тогда зачем клянётся в своей верности?

Не прошло и трёх месяцев после их знакомства с Наумом, как она поняла, что ищет настоящего принца, который неожиданно появится в её жизни. Но это свойственно каждой девушке её возраста. Каждая мечтает о молодом, красивом, умном, интеллигентном, внимательном парне. И чтобы он повёл её в свой сказочный мир, и чтобы страстно любил. Чтобы её горящее сердце почувствовало силу, молодой темперамент, запах пота молодого мужчины, крепкие мышцы рук, которые бы гладили её ещё не совсем спелую грудь, бархатную кожу... Тогда как она вынуждена довольствоваться ухаживаниями пожилого мужчины, у которого дети старше неё, компанией престарелых друзей, окружением, вращающемся в другом мире.

Она начала балансировать между мыслью, что любит его по-настоящему, и мыслью, что лишь уважает его за то, что он делает для неё. Постепенно весы склонились больше к уважению.

Хочешь не хочешь, молодость брала своё. Как бы Доротея ни старалась не обижать его, по дороге на работу, в общественном транспорте, на улицах города она непроизвольно заглядывалась

на парней своего возраста. И только вечерами, вернувшись домой к Науму, понимала, что обязана приносить в жертву свои чувства ради этого замужества-сожительства, должна быть верной мужчине, под крышей дома которого ей посчастливилось жить.

„Посчастливилось или не посчастливилось?“ – часто спрашивала она себя. Если быть до конца честной с собой: у неё не было другого выхода. И она решила прогнать из своего сердца горечь чувств, утопить в суете жизни горячий зов молодой крови, измениться и стать такой, какой хочет её видеть Наум. Она стала приходить вовремя домой и слушаться его во всём.

Но реальность подрывала её решения и подставляла ножку на каждом шагу. Молодой мир привлекал, поднимал на своих невидимых крыльях против её воли, уносил с собой. Пользуясь лояльностью Наума, она зачастила на встречи с Ташкой и её сожителем Виталием, чтобы хоть как-то уgomонить свой молодой пыл. Иногда успокаивала себя мыслью, что и Ташка живёт с мужчиной намного старше себя. Правда, у них разница в возрасте составляла лишь 10 лет, тогда как Наум был старше Доротеи на 27 лет! С каждым днём она всё больше убеждалась, что не может быть похожей на героинь из приключенческих романов, призванных спасать утопающий корабль, имя которому Наум Вайнштейн.

В разгаре этих терзаний на пороге офиса она встретила Томаса. Наум в тот день присутствовал на заседании суда. А Томас оформлялся на работу как сотрудник уголовного розыска в секторе Бюкань и попросил её скопировать некоторые документы. Она поняла, что это хороший предлог исчезнуть на некоторое время из офиса, когда адвокат Вайнштейн занят на заседаниях суда.

Именно тогда она впервые не устояла перед искушением возобновить прежние отношения и приняла приглашение Томаса в гости на виллу родителей. „Господи, неужели я становлюсь шлюхой?“ – мучила себя терзаниями Доротея после первой измены адвокату. Но за ней последовали и другие, которые сопровождались теми же мучениями совести: „Если бы обо всех моих приключениях знал мой ангелочек, я бы получила от него хороший нагоняй“.

Вскоре Томас исчез – уехал на стажировку за границу. Несколько недель она очень скучала по нему, а мечты уводили её в далёкие края.

Она познакомилась с Костей Айнштадтом, хорошо разбрав-

шегося в автомобилях. Он возил аппаратуру музыкантов вокально-инструментального ансамбля, руководимого Виталием, в места, где они выступали с концертами и где почти всегда присутствовали и Ташка с Доротеей. От слова к слову, Костик узнал, что Доротее нравится английский язык, кулинарное дело и что она очень любит водить машину.

Ему не было и 30, он был состоятельным молодым человеком, так как жил и работал много лет в Германии. Его близкие друзья знали, что несколько лет назад в его семье случилась трагедия – кто-то убил его мать и молодую жену... Никому не был известен мотив этого преступления, а Костик, с тех пор как вернулся из Германии, старался не вспоминать об этой страшной истории. С Доротеей он пытался восполнить пробелы в знании английского языка, так как у него были планы уехать из страны. Она сразу же про себя подумала, что Костик может открыть и для неё перспективу уехать за границу. Почему бы и нет? Как только познакомились, много дум начало роиться у неё голове, и каждый раз при встрече она строила ему глазки. Молодой человек в ответ тоже стал улыбаться, а когда узнал, что ей нравится водить автомобиль, предложил свою помощь в укреплении навыков вождения.

Так случилось, что они оказались вдвоём в роскошном лимузине на поляне Петриканского леса... После нескольких встреч с Ташкой, Виталием и Костилом, Доротея очутилась в пламени неожиданного приключения.

Казалось, что их встречи всегда были случайными – молодой человек звонил ей спросить что-то на английском и как бы между прочим сообщал, когда он будет свободным и сможет помочь ей попрактиковаться за рулём своей машины. Как правило, „практика” длилась намного меньше, чем время, проведённое на поляне или в каком-то уютном местечке, спрятанном от глаз людских. Они отдавались друг другу, где только можно было: в лесу, в салоне автомобиля, в его квартире. Эти тайные встречи были удобны для обоих – молодой человек с самого начала знал их цель: переспать с Доротеей. Чаще всего они встречались после обеда, затем он привозил её на машине и высаживал в переулке за домом. „Машина – это мысль человека”, – говорили они друг другу на прощание и сладко целовались.

У Доротеи был свой расчёт, устроить всё так, чтобы у Наума

не возникало никаких подозрений. Она всегда старалась вписываться в тот отрезок времени, сколько занимало добираться с работы до дому на общественном транспорте и успеть зайти в какой-то маркет за свежими продуктами. Когда развлечения с Костиком не вписывались в обычный ритм, она находила причину и сообщала Науму по телефону „где находится”. Но почти всегда она старалась приходить вовремя, готовила ужин для двоих. Вечерами они выходили на прогулку, сидели в каком-то баре или на террасе. Часто гуляли по бульвару Мирчя чел Бэтрын, недавно обустроенный городской администрацией. Гуляли, держась за руки, вызывая любопытство прохожих. Но даже если Доротея соблазнительно улыбалась Науму, её мысли всё чаще улетали к Костику, который был более молодым, мужественным и соблазнительным, и который завоевал её не только своей молодостью, но и полными карманами денег.

После бурных эскапад с Костиком любовью с Наумом она занималась неохотно и без удовольствия. Выполняла долг, иногда симулируя оргазм. Сидя сверху, собирала волосы с затылка, распускала по лицу, чтобы скрыть его, и стонала так, будто дошла до пика страсти. В последнее время она жила в страхе, что старый волк Вайнштейн догадается, что она симулирует, что всё это для неё не больше, чем фальшь и притворство.

Сейчас, полная этих воспоминаний, она не переставала спрашивать себя: зачем ей вдруг понадобилось, вот так, без какой-либо причины, признаваться в измене? Потому что продолжает любить Наума? Но это не так! Она уверена в этом. Тогда зачем? Будут ли её перспективы лучше, если она уйдет от него? Пока она их не видела. Может быть, молодая кровь просит реванша за пребывание с мужчиной в два раза старше её? Или это все-таки интуитивное желание рстаться?

Мысли роились в ней, как в осинном гнезде, обжигая мозг и отгоняя сон. Впервые, опьяневшая от выпитого, она не смогла сразу заснуть. Даже сауна не принесла того приятного облегчения, как обещал Наум. „Зачем именно сегодня мне понадобилось признаться во всём? Господи, неужели и вправду я становлюсь шлюхой?” Эти мысли продолжали сверлить её и не давали заснуть. Она успокоилась только когда почувствовала, что Вайнштейн рухнул рядом с ней на диван...

17

Науму Вайнштейну казалось, что в последнее время он попал в страну сюрпризов. Вскоре после исповеди Доротеи и её клятвы больше не изменять, произошли новые скандальные события. На весеннюю двухнедельную сессию приехал его племянник Срул. Он очень удивился и долго не мог понять, почему молоденькая девушка согласилась сожительствовать с его дядей. После вечера, проведенного вместе с ними в сауне, племянник попросился к своему дяде на квартиру.

Срул был красивым молодым человеком, немного манерным, но очень общительным и пользовался большим успехом у девушек.

Как-то утром он предложил отвезти Доротее до работы со скоростью звука. Правда, он должен проехать мимо Рышканского леса, чтобы забрать диск у своего друга.

Пока молодой человек искал диск в гараже друга, Доротея вышла на несколько минут из машины. Лесной воздух, птичьи трели, свежесть утра окутали её как элитный парфюм. Она подняла руки над головой и всем телом потянулась к голубому небу, раскачиваясь под порывами ветра, будто желая дотянуться до макушек деревьев, до поющих птиц, до солнца. Энигматическое удовольствие блаженством пронеслось по всему её существу.

Она начала опускать руки, и очутилась в крепких объятиях – молодой человек прижал её к груди и начал целовать. Доротея не сопротивлялась – она отдалась страстным поцелуям и потерялась в объятиях его больших и сильных рук. Только когда руки Срула начали скользить по бёдрам, она мягко и нехотя освободилась из его объятий, не желая допустить, чтобы жар страстей помутил её разум – она должна доехать вовремя до работы и не вызывать никаких подозрений у господина адвоката.

До обеда всё её существо находилось в плену утреннего страстного поцелуя. Она не смогла сдержаться, и первая решила написать Срулу сообщение в социальных сетях, дав волю чувствам. Будучи во власти беспокойных чувств, она по ошибке прислала свое сообщение на адрес Вайнштейна.

Случалось, что Наум читал и сообщения Доротеи такого характера или сообщения её друзей. Но он их воспринимал как

юношеские откровения незрелых сердец, блуждающих между мгновенными аппетитами и эфемерными чувствами. Ему нравилось наблюдать, как развлекаются молодые, и многие их привычки забавляли его. Но в этот раз, прочитав сообщение, он вызвал её в кабинет и попросил объяснений.

На несколько мгновений девушка растерялась – голая правда была перед ними, но тут же она пришла в себя и притворилась, будто внимательно читает сообщение. Наум взорвался – ещё не забылась история о ее измене, а тут уже другая началась. Он вспомнил о двух презервативах, которые тоже были обнаружены случайно. Они выпали из её сумки, когда она искала ключи. Вспомнил Наум и о прежних похождениях, о которых сама же и рассказывала ему, о Томасе и о других её любовниках.

Вайнштейн начал кричать на неё и оскорблять, говоря, что больше не намерен терпеть распушенность развратной девушки с ангельским лицом, которая на самом деле является настоящим монстром постельных утех. И опять поставил ей ультиматум: она соблюдает верность и семейную дисциплину или сейчас же уходит от него и может заниматься проституцией с кем и когда хочет, и сколько пожелает её сердце и плоть!

Доротея поняла, что на этот раз будет не так легко выпутаться, и когда Наум немного поостыл, начала уверять его в том, что это не больше, чем первоапрельская шутка. А единственная правда кроется в том, что она действительно ошиблась адресом. В остальном, Бог ей свидетель, она не любит никого, кроме него, Наума Вайнштейна, её ангела, голубя, котёнка, птенчика, любимого... После многих-многих клятв и заверений, моментов тишины, раскаяний и отступлений, Вайнштейн немного успокоился и решил про себя простить её и на этот раз, дать ей ещё один шанс...

Увидя его более-менее успокоенным, хотя ещё немного раздражённым, она набралась смелости и дала ему понять, что не может терпеть „нравоучений на тему морали“, которые становятся все более частыми, и если он будет настаивать, она может уйти, нет проблем...

К вечеру страсти улеглись и после «примирительного» ужина (Доротея приготовила куриный суп с фасолью, одно из любимых блюд Наума), они вышли на прогулку. На бульваре цвела сирень, и они долго гуляли, наслаждаясь приятным цветочным ароматом.

Домой вернулись спокойными и умиротворёнными. Как обычно, после размолвок, они уединились в библиотеке. Гнездо их любви и счастья приняло голубчиков, будто ничего не случилось. Доротея отдалась со всей страстью и нежностью, на которую была способна, когда находилась в прекрасном расположении духа. Перед сном Доротея попросилась покурить. Он не возражал. Она вышла одна на балкон и долго курила. Наум в это время заснул, но к полуночи его разбудили её метания в постели. С широко открытыми глазами и отсутствующим взглядом она смотрела в потолок, билась в конвульсиях, её руки и ноги дрожали.

– Что с тобой? – испугался Наум. – Вызвать «Скорую?»

– Нет! – прокричала она испуганным голосом. – Я хочу домой, к маме... Домой хочу, – продолжала она хныкать, как ребёнок.

Не понимая, что происходит и что можно предпринять, Вайнштейн обнял её тёплыми руками, крепко прижимая к своей груди. Её тело было покрыто холодным потом. Вскоре Доротея успокоилась и прильнула лицом в слезах к его плечу. Она продолжала дрожать, и Наум подумал, что у неё психическое расстройство. И вдруг его осенило: она выкурила не простую сигарету, а с травой конопли.

– Мне не верится, что ты употребляешь наркотики, – сказал он раздражённо и включил свет.

Глаза у девушки были широко открыты, а зрачки – мутными. Часы отсчитали много минут, прежде, чем она успокоилась. Лишь взгляд её некоторое время оставался затуманенным. Когда Доротея пришла в себя, она посмотрела на него и подумала: откуда он это знает? И сама же и ответила на свой вопрос:

Ташка и Виталий систематически употребляют эту дурь. А я попробовала как-то только один раз в кафе «Времена года». Я не хочу травить себя... – И опять начала плакать навзрыд: – Не хочу умирать... Никогда больше не ори на меня как сегодня... Я хотела забыть обо всём и поэтому выкурила эту сигарету. Если ты сможешь простить меня, то настанет день, когда я ради тебя вообще брошу курить.

Шокированный новыми признаниями, Наум долго не мог прийти в себя. Немного успокоившись, он предложил ей сеанс сухого массажа. Научился он этому на специальных курсах, когда с последней женой собирались эмигрировать в Канаду.

Доротее понравился массаж. Вскоре она крепко заснула, похрапывая, как уставший мужчина. Было уже далеко за полночь, а Наум ещё никак не мог заснуть. Мысли, одна неприличнее другой, вихрем врываются в его мозг. „Она была моей жизнью. Но почему я должен ей мешать? Пусть уходит. Выгоню её... Но люблю до безумия, и не могу это сделать”, – сам себе противоречил он.

У него было странное чувство: он понял, чем занимается его возлюбленная в свободное время, но не в силах был решиться на кардинальный поступок – освободить её, пусть уходит, куда хочет и ищет где её место.

“Тяжело будет без неё, – повторял он эти слова как заклинание, – нет другой такой. Но я должен... должен предложить ей свободу, которую заслуживает её молодость... Да и её родители, у которых она единственный ребёнок, если узнают, однажды могут нагряться с обвинениями – как так он, старый мужчина, ровесник её отца, умудряется держать её запертой в своём доме как сексуальную рабыню...”

* * *

На следующий день вечером к нему зашёл Ицик Мазик. Доротеи ещё не было дома. В одной руке Ицик держал неразлучную свою подругу – скрипку, в другой – связку лошадиных подков, а под мышкой – смычок. Он был свежевыбритым, в своём старом помятом костюме, в той же шляпе, чей левый клапан поднимался вверх, а правый висел над посиневшим от холода ухом.

– Решился завести бизнес с подковами! Даже если все мои предки до меня были музыкантами! В городе телег нет, а вот в сёлах их становится всё больше и больше. А телеги, так как тебе известно, тащат запряжённые лошади. И раз есть лошади, значит нужны и подковы!

Ицик лукаво улыбнулся, но глаза его выдавали грусть. Скорее, бескрайнюю безысходность. Наум рассмеялся, но его друг не обращал внимания на него.

– Мы открыли небольшой магазинчик, снимаем комнату возле Церкви на улице Чуфля. Теперь скрипка помогает мне ещё больше. Играю в дверях магазина, где Хона продаёт подковы. Кажется, моя жизнь стала изобильнее, веселее. Идею продавать подковы предложила моя бесценная жена! Иногда женщина в

процессе своего нестандартного мышления может сдвинуть с места не только горы на земле, но и звёзды на небе, – заключил свой монолог Ицик Мазик.

Наум не стал смеяться, лишь скривил кислую улыбку, и этим дал понять своему другу, что он не в настроении. Ицик перенёс смычок под другую руку, а скрипку и связку подков из одной руки – в другую, глухо лязгая ими, и ушёл, сгорбленный и молчаливый.

Наум остался один со своими мрачными мыслями в ожидании Доротей с работы...

18

– Даже не хочу об этом слышать! – прервала её мать, когда Доротей-Иоанна намекнула, что думает выйти замуж за мужчину возраста её отца.

– Это господин адвокат? Давно поняла, что ты живёшь с ним, и только я знаю, как страдаю. Знаю, тебе бы хотелось жить в столице, родительский дом тебя не привлекает... Но там некому тебя поддерживать, а господин адвокат, как я понимаю, держит тебя в своей квартире, обеспечивает, нашёл работу. Ладно, моя дорогая, поступай, как знаешь, но твоё будущее не с ним! Как ты этого не понимаешь? Будь умницей и пойми, что через 10 лет он будет пенсионером, а ты ещё девочкой...

– Мне кажется, я его люблю, – пробормотала Доротей, не будучи уверенной, что сказала правду, и ещё больше в том, что мать могла ей поверить.

– Какая любовь может быть между ребёнком и стариком!? – возмутилась мама Дина. – Он вскружил тебе голову, и мне очень хотелось бы привлечь его к ответственности, но, как я понимаю, у тебя другого выхода нет. Томас женился, а другого Бог ещё не прислал! Потерпи немного, тебе только 23 года, всё ещё успеется.

– Лучше бы подумала, как найти работу за рубежом, – включился в разговор отец Михаил, намекая, что он тоже в курсе её сожительств с господином адвокатом.

– Я надумала вместе с нашей соседкой Веней Настасиу отбить тебя у него, – вмешалась мать. – Я даже звонила ему домой и была настроена высказать всё, что думаю о нём, но правильно сделала,

что сдержалась. Я почувствовала, что этот человек желает тебе добра. А добро грех мешать со злом.

– Вы же говорили, что мечтаете о внуках? – Только не от него. Только еврейский приплод ты ещё не принесла нам! После рождения ребёнка, когда изменится твоя фигура, он оставит тебя ни с чем! Что бы ты ни говорила, твои глаза грустят по молодым парням.

– Он мне нравится, мама! Я чувствую себя хорошо с ним. Он умный, спокойный и очень внимательный ко мне...

– И что же тебе еще надо? – спросила мама Дина. – Живи с ним, но не жертвуй молодостью ради замужества с ним. И не вздумай ему ребёнка родить! У него не один ребёнок, а целая дюжина! Зачем ему ещё и ты со своим ребёнком? Может, сейчас тебе только кажется, что ты его любишь? И я была молодой, как ты, знаю, как это бывает.

Доротея долго смотрела на маму, стараясь изо всех сил представить её молодой и худенькой, как она. Сколько она помнит, мать была женщиной в годах, крепкой, упитанной, и всегда боролась с житейскими трудностями, преодолевая их в одиночку. Она выросла вместе со своими сёстрами и братом без отца. Первый раз неудачно вышла замуж и вскоре развелась. Потом решила попытаться счастья с мужчиной моложе себя, но большой любви между ними не было. Просто волны жизни носили её по ухабам годов.

Она бы давно развелась и с этим высоким, худощавым и сварливым мужчиной, но после того, как они удочерили Доротею, их любовь сконцентрировалась вокруг неё, этой невинной девчушки, и как-то незаметно они прожили вместе почти 30 лет. Построили дом, вместе работали в поле и на железной дороге, а привычки объединили их навсегда, даже если любви большой так и не случилось. Сейчас же и от первоначального притяжения между ними ничего не осталось, лишь привычки и забота о приёмной дочери держали их вместе.

Когда Доротея возвращалась в город, Наум всегда встречал её на троллейбусной остановке Университета. На этот раз он её встретил с букетом красных роз. Томная улыбка расцвела на её щеках, но глаза остались грустными. Она вернулась в город с разбитой душой, будто что-то важное в её жизни изменилось. Нечем

было порадовать мужчину, подарившего ей роскошный букет и ласкающего её горячими поцелуями посреди улицы. Теперь она видела себя другими глазами, и их отношения тоже.

Вдруг ей стало страшно от того, что её надежды были лишь пустыми иллюзиями, рассеявшимися где-то в пути, вместе с хриплым эхом сирены локомотива. Перспективы стали смутными и не предвещали ничего хорошего, лишь нестабильность и неопределённость, а стены их крепости с Наумом не казались уже гранитными. Как ни старался Наум узнать, что случилось дома, почему она такая грустная, о чём она говорила с родителями, Доротея отвечала немногословно и неконкретно, но Наум понял, что мама Дина посоветовала ей пока не торопиться с замужеством, она молода, ещё есть время...

– Пожалуйста, не обижайся, – пыталась она успокоить Наума, заметив, как лицо его стало бледнеть. – К таким важным делам надо готовиться тщательно. Необходимо заложить фундамент, а лишь затем поднимать стены дома, не правда ли? Я рассказала родителям, что ты только сейчас переехал в свою квартиру и что я сплю на одном диване с твоей дочерью Ракелой в гостиной, а ты в спальне... В следующий раз, когда поеду в Брынзу, скажу, что Ракела переехала жить к своей маме и что мы с тобой остались вдвоём. И так постепенно родители поймут, что всё идёт и складывается и что не хватает только их согласия, чтобы мы стали семьей... Или я неправильно излагаю?

– Мыслишь, как взрослый человек, – согласился Наум.

В тот вечер они отдохнули на одной из террас в кафе, а потом гуляли по бульвару. Дома они продолжили беседовать на тему их совместной жизни. А Доротея ловила себя на мысли, что больше думает о своём дне рождения и о... Костике Айнштадте.

19

День рождения Доротеи почти совпадал с днём рождения Ракелы. Накануне она сказала Науму, что девушки решили отметить их вместе в Вадул луй Водэ. В зоне отдыха на берегу Днестра есть все условия для барбекю, а на ночь можно заказать гостевые домики. Наум кивнул в знак того, что он тоже готов участвовать в этом загуле, но оказалось, что Доротея категорически против этого.

– Как так, милый? – дружелюбно упрекнула она его. – Там будет только молодёжь, с кем ты будешь общаться? Будешь чувствовать себя одиноким и смущённым. Мы с тобой потом отметим дома. По-семейному. Не лучше ли так?

Вайншейн подумал, что она права и не показал своего раздражения. С вечера он стал готовить для барбекю двух ягнят, подаренных ему друзьями, и от своих знакомых привёз вина. В обед Доротея со своей подругой Ташкой и его племянником Срулом с группой молодых девушек и парней заехали забрать необходимое для праздника. День был хмурым, небо – облачным, но компания покинула дом Наума в прекрасном настроении.

До Вадул луй Водэ ехали двумя группами: одна группа Раке-лы, вторая – Доротеи. В компании Доротеи был и Костик. В зоне отдыха молодые достали продукты и начали готовиться к празднованию двух событий. Когда заметили, что не всё заготовлено, Костик с Ракелой и Доротеей побежали в местный магазин докупать продукты и напитки. За всё платил Костик.

Когда они вернулись, их уже ждали с полными бокалами. Тосты и пожелания витали в дыме шашлыков, а вино, водка и шампанское дали старт всеобщему веселью, шуткам и анекдотам. Эйфория достигла апогея, когда некоторые из курящих перешли от обычных сигарет к конопляным. Доротея пару раз затянулась из сигареты своей подруги. Хорошему настроению не было предела. От громкой музыки онемело всё живое вокруг, и вскоре две компании разделились на маленькие и смешанные группы, чтобы можно было услышать друг друга.

Воспользовавшись моментом, Доротея и Костик укрылись в гуще леса неподалёку. Их не было около часа, и когда они вернулись, было понятно, что их отсутствия мало кто заметил – все были разгорячены и возбуждены.

– Пожалуйста, к столу, влюблённые, – кто-то окликнул их из крайней группы, расположившейся поближе к дороге.

Пока ещё не все вернулись к костру, Доротея и Костик успели выкурить особую сигарету из конопли. Виталий подошел к нему и пошутил громким голосом:

– *Post coitus, animalis tristia!*¹³

¹³ *Post coitus, animalis tristia!* (лат.) – После соития животные грустны.

– Вы там не простудились, голубки? – забеспокоилась за подружку Ташка.

Доротея присела к столу, а Костик остался в стороне докуривать сигарету. Веселье продолжалось до глубокой ночи. Пилось, елось от брюха, танцевалось до упаду, и каждый показывал кто на что горазд. Костик весь вечер танцевал с Доротеей, к тому же много пил, и к концу мероприятия елееле держался на ногах. Она просила его не наливать себе крепкие напитки, но он не слушал.

К полуночи заморосил мелкий дождь, и все убежали в арендованные домики. Распределились наугад: несколько пар заняли вместе один домик, а остальные, кто с кем, забрались в другой. Вдруг засверкали молнии, загредел гром, началась гроза, и даже пары влюблённых вынуждены были бежать к домикам. К Ракеле вихрем ворвалась её подруга Катерина и начала рассказывать немного испуганным голосом о только что увиденной картине: «Дорогая моя, если бы ты только знала, что я увидела! В машине Костика две женские ноги упираются в лобовое стекло, а он сверху так качается, что машина чуть не переворачивается... Ой, такую картину впервые вижу! Да, кстати, а где Доротея?»

Ракела с трудом сдержала себя, чтобы не выйти и не поймать их на месте преступления.

20

– Уходи куда хочешь! Не могу тебя видеть! – кричал Наум, выбрасывая в коридор вещи Доротеи, и выталкивая её из дома. Лицо его было искажено гневом, глаза покраснели и сверкали молниями. Нервный тик бороздил левую щеку.

Она ни разу не видела его в таком нервном состоянии, но сейчас он вышел из себя и не отдавал себе отчёта в том, что делает. Она почти покатила по лестнице – он толкнул её изо всей силы – и споткнулась о порог подъезда. Начала кричать, испугавшись, что Наум будет избивать её своими кулачищами, но он не вышел за ней. Доротея побежала в ночь и бесцельно бродила по городу, забыв о своих вещах, которые он выбросил за дверь.

Её приключения дошли до ушей Наума Вайнштейна на следующий день после возвращения из Вадул луй Водэ. Поначалу она

подумала, что это Ракела её выдала, но вскоре поняла, что в компании в ту ночь было ещё много незнакомых людей, чему Доротея не придавала особого внимания. „Нет, у Ракелы нет такой привычки, я столько раз облажалась, и Ракела была в курсе, но никто потом ни о чём не узнавал“, – пыталась понять она, кто же её сдал. И именно сейчас, когда через несколько дней должна выйти на новую работу. Она начала вспоминать, слово за словом, реплику за репликой, с чего начался скандал в этот злосчастный вечер.

Не успела она войти, как господин адвокат усадил её на стул и начал допрашивать в деталях о времяпровождении в Вадул луй Водэ. И она была вынуждена признаться во всём, что случилось в ту ночь.

– Это правда или нет? – потребовал он объяснений, разъярённый фактами измен с Костиком.

Доротея начала тянуть время с целью понять, что знает Наум. Он смотрел на неё с таким презрением, что она пробормотала, стараясь казаться максимально спокойной:

– Не всё это правда. Костик всё время лез ко мне, но он был таким пьяным, что у него и не вставал... Он так ничего и не смог сделать... ничего не было между нами.

И пока до неё дошло, насколько плох был ответ, Вайнштейн выбросил два маленьких чемодана с её вещами на площадку, схватил медвежьей хваткой за „одно крыло“ и вытолкнул из прихожей. „Уходи от меня куда хочешь!“ – долго еще раздавалось в её ушах эхо жестокого приговора.

„Кто же меня выдал?“ – спрашивала она себя, и каждый раз понимала, что была неосторожна, даже глупа в тот вечер в Вадул луй Водэ. Он был прав, что выгнал её.

Когда на улице стало совсем темно, она подумала поискать Костика. Его не было – накануне он уехал в Германию насовсем, и не думал возвращаться. Доротея поняла, что все её надежды на этого мужчину, намного моложе Наума, намного богаче и более приспособленного к жизни, были напрасными. Теперь она поняла, что хотела его лишь как друга и реального спасителя, но, как видно, и он её только использовал. „Паршивая собака“, – злобно процедила она сквозь зубы.

– Кто? Я? Мне очень жаль, дорогая Иоанна, что ты так обо мне думаешь!

Она вздрогнула, услышав своё давно забытое имя. Перед ней возникла здоровенная фигура, под два метра ростом, и пока она думала, кто это, он обнял её за плечи и спросил тёплым и полным радости голосом:

– Что ты делаешь, моя дорогая, что случилось с тобой, ты кого материшь?

– О-о-ф-ф! – прилипла она, причитая, к широкой груди парня, после того как узнала в нём своего сокурсника Матея Боура. – Наверное, сам Бог послал тебя мне.

Доротея рассказала, как её выгнали из квартиры на ночь глядя. Матей жил с подругой в двухкомнатной квартире в районе Отова-ска. Он предложил ей переночевать у них в свободной комнате.

После комфорта, к которому Доротея привыкла у Наума, она всю ночь не сомкнула глаз. Всё думала, что же она натворила и почему потеряла всё, что ей доставляло удовольствие, и теперь должна спать на этой ржавой скрипучей кровати с порванным матрасом.

На второй день Доротея поехала к Ташке в пригород Петри-каны. Она была грустной и задумчивой. Выслушав её исповедь, Ташка начала ругать подругу.

– Ты тоже хороша! Рядом с тобой мужчина, который содержит тебя, предоставляет все условия для хорошей жизни, а ты с жиру бесишься! Ты ведь знала, что у тебя не было никакой перспективы с тем немцем. Он никогда не воспринимал тебя всерьез, и кинул тебя при первой же возможности! Неужели в тот вечер ты не могла быть более сдержанной?! Могли заняться любовью и на следующий день, не лопнуло бы терпение!

– Села я хорошо в лужу! – виновато промолвила Доротея. Глупышкой была! А теперь уже поздно что-то исправлять.

– Наум не звонил тебе? – помягче спросила подруга, глубоко затягиваясь сигаретой.

– Дай и мне сигарету, – попросила Доротея.

Она закурила, жадно затягиваясь, осмотрелась вокруг блуждающим взглядом, пока снова не остановила его на подруге.

– Что же мне делать теперь?

Ташка уклончиво пожала плечами, лукаво улыбнулась и ответила:

– Он тебе позвонит, вот увидишь...

– И как мне поступить?

- Снова помириться с ним! Что еще остаётся делать?
- Ты думаешь, он простит меня?
- Если будешь хорошей девочкой, – с тем же лукавством улыбнулась Ташка, и протянула ей недокуренную сигарету.

К обеду, после того как немного вздремнула, Доротея проснулась и почувствовала, что у неё закружилась голова. Она вспомнила, что на следующей неделе должна устроиться на новую работу, и отсутствие в её жизни Наума, который предложил её кандидатуру шефу фирмы „Хегох“, было совсем некстати. В сложных ситуациях она всегда сохраняла спокойствие и мыслила логично. И в этот раз решила успокоиться и немного подождать. Опять осталась переночевать в Отоваске, и до полуночи была вынуждена слушать «симфонию» кровати из соседней комнаты, где занимались любовью её сокурник со своей девушкой.

Утром она проснулась от сильной головной боли. Был выходной, и она весь день провалялась в постели. Матей со своей сожительницей с утра ушли в город. К вечеру ей захотелось пойти в кафе, но что-то удерживало. В конце концов, решила позвонить Науму. Притворилась, будто интересуется судьбой своих вещей.

– Если хочешь, можешь зайти забрать их. Я занёс вещи с лестничной площадки обратно в дом.

Голос его был спокойным, но обиженным, и девушка набралась смелости.

– Почему ты так жесток? – спросила она плачущим голосом.

– Потому что ты мне безжалостно лжёшь, – спокойно ответил Наум. – В таких ситуациях ни один мужчина на свете не простит тебя. Была бы поумнее, никто бы не узнал об этом, – будто повторял он слова Ташки. – Если даже так сильно и понравился тебе этот аферист.

– А ты веришь всем дурацким слухам, – произнесла Доротея в ответ и поторопилась отключить телефон.

Странно, но свист, раздавшийся из телефонной трубки, немного успокоил биение сердца господина адвоката. Впервые за несколько дней он почувствовал, что ему не хватает Доротеи и понял, что начинает её прощать. Он совсем забыл, что лишь несколько часов назад его сердце разрывалось от обиды и огорчения. „Мама дорогая, – пытал он сам себя, – эта девушка – обычная шлюшка! Настоящая потаскуха! И я живу с падшей женщиной в

одном доме! О, Господи, Боже мой! И как подумаю, что ещё и влюблён в неё по уши! Дурак дураком! Настоящий овечий сын!”

Он когда-то пережил подобное состояние с последней своей женой, когда она, ещё не родив ребёнка, решила уйти от него. Тогда Наум, покинутый и одинокий, пошёл бродить в соседнем лесу. И поймал себя на том, что вслух молится Богу: „Господи, помоги всё преодолеть и приведи мне её, пожалуйста, обратно! Очень прошу, Господи, верни её!” – продолжал он повторять эту мольбу как мантру.

Жанна, так звали его последнюю жену, бросила Наума из-за ревности – он изменил ей с молодой женщиной-судьёй Арбитражного суда. Жанна была ему верной женой, и он очень боялся потерять её. Наум много раз просил у неё прощения, клялся, что больше этого никогда не повторится. Она сжалилась над ним и вернулась домой. Они прожили ещё четыре года. Жанна родила ребёнка, и только когда никакой любви и нежности не осталось между ними, Наум оставил ей квартиру в центре города и ушёл.

Сейчас он вспомнил в деталях те дни, когда именем Господа умолял жену вернуться. Теперь история вновь повторяется. «Это закон бумеранга. – Подумал он. – Когда-то я изменял, теперь мне изменяют! Почему такое происходит в жизни, и может ли быть по-другому?»

И сам же ответил себе: „Снисходительность, терпимость, прощение...” Вдруг его осенила мысль, что он все равно один, должен позвать Доротею и простить её! Во всяком случае, у него другой женщины нет, и он хочет её. А от грусти и одиночества он может сойти с ума. И он решил позвонить.

– Почему ты позволяешь себе оскорблять меня? – решил Наум схватить быка за рога. – Неужели ты думаешь, что все эти сплетни – даже если это только сплетни! – не приносят мне боль? И я живой человек! Мне больно, слышишь?

Доротея поняла, что Наум ждёт от неё утешений и клонит к прощению, но она не торопилась утолять его печаль и удовлетворять его гордыню. У неё была своя стратегия.

– И что я могу с тобой поделать, если ты веришь всем сплетням и глупостям? В Вадул луй Водэ так случилось, что мне не досталось места в домике, и я переночевала в машине Константина.

Но это не значит, что мы занимались с ним любовью. Я уже говорила тебе об этом.

– Когда приедешь домой за вещами? – поставил Наум акцент на слове «домой».

– Сегодня не смогу, – ответила она капризным голосом. – Может, завтра утром заеду.

– Приезжай сегодня, – настаивал он. – Ладно, поверю тебе и на этот раз...

– И всё же я зайду завтра, – ответила Доротея, сама не понимая почему откладывает встречу.

Она решила переночевать у Ракелы, дочери Наума. А утром они встретилась с Наумом на остановке троллейбуса. У него были уставшие глаза – всю ночь не спал, страдал из-за её отсутствия. И думал, что если дать ей бесцельно слоняться по городу и ночевать, то у одних друзей, то у других, она и вправду заманит в свои сети других мужчин. И тогда он будет ещё больше страдать. В эту ночь он понял, что любит её по-настоящему и что не может и не хочет её терять.

Доротея догадалась, в каком он состоянии, и неожиданно обняла его и поцеловала в уставшие глаза. Его сердце смягчилось и вскоре совсем растаяло. Он достал из кармана ключи от дома и протянул их ей.

– Я на службу, а ты иди домой и готовься – завтра пойдем на новое место работы представить тебя начальству. Тебя ждут.

Доротея притворилась, что она ещё обижена, но ключи взяла и вернулась домой. Она прибралась во всех комнатах, потом приготовила ужин. Вечером они вместе искупались, сначала в ванной, а потом в океане любви...

21

Лето с жарой и полупустынными городскими улицами входило в свои права. Наум и Доротея не планировали отдыхать, только по воскресеньям уезжали из города в Вадул луй Водэ.

Он купил новый фотоаппарат, и Доротея увековечивала моменты их жизни: на улицах, в парке, дома. Вечерами Наум делал заметки в своей «Хронике» – для истории, как он выражался...

Ей понравилась новая работа. В отличие от работы в Обьединении, тут можно было совершенствовать свои профессио-

нальные знания и формироваться как юрист. Вместе с „Дедом” (так уважительно называли Тудора Вотана, своего начальника, его сотрудники, так как он действительно был человеком в летах, но оставался удивительно энергичным) она присутствовала на судебных процессах, готовила иски, ходатайства, заявления, кассации к рассмотрению и для отправки в различные судебные инстанции. И почувствовала, что увлечена юриспруденцией.

Когда у них не было судебных процессов, она забавлялась повадками господина Бэлегару, хорошего приятеля шефа. У него была смешная походка, он постоянно забывал чистить зубы, носил пиджак даже в самую страшную жару, когда потела даже душа, а зловещая улыбка больше напоминала о какой-то болезни, чем о здоровье. Он уважительно здоровался с Доротеей, чей кабинет находился прямо у входа в здание, приподнимая свою шляпу, а под мышкой всегда носил шахматную коробку.

– Добрый день, – обращался он своим гнусавым голосом и смотрел на неё так, будто видел перед собой сокровище.

– Здравствуйте, господин Бэлегару, – отвечала Доротея. – Как Ваши дела в компании?

– Кубарём мои дела, – отзывался он со своей неизменной зловещей улыбкой. – Я пришёл побить твоего шефа в шахматы.

Прошло несколько месяцев. Доротея была довольна новой работой – офис находился возле Республиканского цирка, намного ближе к дому, да и условия были намного лучше, и зарплату она получала в два раза больше, чем в Общественном объединении «Спиру Харет».

Дни и ночи в их совместном гнёздышке опять проходили в любви и понимании. Лишь несколько тучек нависли над их жизнью, когда в гости к родителям Доротее приехал из России её кузен Себастьян.

Родственник по материнской линии Себастьян был очень красивым молодым человеком. Хотя и был румыном по национальности, но не знал румынского языка, так как его родители давно переехали жить в Россию, в город Орёл.

Неделю он пробыл в провинции, побывал в гостях у всех родственников, затем решил повидаться с Доротеей и познако-

миться с городом. Они не видели друг друга с раннего детства. Себастьян работал на железной дороге в Тульской области и хорошо зарабатывал. Приехал он в Молдову с деньгами и с желанием покутить. Доротея и Наум решили не посвящать гостя в их интимные отношения. И теперь она ночевала в спальне, Наум – в гостиной, а Себастьян – в библиотеке.

По совету Наума Доротея попросила у «Деда» недельный отпуск, чтобы развлечь кузена. Они гуляли по городу, бродили по паркам, посещали кафешки и бары. Их сопровождали Ташка Лунгу и её сожитель.

Затем они уехали на несколько дней на туристическую базу железнодорожников за городом. Доротея предложила и Науму поехать с ними. Но он отказался. Он должен был издать новый роман, и договоренности с издательством и типографией держали его в городе. Недавняя история с Доротеей в Вадул луй Водэ постепенно ушла из его активной памяти в отдалённые уголки сознания.

Вернулись они с курорта загорелыми и полными впечатлений и приятных эмоций. У Себастьяна было хорошо с деньгами, и Доротея не спускала с него глаз. Молодой человек вёл себя как хозяин жизни, пил только дорогое пиво, заказывал на дом пиццу, шампанское и сигареты. Пока Наум целыми днями участвовал в судебных процессах, эти двое оставались дома. Когда он возвращался, находил их за столом, с полной пепельницей окурков и с полупустой бутылкой „Amaretto” – любимого напитка Доротеи. Себастьян излучал радость и довольствие, постоянно лёжал на кровати или в кресле с бутылкой пива, как младеец с бутылкой молока, и не пропускал ни одного матча чемпионата мира по футболу по телевидению.

Казалось, Доротея, наконец, дождалась праздника души – она была внимательной к Науму, но продолжала прятать от кузена секрет их интимной жизни. Теперь, когда они гуляли втроём по бульвару, она держала под локоть не Наума, а своего кузена.

Отпуск Себастьяна подошёл к концу, и он устроил вечеринку с Наумом, Ракелой и Доротеей у них дома, с изысканными блюдами и дорогими напитками. На следующий день кузен поменял свои планы: отказался от поездки домой на поезде и

решил полететь в Тулу на самолёте, выиграв ещё один день на развлечения в Молдове. Поздно вечером он заказал такси, и они с Доротеей уехали в аэропорт.

Кузен улетел в Россию, а Доротея вернулась на работу. Всю неделю после отъезда Себастьяна она была в хорошем настроении – целыми вечерами читала сообщения от него из России. Он писал ей подозрительно часто, и Наум как-то спросил у неё:

– Что это твой родственник из Орла так часто пишет? Поезда, которые он контролирует, могут остаться без внимания. Не дай Бог, сорвётся с рельсов какой-то из них.

– Ну да, – не поняла Доротея. – Какой он мне родственник? Меня же родители удочерили. Он родственник моей мамы, я же, по кровной линии, не имею с ним ничего общего...

Этот ответ прозвучал для Наума как выстрел – он опять начал подозревать, что во время путешествия в Вадул луй Водэ не обошлось без приключений, погрузился в мрачные мысли и несколько дней гнал их из одного угла своего сознания в другой. Доротея прочитала грусть на его лице и догадалась о причине. Она сделала всё, чтобы сообщения от „кузена из России” не приходили больше на её мобильный телефон, а Науму сказала:

– Прошу тебя, не думай о плохом, ангел мой! Себастьян всё же мне родственник...

– Смущённый и сбитый с толку, Наум сказал сам себе, что он болен ревностью. „Я, как всегда, всё преувеличиваю. Может, она и права, когда обижается на меня.” И он решил избавиться от подозрений и больше не шпионить за ней. Но ему было нелегко, хотя Доротея старалась возвращаться пораньше с работы домой и делать всё для того, чтобы у него не возникало никаких подозрений в её неверности. И вскоре он забыл о сообщениях её кузена, но начал с подозрением относиться к её опозданиям. А она старалась рассеять подозрения, когда случалось задерживаться на работе:

Любимый мой, ты не волнуйся! У меня начался цикл, и даже если бы захотела сделать глупость, я бы не стала этого делать по гигиеническим соображениям, – успокаивала она его.

И Вайнштейн на некоторое время забывал о своих подозрениях.

* * *

Ицик Мазик купил часы с кукушкой и повесил их у входа в магазин по продаже подков. Вместо кукуконья в установленное время из них раздавалось лошадинное ржание привлекая прохожих. И когда Хона, в парике и платке из тонкой шерсти на голове, стояла в ожидании у стойки, он начинал ловко манипулировать смычком и петь в дверях магазина:

Не умирают лошади тогда, когда собаки хотят...

Наум направился в магазин, чтобы немного поболтать с единственными друзьями-евреями, оставшимися в городе после массового оттока евреев из страны, и забыть обо всех семейных неурядицах и неприятностях. Он подумал, что Хона неглупая женщина и, наверное, сможет прояснить некоторые моменты в поведении Доротеи.

Увидев их последнее сумасшедшее решение в действии, он потерял желание исповедоваться. Похвалил из вежливости их за «изобретение» и направился в центр города (несколько дней у него не было ни одного судебного процесса, а в Объединении «Спиру Харет» ему нечего было искать), провожаемый хныканьем скрипки Ицика:

Не умирают лошади тогда, когда собаки хотят...

22

Романтическая осень невозмутимо мотала свою нить в сторону зимы. Холода нагрянули одновременно с печальным сообщением – умер Алексей Андони, бывший учитель математики Наума из средней школы. Он пошёл на похороны, взял там слово и впервые в жизни посвятил своему учителю стихотворение, которое затем написали в качестве эпитафии на его памятнике.

С астральных высот
Звезда на землю упала,
Осветив твой след,
Любовью окроплённый.
И этот след

В наших сердцах
Веками будет жить,
Как и земля, и кодры, и поля.
И твой последний полёт
Мы согреваем любовью.
И колокол сердец звонит,
О тебе напоминая...

После этого грустного события Наум почувствовал, что он готов покориться своей участи. Он стал чаще посещать могилы своих предков на кладбище в Теленештах. Зажигал свечи на могилах и клал камешки¹⁴ на плиты с надписями на идише. Он долго рассматривал старые могильные плиты, хаотично сложенные на холме после сноса части еврейского кладбища. Тут были похоронены и его родители.

Несколько лет назад на холме произошли оползни и многие могилы раскрылись. И сейчас, тот тут, то там, при свете дня видны были остатки человеческих скелетов. Другая часть кладбища с каждым годом всё больше и больше старела, и ветшала. Поэтому похороненных здесь людей разъехались в разные уголки мира и забыли о святых местах своих предков. Траурные камни с выцветшими надписями лежали повсюду, как после бомбардировки. Лишь несколько могил были ухоженными. Наум подумал, что он, наверное, из тех немногих, кто приводит в порядок место захоронения родителей, посещает могилы знакомых наводит порядок и там. Это всегда успокаивало и очищало его душу, особенно в минуты сомнений и разочарований.

Несколько раз Вайнштейн обращался в администрацию района за разрешением построить тут стену, разделяющую кладбище от соседнего парка. До него доходили слухи, что несколько столичных бизнесменов присылают запрос за запросом с предложением снести еврейское кладбище и построить тут парк и заведение для азартных игр. В администрации ему пообещали, что к весне вопрос решится, при условии, что найдутся средства. Наум не спал ночами, искал варианты – связывался по Интерне-

¹⁴ *Класть камешек на могилу* – иудейский обычай класть камешек на могилу перед уходом с кладбища. Означает «Помни, что мы прах, но мы помним тебя».

ту с заграничными родственниками усопших, похороненных тут, и просил их помочь деньгами построить эту стену. Казалось, появился луч надежды, но с опозданием...

В этом провинциальном городке у Наума было несколько детей от предыдущих женщин, почти ни одна из которых не работала. Всё, что он зарабатывал, уходило на содержание этой армады мам и детей. Если бы у него не было этих забот, он бы давно построил эту злосчастную стену кладбища за свои деньги. И может быть, после этого он бы тоже эмигрировал в Чикаго к двоюродным сёстрам отца или в Израиль, к брату своей матери. Может быть, там, на земле обетованной, у него не будет столько забот и хлопот. Может быть... Но там он не встретил бы Доротеею...

К зимним праздникам число недоразумений в их доме уменьшилось. Работа адвоката приносила Науму хорошие гонорары, и они с Доротеей решили обновить обстановку в квартире: купили новый компьютер, офисный стол и стул, два красных кресла и диван, обитый вишнёвым сукном, газовую плиту, стиральную машину, пылесос, ковры, а на стенах повесили репродукции картин Дали и Пикассо. На оставшиеся деньги приобрели принтер, радиотелефон, телевизор и холодильник. Доротея становилась настоящей хозяйкой в доме. Она часто пылесосила ковры и мыла разными средствами ванную комнату, научилась работать на компьютере.

Новогоднюю ночь они опять провели вдвоём, и жизнь Наума снова стала настоящей сказкой. Встретили Новый год, чокнувшись бокалами с шампанским, сначала по российскому времени, затем по-местному. На рубеже годов они поцеловались и пожелали друг другу, чтобы новый год принёс им счастья и как можно больше денег. В эту ночь Наум снова заговорил о женитьбе, о том, что больше не может ждать – у него наступает критический возраст, когда необходимо подумать о будущем и узаконить отношения. Доротея выслушала его и вымолвила:

– Ангел мой! Я пока не готова ни к созданию семьи, ни к рождению ребёнка... Ты должен знать, что если я рожу тебе ребёнка, то потеряю фигуру и перестану тебе нравиться. И потом, я стану капризной, буду требовать максимальной материальной поддержки. Буду хуже, чем все предыдущие жёны вместе взятые. А тебе это надо, птенчик мой?

– Очень хотелось бы, чтобы ты родила девочку и назвала её своим именем, – не мог никак успокоиться Наум. – Ты ей будешь заплетать косички, завязывать банты, надевать коротенькие платица, чтобы были видны трусики. А когда поедешь с ней к своим родителям в Брынзу, они с ума будут сходить от счастья.

– Не-е-ет! Не хочу я пока ни семьи, ни детей, – оставалась такой же категоричной Доротея. – Неужели тебе так плохо со мной, котик?

– Хорошо мне с тобой, – вздохнул Вайнштейн, думая, что всё же было бы намного лучше, если бы у них родился ребёнок, если бы в их доме раздавался детский голосочек, похожий на колокольчик. Тогда и он бы поверил, что Доротея останется с ним навсегда. Он опять завёл разговор о венчании, о скромной свадьбе...

– Я думаю, у меня никогда не будет детей, – сказала Доротея. – Я не хочу детей...

После полуночи, хотя падал лёгкий снег, тяжёлые облака рассеялись, позволив луне появляться и исчезать сквозь покрытые снегом ветки деревьев. К утру со стороны центра города еще раздавались новогодние салюты. Вайнштейн пошёл на кухню и выпил пару глотков холодной воды из холодильника.

Возвращаясь в комнату, он споткнулся на ровном месте и с шумом упал на пол. Доротея вскочила с кровати, испугавшись, что у Наума что-то с сердцем. А он, поднимаясь, озадаченно улыбнулся:

– Наверное, хороший знак.

– Кто знает, – задумчиво ответила Доротея.

23

С первых же дней наступившего года Доротея начала приставать к Науму с просьбой помочь ей уехать за границу. Родители рассказывали, что многие из девушек села уехали на работу в Америку, они посылают большие суммы денег домой и счастливы там. Они убеждали дочь, что она зря теряет время, работая юристом в маленькой фирме и получая мизерную зарплату.

Претензии к новой работе были и у Доротеи: тут у неё было намного больше обязанностей, чем в Объединении «Спиру Харет», а оплата, хоть и была намного больше, всё равно не удовлетворяла её увеличивающиеся запросы на жизнь. Часто она приводила в пример своих сокурсников, которые хвалились

хорошими зарплатами. Она тоже хотела иметь безопасное будущее.

– Родители уже устали содержать меня и присылать полные сумки провизии. Неужели ты не видишь, что почти вся Молдова уезжает за границу в поисках лучшей жизни? Я бы работала и днём, и ночью, если бы знала, за что работаю. Мать поставила мне ультиматум: или уезжай за границу, или возвращайся домой в село. Они с отцом хотят выдать меня замуж, хотят, чтобы я подарила им внуков, помогла построить дом. Прошу тебя, зайчик мой, помоги мне уехать на заработки! Я же знаю, ты многое можешь для меня сделать! – начала она хныкать.

– Если ты уедешь за границу, что будет со мной? – спросил Наум, намекая, что может ей помочь, но не торопится это сделать.

Некоторое время Доротея ходила молча, затем подошла к нему, поцеловала, погладила его непослушные волосы, взобра-лась к нему на колени и промолвила:

– Я думала о нас! Следишь за моей мыслью?

– Слежу.

– Ты же много раз зовёшь меня замуж, просишь детей... Теперь, если ты поможешь мне уехать в Америку, на какое-то время, знаешь, что будет?

– Ты даже не вспомнишь меня. Забудешь на следующий же день.

– Глупости говоришь, котик мой! Наша разлука станет для нас экзаменом. Если мы хотим создать семью, расставание будет нашим испытанием: сможем жить один без другого или нет.

– Логично! – оценил Наум её умозаключения. – Но тебе придётся повременить немного.

Вайнштейн вспомнил, что одна из его бывших жён учредила фирму и отправляет людей на учебу и на работу за границу. Он созвонился с ней и на второй день принёс хорошую весть – есть возможность получить контракт на работу в США. Но оформление документов продлится до мая.

– Тебя это устроит?

– А у меня есть выбор? – горячо поцеловала она Наума.

– Думаю, что нет.

– Пока узнаем, какие контракты поступят из США, разреши мне посещать курсы по ускоренному изучению английского языка. Мне бы не помешало его усовершенствовать.

– В мае пойдешь на курсы, это записано в контракте, – уточнил Наум. – Может, и я пойду с тобой учить английский. Знание этого языка понадобится и мне. Не сегодня, так завтра...

– Зайчик мой, не обязательно и тебе идти на курсы. Если я буду хорошо владеть английским, сама тебя научу.

Зима выдалась снежной, с большими сугробами, но с малочисленными событиями. Когда снег прекратился, Наум протоптал на кладбище дорожку до могил своих родителей. А весной, когда снег растаял, вычистил грязь, сползающую с холма в долину.

В конце марта чуть выше могил посадил дуб, покрасил забор и обновил бронзовую надпись на памятнике. Доротея помогала ему во всём. В свободные часы находилась рядом с ним, а по субботам и воскресеньям они ходили на концерты, спектакли и мероприятия на центральной городской площади. Всегда она держала его под руку и улыбалась знакомым Наума, показывая, как она счастлива. Он так сильно привык к ней, что уже не представлял, как сможет жить один.

– Ты любишь меня, ангел мой?

– Эй, люблю я тебя! – это был частый диалог между ними. На самом деле они перефразировали песню, которую часто передавали в те дни по Бухарестскому радио.

Их дом был обставлен новой мебелью с красными креслами в гостиной, которую Доротея превратила в комфортный рабочий кабинет для Наума. Там он принимал клиентов по различным вопросам за отдельную плату. Впрочем, комфортно было и в библиотеке, и в спальне.

Апрель принёс в город много солнца, но дни оставались холодными. Особенно холодно было по утрам. Из жизни Наума исчезли подозрения и следы ревности. Зарплата Доротеи уходила на мелкие расходы. После нескольких переговоров между Наумом и «Дедом», Доротея стала получать больше. Она продолжала навещать родителей, которым Наум никогда не забывал отправлять подарки.

Это было и благодарностью им, потому что из вкусных блюд, присылаемых её родителями, перепало и его детям, когда они приходили к отцу за деньгами. Казалось, что он никогда так счастлив не был.

Он жил как загипнотизированный. Перестал замечать, когда Доротея уходит или возвращается с работы. Даже если поздно приходила вечерами, уже не отчитывал её, будучи уверенным, что она остепенилась и не станет повторять прежние ошибки.

Как-то вечером к ним в гости зашёл Павел Нику с какой-то жилищной проблемой. Наум любил беседовать с ним о литературной жизни Молдовы. Они беседовали и пили вино. Доротея курила на балконе, затем побежала в ванную чистить зубы и окунулась с головой в долгие телефонные разговоры, подальше от мужчин, чтобы её не слышали. В этот вечер она не хотела пить с ними, как ни настаивал Наум.

К концу апреля Вайнштейн выиграл большой процесс и получил кругленькую сумму. Он решил сделать Доротее сюрприз ко дню её рождения.

«Пусть будет как будет, – сказал он себе, наступая на собственную гордость. – Даже если она распушенная, я должен быть снисходительным. Может, когда-нибудь оценит мою доброту. Может...»

Он думал съездить вместе с девушкой за границу. Тем более, что уже два года они никуда не ездили, кроме как в санаторий «Кодру»

Он выбрал Турцию, потому что билеты туда в мае были дешевле. Однажды после обеда он подъехал на её работу, размахивая двумя путёвками перед её глазами.

– Дорогая моя девочка, твой день рождения будем отмечать, как никогда не отмечали, – на море, в Турции, в Кемере, на берегу Средиземноморья.

Давно она не видела Вайнштейна таким гордым собой и счастливым. И сам Наум прочитал на лице своей „девочки“ большую радость и огромное счастье.

Накануне отъезда они посетили магазин «Союз», где купили Доротее платья по её выбору. Потом она сходила в салон красоты, откуда вернулась ещё моложе, симпатичнее и свежее.

Их поездка началась с путешествия на автобусе до Одессы. На таможне в селе Паланка, после всех этапов контроля, их настроение улучшилось.

На берегу Днестра они увидели стадо коров. А среди них гулял здоровенный племенной бык, который запрыгивал то на

одну, то на другую бурёнку, создавая проблемы пастуху. Шутя, Наум обратил внимание Доротеи на коровью пастораль и промолвил, шпионя за ней глазами:

– Интересно, что говорят остальные быки, оставшиеся дома, когда их тёлочки возвращаются с выпаса?

Она притворилась, что не расслышала. Доротея была в восторге от поездки, многое ожидала от неё. До этого она ни разу не покидала пределы Молдовы, и ни разу не летала самолётом. И все это ей устроил сидящий рядом мужчина в канун её дня рождения.

24

В аэропорт, куда они приехали к обеду, Наум вдруг вспомнил, как в детстве родители взяли его с собой в Одессу. Тогда он впервые увидел море, корабли, полёт чаек. Навсегда остался в памяти прекрасный белый город, утопающий в зелени и в плюще, окутывающий балконы домов до верхних этажей. Родители работали учителями в школе, и каждое лето имели возможность отдыхать на море.

Когда они бывали в Одессе, всегда заходили в гости к своим многочисленным родственникам, говоривших между собой на идиш. Он вспомнил, как подружился с одной из своих кузин, которую потом стала известной как Лариса Долина... Она и он целыми днями гуляли по одесским улицам, спускались в катакомбы, заходили в порт, фотографировались у памятника Ришелье. Однажды вечером они вместе с родителями побывали на концерте в Театре оперы и балета. Концерт давали одесские моряки – с танцами и патриотическими песнями.

По дороге домой после концерта родители вспоминали тяжёлые военные годы, эвакуацию на Алтай и возвращение в разрушенный немцами город. Вспомнили и гетто в Транснистрии, плакали по погибшим, которым не довелось дожить до мирных дней.

Тогда он не очень хорошо понимал смысл родительских воспоминаний. Когда подрос, он узнал, что в Одессе жили и творили многие еврейские писатели: Мендель Мойхер-Сфорим, Шалом Алехем, Илья Ильф, Валентин Катаев и даже Симха Бен-Цион, писатель из Теленешт. Прочитав этих писателей, он наяву представлял себе город, его улицы, описанные места, и ему казалось,

что герои книг находятся здесь, рядом с ним. Сейчас, возвратившись в Одессу через много лет, Наум пытался представить, что по городским улицам продолжает гулять его прекрасное детство. Но, к сожалению, родителей уже не было в живых, а он воевал с беспокойным прошлым, с полным раскаяния настоящим и со смутным будущим.

День выдался солнечным, деревья шелестели буйной листвой, всюду сновало много народу по неухоженным улицам. Это был уже совсем другой город. И люди были другими. На улицах уже не слышался идиш, на котором до 90-х годов общались многие одесские пары, гуляя по Дерибасовской. Наум попытался ещё раз воспроизвести в памяти особенности одесского колорита, когда самолёт поднялся над Чёрным морем, но увидел под собой лишь серосиний цвет морской воды и огромное одеяло из белых облаков...

В Анталию приехали к обеду. На небе – ни облачка, и кругом много-много солнца. Они впервые путешествовали в субтропической зоне. В периметре аэропорта их встретили пальмы с золотыми плодами. Повсюду – чистота, комфорт и атмосфера, подходящая для отдыха и наслаждений. На зданиях развевались красные флаги с полумесяцем, а на крышах домов блестели серебряные бочки – солнечные батареи для подогрева воды.

Доротей только успевала фотографировать всё, что впечатляло её – то тропическое дерево, то какой-то талисман, то группу женщин в восточных одеяниях. Когда остановились возле бензоколонки, сфотографировались вдвоём на фоне гор, что виднелись издалека.

Комфортабельный автобус вёз их по великолепному маршруту. До зоны отдыха „Bel Tur“, расположенной у подножья гор в Кемере, их группу сопровождал гид. По дороге они проехали два тоннеля, гид показал им морской остров в форме черепахи и рассказал, что этот каменистый осколок – подарок, сделанный родителями своей дочери.

Когда вселялись в двухместный номер отеля, вместе с ключами они получили и зелёные ремешочки с названием курорта, которые надевались на руку как браслет и который должен был всегда носить каждый отдыхающий. Даже не разложив до конца свои вещи, они поспешили во двор с экзотическими деревьями, бассейнами и раскладными шезлонгами, где и пообедали.

Затем они направились к морскому берегу с горячим песком. Был конец мая, сезон только начинался, и туристов было немного. Средиземное море широко раскинулось перед ними, а за спинами – высокие горы свинцового цвета. Между этими прекрасными пейзажами залива Анталии и был расположен их курорт. Со всех сторон он был окружён магазинами с товарами, бижутерией и сувенирами.

Им не верилось, что они оказались в этой сказочной атмосфере. Они были только вдвоём, и пожирали друг друга глазами, как будто встретились в первый раз. Наум хорошо плавал ещё с детства. Он ловил Доротеею и обучал плавать. Веселясь и дурачась, как подростки, они немного позагорали после купания и вернулись в отель, где круглосуточно работали сауна и турецкая баня. Всё это входило в стоимость путёвок, как и прохладительные и алкогольные напитки из местного бара. Официанты в белом были вежливы и внимательны. Наум и Доротея были рады возможности отдохнуть со сказочным комфортом. Возвращаясь с пляжа, они гуляли по магазинам, посещали торговые точки соседских курортов, восхищались форелью в огромных аквариумах. Продавцы апельсинов и бижутерии на ломаном русском языке рекламировали свой товар. Доротея была счастлива.

– Никогда не думала, что в день своего 25-летия меня кто-то порадует таким великолепным сюрпризом. Ангел мой, ты для меня самый дорогой мужчина на свете! Ты и наставник, и учитель, и ангел-хранитель!

Она обняла его и сладко поцеловала. Он был польщён её словами, но глаза его сверкали проблесками сожаления. Он сказал:

– Думаешь, этого достаточно, чтобы мы почувствовали себя счастливыми здесь?

Вопрос не был беспочвенным. Доротея лечилась от какой-то женской болезни, и поэтому отлучила Наума от постели. Сейчас он был зол на весь белый свет: лишён всего, что необходимо здоровому мужчине на отдыхе в компании молодой женщины.

– Котик, не расстраивайся, пожалуйста! Как только закончу лечение, буду твоей и днём, и ночью...

Но его беспокоило множество вопросов. Как она решилась поехать в Кемер, если настолько больна? Он ждал, что Доротея

сама объяснит всё. „И сколько может длиться неопределенность между нами? Сколько еще я буду терпеть это нежное существо, с красивым и гибким телом, живя во лжи и неискренности?“

Он не находил ответа, не видел выхода из ситуации. Ему оставалось смириться, так как его мысли никто не мог услышать, а его чувства никто не мог почувствовать.

25

Доротея продолжала наслаждаться и восторгалась всему, что видела вокруг, постоянно писала заметки в блокнот, который Наум брал с собой повсюду. Часто она делала снимки Наума и просила, чтобы он тоже фотографировал её. Иногда просила кого-то снимать их вдвоём. Вайнштейну хотелось бы попасть и на термальные воды в Памуккале, находящегося где-то в ста километрах от Кемера. Но они подумали, что им эта экскурсия не по карману.

Вместо этого они поехали в круиз на корабле до водопада Антали и обратно.

Для Доротеи это было сказочным морским путешествием. День выдался солнечным, море спокойным. Корабль вышел в открытое море и взял курс вдоль скалистых берегов коричневого цвета с античными конфигурациями, пока не дошёл до водопада.

Зрелище было необычным, и туристы спешили запечатлеть этот момент, фотографируясь на фоне падающей воды. Наум снял смеющуюся Доротею с распростёртыми объятиями в знак безграничного удовлетворения.

Время экскурсии прошло незаметно, и корабль отправился в обратный путь. Наум продолжал восхищаться красотой моря и крутыми берегами. «По этим местам в древности прошли войска Александра Македонского», – подумал он. Затем сделал тривиальный вывод: природа вечна и в красоте, и в гневе. Люди нет. Поколения восхищались этой красотой, что берёт начало с древних времён, и которой будут восхищаться еще много, много тысячелетий!

Вдруг он понял, что потерял из виду Доротею и кинулся её искать. Вскоре он заметил её за столиком в баре с группой молодых девушек и парней, яростно спорящей с сигаретой в зубах. Они говорили на английском, и он не решился им мешать.

Она вернулась на пристань ещё веселее и ещё воодушевлённое. Начала читать надписи на турецком с фасадов зданий. В порту сфотографировались у конной статуи Ататюрка на набережной.

Они вернулись в отель санатория „Bel Tur” довольные и отдохнувшие. Доротея настояла сделать себе татуаж на плече в виде бабочки, что было очень модным среди молодёжи.

И снова их ожидал стол, полный изысканных блюд, а затем – отдых, пляж, море. Через несколько дней Доротея начала скучать – она всё чаще бегала в туалет или пряталась в укромные места, чтобы покурить или пообщаться на английском с молодыми турками, приехавшими сюда на отдых из Германии.

Её день рождения они провели до обеда на пляже, провалявшись на шезлонгах под голубыми зонтами, затем посидели на террасе, где можно было дегустировать разнообразные экзотические напитки. Вечером несколько турок открыто приставали к ней, а один из них, показав на Наума, без стеснения спросил:

– Это кто? Твой отец или дед?

Другой стал приглашать её на танец, но Доротея отказала ему, вызвав этим переполох среди молодых парней. Всё это происходило на глазах у Наума.

Парни вели себя так, будто его совсем не существовало. Когда Вайнштейн понял, что дело принимает серьёзный оборот, он обратился к полиции нравов, которая несла службу на всех курортах Кемера, с яростным протестом, что всякие подозрительные личности пристают к его жене! Полиция тут же вмешалась, конфликт был исчерпан.

Доротея была счастлива. Средиземное море казалось ей спокойным и нежным. По голубому зеркалу волн плыли корабли, а вдали отчётливо проглядывали контуры одинокого островка в форме загадочной черепахи.

– Тебе бы хотелось, чтобы мы жили только вдвоём на том островке, мой ангел? – спросила она и погладила Наума по голове.

Он почувствовал себя на седьмом небе от счастья. Лицо девушки излучало удовольствие, и эта необъятность чувств спровоцировала у него ряд сладких и приятных мыслей. «Вот где можно найти настоящее счастье для девичьей души Доротеи», – подумал он с гордостью от того, что ещё способен зажечь огонь любви в молоденьком сердце. Теперь он был уверен, что его воз-

любленная забудет о своих юношеских приключениях и не будет больше заставлять его ревновать, и что ему удалось прописать её в свою Империю пленительной любви. Доротея, это милое создание, посланное Богом в его мрачную жизнь, навсегда нашла приют в его судьбе.

Сладкие поцелуи и страстные объятия, головокружительная бездна, куда они скатывались ночами под южными звёздами и звуками симфоний средиземноморских валов, будто навеки привели их в лоно счастливой судьбы, в которой нет места ни одному облачку сомнения. „Что может быть лучше в жизни мужчины моего возраста, чем уверенность, что ты завоевал сердце девушки вдвое моложе тебя и она жертвует молодостью, делая счастливым именно тебя!“

Наум наслаждался свалившимся на него счастьем, ночами оставляя заметки в своей «Хронике». И каждый вечер он выгуливал Доротею допоздна по ночной набережной в сопровождении музыки и шёпота беспокойных волн и при полной луне на южном небе, усеянном звёздами. Он был уверен, что его любимая женщина никогда не забудет эти сказочные дни и сюрприз, сделанный им в честь её 25-летия.

В день её рождения они решили сходить в турецкую баню. Наум сделал ей массаж, затем, натерев прекрасное тело кукурузной мукой и обмазав мёдом, намылил и помыл её мочалкой. После бани они отдохнули на одной из террас, расположенных на самом берегу моря. Их обслуживал молодой, красивый и уса-тый официант из местных. Наум в этот вечер выпил много пива и разрешил Доротее выкурить больше сигарет, чем обычно. Он немного опьянел, и ему захотелось, чтобы все собравшиеся узнали повод их праздника. Несколько мужчин сразу бросились поздравлять Доротею с днём рождения и приглашали танцевать. Разгорячённая и излучающая удовлетворение Доротея показала кивком на усатого официанта и призналась Науму:

– Смотри, мой ангел, мне вот такие мужчины нравятся!

– Иди и скажи ему об этом, – то ли в шутку, то ли всерьёз вымолвил Наум, и тут же пожалел об этом.

– Нет, голубчик ты мой! Он ещё подумает, что я хочу его. Но в этот вечер я никому не могу принадлежать, кроме тебя. Никто другой мне не нужен...

Две недели на берегу Средиземного моря пролетели незаметно, и когда наступил день отъезда, им не верилось, что пора собираться. Накануне администрация отеля организовала для уезжающих экскурсию на выставку меховых и ювелирных изделий. Наум предложил купить золотую цепочку, но Доротея отказалась.

Они решили погулять полчаса. Был воскресный день, и священнослужители мечети созывали верующих мусульман на молитвы. Наум и Доротея, как заворожённые, слушали красивый голос имама.

Поднявшись в салон самолёта и заняв своё место, Доротея положила голову на плечо Наума и сказала:

– Это были самые лучшие дни в моей жизни. Всегда буду вспоминать их с любовью и теплотой. Здорово, что мы успели сделать так много фотографий. Они позволят нам с тобой никогда не забыть эти счастливые дни.

Она поцеловала его и добавила:

– Я очень благодарна тебе, мой котик! Не думала, что такое может случиться на моё 25-летие. И знай: что бы ни случилось между нами в будущем, ты самый дорогой и самый любимый мужчина в моей жизни!

Они приземлились в пасмурную погоду, и люди будто стали другими. Доротее показалось, что они выпали из рая и теперь должны привыкать к монотонному ритму жизни душного города.

Воспоминания о сказочной Анталии остались на её шоколадном теле, на татуаже в виде бабочки на плече и в многочисленных бусах, браслетах и кольцах, делавшие её похожей на настоящую цыганку, которые они накупили в турецких магазинчиках.

* * *

Ицика Мазика он встретил на рынке. Тот был грустен. Он, заметив Наума, приложил смычок к струнам скрипки и начал играть и петь старинную еврейскую песню.

Весной Сара семечки продает,
Чтобы замуж летом выйти...

– Ты слышал, что приключилось с нами? – спросил он Наума, когда закончил играть и напевать.

– По прихоти Хонны мы потеряли целое состояние! Даже на часах с кукушкой я поменял ржание кобылы на милую песню кукушки и продал их, чтобы расплатиться с кредитором. Остались без гроша в кармане, и я стал уличным певцом в воротах центрального городского рынка. А Хонна не сдаётся – хвалится всем, что знает, что такое business-woman!

Наум только сейчас заметил знакомый платок из тонкой шерсти, хаотично бродивший среди множества голов на рынке. Дрожь пробежала по его телу и пронзила его мозг: „Спаси Господи...”

Он поспешил попрощаться с Ициком и направился к автостанции.

26

Вернувшись из поездки в Анталию, Доротея нашла в их постели клипсы и несколько длинных женских волос. Она недоумевала, кто мог в отсутствие хозяев валяться в их постели? Она стала осторожной, и постоянно звонила Науму, интересуясь, где он находится, что делает, а также поведав ему, как она его сильно любит и уговаривая, чтобы он не грустил, потому что вечером она обязательно приготовит что-то вкусное для него и они потом займутся любовью...

Из бывших своих друзей ей не хотелось приглашать домой никого, даже Ташку Лунгу, с которой они виделись всё реже. Наума же этим летом стал часто навещать Алексей Бунжиу, один из его бывших клиентов, ставший ему другом. Он приходил со своей любовницей Виорикой, работавшей фармацевтом в одной из столичных аптек. Она была высокой молодой женщиной с чёрными длинными волосами и веснушками на лице. Жена Алексея уехала на работу в Италию, а муж Виорики – в Грецию.

Фармацевт то и дело напоминала мужчинам, что учёные изобрели виагру, которая продлевает им сексуальную жизнь. А Доротею она информировала, какие контрацептивы более эффективны и от которых не поправляешься. Часто они ужинали вместе, вчетвером, шутили, строили планы на будущее, а когда друзья уходили, оставляли за собой умиротворение и хорошее настроение.

Эта пара была для них показательным примером – молодая женщина рядом с опытной женщиной источает особый шарм.

Алексей Бунжиу был всегда весёлым и казалось, что он расцветает в компании Виорики. У него была слабость всё время хвалить Наума и говорить, что он очень сильный адвокат. Он застрял в судебных процессах, в которых участвовал и Наум, и они посещали их дом каждую неделю.

Однажды друг принёс в подарок Науму и Доротее большого белого породистого кота. Доротея обрадовалась, но кот никак не воспринимал новых хозяев – он прятался в библиотеке за полками с книгами, откуда почти неделю не вылезал. Чтобы избежать его трагической кончины, кот не реагировал ни на еду, ни на питьё, Наум попросил Алексея забрать свой подарок обратно.

Как-то вечером, когда они заговорили о находке, обнаруженной Доротеей в их постели, Наум признался ей, что перед поездкой в Турцию он оставил ключи Алексею, чтобы он присмотрел за квартирой в их отсутствие. А он, конечно же, приводил с собой в их дом Виорику...

Все посмеялись, когда узнали о подозрениях Доротей, а эти два голубчика признались, что им тут было очень хорошо и приятно в то время, когда Наум и Доротея путешествовали по стране четырёх морей! В тот вечер Доротея приготовила вкусный ужин, и они отдохнули вместе до полуночи.

На следующий день она собиралась поехать в Брынзу, показать родителям загар и татуаж, которые она привезла из Турции.

– Я с удовольствием бы поехала и на следующий год отдыхать туда же.

– Доживём – увидим, – обнял её и прижал к груди Наум. – А что ты скажешь родителям, с кем ты отдыхала в Турции?

– С семьёй Бунжиу. У меня же полно фотографий с ними вместе.

– Лучше скажи им правду. Что мы муж и жена! Сколько можно прятать очевидные вещи... Если бы ты знала, как я хочу поехать с тобой к твоим родителям! Познакомиться, пообщаться с ними, обрадовать их вестью, что мы скоро повенчаемся и что подарим им внуков...

– Не-е-ет! – заупрямилась Доротея. – Не хочу ни замуж, ни ребёнка. Хочу на работу в Америку, хочу заработать много-много денег.

– Ты хоть попробуй...

– Всею своё время, зайчик мой! – поспешила она прервать эту неприятную для неё беседу. – Мои родители не готовы знать

эту правду... И, по-моему, мы и так хорошо живём, и не обязательно, чтобы Президент Молдовы был в курсе, с кем ты расписан официально, – попыталась она всё превратить в шутку. – И потом, у тебя в этом городе столько беспомощных жён, родивших тебе детей, что ты с трудом успеваешь всех содержать. Я же вижу, как ты каждый день переживаешь, что не можешь удовлетворить их прихоти... Тебе нужна ещё одна проблема на свою голову?

– Всё же мне обидно, что ты хотя бы не пытаешься заговорить с ними о нас, – гнул свою линию Наум.

– Нет смысла обижаться. Если бы я стала твоей женой, если бы родила от тебя ребёнка, я бы стала злою, – продолжала приводить свои аргументы Доротея. – И потом я собственница, голубчик мой. Буду требовать у тебя всё внимание оказывать только мне одной. Тебе разве это нужно? Скажи спасибо, что не...

– Привязалась сильно к тебе?

– Мы ещё поговорим об этом, когда вернусь. Приеду загружённой как пчёлка нектаром! Не забудь встретить меня на вокзале.

– Не надо ничего привозить, у нас всё есть, – сказал, опечалившись, Наум.

– Мать не позволит вернуться без провизии, сам знаешь.

– Хорошо, хорошо, – промолвил он и добавил, – возвращайся скорее, я буду скучать без тебя.

27

Вернувшись из Брынзы, Доротея стала ещё капризнее и привередливее. Всё чаще повторяла, что родители давили на неё принять решение: или остаётся жить в городе, в нищете и нехватке денег, с мизерной зарплатой и без определённого будущего, или уезжать на работу за границу. Она просила Наума поинтересоваться у знакомых, как можно ускорить получение рабочего контракта. Если он не поможет, никто не поможет. И снова упоминала о своих знакомых, которые уехали в США или в Великобританию, устроились на работу в богатых семьях, получают хорошие зарплаты, у которых совсем другое будущее.

– А как же я? – спросил как-то Наум. – Без тебя мне будет очень плохо, ты ведь знаешь...

– Если нам дано судьбой быть вместе, будь уверен, так и случится. Даже если я уеду, мысли мои всегда будут о тебе, о возвращении в наше с тобой гнёздышко, где остаётся часть моей души. Вернувшись из Америки с большими деньгами, доремонтируем то, что не успели закончить. Ты себе даже не представляешь, какие горы мы перевернём....

– Да мы и сейчас можем многое решить, – сопротивлялся Наум. – У нас есть ещё деньги на счету. Скажи – и мы приобретём то, чего тебе не хватает в доме. А в декабре поедем в Египет, к пирамидам...

– Только хотела тебе сказать, – уцепилась она за его предложение. – Над нашей фирмой, на втором этаже, арендует помещение кампания „Matrix”. Там продаются компьютеры и множительная техника. Есть и много другой техники, с помощью которой мы можем обновить наш офис.

Наум согласился с её предложением, и они решили поменять свой старый компьютер на более современный. На следующий день Доротея появилась в его офисе с Феликсом, специалистом по компьютерной технике в кампании “Matrix”. Это был симпатичный молодой человек с юга Молдовы, говорящий с регентским акцентом. Он должен был установить новую технику и программы к ней.

К Вайнштейну в тот день заглянули в гости несколько его детей, и он оставил Доротею наблюдать за работой мастера. Феликс не был женат. Он снимал вместе со своей девушкой квартиру неподалёку от офиса Вайнштейна. У него была старенькая машина БМВ, за которой он так усердно ухаживал, что казалось, что это роскошный лимузин, и очень хорошо разбирался в компьютерах и информационных технологиях.

Но Науму не понравились некоторые жесты и слишком фамильярные реплики между Доротеей с Феликсом. Потом до его ушей долетели несколько её фривольных шуток, насторожившие и оживившие в памяти старые подозрения. Он сразу же вспомнил одну из шуток Деда, босса Доротеи, о своей молодой жене и парнях-компьютерщиках, на которую он тогда не обратил никакого внимания. Теперь же Наум только что поймал фразу, при помощи которой Доротея пыталась объяснять молодому парню, что она тут живёт на квартире у своего дяди. «Вообще-то, она не должна

каждому встречному объяснять это», – подумал он, озлобленный на весь белый свет.

Появление в их доме молодого компьютерщика из торговой фирмы „Matrix” в конце лета подбросило дров в огонь ревности адвоката. Он даже не понял, когда начал следить за ней.

Однажды, возвращаясь с работы, зашёл в продуктовый магазин, и когда подходил к кассе, поймал их взглядом, беседующими прямо на пороге многоэтажки. Когда Доротея увидела Наума, выходявшего из дверей магазина, растерялась и сделала жест рукой Феликсу, чтобы он незаметно отошёл от неё, шепча ему, что человек, приближающийся к дому... никто иной, как ревнивый адвокат.

Наум притворился, что не заметил эту сцену, и ничего не сказал. Но дома увидел, что Доротея опять стала часто курить на балконе и постоянно занята нескончаемыми разговорами с кем-то по телефону. Как старый лис, он слушал, надеясь поймать несколько компрометирующих фраз. Он не сомневался – Доротея вновь вернулась в свой неизлечимый зодиакальный знак женщины лёгкого поведения. И он должен собрать неоспоримые доводы и отправить её, откуда взял, т.е., убедить уйти по-доброму от него.

Ему «помог» его величество случай. Однажды Наума остановила посреди улицы одна из его фавориток со времён его бурной молодости – красивая женщина с длинной косой, которую она то заплетала, то распускала. Она спросила его напрямую:

- Знаешь, на кого тратит свои чувства твоя свеженькая?
- Какая-то проблема?
- В здании где расположена фирма “Херох” работает и мой сын. Он специалист по компьютерной технике.
- И что с того? – спросил он, торопясь попрощаться с явно обеспокоенной дамой.
- Ваша помидорка переходит ему дорогу.
- Кому?
- Они каждый вечер катаются вместе на машине...
- И что? – выразил своё недовольство Наум.
- Я ей не позволю! – внезапно выпалила с возмущением женщина. Она перестала теревить свои распущенные волосы, когда заметила, что Наум отдаляется от неё. – Мой сын помолвлен. И ей нечего лезть в его жизнь!

Крик женщины посреди улицы чуть не свёл его с ума. И он неистово стал следить за Доротеей. Обычно она уходила на работу раньше него. На второй же день после неприятной встречи на улице, утром, когда Доротея собиралась выходить, он услышал, как ей кто-то позвонил по телефону и она лаконично ответила: «Да. Там же». После этого чмокнула его в лоб и вылетела на улицу, якобы, торопясь на работу.

Весна входила в свои права, почки на деревьях во дворе начали распускаться. Наум вышел подышать свежим весенним воздухом и заодно проследить за Доротеей. Он ожидал, что она сядет на маршрутку. Но вдруг из-за соседнего многоэтажного дома выехал чёрный БМВ с тонированными окнами и Доротея с ловкостью нырнула в салон.

Он тут же позвонил ей.

– Выходит, у вашего величества есть персональный водитель?

– Случайно встретила коллегу по работе, – ответила она, будто ничего не случилось. И прервала разговор.

Весь день он не мог найти себе места. «История повторяется, – говорил он сам себе, с презрением думая о ней. – Она больна. Может, и хочет стать другой, но не в силах. Никто не сможет её спасти... А я? Сколько я ещё могу быть её ангелом хранителем? Отцом, наставником, педагогом?»

Вечером Доротея вернулась домой с работы раньше обычного. И чуть ли не с порога начала ласкаться к нему, пытаясь завести разговор.

– Ты хочешь что-то сказать мне? – спросил он, смотря ей в глаза.

– Прошу тебя, мой ангел, не думай ничего плохого обо мне. Я тебе не изменяю... Встретила парня, который работает в фирме “Matrix”, и он подвёз на своей машине до работы. Мне и этого нельзя делать?

– Поступай, как тебе совесть велит, если она у тебя есть, – выпалил Наум. – От меня ничего не зависит. Но вот мама этого твоего „друга” имеет к тебе претензии. Она уверена, что ты портишь его будущее. Смотри, не наживи себе беду! Знаешь, что его невеста ждёт ребёнка?

– Зайчик мой, нет у него никакой подруги! Прицепилась к нему одна психически больная особа и шантажирует его, бедного... Может, поэтому он сейчас снимает квартиру и не живёт с ро-

дителями... Хорошо, я больше никогда не сяду в его машину. Буду ездить в переполненном общественном транспорте...

Хотелось спросить, откуда ей известны эти детали, но у него было ощущение, что голос Доротеи больно царапает ему мозг, и он пошёл спать. Доротея же умылась, надушилась и, прыгнув в кровать, начала прижиматься к Науму своей бархатной кожей, пытаясь разбудить его.

28

Адвокат исчерпал все резервы доверия. Он мог прощать ей шалости бесчисленное количество раз, ибо чувствовал, что сходит с ума от любви к этой молодой женщине с горящими карими глазами. Но интуиция и слухи, доходившие до него со всех сторон, изъедали его мужскую гордость как кариес изъедает зубы. Даже дочь Мирабелла однажды предупредила его:

– Видела в городе красавицу, с которой ты живёшь. Если бы ты знал, как ловко она научилась садиться в машину! Ей нравится находиться за рулём или на переднем сидении? Будь осторожен, батя, и не допусти, чтобы у тебя выросли олени рога с тобой Доротеей...

„Что же делать, как поступить? – терзался оскорблённый и униженный Наум. – Я бесхарактерный, бесхребетный человек. Другой на моём месте давно дал бы ей пинок под зад и избавился от неё”.

Но нечто выше его сил не позволяло ему разлучиться с ней.

Через пару дней чаша его терпения переполнилась. Как-то после обеда, ожидая зелёного света на светофоре, он увидел, как мимо него пронёсся черный БМВ. «Это уж слишком!» – подумал он, увидев возле Феликса на переднем сидении Доротею, жадно курившей сигарету. Его любимая женщина Доротея! Автомобиль ехал к Скулянскому барьеру, и это наводило на мысль, что поездка не служебная.

Кровь застучала в висках, а разум начали раздирать самые запутанные и неопределённые мысли. „Что же я могу сделать в такой ситуации? Может, мне пора найти другую женщину?!”

Он понимал, что становится всё более и более смешным, и нелепым не только перед Доротеей, но и перед своими знакомыми, перед клиентами, которые узнавали его на улицах и которые, как

он себе представлял, иронизировали над ним, когда здоровались с подобострастной улыбкой на лице. Казалось, что все смеялись над ним и радовались, что девчушка, насколько дерзостная, настолько развращённая, наставляет ему рога.

В один из тех тяжёлых для него дней, когда после ночи любви Доротея снова поклялась ему в верности, он опять стал следить за ней, сам не зная почему. Спрятался за спинами людей на автобусной остановке, откуда как на ладони виден был подъезд дома Феликса, и стоял там несколько часов. Долгое ожидание усыпило бы его бдительность, но позвонил мобильный телефон, и Доротея сообщила, что заканчивает работу и скоро будет дома. Он не успел спрятать в карман телефон, как увидел, что чёрный БМВ тормозит перед подъездом. „Да, всё как я и предполагал“, – подумал Вайнштейн, когда из машины вышла Доротея, и с водителем исчезла в тёмном подъезде.

И опять кровь начала пульсировать в его висках с такой силой, что, казалось, разорвёт виски вместе с сердцем на куски. Он резко встал и хотел направиться к дому, но передумал и остался ждать на скамейке, кусая ногти и терзая себя самыми странными мыслями. „Не знаю, что с ней делать? Выгнать её? Но я её люблю больше жизни! Люблю её, пропади я пропадом!“ – обвинял он и казнил сам себя.

Адвокат не любил конфликтов в доме. Он не терпел ссор. Они его выводили из нормального состояния на многие недели, а иногда и на целые месяцы. Он не мог утверждать, что предыдущие его жёны тоже были шлюхами, может быть, они не были и женщинами лёгкого поведения, но почти все попадались ему с бурными характерами, или с завышенными материальными запросами, что и служило причиной частых ссор и скандалов. Ему не хотелось, чтобы прошлое повторилось. Он любил Доротею, но и неприятное положение, в котором он опять оказался, заставляло его что-то предпринять.

Где-то через полчаса, столько она добиралась с работы домой, Доротея появилась в дверях подъезда. Она была одна, в коротеньком коричневом платье, в прекрасном расположении духа. Посмотрев на часы, она пошла в противоположную сторону от их многоэтажки. „Она хочет обойти дом, чтобы войти в подъезд с другой стороны, как будто идёт с остановки,“ – разгадал Наум её

намерения. Но в следующее мгновение она пошла к дому напрямую через двор.

Он растерялся, еще не знал, что скажет, но поспешил перейти ей дорогу.

– Ты откуда, дорогая!? – резко схватил он её за руку, и сам удивился, сколько злости прозвучало в его голосе. – Я видел, с кем ты вошла в подъезд. Это был Феликс, и ваши с ним встречи совсем не случайны. Что это значит, Доротея?

Девушка не ожидала быть пойманной на месте преступления, и растерянно пробормотала первое, что пришло на ум, не подумав о смысле сказанного:

– Феликс привёз меня с работы домой, пораньше...

– И ты повалялась немножко в его кровати, – продолжил нить её ответа Наум, возмущённый до предела не столько наглым ответом Доротеи, сколько смешной ситуацией в которой он оказался.

– Больше это не повторится, – промолвила она тихим и виноватым голосом.

Ответ показался самым банальным. Он почувствовал отвращение, которое не смог сдерживать.

– Иди домой, собирай свои вещи, и чтобы я никогда не видел тебя в моём доме!

Он кричал. Приказ прозвучал категорично, его слова отрывисто следовали друг за другом с неестественной злостью в голосе. Доротея посмотрела на него испуганными глазами.

Дело с её отъездом на работу в США ещё не было решено, а сейчас оно могло рухнуть окончательно. Большой знак вопроса вызывала сама деятельность этой контрактной системы. Уйти на другую квартиру означало отдавать большую сумму денег за аренду, а это скажется на отложенных деньгах для поездки в Америку.

Решительное и потемневшее от злости лицо адвоката не оставляло ей никакой надежды, на этот раз уж он точно не простит её. И Доротея начала плакать и умолять его, скорее, чтобы привлечь внимание и тех трёх агентов КГБ (они, как обычно, сплетничали на скамейке перед подъездом):

– Прости меня, пожалуйста! Мне некуда идти! Прости, ангел мой...

– К Феликсу! – заорал он во весь голос и показалось, что скамейка из-под трёх сплетниц затрещала.

Впервые «сотрудницы» СИБа замерли, не проронив ни слова. Одна из агентов даже перекрестилась. Чтобы успокоить совесть и погасить возмущение, Наум втолкнул Доротею в подъезд под сильный грохот захлопнувшейся двери.

В доме она бросилась на диван и начала рыдать навзрыд.

– Какой смысл тебя всё время прощать и прощать! – не мог унять свой гнев Вайнштейн. – Тебе нравятся другие мужчины. Тебе нравится гулять с Костиком, Себастьяном, Феликсом... С любым жеребцом, попадавшимися тебе на пути! Тогда пусть они и возьмут тебя на квартиру и на содержание... Почему я должен содержать такую падшую женщину, как ты, у которой ничего на уме нет, кроме распутства. Нет, всё кончено! Прямо сейчас выброшу все твои вещички через окно, чтобы ты больше никогда не переступала порог моего дома! И иди, иди, иди как можно дальше отсюда, чтобы я больше никогда не видел тебя! Ты настоящая шлюха!

Жестокие слова Наума уничтожали её женскую гордость. Её не волновало, что соседки во дворе всё слышат. Страх, что она остаётся на улице, с нерешённым вопросом о работе за границей, овладел всем её существом и разумом. Она рыдала, как на похоронах, всё громче и громче и, спотыкаясь, следовала за ним.

Вайнштейн, как в приступе безумия, начал мерить своими большими и тяжёлыми шагами комнаты квартиры. Он не слышал её плача, горечь перехватило горло, готовая разорвать на части: „Господи, за какие грехи мне такое наказание! Почему я должен терпеть в своём доме столько грязи от потаскушки с лицом ангела, но с грязной душой дьявола? Мне 53 года, и я должен думать о том, как устроить свою дальнейшую жизнь. Пришло время привести в свой дом порядочную женщину, но я не могу... Я люблю её, и если она уйдет, мне будет ещё хуже, ещё тяжелее... И почему именно я, Господи, должен терпеть эту шлюху рядом!”

Он знал, что и на этот раз простит её. Некоторое время назад он поймал себя на мысли, что, может быть, эта девушка гипнотизирует его своими вкусными блюдами, приготовленными своими руками или привезёнными от родителей, и он поэтому должен прощать все её шалости. «О-х! Её плач меня убивает! ... И сколько же я могу терпеть эту испорченную женщину рядом с собой?!»

Мысли табунами бродили в голове, и Наум почувствовал себя маленьким беспомощным ребёнком. И сразу подумал, что её стоит наказать жестоко, но только так... чтобы она потом осталась с ним.

Через какое-то время рыдания прекратились. Вайнштейн заглянул в спальню и увидел, что Доротея заснула. И тут же поднялся на кончики пальцев, чтобы не разбудить её.

Он знал, что никогда еще до сих пор не подвергался такому позору, но он не знал, что у него столько терпения. На протяжении всей ночи пытался заснуть, но сон убегал от него, как саранча от дождя. Только к утру ему показалось, что он нашёл решение и знает, как избавиться от неё. „Америка! – воскликнул он, выпрыгивая из постели. – Да, именно Америка! Это и есть решение! Помогу ей как можно быстрее подготовить все документы, необходимые для предоставления в посольство, и пошла она... куда подальше! Только так избавлюсь от неё. И она от меня...”

Последняя мысль ранила его, но он уже не мог ни о чём думать. Завалился опять на диван и заснул долгим и тяжёлым сном.

* * *

– Она околдовала тебя, брат мой, точно околдовала, – высказал своё мнение Ицик Мазик и положил скрипку со смычком на скамью, покрытую старым покрывалом.

Науму не с кем было поделиться своим горем. Единственным из всех друзей, кто бы смог его понять, был Ицик. К нему он и пришёл за душевной поддержкой.

– Кормит тебя вкуснейшими блюдами, а колдуют она и её мать. Непременно это так и есть. Подумай об этом, брат. Ты её держишь у себя в комфорте, она не платит ни за квартиру, ни за коммунальные услуги. Ты ей помог найти и хорошую работу, а она... она только использует тебя. Имей ввиду, она в конечном итоге уничтожит тебя. Она высушит тебя как приманку. Знаешь, что ей сейчас нужно? О-хо-хо! Молодого, хорошо упакованного жеребца, чтобы было на кого опереться, и чтобы при толкании не теряла ни одного миллиметра! Когда сядет на него, чтобы оргазмы не кончались, и чтобы она так кричала, что все собаки квартала не прекращали лаять.

– А ты, кто ты такой?! – Ицик на минуту замолчал, почесал затылок, и продолжил – Ты старый пердун, который время от

времени возбуждает её, но не приносит настоящего удовлетворения... Послушай меня, будь осторожен, молодуха тебя обанкротит, как обанкротила меня Хона, когда придумала приключение с лошадьми и подковами! Она тебе нужна для эротического массажа, а использует как настоящего осла! Только она не отвезёт тебя в Иерусалим. Это уж точно...

29

Как бы ему хотелось, чтобы слова Ицика были неудачной шуткой! Наум всегда знал, что его друг непревзойденный наивный болтун. Но подозрение, что его возлюбленная обладает какой-то магической силой, обеспокоило его.

Было достаточно, чтобы Доротея произносила несколько сладких, ласковых слов, и он терял голову.

После последнего конфликта он замкнулся в себе. Доротея сделала паузу в своих амурных приключениях и старалась изо всех сил не давать ему ни малейшего повода подозревать её в неверности. Всегда звонила, сообщала, где находится...

„Старо предание, да верится с трудом“, – говорил себе Вайнштейн каждый раз после её очередного звонка. Самым страшным было то, что он больше не чувствовал никакого удовольствия с ней в постели. Он понимал, что она отдаётся потому, что должна это делать для контракта в Америке. Но ему не хотелось признаваться в этом и принимать за настоящую правду. Она продолжала притворяться влюблённой по уши в него: страстно целовала, притворно улыбалась и говорила те же слова: „Господи, как же я тебя люблю!“ Наум обратился ещё раз в компанию, учреждённую одной из его бывших жён. Бэлла была опытной женщиной, много раз ездила в командировки в США и могла найти выгодный контракт для Доротеи.

– Твоя зазноба знает английский?

– В совершенстве. А также хорошо знает компьютер... Очень прошу, помоги! – просил он её отчаянным голосом.

– Если так нужно... Это сложно, но я постараюсь помочь тебе. Пусть завтра зайдёт сюда.

– Если можно, найди ей место для работы в Вашингтоне.

– Сколько тебя знаю, ты всегда был негодяем, Наум, – не удержалась Бэлла и подсыпала соль на раны. – Вместо того, чтобы

помочь своим детям, например, твоя дочь Малка хочет учиться в Оттаве, в Канаде, она нуждается в моральной поддержке, не помешало бы ей помочь и деньгами, а ты вылезашь из шкуры ради интересов какой-то... любовницы!

Доротея нашла, что его первая жена очень симпатична. Она показалась ей серьёзной женщиной с умными глазами. „Почему они развелись?“ – подумала она, но тут же отогнала посторонние мысли – она пришла в этот офис для подтверждения своих знаний английского языка и должна сосредоточиться.

– У Вас есть шансы уехать, но для этого Вы должны получить визу в посольстве. – начала Бэлл. – Вы должны знать, что рискуете, потому что посольство часто отклоняет рассмотрение ходатайства на выезд без причин. Попытаюсь устроить Вас на работу по рабочему контракту в Арлингтоне, недалеко от Вашингтона, администратором отеля. На один год. Если покажете себя с хорошей стороны, тогда будет возможность продлить рабочий контракт на три года!

А это значило, что Доротея должна была обмануть сотрудников американского посольства и предоставить фальшивые документы, что она работник гостиничной сферы и едет на работу в США, чтобы набраться опыта и совершенствовать свой английский.

Она вернулась домой счастливой. До конца года остались считанные недели, и она начала собирать необходимые документы. Снова пошла на курсы углублённого изучения английского языка. Как ей сказали, если всё удачно сложится, то она уже к началу лета грядущего года сможет уехать. Её родители, хотя затеяли капитальный ремонт дома и набрали долгов, обещали помочь. Мать Дина и отец Михаил были в восторге от перспективы дочери.

– Возьмём в долг у родственников, у знакомых и соберём необходимую сумму. А ты держись за адвоката, пусть и он поможет, не валяй дурочку. Пригласи его на праздник села....

Доротея догадалась, что матери давно известно об её сожительстве с Наумом. Она, вероятно, знает и о других её амурных приключениях.

30

Перед поездкой в село с Доротеей Наум пережил несколько неприятных эмоций. Мать его сына Авраама вышла замуж за итальянца и поселилась в Турине. Аврааму только исполнилось 17 лет, он окончил 9 классов гимназии и тоже уезжал в Италию. При расставании мальчик сказал ему, что вернётся домой только с разрешения матери. Его уже записали в какой-то лицей в Италии. Расставание было очень тяжёлым, и на его лице читалась необъятная грусть.

Это был первый его ребёнок, уезжающий навсегда за границу... В день Святых Архангелов Михаила и Гавриила, в честь которых отмечался праздник села, он поехал в Брынзу вместе со своей дочкой Ракелой и Доротеей.

С первого взгляда Науму не понравилась мать Доротеи. Она ни разу не улыбнулась им за столом, ломящимся от яств, за которым собралось много гостей. Он заметил, какими оценивающими взглядами смотрят на него собравшиеся. Наум старался чувствовать себя комфортно, пытался шутить и даже думал о том, что готов раскрыть кое-какие секреты из их совместной жизни с Доротеей.

Догадавшись о его намерениях, Доротея тут же дала ему понять, что этим он может испортить её репутацию в глазах родственников. На самом деле, ему хотелось вести себя фамильярнее, но он видел, что глаза собравшихся будто выдавали правду о нём и Иоанне, и осуждали их за это.

Он галантно улыбался женщинам и дипломатично вёл себя с мужчинами, шутил и рассказывал анекдоты, но чувствовал, что смех окружающих вынужден, а каждая реплика осыпана горьким перцем. Чтобы избавиться от этих предчувствий, вместе с несколькими гостями он решил посетить станцию для очистки воды, на которой работали родители Доротеи.

Там он сфотографировался с несколькими работниками, а мать Доротеи устроила экскурсию по станции, объясняя ему смысл их работы и одновременно жалуясь на устаревшее оборудование и на то, что её могут уволить с предприятия, где отработала почти всю жизнь – она достигла пенсионного возраста и не знает, продолжит ли администрация станции её рабочий контракт. Наум начал ей давать кое-какие советы по поводу норм трудового за-

конодательства и высказал своё мнение по заинтересовавшему её вопросу.

Вопреки её строгости и нелюдимости, мама Дина была скромной женщиной, трудолюбивой и добросовестной, хорошо знала принципы работы оборудования. Вернувшись, они сделали фото на память со всеми собравшимися гостями перед калиткой родительского дома.

В тот день Наум узнал и о том, что Доротея водит машину так мастерски, будто находится за рулём с самого рождения. Она встретила и привезла его и дочку с автостанции Вулканешт до своего села на стареньких, но хорошо сохранившихся родительских «Жигулях». Он ещё раз вспомнил, почему всегда подозревал её в изменах: „Как же она профессионально обращается с рулём! Разъезжая на многих чужих машинах по городу, она не зря теряла время с Кости́ком, с Фели́ксом и ещё чёрт знает с кем. По крайней мере, имела, чем расплачиваться с ними...”

Когда наступил вечер, Доротея довезла их до автостанции, откуда они должны были вернуться в город.

– Какими тебе показались родители Доротеи? – спросил у своей дочери Наум.

– Простые и хорошие люди, – ответила Ракела. – Её мама показалась мне немного угрюмой, и она всё время измеряла тебя взглядами из-под нахмуренных бровей. И не была откровенной с тобой.

31

Они даже не заметили, как наступил декабрь. „Уже третий год, как мы вместе”, – подумал Наум и удивился этому новому измерению, новому ориентиру системы отсчёта. Теперь он всю свою жизнь делил на два периода – один, который он прожил с другими жёнами, и второй, который он проводит с Доротеей. Последний период означает в его жизни больше, хотя все предыдущие жёны родили ему 10 детей, а Доротея – ни одного! Даже если... Он отгонял от себя плохие мысли, портившие ему настроение и приносившие страдания. «Может, уже недолго осталось страдать», – говорил он себе, хотя часто с ужасом и с самыми мрачными предчувствиями думал о дне их расставания.

Доротея крутилась в водовороте приготовлений к отъезду в Америку, но продолжала числиться сотрудницей фирмы „Хегох“. Дед предоставил ей более свободный рабочий график.

Она стала сдержаннее, более собранной и внимательной, будто повзрослела. Науму казалось, что она вообще стала другой – более привлекательной, более очаровательной, но в то же время и лучшей хозяйкой в доме. Возвращаясь с работы, убиралась в доме, стирала, готовила вкусные блюда, часами сидела у компьютера, изучая английский язык, общаясь на нём со своими подругами за границей. В такие вечера ему хотелось остановить время, чтобы вечно любоваться ею. Но время шло безжалостно. Декабрь подходил к концу, приближались зимние праздники...

Новый год третий раз подряд они встречали вдвоём в его квартире, со свечами, шампанским и вкусными блюдами, приготовленными руками очаровательной хозяйки. И в этот раз Доротея поцеловала его, когда стрелки часов пробили полночь, затем сказала спокойным голосом:

– Ангел мой! Как хорошо, когда ты рядом со мной... В этом году, с Божьей помощью, я уеду на работу за границу. Буду тебе писать, отправлять подарки из Америки, а потом, когда заработаю много денег, вернусь к тебе. Превратим нашу квартиру в конфетку...

Отпила шампанского и продолжила мечтательно:

– В наступающем году приготовила тебе сюрприз, который в большей степени дело твоих рук. Я брошу курить! С самого первого дня. И так как твоя бывшая жена заверила меня в том, что я смогу уехать в США к концу лета, не позже этой осени, у меня есть к тебе предложение.

– Предложение? Ко мне? – удивился Наум.

– Я так сильно тебя люблю, котик мой, – проворковала она своим мелодичным голосом. – Хочу, чтобы мы в мае опять поехали с тобой в Турцию. Родители собрали необходимую сумму для моей поездки в США. Можно часть использовать для Турции.

Наума это предложение не обрадовало. Он ожидал совсем другого. На долю секунды он представил себе, что они идут рядом – она в платье невесты, он в белом костюме с чёрной бабочкой, – направляясь к дворцу счастья, где их встречают приглашённые гости, затем проходят, держась за руки, через туннель из цветов. Он стряхнул с себя фантазию и ответил обнадёживающим тоном:

– Если год будет удачным. И если это не нанесёт ущерба твоему отъезду.

И опять они протанцевали до полуночи, только вдвоём, под бархатный голос Криса Ри.

– Как мне хорошо с тобой!

– Хочешь, чтобы мы всегда были вместе?

– А у меня есть выбор? – улыбнувшись, ответила Доротея, прижимаясь к его груди.

Ему же казалось, что кто-то следит за ними холодным, свинцовым глазом в ночном сумраке. И с враждебной, язвительной улыбкой: „Даже так бывает? Решайся на уступки. Сам видишь”. Наум прикрыл глаза, помахал головой, и виденье исчезло.

32

Теперь он был уверен: она уедет осенью, будет работать администратором отеля в Арлингтоне, недалеко от Вашингтона. С первых дней наступившего года она была занята как никогда. Продолжала работать в фирме „Хегох”, в свободное время штудировала учебники по английскому и три раза в неделю посещала курсы усовершенствования знаний по английскому. Длинными зимними вечерами сидела часами за компьютером, общаясь со своими знакомыми на английском, желая узнать, как можно больше об этой заокеанской стране.

Собрав все документы, необходимые для предоставления в посольство США, ждала числа аудиенции по вопросу выдачи визы. Наум снова помог и достал ей справку в одной из гостиниц города о том, что она, якобы, там работала. Он заставлял её быть более настойчивой в подготовке документов – связываться с его бывшей женой и конкретизировать каждую деталь трудового договора, который она должна была также предоставить в американское посольство.

Отъезды в Америку были тогда одной из самых острых проблем. Коммунистическое правительство намеревалось заблокировать деятельность компаний, занимающихся трудоустройством граждан Молдовы за границей, монополизируя эту прибыльную сферу через единственную компанию, управляемую ставленниками коммунистов. Сам президент страны советовал всем чиновникам преграждать пути оттока граждан за границу

– чтоб ни один сверчок не прошёл!

Белла позвонила Науму и попросила передать его сожительнице, чтобы на собеседовании она не упоминала сотруднику посольства о том, кто её подготовил к поездке в США. Всё шло своим чередом, но с каждым днём Наум всё чаще и чаще впадал в депрессию, осознавая, что Доротея покидает его навсегда.

– Будь спокоен, ангел мой, еще ничего конкретно неизвестно – уеду я или нет, – утешала она его.

В его день рождения Доротея приготовила праздничный стол. Вечером собралось много гостей: Павел Никэ, Алексей Бунжиу, Анатол Рошковану, Сержиу и Думитру Фусу... Повеселились от души, и все собравшиеся в один голос хвалили Доротею, какая она превосходная хозяйка. И его дети постепенно приняли её и уважали, отмечая, что она очень вкусно готовит. Один Наум чувствовал себя плохо – он уже не был тем, кем был три года назад. Через несколько дней ему стало еще хуже, и он обратился к своему другу Николаю Кукош, врачу в городской больнице, с которым дружили с детства. Исследования встревожили доктора:

– Дружище, у тебя серьёзные проблемы! Ты болен гепатитом В и надо срочно начинать лечение. Более того, что насчёт «положительных ответов»? – размахивал он листком с результатами анализов крови. – Где в твоём возрасте ты поймал ещё и этот венерический «базилик»? Ты с кем живешь, друг мой? Она когда-нибудь проверялась на венерические болезни? Или ты поймал это богатство «по соседству»?

Наум был ошеломлён этой новостью. Он почувствовал, как тонет его последний корабль. Николай Кукош, один из лучших специалистов в области медицины в стране, уговорил его в тот же день лечь в больницу. Пока длилось лечение, ему звонили соседки с жалобами на непристойное поведение Доротеи. Она осталась одна в квартире, и не было никаких сомнений, что всё это время жила в своё удовольствие.

– Я не могу ничего с ней поделать! – резко ответил Наум на очередной звонок. – Если это вас успокоит, поймите её и задайте ей взбучку!

Ему надоело устраивать сцены ревности, и он махнув на всё рукой, оставил эти события на произвол судьбы. Ему пришла в

голову странная мысль – как писателю, было бы интересно изучить психологию настоящей шлюхи. Он настоял, чтобы Доротея не посещала его в больнице.

– Не теряй времени на визиты, совершенствуй свой английский, – сказал он ей по телефону. – «И вождение в постели» хотелось ему добавить, но воздержался. Не было никакого смысла.

После выписки из больницы Доротея встретила его хорошей новостью.

– Любимый, я уже заказала путёвки в Кемер на май. Для поездки в Турцию использую часть отпуска, остальную часть после возвращения проведу в селе у родителей. В Америку уезжаю осенью, так что у нас ещё есть время. И еще одна новость: летом приезжает в гости моя двоюродная сестра из Тулы. Если ты не против, она будет жить у нас.

– Никаких проблем, – равнодушно ответил Наум. И тут же посчитал целесообразным сообщить ей о предупреждениях врачей.

– Во время прохождения лечения врачи предупредили, что гепатит передаётся сексуальным путём. И обнаружили у меня еще некоторые неприятные болячки. Грибки, хламиды. Ты должна пройти лечение.

Доротея приняла эту информацию спокойно.

– Завтра же позвоню Виорике и попрошу выписать все необходимые медицинские препараты из своей аптеки.

Наум оставался безучастным: он не обратил внимания на идеальный порядок в доме, на её спокойную реакцию о венерических заболеваниях. Пока они жили вместе, у него не было никаких внебрачных отношений, поэтому он был уверен, что это – «награда» от неё. Да, она, это нежное и ласковое существо с играющим взглядом и фальшивой улыбкой, живущее с ним рядом все эти годы. Доротея вернулась к разговору об отпуске:

– Всё сделаем по порядку. Сначала поедem на отдых в Турцию, затем вылечим все болезни. Ты же знаешь, у меня есть и своя каждодневная болячка.

У нее были проблемы со стулом – она страдала запорами и не могла освобождать свои кишки неделями, но консультироваться у доктора стеснялась. Да и ему она об этом рассказала через год после знакомства.

– Во время нахождения в больнице, я попросил консультацию у проктолога относительно твоих проблем.

– И что он сказал?

– Чтобы ты прошла лечение. В противном случае могут возникнуть серьезные последствия. Вплоть до рака.

– Да? – тихо прошептала она, задумавшись. – Через несколько недель обязательно начнём лечиться. Но сначала мы отдохнём на море! Время терпит – одной неделей раньше или одной неделей позже ничего не меняет.

В том году уже в апреле началась сильная жара, а вместе с ней между ними установилось необъяснимое отчуждение, с которым оба молчаливо смирились. В подсознании Наум начал ненавидеть девушку, в которую когда-то влюбился по уши, и которая своей неверностью принесла ему столько страданий. Их больше не пробирала дрожь при касании друг к другу; нежность девушки испарилась, как с белых яблонь дым; её молодое и соблазнительное тело как будто огрубело. Его больше не радовали беседы с ней, и про себя он молился, чтобы быстрее наступила осень, когда она уедет. Он надеялся, что тогда будет чувствовать себя по-другому, более свободным и просветлённым.

Теперь он отдался воле девушки – она покупала билеты, бегала по магазинам, готовясь к поездке на море. Его уже не интересовало, почему она приходит так поздно домой, даже в те дни, когда у неё не было занятий по английскому. Отвращение и огромная глухота взяли в плен его душу. Несколько месяцев подряд его адвокатская деятельность почти не приносила доходов. Ему тяжело было содержать своих детей и бывших жён. Он, неисправимый оптимист, становился пессимистом, а печаль брала штурмом его сердце. И казалось, что так будет всегда.

В постели он исполнял долг без особого удовольствия – всегда представляя себе, как она занимается любовью с другими мужчинами. И от этого становился ещё более беспомощным.

Когда переступили порог аэропорта с чемоданами, у него появилось странное и зловещее желание: чтобы во время полёта самолёт упал в море. Слишком много ошибок совершил он до сих пор, слишком много. Грешил и перед бывшими жёнами, и перед своими детьми, и особенно грешен перед своим человеческим достоинством.

Он считал себя растяпой, безвольным глупцом, если с таким равнодушием терпит отвратительную неверность этой молодухи, если попал в сети ювенальных чувств и слепо продолжает любить. Понимал, что ни один мужчина не поступил бы так, как поступает он, что давно пора поменять всё в своей жизни. Он был не молод, но и не стар, у него была ещё возможность устроить своё будущее, привести в дом порядочную женщину своего возраста, а не продолжать жить с распущенной девкой, ежедневно кормящей его уменьшительными именами и фальшивыми ласками.

Доротея не могла догадываться о мыслях Наума, и это было единственным, что мирило его с самим собой. На самом деле, о каком примирении может идти речь? Ему больше ничего не хотелось. Только сделать доброе дело этому существу, чтобы заслужить её благодарность. Сколько непристойных поступков совершил, он сам в своей жизни до неё! Он бывал и грубым, и даже жестоким с женщинами, рожавшими ему детей, непροщающим и подлым с первой, и особенно со второй женой.

Теперь понимал, что судьба сводит с ним счёты и требует расплаты сполна за все грехи. И он должен терпеть. Сейчас они едут на отдых в райскую страну. Это необходимо после лечения от гепатита. В любом случае, он никогда не чувствовал себя так плохо и совершенно разбито. И только Доротею это совсем не беспокоило. Она ложилась на его грудь и гладила посеребрённые виски, мурлыча себе под нос:

– Будь веселее, котик мой... Я ведь рядом с тобой, – нежилась она, пока засыпала.

На борту самолёта они обнаружили, что забыли в такси фотоаппарат и очки для чтения. Это его огорчило еще больше – понял, что теперь он не сможет ни читать, ни писать на море. На этот раз поездка в Кемер казалась лишённой очарования, и не шла ни в какое сравнение с прошлогодней. Интуиция его не подвела – первый дискомфорт получился при заселении в отель: они платили за четыре звёздочки, а их поселили в двухзвёздочный отель. Только через несколько дней, по настоянию Наума, их переселили в четырёхзвёздочный, как и было указано в купленных путёвках.

Они не сделали ни одного снимка, не написали ни одной страницы в дневниках. Лежа на шезлонге на берегу моря, Наум рассе-

янно наблюдал, как Доротея купается в купальнике синего цвета. Она уже не казалась ему тонкой и нежной девушкой, какой была в прошлом году, когда они загорали на этом же пляже и гуляли по набережной. Он изо всех сил пытался скрыть острые боли в спине, появившиеся в день поездки сюда, в Кемер. Его друг Думитру Фусу привёз ему мешок сахара для закруток компотов и варенья, и Наум сам тащил его с первого этажа до своей квартиры.

Прошло несколько дней, и ситуация нормализовалась. Как-то Доротея заговорила с молодым турком, знающим английский. После беседы с ним, она разоткровенничалась:

– Представляешь, он спросил, свободна ли я. Когда я сказала, что ты мой муж, он удивился и сказал: „Ты не с ним, твои мысли далеко отсюда, они в другом месте...“.

– А он разве не прав?

– Ой, не надо слушать первого встречного! – ушла она от ответа и добавила – Любимый мой, я только твоя!

Через несколько дней шторма, Средиземное море успокоилось. Отдыхающие спрашивали: «Хороший ли это знак?» На курортный берег нахлынули откуда-то, будто спустились с горных вершин, группы людей, говорящих на разных языках и по-разному одетых.

По соседству с Наумом и Доротеей разлеглась пара, говорившая на болгарском, – молодая женщина и мужчина. Они всё время спорили о фотоискусстве. Оба держали в руках новые современные фотоаппараты и постоянно увековечивали близлежащие пейзажи, отбирали на фотосъёмки приглянувшиеся типажи отдыхающих, затем анализировали заснятый материал на мониторе. Их значки говорили о том, что они репортёры престижной американской газеты «Forwards».

Девушка была невысокой, с чёрными как уголь волосами, с большими, пронизательными глазами. В купальнике вишнёвого цвета она напоминала древнегреческую нимфу. Что-то таинственное и сверхъестественное было в её ритмичных и нервных шагах по пляжному песку. Мужчина, напротив, был высоким, гибким, с усами и седой бородой как у козла, с длинными волосами, собранными в пучок на затылке. Он походил на священника с горы Афон и производил впечатление случайного человека на пляже, с фотоаппаратом на шее. Во время их бурного общения, то

спокойными, то резкими голосами, Наум Вайнштейн улавливал болгарские слова, которые он слышал в подростковом возрасте, когда ему посчастливилось месяц путешествовать по Болгарии и побывать в Пловдиве, Софии, Бургасе и Варне. Но не слова, а быстрая тональность произношения и жестикуляция руками дали ему понять, что между американскими корреспондентами болгарского происхождения возник конфликт.

Солнце безжалостно поднималось к зениту, и пляж в Кемере клокотал. Воздух, весь в запахах турецких цитрусовых, песни из мегафонов, установленных в отелях и на набережной, создавали атмосферу всеобщего праздника жизни для отдыхающих. И только Науму казалось, что он осаждён невыносимым шумом и гамом, раздражающими и утомляющими его.

Все купались, загорали, лежали на шезлонгах и занимаясь кто чем: играли в шахматы и шашки, читали газеты, журналы и книги, решали кроссворды и ребусы, слушали музыку или просто наблюдали в бинокли за прибывающими или уплывающими из порта кораблями, любовались водопадом, полётом чаек, единственными оставшимися коренными существами в заливе Анталии.

Люди как люди, птицы как птицы, и только американские корреспонденты-болгары были исключением. Видно было, что они находятся тут по заданию редакции, и всё, что здесь происходило каждую минуту, каждый час, каждый день, должно быть отражено во времени и в пространстве. Другими словами, они не переставали собирать материал для тех, кто доверил им эту миссию.

Наблюдая за их работой днями и вечерами, Наум каким-то образом привязался к ним. Они стали единственными субъектами, которые интересовали его сейчас на всём Средиземноморском побережье, скорее как писателя, чем как туриста, который вырвался из суматохи современной цивилизации, хочет избавиться от стрессов и годовой усталости в морских водах и субтропическом ландшафте.

Доротея постепенно отошла на второй план. Он сам себе не мог объяснить, почему она теперь не интересуется его, не пленяет, как в прошлом году. Он стал абсолютно безразличным к её присутствию или отсутствию. Она же часами купалась в море или в бассейне, общалась с молодыми турками на английском, пила

тоник или ела мороженое в тени какой-то террасы, периодически не забывая подходить к нему, обнять, поцеловать и говорить одни и те же банальные фразы: „Как хорошо, мой котик, что мы вместе. Я так люблю тебя!”

33

В предпоследний день в Кемере картина осталась той же. Наум, ныряя в волнах, ударился о большой камень и почувствовал острую боль в позвоночнике. Встревоженный болями, он подумал, что у него снова появятся проблемы с грыжей межпозвонкового диска, которую врачи много раз предлагали прооперировать. Из-за острых болей он не мог наслаждаться купанием, как в первые дни, и был вынужден на берегу ложиться на живот и заходить в воду как рептилия. Таким образом, боли утихали. Он предпочитал плавать хаотично, отдаляясь от берега и оставаясь на участках, где купалось меньше народу и откуда, лёжа на спине, мог любоваться горами, окружающими курорт, и синеголубым небом над головой.

Он удивился, когда заметил, что и два фоторепортёра заплывают далеко от берега. Теперь, в открытом море, он вспомнил, откуда навсегда остались в его памяти несколько слов и фраз на болгарском.

В далёком 1977 он провёл целый месяц в компании красивой молодой девушки по имени Дина Мацанова. Она жила в стране роз Болгарии, а родом из села Дорково на берегу озера Батак. Прошло 30 лет с тех пор, но он и сейчас помнил её весёлый голос и русские слова, произнесённые ею с заметным акцентом иностранки.

Благодаря паре американских репортёров он вспомнил о ней, будто всё происходило в настоящее время. Это воспоминание заставило его выйти на берег, оставив фоторепортёров в море, спорящих, как обычно.

После объятий морских волн ему показалось, что и боли в спине поутихли, и он с удовольствием растянулся на синем кожаном диване. Солнечные лучи уже не жгли так жестоко, пытаясь всё сильнее захватить средневековые сказочные вершины Кемера. Местные жители говорили, что по этим тропам держали путь в Палестину рыцари крестовых походов. Наум заметил вышедшего из воды болгарского «священника», ко-

торый недавно плавал вместе со своей коллегой из американской газеты.

Он был один и казался встревоженным. Сосед по пляжу собрал в спешке всю свою аппаратуру и вещи в походную сумку, зажёл нервно закурил кубинскую сигару и плюхнулся на соседний диван. Наступило время ужина. Отдыхающие уходили с пляжа, после которого во дворе базы отдыха, возле бассейна, в воде которого играл свет разноцветных электрических лампочек, начинались вечерний концерт.

Ночь прошла без сильных болей в позвоночнике, так как он лёг на мягкие подушки. Утром начался сильный ветер, морские волны злились и кружились в мятежных вихрях. Гром гремел, сверкали молнии, и в конечном итоге на всём побережье начался тропический ливень, который быстро прекратился. Уже через четверть часа тяжёлые облака начали таять где-то вдали от залива Анталия, в сторону Кипра. Новый день входил в свои права вместе со свежим воздухом, запахами экзотических фруктов, где преобладал аромат турецких апельсинов.

Неожиданно перед глазами отдыхающих открылась мрачная картина: спасатели вытаскивали из воды тело молодой девушки с признаками насильственной смерти. Всё её лицо было в синяках, а длинные волосы охватили тонкую шею, будто намереваясь остановить её дыхание. Эта была коллега „священника” из тандема фоторепортёров американской газеты.

Наум удивился, не обнаружив ни следа очаровательной юности в красивой болгарке, которой ещё вчера восхищался. И, конечно же, не осталось следов волнения и суеты фотокорреспондентов, торопившихся увековечить счастливые мгновения отдыха на Кемерском побережье.

Медики констатировали насильственную смерть молодой девушки, после чего тело накрыли белой простынёй, таким образом завершив её необратимый уход из жизни. Но где же молодой мужчина, всё время до трагедии находившийся с ней рядом? Только теперь Наум догадался, почему тот вчера был взволнован, выйдя на берег. Через несколько часов на побережье стало известно, что корреспондент находится в международном розыске и что сегодня ночью ему удалось покинуть курорт и улететь в Месопотамию.

В тот же день Вайнштейн, одолеваемый болями, покинул Турцию. Ласки и утешения Доротеи его теперь раздражали, а безрассудные мысли возвращались то к Дине Мацановой, на 30 лет назад в Болгарию, то к телу молодой девушки, убитой в водах Средиземного моря. Он пытался изгнать из памяти эти картины думами о том, что ему придется срочно ложиться в больницу и оперировать грыжу.

Они вернулись домой без воодушевления и энтузиазма, как было в прошлом году. Даже загар молодого тела Доротеи не напоминал прошлогодний. „Банальный отдых“, – сказал себе Наум, продолжая мысленно сражаться с теми двумя картинками, которые никак не покидали его.

Он хотел сразу лечь в больницу, но скончалась бабушка Доротеи по отцу, и они поехали на похороны. Вернулись через три дня с мрачными впечатлениями. Отец Доротеи один, хотя имел братьев и сестёр, покрыл почти все похоронные расходы. В Крокмазе он была шокирован, как много там пьют... Потом он узнал, что женщины, пьющие больше, чем мужчины, собрались на похороны из других сёл, потому что в Крокмазе женщины знали меру во всём. „Полная деградация, особенно среди женщин“, – говорила Доротея с горечью.

В дороге стало плохо отцу, обострилось из-за недосыпания его психическое расстройство. Она была вынуждена сесть за руль и доехать до города. А в городе позвонила родственникам, и они отвезли отца в Брынзу. На следующее утро Доротея встала пораньше, искупалась, выпила чаю, следя за программой MTV, где слушала звучащую в Америке речь, послала несколько сообщений по телефону и ушла на работу. Науму пришлось одному поехать в больницу.

Обследование не продлилось долго. Профессор Гидирим, доктор Кукош и еще два хирурга, которых Наум не знал, были единомышленны: надо оперировать грыжу позвоночного диска.

– Если откажетесь от хирургического вмешательства, есть опасность ещё больше повредить опорно-двигательный аппарат, – сказал профессор.

34

Глубоко в душе Доротей была рада, что господин адвокат будет прикован к постели. Наконец-то, она будет свободна. До сих пор она встречалась с Феликсом тайно после работы, иногда у него дома, иногда в лесу. Они занимались сексом везде, даже в машине на заднем сидении. Теперь у неё есть возможность делать это в постели господина адвоката, пока он будет находиться в больнице после операции, а потом на реабилитации. Стоит только остерегаться бабушек из «СИБа», но они в последнее время её мало беспокоили.

Феликс не питал особых чувств к своей соседке. Ему больше нравилось хвалиться перед своими приятелями.

– Эта малышка настоящая дьяволица! Видно, что она любит это дело. Сказал бы кто – не поверил! Поначалу она казалась такой скромницей! А сейчас каждый день лезет ко мне в штаны! Хороша девица! Молчит и профессионально делает своё дело!

Когда Доротей почувствовала охлаждение со стороны Феликса, она, недолго думая, бросилась в объятия его друзей. Через некоторое время почти все сотрудники фирмы „Matrix” начали делиться своим опытом амурных дел с Доротеей, отпуская нелицеприятные шуточки в адрес талантливой молодухи из фирмы „Херох”.

Во время нахождения в больнице Наум старался не думать о Доротее, но не тут-то было. Чёрные мысли и горечь в сердце причиняли ему боли и страдания. Но это было до операции. После операции он уже ничего не помнил.

Профессор Гидирим рассказал позднее, что операция длилась более двух часов, под общим наркозом, а когда его привезли в палату, там его ждали почти все дети и несколько их мам. Постепенно Наум пришёл в себя и почувствовал, что потолок вращается, в глазах рябит и всё идёт кругом. Во рту пересохло. В палате лежало еще трое нетранспортабельных больных. Стоял тяжёлый запах, и кроме всех неудобств, с улицы проникала июньская невыносимая жара.

Доротей появилась лишь на третий день после операции. Взгляд её был обеспокоенным, она принесла ему воды, и кое-что из продуктов. Она сообщила, что к родителям из Тулы приехала её двоюродная сестра Парасковия, которая скоро заедет на несколько дней к ним.

– Пусть едет, – равнодушно процедил сквозь зубы Наум, почувствовав сильную боль во всём теле.

Доротея пришла снова через несколько дней, когда в больнице находился сын Наума Дорин со своей мамой. Он заметил, что она поправилась. «Не беременна ли она? От Феликса?» – закралось подозрение, но он тут же одёрнул себя: «Не нужны ей сейчас дети, она предохраняется. У неё полная свобода действий...»

Проглотив скопившуюся во рту слюну, он внимательно оглядел Доротею. Под его взглядом её лицо залилось краской. Науму сейчас были безразличны её проблемы – большие или не очень, другие неприятности давили на него.

Когда он пришёл в себя после анестезии, оказалось, что не может мочиться – анестезия вызвала осложнения в мочевом пузыре. Врачам пришлось вставить ему катетер. Медсёстры делали уколы небрежно, и он скрежетал зубами от боли.

Наум пролежал без движения, на спине более десяти дней. Доротея больше не навестила его. Он не настаивал.

У него появилась радость – в Швейцарии шёл Чемпионат Европы по футболу. А он был заядлым болельщиком. Родственники одного из больных из его палаты привезли маленький телевизор, и они смотрели матчи до полуночи.

Когда гасли огни, для Наума начинались кошмары. Рядом с его кроватью лежал мужчина, который ночи напролёт так дрыгал ногами, что Науму казалось, что его без остановки бьют по темени. Было ощущение, что он лежит не на больничной кровати, а на поле битвы в нескончаемой войне.

Несколько больных из соседних палат скончались, и их трупы выставили в коридор, как старую мебель, – „чтобы остыли“. Наум всегда думал, что смерть человека – это трагедия, настоящая катастрофа, пугающая всех. Теперь он видел, с каким равнодушием медработники бегают мимо трупов, и ему становилось не по себе.

Наум понял, что в жизни любовь важнее всего и что смерть – это конец любви. С каждым днём укреплялась его вера в то, что он попал в ловушку, откуда не видел выхода, – он потерял голову от любви к женщине, которая его не любит, и никогда не любила. Её отсутствие угнетало его.

Что будет с ним, когда она уедет? Парадоксально, но он всё время думал о ней и о том, что обещал помочь ей уехать в Аме-

рику. Он понимал, что было бы смешно верить, что эта девушка любила его когда-либо. Нет, никогда не любила, она нуждалась в его услугах. И в то же время он задавался вопросом: как она могла бессовестно льстить ему сладкими словами, ложиться с ним в постель, а мыслями находилась далеко от него. О, если бы он мог читать её мысли и чувства!

– Рогатый! Твоя любимая Доротея сейчас в твоей квартире и в твоей постели с другим. Плачется партнёру, что для её молодости и красоты ты не годишься, – прервал его грустные размышления незнакомый голос по телефону. Скорее всего звонили с уличного аппарата.

35

К концу недели ему сняли катетер. Рана продолжала кровоточить, но ему разрешили двигаться. «Как я буду вставать, как сделаю первые шаги, как буду продолжать лечение в домашних условиях?» – все эти вопросы мучали его во время нахождения в стационаре. Было страшно думать о дне, когда придётся вставать.

Дочь Мирабэлла была первой, которая помогла отцу подняться и сделать первые шаги после операции. Она же купила ему корсет, который он должен был надевать, когда будет гулять по дому, опираясь на костыли. У него болело все тело, но больше всего беспокоили боли в спине и в мочевыводящих путях.

Домой он вернулся в одну из пятниц. Доротея на следующий же день уехала в Брынзу за своей двоюродной сестрой. Он остался один, лёжа на диване, упёршись взглядом в белый потолок и слушая звенящую в ушах тишину. Лишь редкий лай собак и гул мусоровоза нарушали его покой.

Через полчаса зазвонил мобильный телефон. Это был голос Доротеи:

– Не грусти, в воскресенье возвращаюсь домой. Привезу разные вкусняшки. Мама решила прислать тебе перину, пуховое одеяло и две подушки, чтоб тебе было удобнее спать! Не сдавайся! Ты же настоящий мужчина! Целую тебя сладко, мой зайчик...

На следующий день пришла Мирабэлла – помочь отцу подниматься и ходить по дому. Хотя он переборол страх первых шагов, всё же нуждался в поддержке. Вернее, в присмотре, в случае потери равновесия. Он боялся упасть – это могло закончиться ката-

строфой для его позвоночника. Из спальни они перешли в гостиную, а оттуда направились в библиотеку.

Пока его не было, в квартире никто не убирал, и прежний комфорт остался только в воспоминаниях. Видно было, что Доротея не слишком убивалась содержать дом в порядке. „Гнездо утех для влюблённых голубков“, – подумал он про себя и заметил с удивлением, что сам над собой подтрунивает.

Ему предписали больше лежать, а когда хотел вставать или сесть на диване, должен был следовать специальным рекомендациям врачей.

В субботу и воскресенье в городе шёл сильный дождь, прекратившийся лишь к вечеру, когда вернулась из Брынзы Доротея вместе со своей двоюродной сестрой Парасковией. Эта была очень красивая молодая девушка с осиной талией.

Они привезли, как и обещала Доротея, вкусную домашнюю еду, пуховое одеяло, перину и две подушки, сшитые её мамой, объяснив, что это специальный подарок для господина адвоката, чтобы он отдыхал на мягкой постели и побыстрее выздоровил.

Потом Доротея поменяла постельное бельё, быстро убрала во всём доме, и в их гнёздышко вернулся прежний порядок. А Наум убедился ещё раз, что она стала настоящей хозяйкой.

Парасковии она рассказала прежнюю легенду: живёт на квартире у господина адвоката и писателя, который помогал и продолжает помогать ей во многом. Вечером Доротея с кухней легли спать на диване в библиотеке. Её сестре только исполнилось 19 лет, и она не могла даже подумать, что Доротея в свои 26 лет способна вести супружескую жизнь с Наумом Вайнштейном.

Парасковия спала крепким сном и не слышала, когда в полночь Доротея проскользнула в постель Наума, и они впервые за последние недели занялись любовью. Наум был очень счастлив, что восстановились его мужские функции, хотя всё ещё чувствовал ужасные боли в спине.

С Парасковией он подружился с первых минут. Она закончила медицинский колледж, сейчас была студенткой второго курса Медицинского института и с лёгкостью справлялась с ролью медсестры. Наум целыми днями находился в доме, стараясь соблюдать все указания врачей, и лишь изредка выходил во двор погулять вокруг своего дома. Парасковия всегда сопровождала его.

Через несколько дней они увеличили дистанцию прогулок – дошли до аллеи широкого бульвара, охраняемого двумя рядами липовых деревьев, цвет которых опадал, но их прекрасный и очаровательный аромат все ещё чувствовался, несмотря на тяжёлый запах выхлопных газов. Науму доставляло удовольствие угощать барышню вкусным мороженым и рассказывать о своей молодости, о временах, когда он путешествовал по глубинкам России, когда в этой стране жил, учился и набирался жизненного опыта, как студент, как солдат, как адвокат, как журналист.

Россия всегда была для Наума удивительной страной с загадочной душой, населённая многими народами. Ему нравились люди из российских сёл, там он встречал живых героев из произведений Тургенева, Толстого, Чехова, Шукшина, Абрамова. Он был очарован лирической красотой русской природы, так точно описанной Есениным. Если бы Наум не родился в семье бессарабских евреев и не читал с детства произведения Шалом Алейхе-ма¹⁵, он выбрал бы Россию местом своего проживания. Там ты себя чувствуешь свободным, твои крылья раскрываются во всей их широте, готовые объять просторы неба и земли.

Парасковия слушала его заворожённо, как слушала когда-то молодая Джульетта Гвиччарди гениального композитора и музыканта Людвиг ван Бетховена, чтобы подарить ему момент вдохновения – и тогда человечество получило в дар бессмертную «Лунную сонату».

Парасковия была девушкой нежной, звонкой, искренней, не-испорченной, её телу был пока неизвестен эротический опыт, и Наум чувствовал себя очень комфортно в её компании. Через неделю Парасковия уехала, и Наум обнаружил, что не только в доме, но и в душе у него поселилась грусть и безысходность. Особенно он ощущал это, когда оставался один дома. Доротей каждое утро торопилась покинуть дом и бежать в фирму „Херох”.

И всё же жизнь постепенно возвращалась в прежнее русло с

¹⁵ **Шалом-Алейхем (Соломон Наумович Рабинович; 1859, Переяслав – 1916, Нью-Йорк)** – еврейский писатель и драматург, один из основоположников современной художественной литературы на идиш. Писал также на иврите и русском.

более или менее хорошими, или плохими днями и ночами. Наступили жаркие месяцы лета, с невыносимым зноем и жарким воздухом.

В один из таких дней Доротея обнаружила, что осталась без мобильного телефона, купленного в кредит, – его украли в троллейбусе из её сумочки. С этого дня Наум был лишён возможности связываться с ней. Теперь только она могла звонить ему и сообщать, где находится и когда вернётся домой. Лишь через несколько недель у неё появился телефон, который она, по её заверениям, попросила на время у своих соседей из фирмы „Matrix”. Это было старое устройство с явными дефектами, и Науму часто отвечал оператор, что абонент находится не в зоне действия. Как-то вечером, после его замечания по этому поводу, Доротея разозлилась:

– Я не виновата, что в Молдове такая мобильная связь!

Она была расстроена на самом деле – в украденном мобильнике новейшей модели хранилось много ценной информации. Теперь же, когда она не по своей воле лишилась его, претензии адвоката раздражали ее.

– Хорошо, успокойся! Тебе предстоит собеседование в посольстве.

И Наум показал ей приглашение, где сообщалось, что через две недели она должна явиться в посольство США для собеседования. Доротея бросилась ему в объятия и начала целовать, чувствуя себя на вершине счастья. Она успокоилась одновременно с болями в его позвоночнике, которые ещё часто давали о себе знать.

На самом деле он был благодарен, что это мучительное испытание, которое становилось всё невыносимее, скоро закончится.

Телефонные звонки с анонимными голосами, доносившие на Доротею по поводу новых и новых мужчин, в компании которых её встречали в городе, находили его и дома. Они раздавались периодически, как почтовая подписка на периодическое издание. Он уже никак не реагировал на них. „Будь, что будет! Знаю, что она больше не питает никаких искренних чувств ко мне. И я должен как можно быстрее избавиться от одержимости по отношению к ней...” С этими мыслями он засыпал вечером и просыпался утром. Он выздоравливал не только физически, но и духовно.

* * *

– Мы решили эмигрировать в Америку.

Он не узнал голос своего друга. Ицик Мазик показался ему удручённым. Пробормотал невнятно, что извиняется, что посещает его только через несколько недель после операции. Наум прервал его раскаяние, пытаясь выглядеть бодрым. На самом деле, он был искренне рад увидеть одного из своих самых верных друзей, но забеспокоился по поводу состояния Хоны – теперь она носила парик на голове, покрытой тем же самым платком, все время вытирала пот со лба, подбородка, шеи. Ицик крепко держал её за руку и старался ни на секунду не упускать её из виду.

– Уезжаем! Моя Хона не может больше выносить ни этот климат, ни эту бедность. *Şoin, gheendict!*¹⁶. Наш бизнес рухнул! Поедешь с нами в страну, где круглый год рай на земле, дорогой Наум?

Наум медлил с ответом. Он посмотрел в мутные глаза Хоны, и дрожь пробежала по его телу. Сильная боль пронзила спину. „Куда же вы отправляетесь, бедные мои, в таком состоянии?“ – хотелось им сказать, но он сдержался.

– Если бы я смог забрать с собой и могилы родителей, поехал бы, – сказал он несколько минут спустя.

– Что ты привязался к этим могилам? – взорвался Ицик. – Мы будем приезжать сюда каждый год! Наймём человека, который будет ухаживать за могилами! Поехали с нами в Майями! Сейчас все уезжают. Тут уже ничего хорошего не будет.

– Никуда я не поеду, – ответил он на этот раз решительно.

– *Mişighiner cop!*¹⁷ – воскликнул Ицик, недовольный слепым упрямством своего друга. – Поступай, как знаешь! А мы едем!

– Да поможет вам Всевышний!

– Мы едем! Здесь, в этой бессарабской глуши, больше нечего делать...

Выговорившись, Ицик налил себе стопку чего-то крепкого из принесённого с собой шкалика, чтобы отметить расстав-

¹⁶ *Şoin, gehendict!* Шойн, гиендикт! (*идиш*) – Всё, закончено!

¹⁷ *Mişighiner cop!* Мишигенер коп! (*идиш*) – Сумасшедший!

ние. Он подозревал, что Наум не согласится уехать из страны и не одобряет и их отъезда. Опрокинув стопку, он устроил поудобнее свою скрипку на шее и прошёлся смычком по струнам. Печальная мелодия вырвалась из сердца нежного инструмента, затем замолкла с фальшивым скрипом, как будто голос скрипки остановился на половине ноты...

Ицик Мазик со своей Хоной, которую крепко держал за руку, исчезли в темноте коридора. Прошло более часа, как на улице стемнело.

36

Казалось, что время идет медленно для Наума, но август наступил внезапно. Малка, дочь от первой жены, успешно закончила Лицей „Спиру Харет” в Кишинёве и уехала продолжать учёбу в Канаду, в Колледже «Algonguin» в Оттаве. Он очень волновался за дочь, пока не получил сообщение, что она доехала благополучно. Он гордился, что одному из его чад удалось уехать на учёбу за океан, но непонятная тоска всё чаще и чаще одолевала его.

„Все уезжают и уезжают... Чем их не устраивает этот райский уголок редкой красоты и доброты? Чего им не хватает? Почему бы уезжающим не стать благополучными и счастливыми на своей родине? На этой земле где бросишь в землю семя – и вырастет колос, полный зёрен? Немец, чтобы вырастить хороший урожай, должен таскать тонны чернозёма и накрывать им глиняную почву, заливать вёдрами удобрений, в то время как в Молдове «посадишь дышло, а соберёшь целый тарантас».

Вечером Наум вышел прогуляться по бульвару в одиночестве. Он уже натренировался ходить без трости. И тем не менее, брал её с собой, на всякий случай.

Почти не опираясь на трость, он прошёл мимо картонных домиков, в которых нашли приют бомжи. Их установили недавно прямо во дворе многоэтажного дома за лавочкой, где постоянно „заседали в президиуме” три „дамские шляпы из СИБа”. Наум поинтересовался у бомжей, как они дошли до такой жизни, дал им немного денег и получил в подарок несколько ценных книг, найденных ими на городской свалке.

На бульваре царили беспорядок и грязь, везде была истоптана трава – за две недели до начала учебного года устраивались школьные ярмарки, и после них город был усеян клочками бумаги, рекламными листками, пакетами, различными этикетками и другим мусором.

Одна старушка опоздала на ярмарку с двумя плетёными корзинами, куда сельские женщины кладут поминальные продукты, когда идут в церковь, или осветить куличи в Пасхальную ночь. Старушка просунула руку сквозь ручки корзин и уже готова была уйти, когда поймала взгляд элегантного господина, брошенный на них.

– Вам ведь это нравятся, господин? Это последние, может, вы их купите?

В ее глазах Наум прочитал неизмеримую просьбу, и ему стало жаль старушку.

– Сколько стоят обе? – спросил он.

Неважно было, сколько они стоят, для него в этот момент главной была слёзная просьба и молитвенный образ старушки из деревни, для которой 200-300 лей значили больше, чем целый гонорар адвоката. Он купил обе корзины и повернул к дому.

Доротея была в восторге от этого странного приобретения и попросила его разрешения отвезти их в Брынзу. „Мать очень обрадуется!” – был её финальный аргумент.

– Скажешь родителям, откуда ты их взяла, – забавлялся Наум

– Их больше всего интересует мой отъезд в Америку, – улыбнулась она.

Наум был уверен, что Доротея успеет подготовиться к собеседованию в посольстве США в октябре. Посредством фирмы, созданной его первой женой, она получила трудовой договор от администрации отеля «Cristal» из Арлингтона, и ей оставалось только дожидаться дня отъезда. Было начало учебного года, и посольства многих стран осаждали толпы молодых людей, желавших эмигрировать на постоянное место жительства или учиться за границей.

Огромные очереди стояли в посольствах Америки и Румынии. Люди уезжали, уезжали, уезжали... И не простой люд, а бу-

дущее этого края. Почти все знакомые Наума, старше 50-ти лет, хвалились, что остались без детей, так как они эмигрировали за границу, и что им там очень хорошо. Деревни становились всё более безлюдными. Среди людей бытовало мнение, что это единственный способ спасти себя, возродить свою жизнь.

В этот же период времени уехали в США, в Майями, Ицик Мазик со своей женой Хоной. Наум и Доротея провожали их в аэропорту. Прощаясь, Ицик поцеловал сначала Наума, затем землю, и оба, он и Хона, со слезами на глазах поднялись по трапу в самолёт. Прощание взволновало Доротею. Сначала Наум воспринял её состояние как фарисейство, но позже убедится, что девушка искренне переживает.

Доротея несколько раз говорила с администрацией отеля «Cristal», с босом, который попросил выслать по Интернету несколько её фотографий. В отеле персонал должен быть молодым, элегантным и красивым. Наум сделал несколько фотографий Доротеи, и она отправила их по электронной почте. Вскоре пришли обнадеживающие рецензии. Она была счастлива и жила мыслями о будущем. Для нее прошлое и настоящее уже не существовали. Она жила будущим. Доротея концентрировалась и выбирала самые сдержанные фразы во время телефонных разговоров с администрацией отеля, куда она прибудет в октябре. Когда говорила с Вашингтоном, просила Наума оставить её одну, хотя знала, что он не понимает по-английски.

37

В последнее время она часто напевала песню, которая больше звучала как гимн. Он впервые услышал её пение. Администрация отеля сообщила, что приняла её в качестве потенциального кандидата и предоставит информацию о работе в будущем, если посольство даст разрешение на её отъезд в Вашингтон. Ей сообщили, что по прибытию она остановится на две недели в отеле, в течении которых должна найти и арендовать квартиру в частном секторе. Она также узнала, что будет работать с турчанкой, которая прибудет из Турции.

Наум наблюдал, как серьёзно готовится Доротея к отъезду. Она бросила курить, не отвечала на телефонные звонки и пре-

рвала все связи с подругами и друзьями, включая Ташку Лунгу.

– Ангел мой, мне сейчас очень нужны деньги, на которые мы ездили в Кемер, – сказала она накануне собеседования.

– Никаких проблем, – ответил Наум механически.

Он не пытался ни протестовать, ни спрашивать, почему она преподнесла ему сюрприз с поездкой в Турцию, если не была уверена, что у неё достаточно денег. Он одолжил восемь тысяч лей у своего друга Тудора Шолтояну и отдал ей. Для Наума год оказался сложным в денежном плане. Он дважды лежал в больнице, детей надо было обеспечивать во время летних каникул и готовить к новому учебному году. Но Доротея не давала ему грустить.

– Не расстраивайся, мой котик, как-нибудь решим все вопросы...

Утром в день собеседования Наум благословил её и пожелал удачи. К обеду Доротея позвонила и была на седьмом небе от счастья.

– Прошла собеседование с успехом, завтра получаю визу и 1 октября лечу в Вашингтон! – с радостью отрапортовала она.

Счастливый голос Доротеи вызвал землетрясение в его душе. Земля начала уходить из-под его ног... „Всё кончено“, – подумал он про себя, и холодная дрожь наполнила всё его существо.

Доротея вернулась домой поздно вечером. Он даже не спросил, где она была и чем занималась.

– Не грусти, мой зайчик, я рядом с тобой, – тихо говорила она ему, глядя шевелюру и шею, но её голос и нежность казались ему фальшивыми.

Она рассказывала ему, как счастливы были её родители, узнав, что всё получилось, и что она едет зарабатывать большие деньги. Доротея составила план на все оставшиеся дни до отъезда: зайти в компанию «Хегох» и сообщить об увольнении, получить расчёт, заказать билет на самолёт в агентстве, а затем уехать на неделю в Брынзу к родителям. Когда вернётся, начнёт собираться в дорогу. Теперь Наум увидел в ней абсолютно зрелого человека. Стало очевидно, что она больше не нуждается в его поддержке и советах.

– Давай лучше поговорим о нас с тобой, о нашем будущем, – вдруг предложил Наум, зная с самого начала, что не получит никакого конкретного обещания от неё.

– Я тебя слушаю, мой любимый, – и Доротея уселась поудобнее на диван, обняла его, с нежностью прижалась к плечу.

– Уезжаешь... – начал Наум. – И уезжаешь навсегда...

– Ангел мой, ты же знаешь, как ты мне дорог...

– Прошу тебя, выслушай меня, – прервал он её. – Я хочу дать тебе несколько советов. Если нуждаешься в них.

– Конечно, котик мой! Я тебя внимательно слушаю. Мне жаль, что ты считаешь меня легкомысленной, ангел мой.

– Я говорю серьёзно, Доротея, я тебе не враг. Если ты встретишь и полюбишь другого человека, можешь оставить меня. Но ты должна это сыграть как артистка.

– Это как?

– Ты знаешь, я эмоциональное существо. В первой половине года пиши мне как можно больше сообщений... Чтобы я привыкал к твоему отсутствию. Если будешь молчать, я с ума сойду. Ты ведь знаешь, как я люблю тебя.

– Знаю, мой любимый, знаю, – уверяла она его, сложив полные губы трубочкой и целуя его.

– Если ты будешь писать, я буду продолжать чувствовать тебя рядом.

– Поклянись, что будешь писать.

– Хорошо, клянусь!

– Я не настаиваю, чтобы через год или сколько ты будешь находиться в США, ты вернулась ко мне. Встретишь подходящего мужчину, выходи замуж. Но знай, что дверь моего дома всегда будет открыта для тебя.

– Конечно, мой зайчик, – охотно согласилась она. – Но твоя жизнь так однообразна и грустна. И у тебя так мало друзей.

– Ты была моим другом, и этого мне достаточно. Ты была моей женщиной, и этого мне тоже достаточно.

– Хорошо, хорошо. Давай будем любить друг друга и потом спать. Завтра мне предстоит решить много дел. И потом ехать в Брынзу.

– Спокойной ночи! Не забудь что-то написать в моей «Хронике». Когда буду читать, буду чувствовать тебя рядом.

– Сладких снов тебе, мой котик! Я ещё никуда не уехала.

Доротея уснула и погрузилась в обычный храп. Наум облокотился на локоть и наслаждался ею: несколько раз целовал в лоб,

глаза, щёки, подбородок, шею. Она чувствовала тепло его поцелуев и улыбалась как ребёнок. Он понимал, что её отъезд радикально изменит его жизнь. Он будет брошен в беспросветную бездну, откуда не будет выхода.

Как обычно, на рассвете Наум заснул и крепко спал несколько часов. Доротея встала очень рано, собрала вещи и документы, которые должна была оставить у родителей. Её приготовления напоминали эвакуацию. Вешалки, ящики, шкафы опустели. Собралось много вещей, и чтобы довести всё до южного вокзала, понадобится такси. Его можно будет заказать после обеда. Сейчас же она должна зайти на работу, сообщить «Деду» об отъезде и получить расчётные. Перед выходом она присела за письменным столом в кабинете Наума, написала кое-какие заметки в его «Хронике» и оставила ему записку: «Дорогой мой зайчик! Желаю тебе счастливого weekend-а. Не грусти, и увидишь – всё наладится. Я рядом с тобой, в любом случае! Целую тебя. Твоя Доротея. P.S. Веди себя хорошо, я скоро вернусь!»

Вернулась Доротея из города угрюмой и бледной. Видно было, что у неё что-то произошло, но Науму не хотелось расспрашивать. Если пожелает, сама расскажет. Она ушла в библиотеку и на высоких тонах долго говорила с кем-то. Сначала на румынском, потом на русском и английском.

Когда подошло время ехать в Брынзу, и она вызвала такси, Доротея, наконец, заметила Наума и с негодованием стала рассказывать, как провожал её «Дед». Ведь он знал, собака эдакая, что она уезжает, и у неё уже заказан билет на самолёт в Америку, но когда она попросила зарплату, он небрежно бросил деньги на стол. Вспоминая об этом унижительном жесте, она разрыдалась. Науму стало жаль её, он прижал Доротею к своей груди и стал успокаивать.

– Куда я уезжаю и как я там буду без тебя, любимый мой? – почти кричала Доротея, продолжая рыдать. – Что же я буду делать без твоей поддержки?

Последние слова показались ему искренними, и Наум с трудом сдержался, чтобы самому не заплакать. Его пронзила догадка: „Тем не менее, она меня любит. А когда потеряет, полюбит ещё сильнее. Она будет скучать по мне...” Перед отъездом, Доротея оставила некоторые вещи для его дочери Ракелы.

– Жди меня, я вернусь к тебе, – промолвила она на прощание, продолжая всхлипывать. – Поможешь мне купить дорожную сумку. Ведь мне предстоит такой долгий путь.

Наум снова остался в одиночестве и вновь почувствовал пустоту в душе. После ухода Доротеи позвонил её отец и поблагодарил от имени всей семьи за содействие и помощь, оказанную их дочери в получении контракта в Америку. Родители ещё не знали, что Доротея будет находиться с ними в селе одну неделю, потом несколько дней с Наумом в городе, и только затем наступит момент их окончательного расставания.

38

В родительском доме в Брынзе капитальный ремонт был в разгаре. Он приобрёл хронический характер и казалось, что никогда не закончится.

Доротея показала себя трудолюбивой, как никогда: возила на машине песок с другого конца села, следила, чтобы в бидонах не кончалась вода. Вместе с отцом готовила раствор и штукатурила стены в гостиной, где она ночевала, приезжая домой. В этой комнате когда-то случился пожар, и теперь, после ремонта, помещение стало светлее и просторнее.

Доротея понимала, что не скоро вернётся в село помогать родителям. Несколько дней она трудилась, не покладая рук, затем на машине отца объездила своих сельских друзей и подруг.

Встретилась и с Василием, с которым у неё был любовный роман до знакомства с Наумом. Они пили пиво и вспоминали былые времена.

Доротея была горда, что едет в Америку. Она с восторгом говорила о тамошней цивилизации и уверяла, что сделает всё возможное и невозможное, чтобы остаться надолго в США, заработать достаточно денег для покупки роскошной машины и квартиры в городе.

У Василия был компьютер, и она попросила его помогать родителям общаться с ней, когда она уже будет находиться в другом полушарии. Ей не хотелось больше ни от кого зависеть, даже от Наума.

По случаю своего отъезда в последний вечер она устроила вечеринку на берегу Прута для одноклассников и друзей детства.

– Как тебе удалось раздобыть рабочий контракт в Америку?
– удивлялись все.

Она с апломбом отвечала:

– Каждый может поехать, если владеет хорошо английским и если найдёт себе спонсора!

Гуляли до полуночи. Когда вернулась домой, мама Дина ждала её у калитки.

– Тебе звонил адвокат, – недовольно сообщила она дочери. – Он хотел поговорить с тобой о чём-то.

– И что ты ему ответила?

– Что ты ушла с одноклассниками и вернёшься попозже.

Доротее предстояло еще две ночи ночевать у Наума, и зная, что он ревнив, она тут же набрала его номер. Но его телефон был отключен. Она начала волноваться, но ничего не оставалось, как лечь спать и ждать. „Скоро уйду от него, – подумала она. – Остались считанные часы. Терпение и... без табака, барышня!”

Будучи уверенной, что он разблокирует свой сотовый телефон, Доротее отправила ему и сообщение: „Будь спокоен, мой птенчик. Завтра возвращаюсь в твои объятия и буду тебя целовать и любить до бесконечности. Не грусти, ангел мой!”

Перед сном состоялся разговор с мамой Диной.

– Уезжаешь, моя дорогая девочка. На сколько? – и она расплакалась.

– Я не знаю, когда вернусь. Если всё сложится хорошо, буду продлевать визу и приложу все усилия, чтобы навсегда остаться в США.

– Мы умрёт от тоски по тебе.

– Буду писать и отправлять вам деньги, – всплакнула и дочь.

– А как ты расстанешься с господином адвокатом? – на этот раз мамин взгляд встретился со взглядом Доротее, и она поняла, что мать давно знает о их сожительстве.

– Я его брошу навсегда, – спокойно ответила дочь. – Ему есть о ком заботиться – у него дюжина детей. И он уже дожил до возраста, когда должен думать, какую позицию займет в гробу...

И сразу поняла, что последнее предложение было слишком жестоким – её родители были того же возраста, что и Наум. Она решила повернуть беседу в другое русло.

– Мама, меня больше не интересует ни прошлое, ни настоя-

щее. Все мои мысли устремлены в будущее. Всю жизнь я мечтала поехать в Америку, говорить по-английски.

– Там меняются принципы жизни, менталитет, потому что у тебя есть деньги в кармане. И, пожалуйста, никогда не вспоминай мне больше о том периоде, когда я жила на квартире у этого жида....

– А если он будет настаивать, чтобы ты вернулась к нему? – не сдавалась мама.

– Я ж не сошла с ума – раздражённо ответила Доротея. – Давай закончим этот разговор...

– Он тебе очень помог. Ты должна быть благодарной ему.

– Старый хрыч! Он моложе отца всего лишь на два года. Я не собираюсь держать его даже в друзьях.

– Нехорошо забывать людей, которые тебе помогали, нехорошо, дочь моя.

Обе, мать и дочь, замолчали. Они в этот вечер не могли никак расстаться. Прервала молчание Доротея:

– После того, что произошло со мной в подростковом возрасте, терпеть не могу мужчин...

Она вспомнила драматическое событие, когда в юности её жестоко изнасиловали. Ей только исполнилось 16 лет, и она впервые поехала участвовать на соревнованиях в Джурджулештах. К ней начал приставать Володя Велешко, студент кафедры физического воспитания, тренер местной команды.

Маленькой девочке, умной и хорошо развитой, несмотря на низкий рост, понравилось флиртовать с учителем. Она даже не успела понять как, но они очутились вдвоём в тренажёрном зале, где всё и произошло. Она не рассказала о случившемся своему тренеру – сгорела бы от стыда, если бы об этом узнали члены команды. Своей маме, открыла эту тайну тоже не сразу, а потом уже было слишком поздно привлекать к ответственности студента Велешко – он к тому времени уехал на работу за границу.

Вскоре сексуальные связи стали для нее приятной частью жизни, но она перестала верить мужчинам и стала сомневаться, что между мужчиной и женщиной может быть настоящая любовь.

„Все рождены одной матерью, с одними сексуальными желаниями, – к этому выводу она придёт позже. – И раз уж все жаждут удо-

вольствий, что запретного в моих поступках? То, что я научилась находить в этом выгоду, и использовать их в своих интересах?”

Она видела, что и её отец Михаил неправильно поступает с матерью Диной: часто выходит из себя и поколачивает её, выгоняет по ночам из дому. Она не знала, за что можно любить и уважать мужчин, не верила им и ненавидела.

И в Университете для дипломной работы выбрала тему „Изнасилования и извращенные действия в категории уголовных преступлений”. Изучала и анализировала законодательство, осуждающее, по существу, мужчин. Защитила диссертацию успешно, со смелостью и ненавистью в голосе.

– Попрощайся по-человечески с господином адвокатом, – отвлекла её от воспоминаний мама.

– Такой же совет я слышала и от него самого.

– А с Томой ты попрощалась?

– Он тоже развращенный тип. Месяц назад встретил меня на бульваре Возрождения. Когда понял, что уезжаю в Америку навсегда, знаешь, что он сказал мне? Что было бы хорошо возместить ему все его расходы на меня за тот период времени, пока мы с ним дружили. Представляешь, какой нахал?!

– Неужели так и сказал?

– Именно так.

– Какая же у тебя судьба, моя дорогая доченька... С кем бы ты ни встречалась, все расстаются с тобой врагами, – простонала мама Дина.

– Видно, такова моя участь. И что я могу сделать? Надеюсь, что в Америке встречу других мужчин, воспитанных, уважающих и ценящих женщин. Там женщины защищены законом. Не пропаду. Не переживай.

– Буду молить Бога о помощи тебе! А теперь ложись спать, завтра рано вставать...

При расставании с домом из красного кирпича, с просторным двором и голубой калиткой, где прошли годы её детства, она плакала, как никогда, обнимая родителей, будто прощаясь с ними навсегда. Мама Дина пообещала через три дня приехать с отцом в город и проводить на самолёт.

39

Осень достигла зенита. Наум любил это время года ещё со школы, когда впервые влюбился в одноклассницу со светлыми волосами и хитрой улыбкой.

Эта сердечная привязанность к однокласснице становилась всё сильнее к концу учёбы, и в особенности, ко времени расставания. Ему хотелось верить, что девушка будет ему писать, будет искать и жаждать увидеть. На выпускном вечере, когда веселье в школьном дворе было в разгаре, и он постоянно танцевал с ней, вдруг появился отец девушки и забрал её домой. На следующий день она уехала в другой город, и Наум остался с разбитым сердцем. После этого они не виделись почти четыре года.

Когда он учился в профессиональном училище, затем служил в армии, когда стал студентом университета, он писал ей письма, и просил ответить. Но девушка забыла о нём. Она не ответила ни на одно письмо, а при встрече сказала, что она уже замужем.

Во второй раз он влюбился в однокурсницу с исторического факультета. Но и на этот раз взаимной любви не получилось. И в третий раз то же самое... Потом он женился, не очень хорошо зная свою избранницу, до свадьбы они встречались не больше месяца. Супружеская жизнь, длиной в 13 лет, проходила в постоянных ссорах и конфликтах, без любви. Хоть и родились двое детей.

После развода он попытался создать новую семью, но с тем же успехом. Разочаровавшись в любви, Наум стал красть чужую любовь. Он провёл несколько лет в романах и разврате. Женщины уходили и приходили; влюблялись в него, в других – он, но ни с одной из них он не смог создать семью. Некоторые из них рожали ему детей.

К 50-и годам его отцовский журнал насчитывал десять детей, из которых более половины были внебрачными. Правда, ему хватило смелости всех признать своими, и в городе шла молва, что у него десять детей от такого же количества женщин.

Шли годы, и Наум всё больше жалел, что у него нет женщины, которая любила бы его страстно и бескорыстно, как он любил бы её.

Встреча с Иоанной из Брынзы заставила поверить, что в его возрасте ещё можно влюбиться в девчонку. За четыре года сожительства с ней он мечтал создать семью, закреплённую зако-

нодательным путём и благословлённую Всевышним, родить ребёнка. Теперь же он понимал, что все его иллюзии равнялись, как туман в солнечный день. Эта девчонка уезжает от него навсегда.

Странно, но продолжительные отношения складывались у него только с молодыми женщинами и девушками. Если бы ему удалось привязаться по-настоящему к женщине своего возраста, возможно, его жизнь сложилась бы по-другому. Но у них, также, как и у него, или уже были дети, или они бросали его, узнав, что он еврей, или же он не мог мириться с их дурным характером.

Или, может быть, так было предписано сверху?

У него начались кошмары. Он не мог представить себе, как закончится любовь с Доротеей. Начав выздоравливать, он решил, что спасение – это спокойствие и вера в Бога. Он поехал в районный центр Теленешты проводить могилы предков на еврейском кладбище. Пришлось изрядно потрудиться, чтобы очистить тропинку от кустарников, прополоть высокие сорняки и добраться до погребальных плит с едва заметными надписями.

Фотографии родных, похороненных тут, давным-давно были уничтожены. Он был среди немногих, кто приходил к этим могилам на откосе холма, и каждый раз сердце его наполнялось горечью.

Он ходил на еврейское кладбище и в городе, где нашли последний приют его родители. Садился на скамейку рядом с могилами и просил советов, стремясь найти ответы на свои наболевшие вопросы.

По субботам он иногда ходил в синагогу, которую потихоньку начали восстанавливать. В городе осталось мало евреев, и большинство из них были намного старше его. Приходили молиться лишь несколько болезненных стариков со следами перенесённых страданий на лицах. В часы, когда он молился с Торой в руках, в его памяти всплывали моменты детства, юности, его родители. Они были единственными существами на свете, которые понимали его, поддерживали и любили безусловной любовью.

Настоящих друзей у него было мало. С Ициком Мазиком его связывала скрипка, любовь к музыке и то, что они жили поблизости, когда он был в браке со своей первой женой Бэллой. На самом деле Бэлле не нравилась Хона, жена Ицика. Может, из-за жены он не обзавёлся друзьями. Не хотелось ему и эмигрировать. Без се-

мы и друзей нет смысла бродить по миру в поисках счастья.

Помимо этого, его дети были еще маленькими, и он чувствовал, что должен быть с ними рядом и помогать. Возможно, когда-нибудь некоторые из них станут для него опорой и друзьями, но пока он должен заботиться о них. Все деньги уходили как вода в горячий песок, часто из-за этого в его доме царила настоящая бедность. Случалось, что неделями он жил без гроша в кармане.

Какая женщина свяжет свою судьбу с таким мужчиной?

Когда Доротея согласилась разделить с ним кров и постель, он почувствовал себя счастливым и снова поверил в настоящую любовь. Он верил даже тогда, когда стал понимать, что все сладкие и утешительные слова Доротеи являются не более, чем пустыми заявлениями.

Потребовались годы, чтобы убедить себя в этой жестокой правде. Теперь он уже не верил ни во что, и никому из женщин, и было слишком поздно сожалеть об этом. Он жил в ожидании предстоящих бед и отказывался верить, что наступит тот момент, когда Доротея оставит его навсегда. Каждое утро он выходил или входил в дом, клал руку на мезузу и произносил шёпотом на иврите обращение к стражу двери у входа в еврейский дом.

Именно в эти дни он узнал, что некоторые организации, финансируемые из-за рубежа, решили отремонтировать синагогу и привести в порядок еврейские кладбища.

Некоторое время он радовался этой вести, как ребёнок, но его охватила печаль, когда увидел, что евреи эмигрируют, и недалёк день, когда о них останутся только воспоминания и надписи на погребальных плитах, разбросанных среди сорняков и сухих веток, упавших на них.

После долгих волнений, терзаний и вопросов к нему пришли несколько молдавских бизнесменов, некоторые из числа его клиентов по судебным процессам, и предложили финансировать ремонт могил и строительство ограждения, которое отделит кладбище от городского парка культуры и отдыха.

Эта новость пришла в нужное время, отвлекая от мрачных мыслей о моменте, когда любимая женщина уедет за границу. До этого он думал о ней постоянно: утром, днём, вечером, ночью...

Чтобы отвлечься от тяжелых мыслей, он приходил на кладбище, брал лопату и помогал мастерам, начавшим строить забор. Он работал самоотверженно, веря, что найдёт душевное убежище и спокойствие. Но не нашёл.

Оказалось, что мастера используют брошенные надгробия для возведения забора. Наум ужаснулся: было достаточно денег на строительство забора. Зачем использовать могильные плиты? Работы шли медленно, и кладбищу предстояло ещё долго простоять в ожидании перемен.

Синагога ремонтировалась медленно, а организации всё ещё вели переговоры с благотворительными фондами.

Ко всему этому в последние несколько дней добавилась еще одна проблема: он обнаружил, что попугай, которого они купили для Доротеи, вылетел из клетки, которую она забыла закрыть. Птица воспользовалась тем, что окно на улицу было открыто, и исчезла без следа. Теперь молчание в доме отдавалось громом. Он воспринял исчезновение птицы как плохой знак. Какие еще неприятности ждут его?

Он знал, что должен продержаться. У него есть дети и много обязанностей в этом городе, и никто, кроме него, их не решит. «Я должен быть максимально осторожным и честным с людьми», – говорил он себе всё чаще и чаще.

40

До возвращения Доротеи из Брынзы Наум сделал все необходимые приготовления. Накануне он даже занял денег, чтобы организовать для неё прощальный вечер перед отъездом на нужном уровне: приготовил хорошее угощение, а на оставшиеся деньги купил золотую цепочку с кулоном, символизирующим знак быка.

Как только Доротея вошла в дом, он надел ей цепочку с кулоном на тонкую шею. Приятно удивленная, счастливая, она несколько секунд смотрела на себя в зеркало – это был невообразимый подарок. Никто еще никогда не дарил ей такого. Но она тут же начала его укорять:

– Почему ты купил такую дорогую вещь? Я знаю, у тебя сейчас нет денег на такие царские подарки.

Её ожидало множество хлопот. Надо было постричься и купить дорожную сумку. Ей хотелось выйти в город самой, но увидев, как настаивает Наум, уступила его просьбам.

„У неё есть и другие планы, но, по крайней мере, эти два оставшихся дня сделаю своими, – подумал он про себя. – Через два дня пусть поступает, как хочет, и пусть отдаётся, кому пожелает...”

Сначала они зашли в парикмахерскую рядом с кафе „La plăcinte”, где она изредка встречалась с подругами. В зале ожидания на столиках лежали американские журналы.

– Начни привыкать к атмосфере Вашингтона, – промолвил Наум.

Лицо его было угрюмым, взгляд – отсутствующим, как будто он пребывал в унылом сне. Доротея казалась весёлой, сияла от радости и шутила, рассказывая ему, что читала насколько настоящие американцы дружелюбны и гостеприимны. Она узнала об этом из переписки через Интернет со своими друзьями, уже работавшими в США. Когда она говорила об этом, у неё был официальный голос, как у дипломата.

Что-то радикально изменилось в ее поведении. И Наум пытался понять это.

– Почему нельзя постричься там, после прибытия на место? Может быть, у них другие виды стрижек?

– У женщин есть три типа силуэтов, – сказала Доротея, листая журналы с модельными фотографиями. – Высокие, с длинными и тонкими ногами – их называют бананами; другие, маленькие ростом и кругленькие, как я, называются грушами.

– А третий тип?

– Тех, кто толстеет и становится равным по росту и ширине, называют яблоками! Я имею в виду, чем ниже вы опускаетесь, тем силуэт, который вы видите, искривляется в талии, ягодицах и ногах...

После парикмахерской они пошли в магазин «Союз», где Наум предпочитал покупать ей костюмы и платья. Здесь они выбрали для неё большую дорожную сумку и маленькую красную. Доротея напевала песню, произнося английские слова, даже не замечая Наума, который с грустным лицом задумчиво шёл рядом.

Дома они упаковали вещи, проверили документы. Когда начало темнеть, появились друзья Наума, которые пришли попр-

щаться. Они сидели за столом, фотографировались, а когда луна взошла на небосклоне и зажглись звёзды, пошли на центральную площадь, где проходил Праздник вина. Наум сделал несколько снимков с любимой женщиной, с которой проводил последние часы. Было видно, как далеко находились мысли Доротеи, хотя она шутила и была весела. Теперь единственная связь между ней и Наумом состояла в том, что она держала его за руку, повторяя тривиальную фразу: «Не грусти, мой зайчик. Я с тобой!».

Позже они расстались с друзьями и вернулись домой. Она ещё раз проверила вещи, упакованные в чемоданах, затем достала из сумочки множество мелких предметов: письма, записки с телефонными номерами, маленькие флаконы с мужскими духами, косметику, несколько презервативов, и выбросила в мусорное ведро.

– Ты напишешь мне как приедешь?

– Да, да, да – пробормотала она, поджимая губы и целуя его в щёку. – Не грусти, мой ангел! Даже если я уеду, свое сердце и разум оставлю с тобой.

– Напиши что-нибудь в моей „Хронике“, – попросил он её. – В последний раз...

– Сделаю всё, что ты пожелаешь, – согласилась Доротея.

– Будем спать?

– Я буду любить тебя этой ночью как никогда, – заверила она его, загадочно улыбаясь, как счастливая невеста.

Это была беспокойная ночь. Жильцы квартиры этажом ниже ссорились и шумели до рассвета. И хотя Наум был воодушевлён и ободрён любимой женщиной, он не смог оправдать её ожидания. Доротея уснула, громко храпя.

Наум вышел в салон к рабочему столу и написал прощальное письмо для любимого существа, которое через несколько часов покинет его навсегда...

Он разбудил её в четыре часа утра. Вскоре раздался телефонный звонок, и папа Михаил объявил, что он вместе с матерью уже в аэропорту. Наум заказал такси, а Доротея занялась туалетом. Когда позвонили из службы такси, они вышли с багажом. Сели в машину и какое-то время оба молчали. Она лежала на его руках, а Наум не знал, с чего начать разговор...

Через приоткрытое окно машины дул прохладный ветерок – предвестник октября. Они вместе в последний раз. Он почувство-

вал, что Доротея всё больше прижимается к нему, и ей становится теплее в его крепких объятиях. На мгновение ему показалось, что она никогда не захочет встать с его колен. Когда вдалеке появились разноцветные огни аэропорта, он сунул сложенное письмо, в её черную сумочку, висевшую на плече.

– Обязательно свяжись со мной через Интернет, когда доберешься до места назначения.

Доротея одобрительно кивнула и сонно потянулась, напевая вполголоса какую-то мелодию на английском.

– Это любимая песня владельца отеля, – объяснила она. – Я нашла эту информацию в компьютере.

В большом зале терминала собралось много людей. Половина из них уезжала за границу, а другая провожала уезжающих. Картина этого исхода сильно огорчила Наума. Но ему стало еще хуже, когда он увидел, как счастливы те, кто получил шанс покинуть страну.

Помимо уезжающих и провожающих группа молчаливых священников ожидала прибытия монашеской делегации из Греции с горы Афон. Она должна была привезти мощи канонизированных святых и святую икону для верующих из Бессарабии.

На скамейке в углу, уставшие и измученные, родители ждали Доротею.

– Тебя не приехали провожать из прокуратуры Каушан? – спросила мама Дина девушку.

Дочь сделала вид, что не слышит маму и предложила:

– Господин адвокат, сделайте несколько снимков для нас, для истории.

Фотографировались вместе, затем Доротея с каждым в отдельности. Регистрация рейса задерживалась на час. Узнав о возможных изменениях, Наум и Доротея пошли немного прогуляться по залам заново модернизированного аэропорта.

Вскоре из Афона прибыли священники с реликвиями и святой иконой, инкрустированной драгоценными камнями. Они держали их в руках, показывая собравшейся публике. Делегацию встречала группа бессарабских священников во главе с приходским священником церкви Святой Феодоры из Сихлы. Зал наполнился благочестивыми церковными песнопениями.

Процессия церковнослужителей направилась в город в колонне лимузинов, а Наум снова сфотографировался с Доротеей. Они продолжали гулять по терминалу. Наум ожидал, чтобы она скажет ему что-то утешительное перед разлукой, но Доротея молчала. Её лицо лучилось счастьем, и только возле родителей она одарила его улыбкой. Он чувствовал себя пойманным в ловушку в этом семейном кругу, был грустным и расстроенным.

Когда объявили о посадке, и Доротея сдала багаж, стала прощаться с родителями, крепко их обнимала, но не пролила ни одной слезинки. Внезапно Наум почувствовал, что Доротея стоит перед ним, обнимает лицо маленькими мягкими ладонями и целует в обе щеки. А затем отошла и исчезла за барьерами аппарата таможенного контроля, не повернувшись, чтобы сказать хоть что-нибудь, или хотя бы помахать рукой на прощание.

Всё произошло в одно мгновение, он оцепенел и замолчал, терзаемый душевной болью. В следующий момент он спросил себя: «Какая любовь, мужик, если она даже не попрощалась с тобой по-человечески?» Его глаза отчаянно искали точку опоры – он не мог поверить, что эта молодая женщина с лицом ангела и горящими глазами, символ любви всей его жизни, в одно мгновение снова стала Иоанной из Брынзы. Сейчас она исчезла между Апелляционным судом в день их первой встречи, и железной птицей, которая увозит её за океан, в неизвестную и чужую страну.

Ошеломлённый, Наум присел на пустую скамейку. Он почему-то вспомнил дело, которое рассматривалось в суде несколько лет назад. Он защищал человека, обвиняемого в убийстве любовницы. Два года длилось разбирательство. Наум и сам поверил, что человек невиновен. В конечном итоге, суд оправдал его и освободил из-под ареста. Но потребовался всего один день, чтобы на свободе поговорить с ним и понять, что никто, кроме него, не мог совершить того убийства. Теперь, во время расставания с Доротеей, он испытывал такое же чувство нервозности и растерянности.

41

Наум поехал домой вместе с родителями Доротеи. У него было ощущение, что они возвращаются с кладбища, где проводили усопшего в последний путь.

– Какую хорошую девочку мы вырастили! – попыталась нарушить тишину мама Дина. – Она была очень послушным ребёнком. Я очень рада, что с Вашей помощью нашлась для неё возможность поехать в США. Вы знаете, ведь проходят годы, а она должна зарабатывать на жизнь. Жаль, что её молодой человек из прокуратуры Каушан не пришёл провожать дочку. Как родители, мы Вам очень благодарны, господин адвокат. Мы никогда не забудем, что Вы сделали для нашей дочери. Всегда будем помнить о Вашей доброте и помощи, оказанной Доротее. Да хранит и заботится о Вас Господь Бог, и о Ваших детях, которыми Бог Вас осчастливил. Мы благодарные люди. В праздничные дни будем отправлять Вам приготовленные нами блюда. Михаил, когда будет в городе, будет привозить Вам по мешку картошки, мёда, домашних молочных продуктов. Для нас нет лучшего человека здесь, в городе. Мы всегда будем молиться Богу и просить для Вас, Ваших детей и близких здоровья, радости и счастья...

– В этом нет моей заслуги, – задумчиво ответил Наум. – Главное, что Иоанна хотела уехать, и у неё это получилось.

– Если вы не возражаете, мы сможем связываться первое время с нашей дочерью через вас? – спросил отец Михаил, который всю дорогу молчал и следил за дорогой.

– Я сам хотел это предложить, – мрачно пробормотал Наум, когда машина притормозила у порога его дома.

– Мы обязательно позвоним Вам! – начали в один голос заверять его родители Доротеи.

Он поднялся по лестнице и вошёл в дом, как в старый город, стены которого разрушены временем. Внезапно он почувствовал, что воздух холоден и разрежен. Он лег на диван, где Доротея проспала так много ночей, закрыл лицо руками и поймал пальцами две теплые крупные слезы.

Весь следующий день Наум провёл в полном одиночестве, охваченный ощущением полной бесполезности своего существования.

42

Самолет тяжело взлетел и медленно начал подниматься ввысь, удерживая пассажиров в напряжении и в лёгком страхе. Мысли о родителях, детях, о тех, кого улетевшие несколько

мгновений назад оставили на земле, одни на несколько дней или недель, другие на годы или навсегда, отложились где-то в дальних уголках сознания улетающих, когда железная птица прошла первые воздушные ямы, пересекая тяжелые и серые облака. Как только самолёт достиг рейсовой высоты полёта и двигатели перестали нутужно гудеть, некоторые пассажиры стали следить за огромным небесным одеялом серого цвета под крыльями, другие положили подушки под головы, а некоторые нетерпеливо ждали, когда стюардессы разнесут обед.

Доротея легко переносила полёты. На этот раз, однако, она, как многие пассажиры, чувствовала себя плохо, пока самолёт не достиг нужной высоты. У неё появились боли в ушах и небольшая тошнота.

Когда воздушный лайнер выпрямился, и все успокоились, она стала искать салфетки в сумке, чтобы вытереть мокрый от пота лоб. И тут в её руке оказалась записка, сложенная в восемь раз и написанная таким знакомым почерком...

Такие записки она находила либо в свой день рождения, либо в новогоднюю ночь, либо 1 марта. Наум не забывал к письмам со сладкими словами любви добавлять и приятные сюрпризы.

Волна отвращения напомнила о неприятных ощущениях, перенесённых ею с этим человеком. «Боже, благодарю тебя за то, что спас после трёх лет мучений! Я была заложницей старика, сексуальной рабыней никчёмного человека. Спасибо, Господи, что спас меня! Он самый ненасытный человек. Пусть верит, что я его любила! Благодарю, Боже, за то, что избавил меня от него!»

Записка была от Наума. Она прочитала её, чтобы иметь дополнительную причину укорять его. Наум просил звонить ему, не забывать прекрасные моменты их любви. Если у неё когда-нибудь представится возможность навестить его, он будет рад, а если его уже не будет в живых, пусть положит букет на его могилу на еврейском кладбище. И ещё он подчеркнул, что с ней у него была самая прекрасная любовная идиллия в жизни.

«Слабоумный старый хрыч! – возмутилась она. – Как он мог думать, что я буду читать этот километровый бред!? Еврейская ностальгия! Хватит, будь счастлива, Доротея! Нет, это – Иоанна, поскольку мама и папа крестили меня под этим именем. Про-

щай, рабство! Спокойной ночи, господин адвокат!»

Она уселась поудобнее и попыталась заснуть, чтобы забыть прошлое. Но сон не приходил. Какое-то время она смотрела через окно на необъятное голубое небо, на сугробы блестящей белизны, но сколько можно смотреть на одну и ту же монотонную картину? Она оглянулась и обнаружила молодые, сияющие лица, удобно отдыхающие в мягких креслах. Все они с радостью летят в Америку, представила себе она. И её душа наполнилась счастьем осуществления мечты всей жизни. Она почти воскликнула: «Здравствуй, молодость!»

Развёрнутый листок, лежавший перед ней на столике, и знакомый почерк притупили безмерную радость. Она скомкала его и швырнула в кармашек для журналов, но тут же передумала, достала его со дна кармашка и пошла в туалет. Закрыла за собой дверь, разорвала письмо на мелкие кусочки и бросила в унитаз. Этим жестом она навсегда покончила с Наумом Вайнштейном, рядом с которым до вчерашнего дня играла роль любовницы, жены, хозяйки, горничной. «Какой кошмар я пережила, Господи!»

Красивый молодой человек сидел в кресле рядом с окном, и она решила заговорить с ним по-английски. Он поддержал диалог, но на сладком румынском языке...

* * *

Вечером Науму позвонил Ицик Мазик из Майями.

– Брат, тут рай на земле, – кричал он в трубку. – Настоящая восточная сказка!

– Как твоя торговля подковами? – спросил Наум едва слышным голосом.

– Не шути, брат! Мы с Хоной работаем на пляже. Раскрываем и собираем зонты, под которыми прячутся от солнца отдыхающие. И нам хватает на счастливую жизнь. Бросай всё и приезжай сюда, в настоящую цивилизацию. Оставь кладбища, могилы. Будем возвращаться один раз в год и навещать их!

43

Родители Доротеи, и особенно Наум, ждали первых новостей из Америки. А она, прибыв в отель, обнаружила, что забыла дома трудовой контракт, подписанный в посольстве при получении визы, и сразу же позвонила Науму. Для начала сообщила ему, что в Америке сейчас 3 часа утра, а затем попросила сказать родителям, чтобы они как можно быстрее переправили ей контракт, забытый среди документов, оставленных дома. Она также сообщила, что очень расстроена: если не представит трудовой контракт в течение месяца, американцы депортируют её обратно в Молдову.

– Помоги мне, ангел мой!

Наум позвонил родителям в Брынзу, и на следующий день они спешно послали контракт Доротее, который она небрежно бросила в ящик стола. До получения контракта, Доротея ещё раз попыталась связаться с Наумом по телефону, но его не было дома – давал серию лекций в гуманитарном университете. Ответила Эстер, младшая дочь Вайнштейна, которая после отъезда Доротеи переехала жить к нему на некоторое время. Доротея попросила её передать всем привет, и это был последний телефонный звонок после её отъезда в Америку.

В последующие дни они поддерживали связь только при помощи электронных сообщений. Она всё ещё называла его ангелом, кроликом, моим мужчиной... Пока не нашла квартиру, пока не привыкла к чужой атмосфере, даже сообщения для родителей она отправляла сначала Науму, после чего он читал их по телефону матери и отцу. Доротея писала, что в Вашингтоне холодная погода, но горожане носят одежду с короткими рукавами и сапоги, и что ей не нравится еда в столовой.

Всё остальное великолепно – она получила тёмно-синий костюм, немного великоватый для неё, белую блузку с воротничком и разноцветный шарфик, который она обязана носить на шее, как и другие сотрудники отеля. Её коллеги, по её словам, веселы и приветливы. Из Молдовы только она одна и уже скучает по дому и по нему. Она писала, что работает в отеле, управляемым турецким менеджером, и что здесь работают негры, турки и молодые люди из разных других стран.

Доротея сообщала, что уже успела посетить Вашингтон, Пентагон, Белый дом, Капитолий, несколько музеев и обедала в ки-

тайских ресторанах. Она жаловалась, что в Вашингтоне всё дорого, и ей придётся много работать, чтобы хватало на необходимое. Сейчас администрация отеля обязала её отвечать на сообщения клиентов, тем самым она совершенствует разговорный язык.

Они общались на сайте «Одноклассники», где каждый respondent мог показать столько фотографий, сколько он хотел, с друзьями, родителями.

Наум был очень рад, когда обнаружил, что в разделе «Друзья» Доротея разместила несколько фотографий и с ним – у подножия гор в Кемере и еще пару, снятых в Брынзе вместе с её родителями и друзьями семьи.

В те поздние октябрьские вечера ему часто звонила и мама Дина – в Брынзе не было ни Интернета, ни электронной почты, и все новости о дочери приходилось узнавать через него.

Однажды утром его разбудил отец Доротеи Михаил – он приехал в город по делам и завёз Науму большой пакет с продуктами.

На второй неделе отъезда Доротеи после неизлечимой болезни скончался друг Наума Анато́л Рошковану. Узнав об этом печальном событии, Доротея попросила зажечь свечу у изголовья талантливого музыканта и от неё. В те же дни Павел Никэ признался Науму, что врачи обнаружили у него рак, появившийся после участия в экспедициях по ликвидации последствий ядерной катастрофы в Чернобыле.

В первый день ноября мама Дина позвонила и сказала, что в Брынзе начал работать Интернет, и они больше не будут его беспокоить. Доротея сразу же после этого стала более сдержанной в своём общении с ним. Она отвечала холодно, одними и теми же фразами, и мотивировала это тем, что администрация отеля не разрешает пользоваться Интернетом во время рабочего дня. Кроме того, она должна много работать, так как в Вашингтоне всё дорого, и ей нужны деньги.

Она не писала ему несколько дней. «В США сейчас день», – думал Наум, изо всех сил пытаясь заснуть, но на самом деле ожидая сообщения от Доротеи. Время от времени ночные собаки начинали громко лаять по всему району, создавая ощущение, что в его жизнь проникает что-то плохое, что огромная пустота захватывает всю реальность вокруг него. Только в конце недели ему пришло сообщение. Любимая женщина повторяла, что админи-

страция отеля не позволяет сотрудникам переписываться по Интернету, и в будущем она будет связываться с ним реже.

Прошло три недели. И никаких новостей от неё. Доротея больше не писала ему. Однажды вечером он обнаружил, что Доротея удалила фотографии, на которых она вместе с ним, из друзей на странице в «Одноклассниках». Открытие настолько шокировало его, что он подумал, что сойдёт с ума.

Он написал ей одно лишь слово: «Почему?» Через несколько дней она все-таки соизволила ответить ему: «Ах-ах! Какая жалость! Я ведь жила у тебя три года». И восстановила фотографии в разделе «Коллеги».

Его дочь Эстер очень удивилась, когда обнаружила, что он не спит по ночам и ждёт за компьютером сообщений от Доротеи.

– Почему она так поступает? – спросила его дочь. – Это ужасно, папочка. А ведь она казалась такой воспитанной и хорошей!

Он сходил с ума. Бродил по дому ночами напролёт, не знал, что происходит и почему судьба опять насмехается над ним.

На следующий день Наум позвонил её подруге Ташке Лунгу и спросил, звонит ли им Доротея, пишет ли, не случилось ли что с ней. Ташка ответила, что она пишет им регулярно и гордится, что достигла своей цели, что в Америке всё прекрасно и ново для неё, и что ей там очень нравится, и она сделает всё, чтобы не возвращаться домой никогда.

«Как так? – задавался он вопросом, чувствуя, как теряет рассудок. – Всем она пишет, и только мне нет? Она же всегда меня называла ангелом, котиком, любимым! Что происходит теперь, Господи, Всевышний?»

Он позвонил маме Дине, но вскоре понял, что поступил опрометчиво. Она, которая до недавнего времени была с ним очень доброй и любезной, теперь холодно ответила:

– Моя дочь не обязана вам звонить, господин адвокат!

– Нет, она не обязана, – пробормотал он и закрыл телефон.

Теперь он точно сойдёт с ума. Он искал бутылку с крепким напитком – выпить несколько рюмок и утопить в алкоголе свою печаль. Но воздержался.

После операции на позвоночнике он не брал в рот алкогольных напитков.

Наконец-то! На следующий день после разговора с мамой Диной он получил сообщение от Доротеи. Оно было лаконичным и злым: «Я говорила, что редко буду связываться с тобой. Администрация не позволяет нам пользоваться Интернетом слишком часто. Думай, что хочешь, но я говорю правду. Зачем тебе понадобилось звонить моей маме? Ты полностью скомпрометировал себя в моих глазах. В конце концов, кто ты? Человек, у которого я три года жила на квартире...»

Ему показалось, что небо обрушилось на него. Не успел он прийти в себя, как по мобильному телефону позвонил анонимный голос.

– Кто тебе позволил, старый хрыч, держать в своем доме, как сексуальную рабыню, девушку вдвое моложе тебя? А теперь, когда она уехала, почему бы тебе не оставить её в покое? Ты не боишься за своих детей, ублюдок?

Это был мужской голос. Звонили через закодированную систему, поэтому номер не высвечивался. Два дня подряд анонимные голоса донимали его. Звонили мужчины и женщины. Агрессивные голоса, говоря некрасивые, неприличные слова.

На третий вечер он получил по электронной почте аудиокарту. Она пришла с неизвестного адреса, и Наум почувствовал, что в ней содержится какой-то компромат на Доротею. Несколько минут он мешкал, не осмеливался открыть её, но, наконец, щёлкнул мышкой от компьютера...

Внезапно в библиотеке зазвучал весёлый голос, такой дорогой для этих стен и которым он наслаждался многие вечера и ночи подряд... Доротея говорила с кем-то по мобильному телефону, просила его подъехать к зданию цирка, потому что она скоро заканчивает работу. Затем раздался пронзительный рев автомобильных тормозов и голоса. Доротея говорила с молодым мужским голосом, который, эпизодически, давал ей инструкции по вождению. Она делилась с ним новостями со своей работы и жаловалась, как сильно страдала, что собеседник не отвечал на звонки.

Вскоре машина остановилась, и было слышно, как они поднимаются по лестнице, входят куда-то, вероятно, в квартиру, пото-

му что раздался звук автоматической блокировки двери. Затем скрип дивана и возгласы удовольствия женщины и мужчины. После недолгой паузы стало слышно, как включили воду в ванной комнате. Прошло ещё несколько минут, и голос Доротеи стал жаловаться мужчине на то, что она молодая девушка, но за ней присматривает её пожилой дядя. А он очень суровый и строгий, и поэтому она не может задерживаться более часа на пути с работы домой.

После они курили. Она называла своего дядю самыми плохими словами. Это повторялось много раз, но каждый раз в иной звуковой последовательности, хотя сценарий и слова всегда были одинаковыми: дядя деспот и тиран.

Время от времени мужчины и места менялись – то в каком-то помещении, то в квартире, то в лесу. Наум обнаружил, что инициатива знакомств с мужчинами почти всегда шла от Доротеи.

Он оторвал взгляд от монитора компьютера, встал и широкими шагами начал мерить рабочий кабинет от одной стены до другой. Он шагал механически, не соображая, а ноги сами вели его через гостиную в спальню, на кухню, в прихожую.

Вдруг он почувствовал острую боль в шее, затем в висках. Ритмичное биение стало звучать в голове всё сильнее. Это были удары сердца.

«Такой сюрприз, – с разочарованием подумал он, – может исходить только от спецслужб, оснащённых сложным оборудованием». Ему пришла в голову мысль сделать копию электронной карты и отправить Доротее, но, когда он нажал на кнопку «Копировать», на компьютере появилось окно красного цвета и знак отказа. «Эта папка с паролем», – подумал он, и попробовал другие методы. В какой-то момент папка полностью исчезла. Его поиски были тщетными – он подумал, что тут были вовлечены оккультные силы!

– А может, это происки СИБа? – сделал он глупое предположение. – Неужели Доротея была их агентом? Какая злая шутка! Но какой интерес может иметь СИБ к его скромной персоне?

Он не представляет никакой ценности для спецслужб ни как писатель, ни как юрист, ни как многодетный отец. Тогда в чём смысл, какова цель шпионажа? Приближались парламентские выборы, и, возможно, государственные спецслужбы

делают всё, чтобы он не присоединился ни к одной политической силе. Абсурд! Он никогда не вмешивался в деятельность какой-либо партии.

Проходили дни, ночи, выходные, будни. Наум не верил, что всё, что происходящее с ним в последнее время, можно объяснить происками любимой женщины. Но убеждение, что Доротея знала об этих провокациях, всё больше и больше овладевало им. Наверняка, она пыталась морально его уничтожить, избавиться от ненавистного прошлого.

Он собирал все фотографии, на которых они были вместе с Доротеей, и десятки раз просматривал их, вспоминая моменты, проведенные вдвоём. Затем открывал «Хронику» и долго поглаживал маленькие буковки её ровного почерка. Тоска, нестерпимое желание увидеть её охватывали его, увеличиваясь и подавляя, до физической боли в висках. Но его любимая молчала на всех каналах. Он понял, что она пытается заставить его забыть её, никогда не вспоминать о ней.

Он решил написать ей об «атаках» в Интернете, но что он будет делать без доказательств? Может только испортить отношения с ней. Это был вызов, и больше ничего! В эти тяжёлые для него дни он обнаружил, что больше не может входить на страничку Доротеи в «Одноклассниках», – она установила пароль. Он подумал, что должен терпеть, успокоиться, время всё расставит по своим местам. Он ждал разгадки этих событий, а затем сделать соответствующие выводы.

Он терпел бы еще неделю или две, если бы один из тех анонимных голосов не позвонил ему вечером и не сообщил пароль Доротеи в «Одноклассниках». Он с нетерпением поспешил войти на страничку Доротеи. Нашёл ежедневную переписку со всеми друзьями, знакомыми, кроме него. Она была счастлива, рассказывала, что живёт в Вашингтоне, что здесь настоящая цивилизация, достойная жизнь, что только тут нормальный человек чувствует себя счастливым.

Переписывалась она и с бывшими друзьями, и со своими любовниками, и родственниками из России. Её восторгу и восхищению не было границ. Она писала им, что здесь ей улыбаются все люди, они доброжелательны и всем желают только добра. Теперь он понял, что девушка ему бессовестно врала, когда своё молча-

ние мотивировала тем, что не может писать ему, потому что администрация отеля не разрешает пользоваться Интернетом...

Осень подходила к концу, а Наум оставался в смятении и никак не мог обрести покой. В последний день ноября он отправился на могилу своих родителей и просидел у их изголовья до темноты.

44

С первых дней в Вашингтоне у Доротеи появилось чувство, что она оказалась в мире фантазий и чудес. Отель, в котором она работала, был одним из фешенебельнейших в городе. Отели, которые она видела на побережье Кемера, теперь казались убогими избами. Реальность американской столицы сводила с ума красотой и архитектурой. Ей очень хотелось узнать и увидеть, как можно больше.

Через неделю она переехала на съёмную квартиру в тихом и уютном районе, где жила вместе со скромной и хмурой турчанкой.

С первой еженедельной зарплаты Доротея обновила гардероб и изменила свой внешний вид. Она стала выглядеть как топ-модель, и при появлении на работе сразу привлекала внимание молодых людей, включая владельца отеля. Ей показалось, что она стала звездой и всем представлялась именем Иоанна, но американцы, не привыкшие к таким именам, называли её Джонатана.

Среди мужчин, с которыми она познакомилась вскоре после приезда, был молодой человек по имени Дэни, наполовину турок – наполовину румын, из обслуживающего персонала столовой. Потом она подружилась с турком Хасаном своего возраста, который, как она узнала, был племянником владельца отеля. После этого Дэни осталось лишь привычное «Привет!» и дежурная улыбка, когда они встречались в столовой.

Хасан предложил после рабочего дня покатать её на своем роскошном автомобиле. Молодой человек приехал в Вашингтон давно. Он хорошо владел английским и с удовольствием поправлял её ошибки в разговорной речи. Она широко улыбалась ему и смело брала под руку, когда они гуляли по улицам.

Не прошло и полутора месяцев, как молдованка Иоанна уже хорошо знала, что означает секс в турецком стиле в Америке, ко-

торую открыл еврей Христофор Колумб. Ее друг Хасан удивил ее мужественностью и виртуозностью в постели, и она на неделю забыла даже про переписку с родителями.

Владелец отеля, дядя Хасана, преуспевающий бизнесмен среднего возраста, тоже заинтересовался молодой леди из бывшего Советского Союза. Он пригласил её в свой кабинет, желая узнать, как устроилась молодая женщина из далёкой и почти неизвестной ему страны. Хозяин дал ей бесценные указания – за стойкой регистрационного стола она должна чувствовать себя свободной, быть элегантной, сексуальной, независимой и ненавязчивой, с неувядающей улыбкой на свежих губах, даже с клиентами, покидающими отель или отказывающимися от его услуг. Таким образом, они будут иметь клиентов постоянно.

Иоанна из Брынзы слушала ценные указания патрона, соблазнительно, но скромно улыбалась и совсем не смущалась. Он напомнил ей, что такая юная леди, как она, должна быть послушной и раз и навсегда понять, что деньги и секс управляют вселенной!

Прошло немного времени, и работодатель предложил взять её с собой в город, а затем пригласил на каток, расположенный недалеко от Пентагона. В один из вечеров он показал ей, что в отеле всегда есть свободные номера, и с помощью элегантных барышень, собранных со всех меридианов мира, ему удаётся преуспеть даже в этот период глобального экономического кризиса. Если Джонатана выполнит некоторые требования администрации, ее работодатель продлит срок трудового контракта в Вашингтоне или даже поможет, в будущем, подготовить пакет документов для получения вида на жительство в США. И потом, леди Джонатана не была бы Иоанной из Брынзы, не побывав в постели с этим респектабельным джентльменом, владельцем бесплатных и суперкомфортабельных номеров в роскошном отеле, расположенном в сердце самого мощного государства в мире.

«Вот так завоёвывается Америка!» – думала она после первого вечера, проведённого в постели с работодателем. Она была счастлива, что нашла подходы к ключевым персонам в этом гостиничном комплексе, расположенном рядом с Пентагоном и Белым домом.

Для Хасана и владельца отеля её постельный успех был просто обычной статистикой – почти каждая молодая женщина, ко-

торая устраивалась на работу в отель, проходила через постель племянника и его турецкого дяди.

На конфиденциальной встрече сотрудников-выходцев из Турции, работающих в отеле, которую они называли при других сотрудниках «Встреча за чашечкой кофе», все согласились с выводом патрона о Иоанне из Брынзы:

– This is a classic whore disguised in the style of prostitutes coming here from the former Soviet Union. (Это классическая шлюха в стиле проституток, приехавших сюда из бывшего Советского Союза.)

Для Доротеи же главным было то, что её мечта осуществилась, и что она станет богатой. Вскоре босс оставил её в покое – новые молодые женщины прибывали на работу в отель. И только Хасан не отказывался посещать с ней исторические места Вашингтона, известные всему миру: Капитолий, Художественную галерею, Арлингтонское кладбище, китайские и европейские кафе, которых в этом городе было множество.

У Хасана не было комплексов из-за того, что она успела переспать и с его дядей. Он обладал ею во всех местах, где было возможно, часто и в автомобиле. Иоанна забыла обо всём, что оставила дома. Изредка, находясь на работе, она отправляла сообщения родителям и знакомым. Наума она выкинула из памяти, а затем и из электронной почты, будто губкой вытерла следы мела на доске. Предала забвению образ ангела, квартиру, библиотеку с репродукциями Сезанна и Модильяни, грецкий орех перед балконом, слова любви адвоката, его поступки.

Теперь, перед ней расстилался Вашингтон, гостеприимно открывший свои двери отель «Cristal» и свои объятия – покровитель, расположение которого она завоевала, его племянник Хасан и дружелюбный, улыбающийся персонал. Но больше всего ей нравились еженедельные суммы долларов, которые накапливались на её банковском счёте, и которых становилось все больше. Она подсчитала, что здесь в день она зарабатывает столько, сколько получала за месяц работы в Объединении лица «Спиру Харет».

И ещё одна очень важная деталь для молодой леди: её служба была весёлой и приятной. В начале рабочего дня хозяин отеля заставлял сотрудников петь гимн США, который Доротея выучила наизусть, ещё находясь дома, выписав текст из Интернета. Что

касается остального, то весь рабочий день был красивой нескончаемой песней. Тоска по дому охватывала её только тогда, когда она вспоминала о родителях.

45

После выписки из неврологической больницы, Наум успокоился, хотя состояние апатии и депрессии ещё не покинули его. Несколько недель бессонницы и страданий вынудили его опять обратиться за помощью к врачам. У него обнаружили высокое артериальное давление, депрессию, моральное и физическое переутомление и другие недуги – целый букет заболеваний, которые послужили причиной госпитализации. Теперь Наум надеялся выздороветь – он последует советам лечащего врача и постарается стереть из памяти последние три года, которые привели его в состояние, близкое к сумасшествию. Врачи единодушно подтвердили, что его болезнь связана с нечеловеческим отношением любимой женщины к нему, с её отказом оставаться в каких-то элементарных дружеских отношениях.

Дома он снова нашёл квартиру пустынной и холодной. Воспоминания начали осаждать его. Будучи встревоженной состоянием здоровья отца, Эстер пыталась его успокоить. А он боялся возвращения тех кошмарных ночей, пережитых им до госпитализации.

– Мы ведь договорились, что она будет писать мне, чтобы я привыкал к её отсутствию постепенно. Но она молчит уже больше месяца! Что я сделал ей такого плохого, чтобы так издеваться надо мной? – задавался он вопросом больше для себя, чем для того, чтобы показывать дочери, что не в силах контролировать свои эмоции.

– Папа, Доротея не любила тебя, когда была с тобой рядом, теперь – тем более, – пыталась она дочь хоть как-то успокоить его. – Забудь о ней...

Наум смотрел на дочь – как же она выросла! Может быть, она уже тоже знакома с острыми ощущениями любви. «Конечно, – подумал он, – девочки взрослеют быстрее мальчиков». И ответил в смятении:

– Если бы я мог, дорогая моя девочка. Но мысли ведут меня только к ней, и я не имею над ними никакой власти.

Снова наступили бессонные ночи и душевные терзания. Везде он видел перед собой образ Доротеи, которую любил и все ещё продолжал любить. Не той девушки, которую он провожал два месяца назад в Америку, не той, которая три с лишним года фальшиво ласкала его уменьшительными именами, нет, не этой девушки! Перед ним появлялся и не хотел исчезать образ девушки, с которой они только познакомились, и которая следовала за ним маленькими шажками зимним морозным днём из Апелляционного суда в лицей «Спиру Харет». Это был образ девушки, которая впервые поцеловала его здесь, в библиотеке, в кресле, под репродукцией Сезанна. Образ той девушки, гревшей его объятиями и поцелуями в их первую ночь любви, той, которая...

«Кого же я любил и продолжаю любить, Господи?» Он чувствовал, что теряет умственное равновесие и пытался отогнать видения, которые заставляли его вращаться в колесе дьявола. Чтобы быстрее избавиться от них, он прошёл в комнату дочери. Он нашёл её склонённой над тетрадями – первый школьный семестр её последнего учебного года заканчивался, и Эстер усердно занималась, чтобы исправить оценки по некоторым предметам. Он погладил её по голове, поцеловал в лоб и успокоил своим обычным выражением «Не переживай, папина дочка, все будет хорошо!»

Он снова впал в глубокую депрессию. За месяц похудел на семнадцать килограммов! Ночью и днём его тело покрывалось испариной. Образ Доротеи не пропадал, стал одержимостью.

Приближались зимние каникулы и Новый год. Наум чувствовал себя одиноким, покинутым. Какой-то зазубренный колокольчик непрерывно звучал в пустыне его души. А на самом деле не колокольчик, а простая ржавая банка.

Вечером в канун Нового года он решил написать Доротее, как писал ей каждый день до лечения в неврологическом диспансере. Сейчас она не ответила, не позвонила, не пожелала счастливого Нового года. Её родители тоже не звонили и не пожелали счастливых праздников, хотя клялись, что никогда его не забудут.

Он был на грани агонии и не мог контролировать свои действия. Чтобы успокоиться, попытался просмотреть свои воспоминания – вытащил из ящика «Хронику» своей жизни и открыл

её с 1 марта 200... года. Он думал, что краткий обзор событий того времени облегчит его бедственное состояние и горечь.

Эстер ушла с одноклассниками на встречу праздника Нового года в лицее. Он остался один. Присел за стол с тортом, шампанским и двумя горящими свечами. После трех счастливых новогодних праздников этот Новый год он встречал один. Доротея была далеко в Америке, а он, с мыслями о ней, начал листать «Хронику», бередя душу воспоминаниями.

«Я благодарю Бога, что он заботится обо мне, и я встретила такого замечательного человека, как ты! Ты действительно необыкновенный, и я буду уважать тебя, и я буду любить тебя! Многое хочется сказать, может быть, я когда-нибудь расскажу тебе обо всём, но я хочу, чтобы ты знал, что ты моя самая дорогая душа на всей земле. На улице ночь. Целую. 28.10.200...»

«Я очень многого хочу! Хочу достойную работу, хорошую зарплату, хочу, чтобы ты всегда был рядом со мной, чтобы всегда помогал и поддерживал меня. Мне очень нужна твоя защита и твоя любовь. Целую тебя сладко, сладко! 15 ноября 200...»

Но вот его запись от 1 марта 200... года.

«Вечером, когда мы вернулись из сауны, Доротея призналась, что изменяла мне с другими мужчинами. С Томасом, хотя я не уверен, что она действительно это сделала. Я спросил её, не боится ли она заболеть и заразить и меня. И она ответила, что она практикует защищённый секс...»

В том же году, 2 апреля, Доротея:

«Детка! Или мой муж! Я знаю, что часто грешу и поступаю глупо, но сегодня, 02.04.200..., в 14.30 я говорю тебе, положив руку на сердце, что не обманываю и очень счастлива с тобой. Я надеюсь, что ты тоже хоть немного счастлив со мной. Всё будет хорошо, и для этого я уложу много камней в фундамент строительства нашей крепости! Целую и люблю тебя!»

А вот заметки от 28 мая 200... года, после празднования её дня рождения в Вадул луй Водэ.

«Катерина, подруга Ракелы, сделала несколько ужасных признаний! Она была с моей дочерью в Вадул луй Водэ. Доротея оказалась в машине Костика после вечеринки. Катерина видела её в машине обнажённой, с ногами на ветровом стекле, и мужчину на ней... Когда я спросил, почему она изменила мне, она всё отрица-

ла. Говорила, что Костик был очень пьян, и даже если бы очень хотел овладеть ею, ничего не смог бы сделать. А как же то, что она находилась в машине Костика совсем голой?!»

Чувство отвращения сдавило его грудь. Он оставил «Хронику» и подошёл к компьютеру проверить, пришло ли сообщение от Доротеи.

Ни одного слова. Ни утешения, ни поздравления.

Тогда он прогнал её из дома. Потом перезвонил на третий день и позвал обратно. Был ли он убеждён, что она оценит его жест, который ни один уважающий себя мужчина не сделал бы? Он стал жертвой её ложных клятв?

«Я знаю! Это очень сложно и трудно, но я уверена, что всё будет хорошо. Я хочу, чтобы ты успокоился, чтобы мы помирились. Я с тобой, я люблю тебя и поддерживаю тебя во всем!»

Как ему нужны эти слова сейчас! Пусть будут даже неискренними, но пусть будет хоть одна строчка!

«Я уважаю тебя, я дорожу тобой, как ни банально это кажется, я люблю тебя! Я хочу помочь тебе, но не знаю, как, я могу поддержать тебя, и мы будем надеяться вместе, что всё будет хорошо. Да поможет нам Бог «.

3 декабря 200... «Сегодня речь идет о грехах! Да, у меня их много, но не надо меня судить. По крайней мере, я честна с тобой, даже если у тебя много подозрений. Не дави на меня, пожалуйста! Что касается остального, я думаю, что всё будет хорошо. Через месяц будем встречать вместе еще один Новый год, и мы отметим этот праздник весело! С надеждой, что следующий год будет ещё лучше. Твоя Доротея.»

«Что было 3 декабря 200... года?»

Он напрягся, чтобы вспомнить. И перевернул страничку. Но следующая заметка была написана почти полгода спустя, во время их первого отдыха в Турции, в Кемере.

«Ты– мужчина всей моей жизни, и у меня никогда не было умысла жить с тобой ради денег, ради богатства или ради чего-либо ещё. Большое спасибо за самый приятный сюрприз за все 25 лет моей жизни. Я нахожусь на море с тобой! 21 мая 200... г., Турция, Кемер. Доротея».

31 декабря 200... года. Новогодний вечер: «Завтра будет другой день, может быть, лучше, может быть, хуже, посмотрим. Важ-

но, чтобы ты знал, что я тебя буду с тобой во всём! С Новым годом, мой зайчик! С любовью, твоя Доротея! 18 часов и 35 минут»

Постепенно Доротея стала частью его жизни. Его дети привыкли к ней и уважали. К концу года она заговорила о поездке на работу в США. Наум подумал, что в любом случае они будут вместе. И попросил Бэllu, свою первую жену, помочь с оформлением трудового контракта для Доротеи.

Еще одна страница перевернута. «Воскресенье. Печаль переполняет меня. Я не знаю, что происходит, но я всё больше отдаляюсь от тебя, я больше не чувствую тебя рядом. Прости, если я в чём-то провинилась перед тобой. Уже довольно поздно, я не знаю, поймёшь ли ты, что я хотела тебе сказать. Я исчезну из твоей жизни, и ты не услышишь ничего обо мне. Я так хочу, чтобы ты видел во мне личность. Того, кто всегда готов помочь и поддержать тебя. Я всегда старалась не просить у тебя больше, чем ты мог дать. И я абсолютно ничего не хочу от тебя, кроме как чувствовать, что меня любят и что ты готов ждать меня. Прости за откровенность, я просто знаю, что у меня не хватит смелости сказать тебе это в глаза. Хочу только одного, чтобы ты простил меня за всё. 24 мая 200... г.»

К этому числу они только вернулись из своей второй поездки в Кемер. Текст, кажется, был написан до операции на позвоночнике или, может быть, когда он находился в больнице...

Что же было дальше? Ах, да, приключение с Феликсом и еще один конфликт, другие клятвы.

И снова прощение... Подумал, она так молода...

На самом деле, зачем себе врать? Он продолжал любить её, хотя больше не верил, что она тоже любит его – как вначале их отношений. Он стал сомневаться: а любила ли она его вообще когда-нибудь? Не верил, что она больше не будет грешить и изменять ему.

«Какой жестокой бывает жизнь, – подумал он. – Много раз наступаешь на своё сердце и идешь дальше по жизни, униженный и оскорблённый. Неужели и в этом любовь виновата?»

Он действительно любил её. Но разве может любовь так ослеплять, заставлять прощать измены, пренебрегать своим мужским достоинством и гордостью? Как он после всех её любовных приключений продолжал держать её в своём доме, делить с ней

постель? Почему Доротея не уходила от него? – подумал он, и удивился. Ему показалось, что он сделал открытие. Почему он не спрашивал себя об этом, когда она наставляла ему рога? И он вспомнил, что в последние полгода он, несмотря на все слухи, больше не интересовался её жизнью вне дома.

Последняя страница, последняя заметка. Она была от Доротеи.

„Привет, мой ангел! Мне бы не хотелось, чтобы ты грустил. И поэтому я решила хоть чем-нибудь порадовать тебя. Ты – самый лучший подарок, который могла мне предложить судьба, и ты должен знать, что годы, прожитые совместно с тобой, были лучшими в моей жизни. Ты был и моим отцом, и моим учителем, и моим мужем одновременно. И никто не сможет отобрать это у меня... Ангел мой! Ты был всем для меня, и я рада, что Бог помог мне иметь рядом такого ангела-хранителя. Хочешь – верь, хочешь – не верь, а без тебя мне будет очень трудно. И всё же я рада, что уезжаю. Передо мной – новый мир, новые горизонты, и мне грустно, потому что знаю: такого мужчину, как ты, никогда больше не встречу.

Я не думаю, что расстояние должно разделить нас, разрушить связь между нами. Ты всегда будешь тем, кто меня ругал, хвалил, жалел, и никто не сможет изменить это. Ты живёшь в моей душе, и ты всегда будешь со мной, даже если нас будут разделять тысячи километров. И не грусти, потому что я всегда буду с тобой в воспоминаниях, и не только. Береги себя, и я буду молиться Богу за тебя, чтобы ты всегда был здоровым и счастливым. Целую тебя сладко!

P.S. Извини, что мало написала, но это искренне и со всей любовью! 12.10.200...”

Он закончил просматривать «Хронику». Дальше не было ни одной заметки. После того, как она ушла, он не написал ни строчки. После того, последнего, холодного поцелуя в аэропорту, он просто не мог. Может, это был поцелуй Иуды?

Он наблюдал, как догорают свечи на столе, которые больше не казались одинаковыми. Доротея была в другом мире, и она не хотела больше слышать о нём. А её образ захватил в плен его душу, разум, сердце, мозг. Остальное в окружающей реальности исчезло. Этот образ стал доминирующим в его психике, и врачи поставили ему диагноз: параноидный синдром...

И всё же с ним осталось воспоминание о прекрасной и неза-

бываемой странице жизни. Потому что он любил. А на планете любви не существует возрастов, нет расстояний и исчезают все преграды.

46

Он вышел на балкон подышать свежим воздухом. Вечером начался слабый снег, покрывший грязный асфальт – декабрь оказался месяцем с ненастной и слякотной погодой. Ветви деревьев окутались тонким белым тюлем. Хотя уже было поздно, во дворе слышались фейерверки, почти все окна горели. Изредка раздавался лай собак. Затем он услышал гул самолёта, поднимавшегося на небольшой высоте над городом. Вероятно, направлялся в Москву или в Вашингтон, или в другие отдалённые уголки мира.

„Люди уезжают и уезжают, – с горечью подумал Наум. – У нас прекрасная страна, а люди оставляют насиженные места на родной земле и бросаются на поиски жизни, более достойной или красивой, в других странах. Большинство из них не вернутся на Родину. Они добровольно лишают себя святого очага, дарованного Богом. Что оставит это вселенское массовое переселение будущим поколениям? Не украдут ли наш цветущий край другие народы, вторгаясь в этот райский уголок, после отъезда последних местных коренных жителей? Как произошло с еврейским народом тысячи назад. Теперь евреи разбросаны по всему миру, а на их исконных землях пытаются укорениться другие народы. Исход за моря и пустыни, гонения, истребление, холокосты – такой была участь его еврейских предков на протяжении веков, после того, как на их земле чужеземцы распяли Сына Всевышнего. И теперь они снова уходят с насиженных мест, оттуда, где им было хорошо и где они нашли общий язык с коренными жителями. Сколько ещё евреев осталось в Бессарабии? Большинство отправляется не на Землю обетованную по другую сторону Средиземного моря, а в другое полушарие – в Канаду или Америку. В худшем случае, в Германию, где началось их истребление в современную эпоху. Почему так? Не потому ли, что земля обетованная теперь принадлежит не им? Может, она принадлежала им только в легендах, в душе, в букве Торы? Сегодня там живут другие племена, которые даже не хотят знать, что это земля еврейских предков. Претензии на неё

и террор – это то, что унаследовали сегодняшнее и завтрашнее поколения евреев от своих предков. Как легко, ох, как легко! Люди могут потерять свою страну. И как тяжело, ох, как тяжело! Приобретать её заново... И неизвестно, смогут ли бессарабцы через века вернуть себе Родину, от которой с лёгкостью отказываются сейчас?»

А он, Наум Вайнштейн, кто он на самом деле? Адвокат или писатель? Еврей или натурализованный бессарабский румын? Какой толк от его жизни? Что хорошего он взял от жизни и что дал взамен этому потерянному поколению?

Через четверть часа человечество будет измерять время с другой цифры. Один год уходит, а другой наступает. Для него, не как писателя, а как человека, годы, проведенные с Доротеей, значили очень многое. Может быть, их можно соизмерить с целой человеческой жизнью. Для неё же, как видно, они ничего не значили. Его самое большое сожаление – это понимание, что Иоанна из Брынзы никогда не поймет и не осознает, в чем её вина в отношениях с ним.

Он почувствовал, что замерзает и вернулся в дом. К его великому разочарованию, одна свеча на столе погасла, но ещё дымилась. Другая продолжала гореть. Скоро наступит Новый год. Из печального декабря он сделает первый шаг в прекрасный январь, с большими снегами и сугробами.

Он проверил электронную почту ещё раз. Но, увы... Та же вражеская тишина. Может быть, попозже она всё же вспомнит про своего ангела и напишет ему поздравление с Новым годом, искренне желая ему долгих, счастливых лет!

Часы пробили полночь по российскому времени. Прошел ещё час, прежде чем открылась новая страничка календаря. Он не открыл шампанское, он был один. «Поэт и шампанское», – отличное название романа, улыбнулся он саркастически. И вдруг слова, лёгкие и воздушные, пришли и стали выстраиваться в рифму, падали прямо на страничку электронной почты:

Ушла, ушла из моих лет,
Самая сладкая из женщин.
Ушла ли в ад ты или в рай,
«Прощай» мне так и не сказала.

Уж не знаю, как ты там – везёт иль нет,
Не вопрошаешь: жив ли я иль мёртв?
Жизнь свою ты проживаешь вновь,
Разрушив всё, что было в прошлом между нами.

Сквозь годы шли мы за руку вдвоём,
Прошли метели, бури и дожди...
Ты стала недостижимой мечтой,
Не замечаешь и не слышишь зов мой.

Знай же: пронесётся жизнь как ветер,
Как всё проходит на земле,
Но никто, нигде и больше никогда
Не будет так боготворить тебя, как я.

Когда минуты пребывания вдвоём
Мы наполняли смыслом вечным.
Ты для меня была тогда, под кроной лип,
Любимой женщиной на свете.

Когда-нибудь, порой среди ночи,
Как путник блудный искать ты станешь
Тот трепет тишины пустынной
В которой пребывали мы не раз.

Кто забывает сны свои, пинает их ногой,
Похож на птицу, что забывает свой полёт.
Он сгинет навека в приливах и отливах забвения,
Как миллионы до него в морской пучине.

Он щёлкнул по адресу, и когда виртуальный маятник нарисовал круглый чёрный кружок, а циферблат исчез, сигнализируя, что сообщение отправлено, Наум снова услышал часы.

Наступил Новый год, 200... Фейерверки и петарды освещали город. Напуганные бродячие собаки лаяли и прятались в самых тёмных углах двора.

47

Ни через день, ни через неделю, ни через месяц Доротея не ответила. Она больше не интересовалась жизнью Наума, её не трогала его боль. Воспоминания о господине адвокате были порваны на кусочки и брошены в мусорную корзину.

Она жила в новой реальности, с новыми людьми и новыми перспективами, с новыми принципами жизни. «Романтическое прошлое, чрезмерная мораль – это излюбленная территория наивных и глупых людей, лишенных желания жить полноценной жизнью», – говорила она себе, когда какое-то воспоминание пыталось пробиться к её очерстлевшему сердцу и укоряло указательным пальцем.

После романов с Хасаном и владельцем отеля полгода после прибытия в Арлингтон, Иоанна из Брынзы вернулась к Дэни. Она не собиралась привязываться к нему, и приняла его в роли временного сожителя до нового приключения.

У Дэни была семья в Румынии, но он сказал ей, что находится в процессе развода. Они жили на съемной квартире на окраине города и каждое утро ездили на работу на своих машинах. Иоанна купила компактный «Ровер», наполнив его салон множеством кукол разных цветов.

Вначале Дэни показался ей нежным и внимательным, но вскоре оказалось, что он скупердяй и придерживается тех же канонов, что и Томас. У каждого был свой бюджет, и это обычное дело на Западе между парами, живущими вместе, хотя принцип этот не очень удобен. Дэни не делал ей подарков на праздники, и даже в день рождения принёс только букет гладиолусов.

За короткое время ей стало скучно с ним, и она поняла, что даже в современном, процветающем мире есть люди без достойных качеств. Это мир, который меняет ваше видение, принципы, но всё же подразумевает расчётливую жизнь. Рассчитаны движения, жесты, улыбки. И деньги, конечно. Может быть, в первую очередь деньги.

Она искала другого мужчину. Богатого, которого смогла бы влюбить в себя и обеспечить своё будущее. На работе она была манекеном в витрине перед покупателем. Трезвость, внимание, настороженность, улыбки – живой манекен легко может достичь своей цели. На данный момент она плывёт на большом

корабле и должна довольствоваться тем, что ей предлагают на нём. Но она молода, и ей нужен настоящий мужчина, ей нужна любовь.

Всё реже и реже в её воспоминаниях всплывал образ Наума. Она теперь помнила его человеком патриархальных взглядов, неинтересных и неприемлемых для неё жизненных принципов. Тем более, что она никогда его не любила. Если в Молдове сложно жить с человеком, которого не любишь, то здесь можно жить и с шимпанзе, лишь бы он был богатым. Она обнаружила, что вокруг неё, хотя все улыбались и вели себя доброжелательно, царствуют грубая зависть, высокомерие, ненависть, лицемерие.

Будучи по натуре терпеливой, она закрылась в себе, постоянно думая, как выбраться из окружения одного мужчины. Этот мужчина каждый день заставлял её осознавать, что она обязана смириться с мыслью об его монополии на неё. Она скрывала свою привычку иметь связи одновременно с несколькими мужчинами, но мысль об этом не давала ей покоя.

Мимо отеля «Cristal» проходили сотни мужчин. Заполняя бланки, она видела, что каждый день в Вашингтон со всех стран мира приезжают инженеры, военные, бизнесмены, художники, туристы разных религиозных конфессий. И все они улыбались ей, и все приставали к ней, дав понять, что они были бы не прочь узнать её поближе.

Попадались и мужчины в её вкусе, но Доротея воздерживалась от походов, решив, что пока лучше оставаться с Дэни, который был более осмотрительным. Он всегда говорил с ней мягким голосом, был внимательным, продвинулся по службе от работника столовой до босса – руководителя бюро регистрации и, похоже, всё больше влюблялся в Доротею.

Он не упускал её из виду ни на минуту, а она продолжала мучать его молчанием. Ещё в годы своего студенчества, когда жила в общежитии, она научилась молчать и делать то, чего хотелось душе. Она помнила одноклассников, сокурсников и коллег, которых поимела и которые поимели её: Томаса, молодых парней из Брынзы, с которыми переспала еще школьницей, или во время посещений родителей. Изредка перед её глазами мелькали образы Наума, Костика, Феликса и других. Ей не нравилось, когда кто-то называл её шлюхой или whore, как называ-

ют американцы русских и других молодых женщин, приехавших из бывшего Советского Союза, но не привыкла к постоянности, которую хочет видеть в своей женщине любой мужчина.

Как-то она встретила моряка из Лос-Анджелеса и пользуюсь тем, что Дэни уехал в служебную командировку в Питсбург, провела ночь с ним в одном из гостиничных номеров. Через несколько дней, когда моряк уехал и оставил ей несколько сотен долларов в качестве оплаты, она почувствовала себя совершенно опустошенной и брошенной. Обещания, что он будет искать возможности вернуться в Арлингтон, как только отправит семью на отдых во Флориду, не успокоили её. Она очень обрадовалась возвращению Дэни, но он пригласил её в кабинет и показал на монитор. Джонатана увидела себя в объятиях моряка из Лос-Анджелеса... Она абсолютно забыла, что номера отеля оснащены видеоаппаратурой.

Разрыв был неизбежен. Но молодость не оставила её на произвол судьбы – она вскоре утешилась в объятиях турка, который уже пять лет находился в США. Он был человеком с холерическим темпераментом, и когда у него случались неприятности на работе, он обычно уходил в подвал и по полчаса спорил во весь голос со стенами. Кемаль, так его звали, не скрывал, что у него дома в Измире еще две жены, которым он отправляет деньги на воспитание и обучение своих четверых детей.

Он был инженером, имел хорошую зарплату, не был таким скупым, как Дэни, и даже покупал ей дорогие турецкие украшения. Она понимала, что драгоценности могут быть поддельными, но была рада надевать по очереди то, что дарил ей Кемаль, или то, что дарил ей в своё время Наум. Они хорошо ладили. Жили вдвоём в отеле, в роскошной комнате, за которую платил мужчина.

Когда подошло время уехать в отпуск, Кемаль предложил ей сопровождать его в Турцию с одним условием: принять ислам и надеть традиционную одежду женщин своего народа. Джонатана отклонила предложение турка.

В октябре прошел год с тех пор, как она находилась в Арлингтоне. Она отлично выполняла свои обязанности и в совершенстве овладела английским. Хозяин отеля «Cristal» продлил её трудовой договор.

Иоанна из Брынзы решила не сожительствовать больше ни с кем, а заниматься своими делами. На её счету уже накопилась солидная сумма. Ей совсем не хотелось возвращаться домой, на родину.

За год из тоски по родному краю остались лишь смутные воспоминания. Увидеть хотелось только родителей. У неё не было никакого желания думать о прошлом. Оно больше для неё ничего не значило. Здесь, в США, сколько бы разочарований не обрушивалось на неё, впереди было безопасное будущее.

Она решила заняться бизнесом самым серьезным образом. Прошла специальное обучение на управленческих курсах, и очень скоро работодатель поручил ей руководить группой сотрудников – молодых девушек, приезжающих на работу из разных стран мира. Её заработок стал значительно выше. Она могла купить квартиру в городе, чтобы привезти в Америку и родителей. Ей больше не хотелось никого видеть рядом с собой, если человек не приносил ей выгоду. У неё не было чувств, у неё не было никакой другой цели, кроме карьеры, точно так же, как у большинства людей, одержимых бизнесом на Западе, где всё измеряется деньгами.

Истинная жизнь – это материальный интерес, так она со временем сформулировала свой принцип жизни. От своего прошлого она отреклась навсегда. Её интересовало только будущее.

О Науме больше никогда не вспоминала. Даже в ночных снах для него не оставалось места. Она решила, что никогда не выйдет замуж, что у неё никогда не будет семьи, не будет своих детей. Она не любила детей – она любила мужчин. Её прошлые попытки сожительствовать с кем-то оказались пустыми иллюзиями, случайными поворотами в её биографии. У неё не было друзей, кроме коллег. Она была рада, что живёт в американском обществе, где права гарантированы, где ты можешь жить так, как тебе нравится, и где жизнь – это постоянная борьба на выживание. И выживает только тот, кто не становится жертвой глубоких и чистых чувств, мелких слабостей человеческих.

48

Осень в Молдове в том году наступила неожиданно и принесла с собой много солнца, фруктов и нового вина. Наум собирался на еврейское кладбище провести могилы родителей вместе с некоторыми из своих детей, которые еще не уехали за границу. Даты смерти родителей практически совпадали.

Согласно обычаю, в день смерти усопших, *юрцайт*¹⁸, родные приходит к могилам близких, читают «Кадиш» и зажигают свечи поминовения, *нер нешама*¹⁹. Он просил у предков совета, рассказывал о своих тревогах и заботах, и учил детей не пятнать честь усопших. Затем все поворачивались лицом к Иерусалиму²⁰ и читали молитву. Городская синагога всё ещё реставрировалась, и он позвонил раввину Менделе Якобу Шнейеру с просьбой прочесть Кадиш по мёртвым.

Наум подарил святую реликвию своей семье, старую Тору своего деда Мойше, одному из сыновей-близнецов – Айзику, который был любознательным и стремился узнать традиции еврейского народа, регулярно посещал синагогу. Он даже научился в Йом Кипур – Судный день²¹ издавать священные звуки на шофаре²². Наум, который старался делать всё, чтобы его дети никогда не забывали, что они евреи, и научились читать Тору, радовался интересу своего сына к еврейству. Возможно, он перехватит эстафету своего рода и будет с честью нести её

¹⁸ **Юрцайт** (*идиш*) – в день годовщины смерти родных первой степени (родителей, братьев, сестёр, детей) евреи приходят к могиле умершего и читают псалмы и специальные молитвы. Принято зажигать поминальную свечу и класть камешек на могилу.

¹⁹ **Нер нешама** (*иврит*) – свеча поминовения. Зажигается на могиле усопшего в его память.

²⁰ **Лицом к Иерусалиму** – молящийся еврей вне Израиля обращает лицо своё в сторону Израиля; в Израиле – в сторону Иерусалима; в Иерусалиме – в сторону Храма на Храмовой горе. Получается, что все молитвы еврейского народа обращены к Иерусалиму.

²¹ **Йом Кипур** (*иврит*) – «День искупления», «Судный день» – самый важный праздник в иудаизме – день поста, покаяния и отпущения грехов. В этот день Бог выносит вердикт человеку, оценивая его деятельность за весь прошедший год.

²² **Шофар** (*иврит*) – еврейский ритуальный инструмент из рога животного. В шофар трубят во время богослужения в синагоге на Рош-а-Шана (еврейский новый год), в Судный день и в ряде других случаев.

дальше. имея сторонника, он пытался прививать то же чувство и другим детям.

В своей квартире Наум освободил место для карты Израиля, и не упускал возможности рассказать сыновьям и дочерям, как прекрасна эта маленькая страна и какая у неё беспокойная история. Дети учились читать Тору на иврите, отмечали праздники Пурим, Песах и Хануку²³, в домах своих матерей большинство из них имели на дверях кошерные мезузы. Они следовали Kubbud av va-эм²⁴, учившему детей уважать родителей. Со временем он понял, что ему удалось сплотить всех своих десятирех детей вокруг себя, и был рад этому.

На религиозные православные праздники христиан он ходил к своим друзьям, дяде Иону и тётке Марии Ройбу из Гратиешть. Каждый раз он брал с собой одного из своих детей: или близнецов Айзика и Эстер, или Дорина, или Голду и Фрейду. Они также ходили на еврейский участок кладбища «Святой Лазарь», чтобы поклониться покинувшим этот мир евреям, на протяжении многих лет бывшими его хорошими друзьями.

Наум был общительным человеком, у него было много знакомых и друзей среди румын, русских, украинцев, гагаузов. Со всеми он встречался, советовался по разным житейским вопросам. Но самой большой радостью были для него дети, которым он всегда и во всём помогал, часто приглашал к себе и всё больше заботился о них, а они – о нём.

В последнее время состояние его здоровья ухудшилось. Его беспокоила печень, давало сбои сердце, но чаще всего его мучили депрессии. Врачи посоветовали ему избавиться от Иоанны из Брынзы, доминанты его психики, выбросить из своей головы и из своего дома всё, что вызывало напоминало о ней. Но Наум не спешил это делать. В какой-то момент он начал писать роман, возможно, лучший любовный роман из всех, которые он когда-либо написал.

²³ **Пурим** – еврейский праздник в память о спасении евреев от истребления в Древней Персии. Песах – еврейский праздник в память исхода евреев из Египта. Ханука – еврейский праздник в память очищения Храма и изгнания греков с Храмовой горы.

²⁴ **Кибуд ав ва эм** (*иврит*) – Пятая заповедь почитания отца и матери, данная Моисею на горе Синайской: «Почитай отца своего и мать твою, как повелел тебе Господь, Бог твой, чтобы продлились дни твои...»

После первых страниц он снова попал в неврологический диспансер. Вернувшись домой, он нашел пачку фотографий женщины его мечты и кошмаров, собранных дочерью Эстер, которая настаивала тут же разорвать их и сжечь. Ему потребовалось несколько дней, чтобы обнаружить, что он жил в доме с абсолютно чужим человеком, с женщиной, которую он плохо знал, и мало знал об её прошлом.

Затем он вспомнил предположение жены его друга анестезиолога Палади, что Доротея и её мать околдовали его в своих корыстных интересах. Теперь он был склонен полагать, что она была права. Девушка не была ни его женой, ни его любовницей, а скорее хитрым, циничным существом. Она спала с ним на одной кровати, заражая его отчаянием и депрессией. Она растоптала не только его любовь, но и лишила веры в завтрашний день. Наум выбросил все фотографии, как чужие ненужные вещи.

В тот же день он отнёс «Хронику», в которой были и заметки Доротеи, в Государственный архив в качестве писательской рукописи. Он оставил дома только с десяток страниц начала романа, спрятанных в нижнем ящике письменного стола.

– Сложная штука жизнь человека, – утешал Наума его друг Павел Никэ, которого он посетил в больнице. – Люди как фигуры на шахматной доске. Независимо от того, насколько умно вы играете, одно и то же движение не гарантирует ваш успех каждый раз.

– Должен признать, что это так – согласился Наум со своим хорошим другом. – Возможно, одним из моих самых больших недостатков является то, что я всегда спешил и спешу жить.

Время залечивало раны, сглаживало страдания, и постепенно его душевная боль утихла. Остались далеко позади зимние праздники, а также и 55-й февраль Наума.

Наступала весна. Зима, отживавшая последние дни, потрясла Бессарабию страшной дорожной аварией, в которой погиб национальный поэт Григоре Виеру.

Через две недели после этого Наум провёл в последний путь и своего лучшего друга Павла Никэ, скончавшегося в городской больнице от рака. После этих двух потерь, не оправившись до

конца от старых психологических травм, ему понадобилась помощь врачей, и он опять попал в больницу.

На этот раз, после лечения, Наум вернулся из больницы домой более спокойным, в ладу с собой и со своей жизнью.

Прошел год – а может и больше? – когда однажды вечером зажглась лампочка электронной почты, свет которой он так долго ждал и куда заглядывал раньше по четыре-пять раз в день. Почти забытый трепет охватил всё его существо, и он поспешил щёлкнуть по известному адресу. Прочитал короткое сухое сообщение Доротеи, но оно испускало один из самых прекрасных ароматов в мире.

«Я давно не писала тебе, может быть, слишком давно, чтобы спрашивать, могу ли я попросить тебя о помощи. Это на самом деле простая просьба. И если ты больше не держишь зла на меня... Та же самая, Доротея».

Он не мог в это поверить. Прочёл адрес еще раз, закрыл, затем снова открыл электронную почту. Это всё было правдой! Доротея послала ему сообщение.

Он не соображал, что делает. В одно мгновение написал несколько слов, которые шли откуда-то изнутри, из воспоминаний, похороненных несколько месяцев назад. Указательный палец механически нажал на отправку по адресу, откуда он так долго ждал хоть одного слова. Было далеко за полночь, но известный адрес больше не отзывался. С самыми смутными предположениями он заснул, и ворочался до зари в беспокойном сне. Когда он проснулся утром, на улице было уже светло. Первое, что пришло на ум, это снова открыть электронную почту. Ура! Сообщение пришло!

«Большое спасибо! Не знаю, поверишь ты мне или нет, но я плакала, когда прочитала твоё сообщение. Никогда не думала, что ты поможешь мне после всего, что произошло между нами. И не ожидала, что ответишь мне так быстро! Я с трудом решилась обратиться к тебе за помощью, но теперь ты моя единственная надежда. Помнишь, ты помог мне с рекомендательным письмом из отеля (я приложила его). Я думаю, у тебя остался оригинал, если ты его сохранил. Теперь мне нужно подобное письмо, которое под-

твердило бы, что я работала там. Я отправлю тебе этот готовый документ, чтобы ты его подписал. Если сможешь, конечно. Буду очень благодарна. Прости за всё хорошее и плохое. Спасибо».

На этот раз не стал перечитывать сообщение. Он встал из-за рабочего стола, походил с четверть часа по комнатам, принимая широко раскрытыми ноздрями, будто пытаюсь уловить давно забытый запах духов. Но не находил его. Записал в дневник сны, увиденные этой беспокойной ночью, изо всех сил пытаюсь найти им какое-то толкование, оправдание своего механического жеста.

Из минуты в минуту крепчала и становилась все сильнее его решимость написать ей всё, что он думал о ней, теперь, после года её молчания и столько же времени страданий, пережитых им. Он решительно сел перед компьютером и встал только после того, как закончил последнее предложение. Он был уверен, что больше ему нечего ей написать. На мгновение подумал перечитать всё, что написал, ещё раз, но тут же отказался. Он отправил письмо женщине, которую когда-то любил больше жизни и пошёл в душ.

Новое сообщение от неё пришло не более чем через полчаса.

«Как всегда, ты прав. Я понимаю, почему ты так думаешь обо мне. Но давай просто скажем, что мы оба поступили некрасиво. Что случилось, то случилось, мы не в силах вернуться назад и удалить всё плохое, что произошло между нами, как следы мела на доске. А может, нам стоит начать отношения с новой страницы? Ведь мы же можем оставаться друзьями, верно? Иоанна из Брынзы».

Смена имени взбесило его. Он ответил коротко и сухо:

«Я постараюсь получить письмо, которое тебе нужно...»

И отправил сообщение без подписи. Ему потребовалось два-три дня, чтобы окончательно решиться и забыть её навсегда. Вечером третьего дня он написал свое последнее сообщение.

«Иоанна! Поскольку я всегда был честен с тобой, и в этот раз скажу, как есть. Я обратился к своему другу Серджиу Бусуйоку, который помог мне в прошлый раз. Зная, сколько мне пришлось страдать из-за тебя, при всём его уважении ко мне, он отказался помочь. Хотя, по его словам, написать такое письмо рекомендацию было бы легко. Но он был категоричен, когда я сказал, что

в действительности он помогает тебе. Потом я сам обратился к владельцу отеля, познакомившись с ним впервые. Он любезно принял меня, но сказал, что ничего не сможет сделать, потому что в его заведении было обнаружено несколько случаев коррупции. Он, оказывается, делал нечто подобное и для других людей, которые эмигрировали в Канаду. Сейчас он под следствием, у него серьезные проблемы.

Он даже попросил меня ни в коем случае не ссылаться на него, потому что из посольства США могут нагрязнить сотрудники по уголовным делам, чтобы проверить по журналам, действительно ли человек работал в отеле. Он посоветовал никому не рассказывать, что в прошлом году он оказал тебе такую услугу, потому что это опасно не только для него. Такова ситуация с рекомендательным письмом.

Что касается предложения остаться друзьями... Доротея, ты слишком больно ударила меня своим поведением перед отъездом и после отъезда. Рана будет долго кровоточить. Ты не можешь понять, как больно ранила меня. Я не хочу, чтобы и ты испытала такое когда-нибудь. Почему ты поступила так со мной, только тебе это известно...

Я не думаю, что мне нужны объяснения. Одного желаю: никогда больше не видеть тебя в моей жизни. Это единственное, о чём я прошу. Мы могли бы оставаться на уровне общения, может быть, но я не знаю, правда, стоит ли?

Твой бывший хозяин квартиры»

Солнечные дни радовали, весна входила в свои права. Ивы пустили почки, тут и там раскрывались первые цветы абрикосовых деревьев. Казалось, время готовило его к новому циклу жизни.

«Все преходяще на этой земле, – думал Наум. – Я должен стереть её из памяти. Это будет сложно, но это необходимо. Для меня Доротея умерла. Для мира пусть живёт вечно...»

* * *

После двух лет в Америке, вернулся домой Ицик Мазик. Вернулся навсегда вместе с женой. Он пришел к Науму, одетый как принц, в сопровождении Хоны, столь же элегантно одетой. Он больше не держал ее за руку, и при этом у Хоны уже не было тех мутных глаз с потерянным и беспокойным взглядом.

– Почему ты навсегда не поселился там, брат? – спросил удивлённый Наум.

– В Майами я не нашёл своего места, Наум. В Майами-Бич привлекается так много молодых людей. И молодых девушек. Я смотрел на них и... умирал. Только глазами своими я смотрел на них и провожал взглядом. А владелец пляжа обвинил меня в том, что я совершаю сексуальное домогательство посредством своего поведения. Как тебе это нравится, ха? Но Хона мой свидетель – да спасёт и да простит меня Всевышний! Я умею только играть на скрипке, и всё! А там, в Америке, нет молдаван, которые устраивают крестины, свадьбы, хоронят мёртвых с музыкой! Там я никто, а тут – я Ицик Мазик!

– Я тоже страдала в Майами от сексуальных домогательств. Мужчины ели меня глазами, – вставила Хона, поправляя парик.

Ицик потянул её за рукав, чтобы она замолчала. Хона слегка улыбнулась, но больше не проронила ни слова.

– А где твоя скрипка?

– Мне пришлось её продать, чтобы избежать судебного процесса. Продам

скрипку, можно сказать, за копейки...

– Жаль, – искренне вздохнул Наум. – Обязательно купи другую, Ицик, потому что здесь, в Молдове, скрипки звучат красиво.

– Ты мне это говоришь? Я скрипач из рода скрипачей, разве ты не знаешь? Вот здесь, в Молдавии, и люди как люди, и скрипки как скрипки. Там, мой друг, среди людей нет человечности! Даже кладбища не такие, как у нас. Да, кстати, ты добился чего-то с той стеной?

– Добился, друг мой Ицик. Мне удалось...

Опрокинув стопку любимого коньяка «Кэлэрашь», Ицик сделал движение, будто пристраивает скрипку под подбородком, но тут же с сожалением опустил руку и возобновил разговор на главную тему, волновавшую обоих супругов:

– Если бы мы остались в Майами еще на одно лето, я мог бы потерять мою Хону! Сексуальных домогательств, как в Америке, я не видел никогда и нигде ранее, сколько живу на этом свете! И потом, даже если я и смотрел на молодых девушек с разрешения Хоны, я делал это только глазами! Потому что, как говорится, дождевой червь больше не служит мне.

49

Иоанна из Брынзы находилась в США уже десятый год. Она разбогатела, купила отель в Детройте. От хорошей и сытой жизни сильно поправилась. Её глаза были залиты жиром, а фигура превратилась в яблоко. Она приехала навестить родителей, которые в последнее время часто болели. У неё было много работы в Детройте – был в разгаре летний сезон, но она оставила всё и вырвалась в Молдову на короткое время.

По соседству не осталось никого из тех, кто знал её, – кто уехал в другие города и страны на учёбу, кто работал за границей. А ровесники её родителей почти все ушли на тот свет.

Была весна, цвели акации, и у калитки родительского дома, где горела единственная лампочка в деревне, распространялся опьяняющий запах цветущих деревьев.

О том, что Доротея приехала навестить родителей, Наум узнал от своих детей. Но он не захотел её видеть. Едва заметный нервный тик пронзил левую сторону его лица от подбородка до макушки. Чтобы дети не увидели его дрожащих плечей, он вышел на улицу и направился к троллейбусной остановке, откуда много лет назад следил за ней, за женщиной, которую любил больше жизни.

Десять лет подряд зимние вьюги серебрили его виски, весенние ветры накрывали его воспоминания лепестками цветущих вишнёвых и яблоневых деревьев, цветами лип и акаций. Жаркие дни лета растапливали понемногу печаль и грусть, которые всё ещё бередили его раны, оставленные той яркой, но фальшивой любовью, с тех пор закрывшей доступ к его душе всем женщинам мира – и молодым, и такого же возраста, как и он.

Только осень безрассудной цветовой палитрой утешала его ностальгию и манила сесть за письменный стол. За эти десять лет он написал два романа и несколько коротких новелл. В трудные для писателей и издателей времена увидели свет пять его книг. И только один роман, начатый поздней осенью, смиренно лежал в последнем ящике его письменного стола, ожидая своего продолжения или конца.

В октябре каждого года автор романа, лучший писатель среди юристов и лучший юрист среди писателей, достаёт из ящика пятьдесят-шестьдесят исписанных страниц, стирает с них пыль,

пытается дополнить текст ещё несколькими предложениями, и... не может. И так из года в год.

Когда он склоняется ниже над белой бумагой, невидимый смычок касается первой струны его души, издаёт сладкий и горький звук, а когда ноты начинают звучать фальшиво и царапают его чувства, он снова прячет их в нижний ящик рабочего стола до следующего октября. Когда закончит этот роман, он и сам не знает. И закончит ли его когда-нибудь тоже не знает.

Айзик, Эстер, Дорин, Голда и Фрейда, не сказав отцу, поехали к Доротее в деревню на берегу Прута. Они хотели увидеть её, понять, почему их отец, услышав её имя, вздрагивает и запрещает им вспоминать о ней. Может быть, им повезёт поговорить с ней, открыть хоть один секретный замок от тайн, которые их отец не хочет раскрывать. Они даже взяли с собой диктофон, фотоаппарат, и надеялись своим поступком удивить не только своего отца, но и ту женщину, которую он страстно любил, насколько они знали от старших братьев и сестер.

Был тёмный вечер с облачным небом. У синей калитки дома из красного кирпича стоял чёрный лимузин. На их зов вышла маленькая, полная женщина с широким лицом. На руках и на шее у неё были дорогие, массивные украшения, блестевшие в свете лампочки над воротами. При малейшем движении хозяйки они играли и блестели, будто в руках клоуна. Её длинные волосы падали в беспорядке на плечи и на костюм синего цвета.

Она смотрела на них с удивлением и страхом, как будто они пришли арестовать или ограбить её. Видно было, что она не рада появлению этой пятёрки в воротах. Но девушки смотрели на неё с улыбкой, будто призывая её спросить, откуда они приехали и чьи они дети.

Вперёд вышел Айзик, старший из них, вылитый отец в юности. Из рассказов отца он знал почти всё о их любви, и теперь хотел выяснить, в чём достоинства этой женщины, которая заставила их отца так страдать в пожилом возрасте. В отличие от других, он приблизился к ней и посмотрел так, словно хотел проникнуть в душу. Как ни старался Айзик, он не смог найти в этой женщине ничего необыкновенного и особенного. Её залитое жиром лицо было равнодушным и холодным. Он хотел спросить её о многом, но воздержался, будучи уверенным, что она не настро-

ена на диалог или на воспоминания, и позволил тишине и далее доминировать между ними.

И вдруг женщина вздрогнула – как видно, она догадалась, кто эти молодые люди и почему они решили посетить её. Она провела руками по волосам и скрестила руки на груди.

– Добрый вечер, дети, – сказала она дрожащим голосом.

– Вы – Доротея?

– Тётя Иоанна?

Она не отозвалась ни на одно из имён. Взглянула на дом из красного кирпича, затем снова измерила взглядом незваных гостей, поднесла руку ко рту и сухо кашлянула, приводя в нужную тональность осевший от волнения голос.

– Я приехала домой, – сказала она, вместо ответа на вопросы детей, разрушив неловкую паузу. – Мои родители умирают и...

Она дала понять им знаком руки, что спешит войти в дом, откуда слышался голос больного человека, зовущего её.

– Нам уйти? – спросил Айзик. – И поскольку не мог дожждаться ответа, он задал ещё один вопрос. – Вы хоть иногда вспоминаете нашего отца?

Женщина в воротах поняла вопрос как предупреждение и оскорбление. Ей показалось, что эти дерзкие молодые люди пришли отчитывать её за далекое прошлое, за которое она не испытывала никаких мук совести и никакой вины.

Она покачала головой и посмотрела на них с укоризной.

Айзик заставил сестёр и брата сесть в машину. Не было никакого смысла оставаться у синих ворот этого дома со стенами из красного кирпича, где стояла растрёпанная женщина.

«Да, – подумалось Айзику. – Возможно, в жизни ей было легче оставаться стервой, чем найти способ вести диалог с отцом, продолжать простое человеческое общение после того, как они навсегда расстались. Наверное, она была настоящей потаскухой, и цели у неё были порочные. Хотя я не имею права осуждать её. Она поступила так, как считала нужным, как сердце ей подсказало. И я уверен, что она никогда не поймёт, какой бедой обернулась для моего отца любовь к ней. Никогда!»

Она не смогла понять мужчину, который полюбил её, и любил больше жизни, но ей не нужна была такая любовь. Она не любила и никогда не сможет так любить. Она не хочет вспоминать при-

ятные моменты с мужчиной, который был готов отдать жизнь за неё. Эта любовь ей никогда не была нужна. Для неё это время, которое нужно предать забвению. Не зря она однажды написала отцу: «Если тебе трудно вспоминать годы, проведенные со мной, удали их из памяти! Забудь о них! Тебе станет легче». Это были её последние слова, написанные когда-то его отцу.

И Айзик понял, почему отец тогда почувствовал, что это существо из пословицы «Пригрел змею на своей груди». Она жестоко уничтожила не только его любовь, но и его доверие к людям.

С этими мыслями, глядя на её приземистую фигуру, похожую на памятник из глины, Айзик сел в машину.

– Что можно требовать с человека, у которого умерла душа? – сказал он сидевшим в машине, и бросил последний взгляд на женщину, державшуюся рукой за забор.

В глазах Иоанны как будто зажглось несколько искр воспоминаний, но уже было поздно. Айзик резко закрыл дверь автомобиля, запустил двигатель, и именно тогда он и остальные услышали упрёк, смысл и значение которого не поняли:

– Господа! В жизни нельзя руководствоваться прошлым. Человек поступает правильно, только когда думает о будущем!

На улицах Брынзы стало совсем темно. Бродячие псы выли о деревенской нищете и опустошении. У синей калитки продолжала стоять женщина, похожая на лист, который порхает в воздухе в поисках веселья и новых приключений. Казалось, этот лист преуспел в этом.

* * *

Неверно полагать, что все люди, независимо от цвета глаз и волос, одинаковы, что все испытывают одни и те же чувства. У жизни свои метаморфозы. Некоторые живут как материалисты, не оставляя за собой никаких следов.

Но как насчёт утверждения, что любовь – не выдумка поэтов? Что она не признаёт ни границ, ни возрастных различий?

Это утверждение, которое не может обобщать вещи. Есть уникальные случаи, редко встречающиеся. Может быть, так редко, что люди сразу же увековечивают их в красивых балладах, чтобы порадовать грядущие поколения. В данном случае, однако, это была не баллада, а трагедия.

50

Наум пережил драму. Природа, однако, не терпит пустоты. Внезапно перед его глазами, как наяву, появилась давняя картина, которую он видел, когда однажды посетил еврейское кладбище в Теленештах. Там отдыхали вечным сном его бабушка и дедушка.

Кладбище было заброшено, плиты смещены – очевидно, там давно не ступала еврейская нога. Тем не менее, он был приятно удивлён, когда увидел, что из нескольких могил растут молодые сливовые деревья, поднимавшие ветви с плодами к солнцу. Был июль, и фрукты начали созревать. Янтарного цвета, они были похожи на люстры с горящими свечами.

А над Бессарабией продолжали свирепствовать ветры. «Доколе, Господи?» – спросил еврей Наум Вайнштейн и перекрестился по-христиански.

САМАЯ ПЕЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ЛЮБВИ

*«И все ж до слез люблю я жизнь...»
(Строки из одной песни)*

После очередного развода уже со своей второй женой, Санду Аиленей, получил сомнительную репутацию среди знакомых и родственников. Пока не устал строить замки из песка, он попытался вновь создать семью. Хорошие девушки давно были замужем. А те, с которыми он встречался в настоящее время, создавали ему лишь новые проблемы. Только решился покончить с холостяцкой жизнью, как невеста заразила его венерической болезнью. Вылечившись, решил никогда уже больше не жениться, как дед Исидор, который, после того, как умерла его жена, более 50 лет жил в одиночестве.

Итак, он решил прожить холостяком до конца своих дней.

Отремонтировал двухкомнатную квартиру в районе вокзала, купил себе старенький автомобиль «Рено», стал опекуном сына от первой жены. Если получал сообщения от экономических

агентов с предупреждением о погашении своих долгов, старался тут же оплатить все по счетам, оставляя кое-что из своих средств и для мальчика. Десятилетний сыночек был рыжим и веснушчатым, как и он сам. Знакомые, увидев их вместе, волей-неволей улыбались, находя между ними абсолютное сходство.

У него был брат, инженер, хороший семьянин, последователь «Свидетелей Иеговы», но Санду не так часто встречался с ним. Его жена всегда относилась к нему холодно, отстраненно. Бывало, когда заходил к ним в гости, она могла не ответить даже на приветствие. Необъяснимое поведение золовки, особенно после того, как он развелся с женой, добавило ему комплексов. По субботам и воскресеньям в основном оставался дома, находя утешение в чтении...

Особой его заботой были родители, которые жили в провинции и нуждались в его поддержке. Помогал им деньгами, покупал дрова на зиму, менял баллоны с газом для приготовления еды. По этой причине очень часто приезжал в Иняску. Зимой ходил в Стэникский лес со своими односельчанами на охоту. Охотники знали его мастерство и зоркость глаза, хваля его двустольный «Wenchester». Санду мог легко сбить с дальнего расстояния оленя, барсука или дикого кабана. К концу дня, останавливаясь на привал у Хыртопского илистого холма, продырявленного клювами степных птиц, они жарили шашлыки и делили добычу.

Будучи холостяком на протяжении двух лет, привык сам стирать свои вещи, готовить, держать дом в порядке, находя, что заниматься домашним хозяйством не так уж трудно. Это даже ему нравилось. Никак не мог понять, почему жены ссорятся с мужьями, обвиняя их в том, что они превращают женщин в своих горничных, рабынь для работы по хозяйству. Он был убежден, что это не более чем повод для семейных склок.

На работе он старался быть корректным, с женщинами лубезным, избегал взяточничества, сохраняя репутацию честного человека и часто производя большой переполох в учреждениях, где проверял финансовую деятельность. На чистую воду вывел многих чиновников, не друживших с законом, которые были привлечены к ответственности и даже осуждены. Случилось так, что кроме немногих друзей, которые у него были, приобрел себе и немало врагов...

Долгими вечерами получал анонимные телефонные угро-

зы, не имея какой-либо защиты со стороны властей. Одно время ложился и просыпался в страхе, но со временем переборол свой страх, и его даже забавляло, когда звонил кто-то из бывших чиновников, угрожая ему смертью. Наблюдал, как за забором их двора строил себе настоящий дворец один из представителей власти имущих, связанный с преступным миром. Позже, когда дом был готов, напрягая зрение, до боли всматривался в его окна, в которых из-за тяжелых черных штор никогда не было видно света...

Вместе с братом и родителями ходил в церковь по субботам и воскресеньям, иногда читал Библию, убежденный в том, что Бог его защитит и убережет от всего несправедного. Знакомые восхищались его вежливостью и вниманием, с которым он относился к ним, помогая по хозяйству пожилым соседям, часто отвозя их на своей машине в поликлинику. Всем не давало покоя любопытство, есть ли у этого прекрасного человека женщина. На самом деле, иногда он бывал в гостях у одной вдовы, жены бывшего районного чиновника, но делал это в основном по мужской физиологической необходимости, чем по большому чувству.

Однажды холодным ноябрьским вечером, под завывания ветра и начинающийся ранний снегопад, Санду возвращался уставшим из командировки. На дороге возле заправки ему помахала рукой женщина, прося остановить машину. Он обычно не брал пассажиров, но на этот раз сжалился, увидев покрасневшее от мороза лицо женщины. Женщина села на заднее сиденье, и он мог наблюдать за ней в зеркало, как она потирает руки, дует в них, отогреваясь от холода. От нее пахло весенними цветочными духами, она сбросила капюшон кожаного пальто и, к его удивлению, на ее грудь легла толстая, длинная коса. Женщины в возрасте 30 лет и старше (столько, казалось, было лет и его пассажирке) не очень любят носить такие косы...

Когда их глаза встретились в зеркале, она загадочно улыбнулась. Он как будто видел эту улыбку где-то. Да, конечно, он видел. Это была улыбка Моны Лизы Леонардо да Винчи. Аромат весны и свежих трав окутал вдруг все его существо, заставляя трепетать его душу. Она молчала и лишь изредка смотрела на него, обращая взгляд своих восхитительных глаз к зеркалу над головой хозяйки на машины.

– Холодно нынче, – попытался завести разговор водитель. – Похоже, у вас нет своего транспорта, если вы очутились на дороге в это позднее время?

– Мой муж не страдает от страсти к автомобилям, и я вынуждена добираться на автобусах, или пользуясь случайным транспортом.

– Наверное, и с деньгами проблемы?

– Это верно. Двое детей, строим дом. Покупку автомобиля откладываем до лучших времен...

– А если муж не страдает страстью к технике? – допытывался мужчина.

– Я буду вести машину, – ответила, уверенная в своих силах женщина. – Главное иметь автомобиль, а водитель найдется!

– Проживаете в городе?

– Нет, – тихо ответила женщина, тая в комфортной обстановке салона. – Мы живем в Колонице, а в городе я работаю медсестрой. – И, помедлив, она объяснила, что сегодня едет на работу в ночную смену.

– И муж не боится отпускать вас одну, ночью, в дорогу?

– Он не ревнивый. Главное для него, чтобы я зарабатывала деньги. А из Колоницы до Кишинева совсем недолго добираться.

– Это хороший муж, – оценивающе сказал Санду, вспоминая двух своих ревнивых жен.

– Замечательный! Куда положишь, там и лежит, – неувлимо улыбнулась женщина. – Он работает в сельпо и нянчится с детьми. Остальное в хозяйстве – все на мне!

– Если бы у вас была машина, все бы легче было.

– Так найду любовника с лимузином, – рассмеялась она тихо тем же приятным голосом. – И он будет возить меня на работу и привозить с работы домой.

– Можете быть спокойны. Считайте, что вы его уже встретили, – осмелел Санду, пытаясь поймать ее взгляд в зеркале автомобиля.

– Желаете стать моим личным водителем? – спросила женщина.

– Для такой королевы, да с таким райским голосом не грех принести в жертву и свою жизнь ...

– Ах, ах, ах! Какие крылатые слова! А жена не ревнует вас? – пыталась узнать женщина, не издевается ли водитель над ней

такими насмешливыми заявлениями несовершеннолетнего.

– У меня нет жены...

– Обычная история! – улыбнулась молодая женщина. – В дороге все мужчины не женаты!

Они въехали в город. Машина резко затормозила у первого светофора, их глаза опять встретились в прямоугольнике зеркала. Она была настоящей красавицей. Румяные губы, растянувшись в улыбке, обнажали белые здоровые зубы. Санду поехал, когда зажегся зеленый свет, добавляя, на этот раз на более серьезной ноте: – У вас есть возможность убедиться, что общаетесь с человеком, действительно разведенным. Меня зовут Санду.

– Маргарита, – представилась женщина. – Хотя, некоторые называют меня Марга ... Но это имя мне не нравится, это несколько смешно... Когда-то была певица Гиги Марга!

Санду довез ее до входа в больницу, освещенного фонарями. Выйдя из машины, она, поддерживая ручку железных ворот, охраняемых двумя высокими тополями, решила сообщить:

– Моя основная работа – стоматологическая поликлиника, а здесь я дежурю каждую третью ночь по совместительству. В строящемся доме нужно вкладывать большие средства... Запишите мои координаты, если хотите.

У него под рукой не оказалось бумаги, и он записал номер телефона на спичечном коробке, который тут же бросил в бардачок. С минуту наслаждался элегантной походкой женщины, направляющейся к старому многоэтажному зданию из красного кирпича, грустно вздохнул ей вслед, и нажал на педаль газа ...

С того вечера прошел месяц. Облик женщины с красивой косой не уходил из его памяти. Но служебные дела обязывали его ездить по командировкам, и его личная жизнь продолжала оставаться на втором плане. Спичечный коробок, будто специально не попадался ему на глаза. Но однажды он все же задумал найти Маргариту. Решил искать ее в стоматологической поликлинике, где она сказала, работает. Потом несколько вечеров подряд катался по участку дороги, соединяющему бензоколонку, где он подобрал ее в тот вечер, с городом. Но все было тщетно. Уже решил было искать ее в Колонице, но сдержал свое намерение, успокаивая себя мыслью, что женщины его не очень любили, чаще он к ним приставал, будто вымаливая у них любовь к себе. Уже готов был согласиться с

трусливой мыслью, пусть будет так: лучше быть неудачником, чем надоедливый. Стало быть, поднял руки и сдался перед красивой женщиной с длинной косой и с божественной улыбкой, образ которой месяц держал его в плену странного и сладкого волнения.

Одно время, казалось, совсем забыл о ней.

* * *

Но вот однажды, занимаясь уборкой в салоне машины, Санду случайно наткнулся на этот коробок с номером ее телефона. Счастливый как ребенок тому, что нашел нить забытых воспоминаний, через мгновение на другом конце провода услышал в ответ бархатистый голос той женщины.

– Обошел все больницы города, но не нашел тебя, – начал он разговор, будто оправдываясь.

– Наша поликлиника обслуживает высокопоставленных лиц и не включена в официальные справочники, – объяснила она, улыбаясь, когда они вновь оказались в машине.

На Маргарите было надето фиолетовое платье с белым воротничком, а ее длинная черная коса свисала через правое плечо. Она выглядела еще чудеснее. Ее сверкающие глаза горели необузданной страстью. На щеках пылал румянец, в котором будто отражался цвет ткани ее платья. Все это ей очень шло и делало ее еще привлекательнее.

Подбросил ее до Колоницы, она вышла совсем рядом с домом. Дом был в два уровня, из белого кирпича, незавершенной постройки. Это было живописное место на высоте, откуда можно было видеть большой город и снежные равнины, над которыми слышалось карканье летящих ворон.

– Я бы пригласила вас в дом, но... вы, мужчины, хоть и не показываете своего истинного лица, всегда требовательны к нам и ревнивы.

– Увидимся завтра?

– Конечная остановка «Ребряну». Оттуда, как правило, сажусь на троллейбус.

– В восемь часов будет нормально?

– В восемь с четвертью, – уточнила Маргарита.

Санду делал все возможное, чтобы утром встречать Маргариту, а вечером провожать ее домой. Ему доставляло большое удовольствие

слушать, как она рассказывает о своих заботах, любоваться алым румянцем, играющим на ее щеках, очаровательными длинными волосами. Казалось, что все вокруг завидуют ему. Когда их взгляды встречались, он краснел как подросток на первом свидании.

Иногда она приходила в белом халате под пальто и в салоне автомобиля снимала его. В то время, когда на улице трещали морозы, в его мирок, казалось, приходила настоящая весна с ее свежестью и запахом цветов. В другой раз, такие отношения с женщинами мгновенно заканчивались постелью... А с Маргаритой все было по-другому, только через пару месяцев мне удалось однажды вечером поцеловать ей руку. Тогда же я подарил ей букет тюльпанов. Был День Святого Валентина.

– Почему никогда не садишься рядом со мной на переднее сиденье?

– Чтобы не цеплять лобовое стекло, – пошутила она.

Через несколько дней Санду встретил ее с тонированными стеклами. Теперь Маргарите было удобно сидеть с ним рядом. И он дрожащими руками гладил ее шелковистые волосы, вдыхая их приятный запах и пытаясь поцеловать ее.

– Как сладко...

– Руки, водитель! – произнесла она своим детским голосом, притворяясь, что не замечает его эмоций.

С тех пор как встретил ее, Санду забыл о жене бывшего го-счиновника. Дни и ночи жил в таинственном, чудесном ожидании. Казалось, они вместе стали строить сказочный дом, куда поселятся только вдвоем, как закончат строительство. Пока его непрочные стены были не достроены, Санду боялся сдвинуться с места, чтобы дом не развалился. «Это женщина моей мечты, – твердил он себе постоянно. – Та, которую я искал всю жизнь. Она та, кто ищет меня. Как жаль, что она принадлежит другому. Но какой другой мужчина в мире не хотел бы оказаться на моем месте сейчас?..» Вскоре он стал замечать, что и Маргарита чувствовала себя комфортно рядом с ним, все больше радовалась при встрече. Всегда искренне и беззаботно улыбалась, хотя повседневные проблемы не давали ей расслабиться, и каждый раз при расставании благодарила его за помощь. Эта игра во влюбленных подростков длилась почти полгода, когда, в конце марта, во второй половине дня, Маргарита

позвонила ему по домашнему телефону и попросила приехать к ней в поликлинику.

– Сегодня день рождения моей подруги. Хочется выпить шампанского, славный, милый извозчик!

Медсестры оказались веселыми молодыми женщинами, любительницами анекдотов и шампанского. Только Маргарита казалась более сдержанной, больше слушала то, что они говорили, и смотрела с гордостью то на Санду, то на своих коллег, наслаждаясь компанией. Санду стеснялся, краснел, у него вспотел лоб и виски, но глаза блестели от счастья, когда он ловил взгляды Маргариты. Она, в своем белоснежном халате, прижалась к его плечу. А он все продолжал краснеть: стали красными лицо, покрытое веснушками, уши, шея. Будто не был ни разу в жизни женат и не знал никогда других женщин.

– Вот и нашла свое счастье наша Марга! Настоящий жених! – сказала одна женщина.

– Катает ее утром и вечером! – отозвалась другая.

– Это мечта каждой из нас, всем нам хотелось бы иметь такого извозчика!

После вечеринки Маргарита предложила познакомить его со своей сестрой Аделиной, женщиной его возраста, не менее очаровательной, с такой же длинной, но не настолько густой косой.

Сестра ждала их с шампанским и вкусным ужином. Только тут он разгадал сюрприз – на самом деле день рождения был не только у коллеги Маргариты, но и у Аделины. Сразу понял, что сестра моралистка, пуританского воспитания, ибо с порогаглянула на них подозрительно, говоря:

– Смотрите! Если узнает Иссая, сестру никто не сможет спасти!.. Вечер был счастливым для обоих. Маргарита была в хорошем настроении и чувствовала себя раскованнее, чем обычно. Когда подъезжали к ее троллейбусной остановке, она вдруг погладила нежно его по плечу, сказав своим сладким голосом:

– Вы совсем негостеприимный, милый извозчик!

– Почему? – удивился Санду.

– Совершаете погрешность за погрешностью своим неестественным поведением.

– В чем же я провинился, моя прекрасная леди?

– Вы ни разу не предложили посетить вашу берлогу, так как это делают влюбленные мужчины...

Санду догадался, что наступил его звездный час. С легкостью и выработанным годами умением, водил автомобиль по довольно узким улочкам, и вскоре машина въехала в старый двор с такими же немолодыми черешневыми деревьями. Квартира Санду удивила Маргариту своей чистотой и порядком, царившим в двух комнатах. Только на кухне чувствовалось долгое отсутствие женских рук. Она, не стесняясь, засучила рукава, навела порядок на кухне, и, наконец, произнесла весело, со своим обычным выражением лица девчонки-сорванца:

– С сегодняшнего дня обещаю быть министром культуры вашей берлоги, господин Санду!.. Милый мой извозчик!..

* * *

Самыми мучительными были выходные дни, которые Маргарита должна была проводить со своей семьей. В обычные же дни они встречались во время обеденного перерыва. Санду всегда ждал ее с вкусным обедом, он научился хорошо готовить сам, так как давно уже жил один. Она прибегала, запыхавшись, стараясь меньше попадаться на глаза соседям, и с нетерпением бросалась в его объятия. Но от тети Веры, доброй, но болезненной женщины, коротавшей свои дни на лавочке возле подъезда дома Санду, мало кому удавалось спрятаться. Маргарита стала с ней здороваться, интересоваться ее болезнями, и они подружились.

– Молода она для тебя, мальчик мой – сказала ему однажды старуха. – И слишком хороша! Ни один мужчина не проходит безразлично мимо Маргариты... Сосед напротив, из своего замка всегда засматривается на нее. Иногда на корточках выглядывает из-за штор, когда вы появляетесь во дворе...

Санду застенялся, одновременно чувствуя себя польщенным. Эта пожилая женщина ни разу не позволяла себе говорить что-то подобное ни об одной из женщин, которых он приводил раньше.

Вскоре Санду и Маргарита стали встречаться и вечерами. Они любили друг друга страстно, после бурных встреч с трудом удавалось добираться вовремя до станции, откуда Маргарита долж-

на была ехать до Колоницы. По утрам, ожидая ее, наблюдал за лицами старух, продающих жареные семечки.

Однажды, когда он хотел купить семечки, одна из них с вязаным шерстяным платком, сделала ему комплимент:

– Она очень красивая, но слишком много мужчин приударяют за ней... И она бесстрашная. Когда вас нет по утрам, она садится в любой автомобиль... Берегитесь, так недалеко и до беды ...

Он не обратил внимания на слова старушки. Против большой и яркой любви испокон веков злословят завистники, подумал он. Маргарита вновь и вновь покоряла его чистейшей искренностью. Так прошли зима, весна...

Наступило лето. Маргарита предложила поехать на море втроем: он, она и ее сестра Аделина. Отдохнули по-царски на «Вилле Эминеску» в Румынии. Аделина примирилась с мыслью, что сестра находится под защитой истинного джентльмена: галантного, обходительного, с автомобилем и при деньгах... Они вернулись в город загорелые, полные впечатлений, продолжая строить свой сказочный замок. Теперь уже виделись почти каждый день, так как Маргарита все чаще прибегала к его помощи: то надо было подбросить ее в хозяйственный магазин, где продавались стройматериалы, то к мастеру, который должен был отштукатурить ее дом, и он изо всех сил старался удовлетворять любое ее желание. У него начались проблемы на работе, но его начальник был понимающим человеком и часто входил в его положение. Однажды она попросила отвезти ее мать из больницы домой в деревню на берегу Рэута. С задумчивой старухой, укутанной в старую шаль мы молча ехали около часа. На прощание она сказала:

– Вы хороший человек, но связались с замужней женщиной. Если поломаете ей жизнь, я вас обоих оставлю без волос на голове! Не смотрите, что я старая! В ярости во мне столько злобы, что ни один прокурор не спасет!..

Санду остался ошеломленным. В последнее время и без этих слов его мучала тревога, когда вспоминал, что у Маргариты, кроме счастливых совместных моментов, есть своя жизнь, семья, дети.

– Давай кнут, держи кнут! – увещевала она его словами из песни, если он пытался узнать, что она будут делать, оказавшись втроем лицом к лицу с ее мужем. – И у нас есть право на счастье, Санду. На маленькое счастье, даже если крадем его. Такова моло-

дость, не безупречна она... Если бы не ты, твоя помощь, мои глаза не высохали бы от слез...

Ее проблемы, связанные со строительством дома, стали и его проблемами. Он возил ее по различным торговым точкам, чтобы приобретать все необходимое для дома. Когда должна была расплачиваться за покупки, Маргарита, будто смущаясь, доставала деньги, чтобы через некоторое время сказать, как будто оправдываясь:

– Деньги зарабатываются трудом. И со страхом иногда... Где царствует интерес денег, там недалеко и до преступления...

– И сколько будешь так работать, как пчелка, дорогая моя?

– Ничего! Я не забываю и о душе, – превращала она все в шутку. – Давай, ямщик, гони фазтон ко дворцу нашего счастья! Ведь только там ждет меня кресло министра культуры!

Этот вызов опять приводил их в дом Санду, где хотя бы на несколько мгновений они погружались в бездну страстей, забыв о потрясениях дня прошедшего...

* * *

Летом следующего года они снова втроем с ее сестрой Аделиной отдыхали две недели на Слэникских источниках. Сестра предпочитала вязать свитера из ангорской шерсти, беседуя с женщинами, приехавшими на отдых. Прохладными вечерами Санду и Маргарите нравилось бродить по лесистых холмах, до поздней ночи считать звезды на небе, гулять по тропинкам, полным очарования и тайн. Они полюбили коттедж, в котором их поселили. Здесь никто им не мешал наслаждаться своей любовью. Было тихо и спокойно, в отличие от города, где на каждом шагу можно услышать ругающихся людей, где среди бела дня можно встретить пьяных. Остерегайтесь глаза мира суетного рядом с цветущими магнолиями! Они решились купаться голышом в пенистой воде ручья, берущего начало в верхней части горы. Через несколько дней их кожа стала шоколадного цвета. Мир этих двоих был изолирован в пространстве, где ни что не зависело ни от кого-либо, только от Бога. Сестра Аделина познакомилась с интересной собеседницей и не была им в тягость.

Маргарита часто расплетала свои вьющиеся волосы, купаясь в водах Слэники и привлекая взгляды всех отдыхающих. Она улыбалась и веселилась вместе с Санду, если какой-то иностран-

ный турист приближался и пытался снять ее на камеру. Ее не интересовало чье-либо мнение, она не боялась ничьих глаз... Натянет быстро платье на себя и как всегда придумает что-то, резвясь как ребенок. В гостиничном номере она раздевалась догола и импровизировала танцы с элементами стриптиза, увиденные вечерами в местных барах. Прodelывая такие движения перед зеркалом, от которых Санду все больше и больше возбуждался. И она, то веселая, то грустная, говорила с нежностью:

– Как жаль, что счастье скоро закончится, и я снова вернусь к своим старым заботам. – И, бросившись, как львица на кровать, начинала его ласкать, приговаривая: «Бери кнут, ямщик, и вези меня в ночь...».

Вернувшись из поездки, у Санду накопилось много работы, и они не виделись неделю.

Случайно он встретил ее в воскресенье в одном из городских парков. Маргарита держала за руки мальчика и девочку помладше. Муж шел за ними, тонкий высокий мужчина, с начинающей лысеть макушкой. Заметив его, она прошла как проходила бы мимо незнакомца, сохраняя серьезное выражение лица и безразличие. Отдаляясь, Санду долго смотрел им вслед, не выдав себя ничем.

Они были хорошей парой. Маргарита, казалось, держала своего мужа на расстоянии. Он пытался что-то сказать ей, а она как будто не слышала его, будучи совершенно озабочена детьми, которые шли спокойно за руку с родителями. Случайно, она поймала его взгляды и незаметно для мужа бросила на него обеспокоенный взгляд, в котором чувствовалась опасность, давая ему понять, что он должен исчезнуть оттуда...

– Семья – это святое, дорогой мой! – попыталась она упрекнуть его, когда они встретились на следующий день. – Наша любовь только генератор, стимул для того, чтобы семья стала еще крепче. Давай договоримся: если случайно встретишь меня с семьей, держись от меня и от моей семьи как можно дальше... А когда тебе меня не хватает, и ты очень скучаешь по мне – пожалуйста! – И она достала из сумочки фотографию в рамке.

С того дня Маргарита постоянно смотрела на него с прикро-ватной тумбочки рядом с широким окном спальни, где они вдвоем проводили столько чудесных мгновений.

* * *

После этой встречи Санду решил проверить, действительно ли искренна и прочна их любовь. Он решил исчезнуть. Уехал, не предупредив ее, в командировку в портовый город.

Почти месяц наводил страх своими ревизионными рейдами среди экономических агентов. Раскрыл много уклонений от уплаты налогов, давая следственным органам возможность производить массовые аресты среди высокопоставленных чиновников. О его служебных подвигах сообщалось в средствах массовой информации.

Маргарита узнала об этом к концу месяца, сидя как-то вечером с семьей у телевизора. Она опять с горечью подумала, что там, где балом правят деньги, последствия могут быть непредсказуемыми. Дикая тоска стала сжигать ее сердце и не хватало терпения дождаться встречи с ним, упрекнуть его в исчезновении, снова быть счастливой. Встретившись вновь через полтора месяца, исцеловала его всего, а после того как страсти улеглись, она промолвила с грустью:

– Я не знаю, хорошо ли ты поступил. Государство не так уж много и выиграло, а что же с осужденными?.. Тебя радует, что они находятся в тюрьме? Ты понимаешь, люди мстительны, и ты не защищен никем. Ты ведь знаешь, что мы живем в коррумпированном, преступном обществе... А если знаешь, что же со мной делать будешь?

– Я уже победил страх, – спокойно и смело сказал Санду. – Вчера вечером, со двора моего богатого соседа, кто-то бросил в мое окно камень. Это меня не напугало, я не вызвал полицию. Нет смысла! Полиция давно куплена с потрохами этим преступным миром... Чего захочет Бог, то и случится со мной.

Расставание опять их сблизило. Теперь их встречи стали более частыми. И только тогда, когда Маргарита собиралась домой, Санду чувствовал себя брошенным и покинутым. Лишь совместные прогулки с сыном на выходные заставляли его забыть об отсутствии любимой женщины.

«Эти женщины! Они всегда создавали мне только проблемы, думал он, начиная разочаровываться в этой связи. Маргарита любит свою семью, а я для нее лишь удобное постоянное пристанище. Всего лишь любовник, как и многие другие. После любой

поэзии наступает проза жизни. Любовница, какой бы она страстной ни была, если тебя ничего не связывает с ней, в конце концов, не что иное, как обыкновенная женщина... Маргарита – это что-то другое. Или, может быть, она более натренированная, чем я? Она знает, как вовремя обуздать свои эмоции? Нет, пора закончить с этим приключением. Роман между одиноким мужчиной и замужней женщиной не может длиться вечно...»

Он улыбнулся мысли вернуться домой, к родителям, чтобы пожить в родительском доме. Может быть, там он встретит доброе сердце, создаст семью и забудет о муках, укравших его покой. Это поможет стереть все следы прошлого, и начать все с чистого листа. Он думал, что, может быть, расставание и отдаленность от знакомых тебе людей, послужат хорошим поводом для забвения.

Нашел в старом справочнике телефон одной из женщин, которых он любил когда-то. Неделю избегал встреч с Маргаритой, вернувшись к давно забытым ласкам. Но и это возвращение в былое не принесло ему ничего, кроме раскаяния и отвращения. Спал рядом с другой женщиной, а его мысли были только о ней. Час любви с Маргаритой заменяли ему все удовольствия, пережитые с остальными другими женщинами за всю его жизнь. В конце концов он решил согласиться на страдание рядом с ней...

Когда она подошла, ветер, цветы, солнце больше не значали для него ничего. Мира вокруг себя он не замечал вовсе. Для него существовала лишь она, с ее красивым лицом и длинной косой. И жажда видеть ее сегодня, завтра, послезавтра, овладела им навсегда. С каждой мыслью о расставании с ней, волны любви и нежности захлестывали его вновь и вновь. Он ее чувствовал лучше, чем чувствовал самого себя, и хотел ее, хотел, хотел... Маргарита хорошо одевалась, следила за собой, а ему всегда нравились ухоженные женщины. Он гордился тем, что ни один мужчина не проходил мимо них, не обратив на нее внимания. Иногда это счастье, вонзившись как нож в сердце, не позволяет тебе умереть, но водит тебя с болью по миру, и ты сам удивляешься силам жизни твоего тела. Однажды, гуляя в сумерках по узкой улице города, рядом с ними остановился роскошный джип, из окна которого выглянул бритоголовый верзила с толстой золотой цепью на шее, дорогими часами на волосатой руке и крикнул:

– Не продаешь красавицу, государь? – Санду нравилось, что

все мужчины восхищались красотой Маргариты, замечая ее даже за темными стеклами машин. Но почувствовал себя обманутым, когда коллега по работе, как-то увидев ее, ожидавшую Санду на улице, бросил ему вдогонку:

– Эту красивую косу я уже где-то видел... Она каталась на правительственной машине. Красавица и, наверное, такая сладкая!..

Эта фраза запомнилась и больно кольнула своей недосказанностью, и, может быть, впервые в его сердце вспыхнул огонь ревности.

Решил съездить с Маргаритой в Стэникский лес на охоту. Она как будто ждала этого предложения, потому что обняла его с нежностью и по-детски приказала:

– В дорогу, извозчик!..

В домике из белого кирпича, с мансардой, они провели бурную ночь, а перед камином, отдыхая от необузданных ласк, слушали беспокойный шепот старых деревьев. Ветер бросал в окна мелкие капли дождя и желтые листья. Вдвоем у огня ели жареное мясо, запивая малиновым вином и, казалось, что любовь между ними безгранична. Санду все пытался завести разговор, который давно все откладывал.

– Думаешь, такая идиллия между замужней женщиной и холостым мужчиной может длиться вечно?

– Дорогой мой извозчик! Будь умницей. Через неделю поедем вдвоем в Брашов. Ты счастлив, что баллада нашей любви продолжается под взглядом влюбленных святых?

– Обиделась, когда я попытался расстаться с тобой? – не мог он успокоиться.

– Если бы ты это задумал всерьез, я бы тебя все равно достала. Не забывай, что я министр культуры!.. И, после паузы, задумавшись, прошептала ему нежным голосом:

– Ты моя последняя надежда... Придет день, когда я тебе многое расскажу, о чем ты даже не догадываешься.

– А почему не сейчас?

– Я храню тайну, невероятную, для тебя. Неужели ты такой любопытный?

– Как бы хотелось, чтобы ты всегда скучала по мне, – сказал он, пряча свое лицо в ее густые приятно пахнувшие волосы.

– Тогда в дорогу, извозчик!..

Хотя на работе был напряженный график, начальник подписал его заявление на двухнедельный отпуск. В Синае гуляли по горным тропам, катались на лыжах. Маргарита решила научиться водить машину. Ей нравилось находиться за рулем, следя за Санду в зеркальце. В этот раз они отдыхали только вдвоем, наслаждаясь своими ласками и безграничной любовью...

Незадолго до возвращения, Санду позвонил своему брату, которому не успел сообщить, куда уезжает на две недели, и узнал, что его сын погиб в дорожном происшествии. Они сразу же поехали домой.

«Жизнь непредсказуема, – думал Санду, – давя на педаль газа. – Когда так хочется жить, вторгается боль и трагедия...».

Дорога обратно была тяжела и грустна. Убитый страшным известием, он еле сдерживал слезы. Маргарита устала его утешать. Расставшись, каждый пошел своей дорогой...

* * *

После Синаи, семейная жизнь Маргариты приняла неожиданный оборот. Муж, который всегда сохранял спокойствие, особо не интересуясь, как она зарабатывает деньги в городе, встретил ее угрюмым и капризным. Не разговаривал с ней, часто стоял в задумчивости у окна, теребя свою бороду, оставаясь безучастным ко всему. До его ушей дошло множество слухов о ее приключениях, но он не считал нужным спрашивать у нее правда ли это. И на работе ее ожидал сюрприз. Начальник фармацевтического отдела продавал много препаратов из гуманитарной помощи через торговую сеть и сейчас носился как вихрь, ожидая от нее утром и вечером отчеты, подписи на бухгалтерских документах. В это дело вмешался генпрокурор и ей приходилось несладко. Главного врача постоянно вызывали на допросы, и в один прекрасный день он злобно прорычал:

– Вы могли изменять мужу хоть с кем, но не с налоговым инспектором! Ваш любовник – это бомба замедленного действия! Вы настолько глупы?!

Маргарита сначала удивилась – она не знала, откуда шефу стало известно про ее отношения с Санду. С тех пор, как она окончила бухгалтерские курсы и, кроме работы в стоматологической поликлинике, стала предоставлять свои услуги фар-

мацевтической компании, узрела четкую нить ожесточенной борьбы между налоговиками и теневым бизнесом. В большинстве случаев, поединок заканчивается кругленькой суммой в карман налогового, но, очевидно, она в 10–15 раз меньше, чем возможный штраф.

Санду подозревал, что в бизнесе с препаратами замешан и его сосед-мафиози со своими темными окнами, но он не мог знать, что тут впутана и Маргарита. Что до нее, то женщина поняла, что самый дорогой мужчина в мире нарушил правила игры в мире акул теневого бизнеса. А что она тут делает? Она была в ужасе, когда поняла, что может стать винтиком мести. «Господи, что мне делать? Что будет дальше?»

Она была сама не своя. Первая к кому побежала за утешением была ее сестра Аделина. Слушая ее, та безразлично бросила, будто с презрением:

– Ты взрослая, и должна нести ответственность за то, что делаешь.

Санду не имеет никакого отношения к раскрытию финансовых преступлений моих боссов. Каждый хочет больше денег. Шеф отхватил львиную долю, а я едва покрыла расходы на дом.

– Они знают, как и кому отомстить, не беспокойся на этот счет – сказала Аделина. – Попытайся сделать вид, что не замечаешь ничего, живи, как жила. Но... пусть Санду исчезнет из твоей жизни. Это будет лучше и для тебя, и для него.

Захотелось отступить, но было некуда, – главный врач уже не обеспечивал ее безопасность, сам же продолжая оставаться в тени высокопоставленных людей. Она не могла придумать, как выпутаться: все документы были изъяты. Начала пренебрегать заботами семьи, детей. Муж оставался в том же оценении, и не осмеливался спросить, что за страх охватил ее.

– Как полюбила курорты, совсем забыла, что у тебя есть дом и дети! – как-то вечером обратился он к своей жене.

Она не могла больше справиться со стрессом и зарыдала. Ее дрожащие руки то заплетали, то расплетали волосы. Ее ловкие пальцы с накрашенными в бордовый цвет ногтями погружались в густые пряди волос, напоминая рассыпанные бусинки, попеременно с черными угольками. Когда она успокоилась немного, сквозь рыдания, стала сетовать:

– И мне нужен солнечный луч во всех тяготах, с которыми мы сталкиваемся... Не могу одна устоять перед всеми трудностями.

– Не хорошо, когда пытаешься обмануть свою судьбу. Не забывай, что у людей есть глаза, чтобы видеть, уши, чтобы слышать, и языки, чтобы говорить...

Ей захотелось упасть перед ним на колени, признаться во всех грехах, но Иссая, словно читая ее мысли, отмахнулся, дав понять, что не нуждается в ее объяснениях и сказал:

– Ничего не происходит. Главное, чтобы были здоровы дети. Они будут судить нас, когда вырастут.

– Хочу попросить тебя кое, о чем, – запинаясь, промолвила Маргарита в полночь.

– Просить, меня?

– Если что-то произойдет со мной, отдай детей Аделине, она их вырастит. Они для тебя будут в тягость, если решишь создать новую семью с другой женщиной...

– Что за глупости ты говоришь? Я сказал, что ничего не произошло. Забудем обо всем. Нет семьи без ссор и склок!

Она решила избегать встреч с Санду, хотя он звонил каждый час ей на работу. Ждал ее на остановке «Ребряну», потрясенный от горя из-за потери сына, не понимая, что происходит и почему скрывается от него Маргарита. Его захлестнула волна дикой ревности. В те дни, когда они не виделись, кровь закипала в его жилах. Подъезжал несколько раз на машине к воротам ее дома, но не решался войти в чужой двор. Следил на расстоянии, как играют во дворе маленькие дети самой любимой на свете женщины и жалел теперь, что это не его малыши.

* * *

Маргарита позвонила в конце рабочего дня.

– Нервничаешь, наверняка, как дикий зверь? – попыталась она показаться ему расслабленной. – Жди меня в своей хижине с холодным шампанским и горячим шашлыком!

– Ищу и жду тебя вечность...

– Выйди на улицу, но жди не на обычном месте, а на привокзальной площади. Так надо...

– Вылетаю к тебе!

После двух недель разлуки Маргарита казалась еще красивее и соблазнительнее, и он со всеми пережитыми за это время несчастьями был готов, если бы она попросила, не задумываясь, отдать за нее свою жизнь. Забыв о трауре, включил песню Марии Тэнасе.

– Люби меня, – прошептала она шаловливо и начала подпевать великой певице:

«Только сердце наше не каменное,
Не забывает оно и не прощает...»

– Наши встречи приносят тебе неприятности? – и сердце его задрожало при мысли, чтоб Маргарита может принять его слова всерьез.

– Гупости говоришь, ямщик! Гони лошадей к замку нашего разврата. Хотя, когда-нибудь, когда пресыщусь тобой, я оставлю тебя.

Они любили друг друга яростно, страстно, объединяя в единый пульс два сердца, ясное небо со звездами, что охраняли их через широкое окно с фиолетовыми шторами, вспоминая ночь в доме лесничего из Стэники. Когда настал час расставания, Маргарита сладко поцеловала его долгим поцелуем, а потом вдруг сняла свой золотой крестик и надела ему на шею.

– Не отказывай мне. Носи его всегда и знай: без тебя моя жизнь не имеет смысла, извозчик! Никогда не спрашивала: тебя не обижает это прозвище?

– Это меня забавляет!

– У меня есть просьба.

– Люблю твой бархатный голос во время личных просьб!

– Хочу, чтобы ты не подвозил меня до остановки «Ребryanу», но оставил поблизости, между высокими домами.

Он остановил автомобиль в непосредственной близости от конечной станции. Маргарита вышла, будто крадучись; он провожал ее влюбленным взглядом через зеркало заднего вида, боясь потерять ее среди теней деревьев. Она отдалялась элегантными мелкими шагами, в своем красном пальто.

Он закрыл глаза, улыбнулся образу любимой женщины, сохранившемуся в его воображении. Она сегодня была с ним такой счастливой.

После прожитых сладких мгновений с самой лучшей женщиной на свете, ему захотелось к кому-нибудь зайти в гости. И так

как час был непоздний, решил зайти к брату. Золовка только вытащила плацынды из печи. Поужинали, пропустив по стопочке, и он попрощался с ними.

По дороге навестил двоюродного брата Николая, вернувшегося из длительной командировки. К полуночи был у себя дома, где сохранился теплый, приятный запах Маргариты.

– Какая же она удивительная женщина! – воскликнула, увидев его на площадке, тетя Вера с восхищением. – Сосед из своего замка всегда следит за ней в подзорную трубу. Да хранит тебя Бог!

На следующий день пошел на работу пораньше. Помыл от грязи автомобиль, побывал на заседании у начальника и, зайдя в свой кабинет, услышал по телефону голос Аделины:

– Где вы были вчера вечером, хитрецы?

– Это имеет большое значение для вас? – посчитал он, что не обязан отчитываться ни перед кем.

– Марга не вернулась домой, ее муж и дети везде ищут. Если она у тебя, сейчас же отправь ее домой, а то будет беда.

– Вчера вечером мы расстались на станции «Ребryanу». Больше я ничего не знаю.

– Не рассказывай мне сказки! Старые женщины, продающие семечки, сказали, что вчера вечером не видели твой автомобиль.

Последовала длинная пауза. Затем Аделина, примирительно, промолвила:

– Давайте искать. Может, не дай Бог, попала в какую-то больницу...

Весь день искали по больницам, полицейским участкам, и все зря. Искали ее и на второй день, и на третий...

– Скажи, пожалуйста, правду, – все настойчивее допытывалась Аделина. – Я не хочу, чтобы ее муж узнал о ваших отношениях. Знаю, ты ее по-настоящему любишь. Может, спрятал ее в домике лесника и не позволяешь возвращаться в семью?

– Будем продолжать искать ее повсюду, – предложил Санду, забеспокоясь еще сильнее; его борода покрылась капельками пота.

Сестра нашла в его спальне свитер Маргариты, который она за была в тот вечер. Прощаясь с ним, она заметила золотой крестик сестры на его красной и волосатой шее, и испуганно спросила:

– Почему это у тебя?

– Маргарита подарила.

– Говорила вам не раз, что ваше приключение добром не закончится! – И, заметив фотографию Маргариты, она с такой яростью бросила ее на пол, что куски рамы разлетелись во все стороны.

Со слезами на глазах он достал дробовик и выбежал из дома, чтобы никогда не возвращаться больше сюда.

... Три недели искали родственники Маргариту, начиная уже отчаиваться. Тогда они объявили в прокуратуру. В заявлении подозреваемым в ее исчезновении указывался Санду Аиленей. Последний в тот злосчастный вечер ее видел только он.

– Признайся, где твоя зазноба, – прижал его к стенке следователь, очень толстый мужчина небольшого роста, с черными усами, который держал в зубах кубинскую сигару и который в первую очередь надел на него наручники. – У нас есть информация, что вы были последним, кто видел ее живой. Помогите нам, как-то разрешить загадку. Вы ведь любите ее.

– Если бы я знал, где она, – вздохнул Санду, – я бы без промедления привез бы ее... в свадебном платье.

– Так, значит – сказал следователь, глядя на него пронизательным взглядом сквозь серую дымку дыма. – Распишитесь здесь. – Он расстегнул наручники и Санду впервые в жизни подписал протокол, составленный на него.

– Идите и подумайте хорошенько, – сказал ему следователь, восхищаясь красотой женщины, смотрящей на него с фотографии. – И не забывайте: если услышите что-нибудь о ней, сообщите нам немедленно, в любое время суток.

Ввиду того что он находился под подозрением, его все стали избивать. Санду проживал напряженные дни – сгорал от тоски по ней, хотел услышать ее голос, ее веселые шутки, и не мог избавиться от мысли, что в ее исчезновении могут обвинить только его.

После беседы со следователем, он продолжал чувствовать на руках холодные железные кандалы. Подавленный тяжелыми мыслями, он случайно сбил бордюр на своем «Рено». Ремонтировал машину целый день и из-за нехватки денег не закрасил подправленное крыло.

И вновь начал поиски своей любви, но тщетно. Ночью, когда возвращался домой, долго смотрел на те две фотографии – сына и Маргариты, дежуря часами у телефона в надежде, что, может быть, телефон зазвонит и он наконец услышит бархатный голос, полный очарования: «Привет, ямщик!».

* * *

Он был вызван еще раз к следователю, который задавал те же вопросы, но, не сумев узнать ничего нового, провел его через порог, будто прося прощения за беспокойство и глубоко затягиваясь сигаретой, сказал приглушенным голосом:

– Родственники, значит, бомбардируют нас жалобами, прося вашего ареста. Они полагают, что исчезновение Маргариты связано только с вашими отношениями. У нас нет выбора, мы должны проверить все.

Санду решил обратиться к колдунье, живущей на окраине Теленешт. Цыганка сказала ему, что Маргариту удерживают три человека: двое мужчин и женщина, одетая в белом, которые пытаются ее в комнате где-то у опушки леса, и никто не знает, удастся ли ей бежать из этого ада... Также гадалка сообщила, что и его ожидают большие трудности. Две женщины хотят его убить. И если он преодолеет все трудности, будет жить долго, более 90 лет... А Маргарита, где она находится сейчас, кричит, прося о помощи, но избежать своей участи вряд ли ей удастся.

Санду искал ее в доме лесника в Стэнике, у родственников и знакомых, но каждый раз возвращался домой в отчаянии. Заковал себя в боль души своей. Те, кто знал его, не звонили ему. Лишь изредка анонимный голос угрожал из телефонной трубки, предупреждая, что ему не жить, если не найдется Маргарита.

* * *

К концу октября, два тракториста, закончившие пахоту на поле возле Иняски, остановились у колодца налить воду в радиатор. Ведро не было. Они опустили свое ведро на глубину колодца, но оно ударилось о что-то твердое. Один из них бросил вниз ком земли, думая, что вода высохла, но послышалось буль-

кание. Второй достал небольшое зеркальце из кармана, поймав луч солнца, направил его в колодец. В воде обнаружили плавающий черный предмет. Они притащили длинную ветку и стали поднимать предмет на поверхность. В мешке явно было что-то тяжелое, недалеко от кольца сруба, холщовый мешок порвался и с грохотом упал на дно. Трактористы опять направили лучи света в глубину колодца, и вздрогнули: из разорванного мешка торчала нога человеческая.

Прибыв на место происшествия, полицейские спустились в колодец, перевязав мешок вытащили его на поверхность на глазах у собравшейся толпы. В мешке находилось разложившееся тело женщины без одежды, побритой налысо; на черепе спереди и сзади сохранились отпечатки ударов ломом с резьбой. Судебный эксперт после вскрытия установив, что все ее ребра были раздроблены, предположил версию аварии. Из-за невозможности опознать тело, после снятия всех отпечатков и доказательств, труп на несколько дней был доставлен в Оргеевский морг. В тот же вечер по республиканскому телевизионному каналу пресс-служба МВД сообщила, что недалеко от Иняски было обнаружено тело женщины 20-22 лет со следами насильственной смерти и признаками изнасилования. Преступники инсценировали автомобильную аварию. Была показана и фотография разлагающегося трупа, который не был идентифицирован. Через несколько дней, труп должен был быть погребен под специальным номером на местном кладбище.

Правоохранительные органы возбудили уголовное дело...

И началось непредвиденное. Обнаружилось, что в последние месяцы в следственных органах не было ни одного случая обнаружения неопознанных трупов. Было извещено много людей, занимающих ответственные должности в органах общественного порядка.

Толстый следователь, раздраженный настойчивостью родственников, вызвал Аделину и Иссая, продемонстрировал им зловещую видеозапись со страшными кадрами жертвы, доставленной со дна колодца. После повторного показа, Аделина нашла некоторое сходство с Маргаритой.

– Потерпевшей только от 20 до 22 лет? – попытался прояснить Иссая.

– Выводы экспертов в таких случаях очень приблизительны, – признался следователь, не выпуская сигарету из рта.

В тот же день, в Ореевском морге прошла процедура идентификации и в присутствии родственников Аделина признали свою сестру по золотому зубу и по маникюру, а ее муж признал родинки, сохранившиеся на левом бедре... Так как жертва была обнаружена в колодце на краю Иняски, родного села Санду Аиленей, обвинение посчитало подозрения родственников обоснованными. До наступления вечера налоговый инспектор был арестован.

* * *

– Теперь ты все вспомнишь, каналья! – возмущался следователь, сверля его злым взглядом и снова надев наручники на руки. – История убийства нам уже известна. Значит, вы совершили убийство в доме.

– Бедная моя Маргарита, – испуганно шептали губы Санду.

– После того как вы раздели и побрили наголо жертву, чтобы никто не смог идентифицировать ее, вы положили труп в багажник автомобиля, увезли его на окраину своего родного села где бросили в колодец. Почему вы это сделали, ублюдок?

Санду не удалось вымолвить ни слова. Горький и давящий ком встал у него в горле, перехватывая дыхание. Ошеломленный, он смотрел на фотографии со стола следователя, наручники вырывали ему руки вместе с плечами, по небритому лицу потоками лился пот. Его то бросало в жар, то била дрожь.

– Ваша соседка, Вера Кирикэ, сказала нам, что в ночь исчезновения этой женщины, вы мыли багажник своей машины, а позже и покрасили ... Чтобы смыть следы крови? Отвечайте, мерзавец!

Двое полицейских вошли в кабинет, схватили его под руки и толкнули в фургон, стоявший во дворе прокуратуры. Он успел поймать взгляды, полные злобы и проклятий, родственников Маргариты, которые причитали возле старого здания с печальными стенами и арочными окнами. Улышал голос, полный боли, кричавший что-то о Божьем суде:

– Убийца! Ты убил мать двоих детей, и нас оставил осиротевшими.

Как только его впихнули в тюремную камеру, передняя дверь открылась, и на Санду бросились двое верзил начав бить его ку-

лаками и ногами, будто мешок с соломой. Когда он пришел в себя, был вызван в дурно пахнущий кабинет, где его ожидал следователь с черными усами и со своей обычной сигаретой в зубах.

Он строго заметил работникам тюрьмы:

– Слишком уж вы постарались... Составьте, хоть как следует протокол. Где свидетели, что подозреваемый оказывал сопротивление при задержании? – Потом обратился к згорбленному и окровавленному обвиняемому:

– Слушай, негодяй! Прямых доказательств у нас пока нет, но знай, что мы призваны не картошку копать, а раскрывать преступления. Нет никаких сомнений, что убийство женщины твоих рук дело. Ты добровольно признаешься во всем или мы поможем тебе написать, как все произошло?

– Не имею никакого отношения к этому убийству, – пролепестал Санду. – Не подвергайте меня пыткам зря...

– Он наглый педераст! – прогремел звучный голос сквозь тяжелые железные двери. – До завтрашнего утра заставим его говорить стихами.

– Бедненький, он еще не знает, что за жизнь в наших тюрьмах, о которой не догадываются и министры, пока не попадают сюда, – размышлял вслух лейтенант с металлическими зубами.

Его опять сопроводили в камеру. Он, возвращаясь к действительности, пытался понять, не покинула ли душа его брренное тело. Старался вспомнить, что случилось с ним за это короткое время, но его мысли, казалось, плавали хаотично в вязкой грязи. Засохшая кровь застыла на губах, носу, одежде... Кругом было темно. Лишь тонкий луч света через щель в металлической двери проникал в эту бездну из коридора. Внезапно он услышал странные голоса, почувствовал, что кто-то грызет его пятки. Понял, что это крысы, прыгающие вокруг него. И в этой мутной реальности почудилось, что он услышал хорошо знакомый и очень долгожданный, горячо любимый голос: «Гони лошадей, ямщик!» Две крупных слезы покатались на сгустки свернувшейся крови над губами. Узел в горле рос, пытаясь задушить его, остановить дыхание. Глубокий вопль вырвался из его измученного тела. Много времени прошло, пока он снова не был выведен на дневной свет кабинета, где теперь его ожидал лейтенант с усталым лицом, сидевший за столом с чистым листом и ручкой перед собой.

– Напишите добровольно, где вы закопали одежду и волосы Маргариты? Все, до мельчайшей подробности!

– Я бы тоже хотел знать, – прошептал Санду, съежившись от боли после недавнего избиения.

– Он хочет удовольствий! – слышался глухой голос из-за дверей камеры. – Посмотрите на его позу педераста.

– Закрой рот, мразь! – прокричал лейтенант в ответ, снова обращаясь к Санду. – Спрашиваю в последний раз: признаешься в совершенном преступлении? – И, не дожидаясь ответа, он стал угрожать:

– Мы не подчиняемся никому. Сделаем тут все, что посчитаем нужным, только чтобы раскрыть преступления!

– Поверьте, я не виноват.

– Отведите его к удовольствиям! – взревел вдруг выведенный из равновесия офицер.

Он вернулся в темную камеру. Едва начал приходить в себя, как ему послышалось, что мимо дверей камеры маленькими шажками, хихикая, посеменили какие-то женщины. Приглушенный голос приказал им:

– Входите по одной в открытые камеры. Для отношений в вашем распоряжении лишь час. Когда вызову, сразу выходите в коридор.

Вскоре до ушей Санду, будто из влажных стен, доходили стоны удовольствия, издаваемые подпольными проститутками... Они тайно были привезены тюремщиками из города, проникая в тюрьму через скрытую от глаз людских дверь, чтобы удовлетворять низменные инстинкты заключенных. Мужской голос через час позвал их, и женщины легкого поведения покинули камеры, выскользнув на улицу, где их ждали черные автомобили сутенеров.

– Эй, Митру, собери зверей, которые купались в удовольствии и закрой их в подвальной камере. За четырех шлюх бандиты заплатили всего лишь сто долларов.

– Мир за стеной умирает с голоду, а эти черти тут еще довольны, что заработали за час всего сто долларов – слышался возмущенный голос.

– Закрой пасть, гнида!

Возможно, у него были сломаны ребра, он не мог поворачиваться всем телом, и стоял на коленях. Крысы опять забегали по

камере и, чтобы не стать жертвой грызунов, Санду ударил слегка в дверь, вызывая охранников. Открылось окошко, и чей-то голос спросил сквозь икоту:

– Чего желает ваш пупок? Время за полночь уже, – буркнул кто-то недовольным голосом.

– Крысы, – прошептал Санду.

– Я думал, что в этот поздний час ты желаешь исповедоваться, а тебе захотелось оказаться в Версальском дворце.

– Ему захотелось удовольствий! – хихикнул кто-то из соседней камеры.

– Может быть, настал его час, – улыбнулся охранник, звякнув ключами. Послышалось, как открылась металлическая дверь, затем кто-то тихо пошел по коридору.

Кто-то подходил к его двери. И снова голос офицера, который предупреждал:

– Только без жертв, каплуны! Хотите любви? Гоните деньги!

– Сто! – объявляет приглушенный голос.

– Заходи и сделай из него петушка, мразь!

Задвижка двери упала, и на Санду набросились два мужика, которые схватили его и начали снимать с него брюки, вызывая мучительные боли. Когда надзиратель закрыл за собой дверь, в камере опустилась кромешная тьма, и испуганные крысы исчезли в своих норах. Тут же один из заключенных с жестокостью схватил его за уши, склонив его голову к животу, и стал крепко держать Санду в такой позе. Другой, снимая свои брюки, обнял его со спины обеими руками за талию, впиваясь своими грязными ногтями в живот... Потом, когда первый тип после бурных телодвижений, сопровождающихся криками экстаза, закончил свое грязное дело, пришла очередь другого... Почти в бессознательном состоянии Санду упал на холодный бетонный пол...

– Через девять месяцев, этот лопухий дуралей должен родить! – слышался веселый голос довольного собой человека, который приказывал своим подчиненным:

– Заботьтесь, чтобы его не разорвали крысы! Если у вас есть доллары еще на один сеанс – этот петух в вашем распоряжении!

Снова и снова открывалась дверь его камеры, потом появилась человеческая тень, которая вдруг бросила на его истерзанное тело ведро хлорированной воды для дезинфекции... До рас-

света несколько раз терял сознание и не помнил, что случилось с ним. Пришел в себя только когда очутился перед толстым следователем, курившим свою сигарету, и со злостью спрашивавшим у него:

– Как вы отдохнули этой ночью?

– Я ни в чем не виноват, – еле шевеля губами, прошептал Санду. Слезы текли по его лицу против его воли. – Ради Христа, поверьте мне, ищите настоящих убийц.

– Тут все становятся верующими, праведными, – все больше раздражался следователь. – Но кто тогда совершает столько преступлений? Мы стали преступным обществом! Люди боятся, а нас все подозревают, что мы пытаем людей и прячем их в тюрьмы. – Потом он устало добавил, – Значит, я обыскал ваш дом, ваш автомобиль, но не обнаружил никаких доказательств вашего соучастия в убийстве. И не обнаружил я доказательства преступления только потому, что вы поработали очень хорошо. Вам удалось замести все следы, как опытному детективу. Но это преступление ваших рук дело.

После этого разговора Санду подвергся медицинской экспертизе. Тюремный врач смазал ему раны йодом, а когда он пожаловался, что у него болят ребра, врач вытащил таблетку анальгина, разделил ее пополам и сказал: «Половина для ребер, а другая – для аппетита». В тот же день его посетил адвокат, который помог ему написать жалобу на имя Генерального прокурора о пытках, к которому он был подвергнут, и заверил, что он будет защищать его с большим рвением, так как считает его невиновным.

На прощание он передал привет от брата и родителей, и веточку освященного в церкви базилика.

– Помолись Богу, – сказал ему адвокат. – Иногда даже мы не можем ничего сделать с такими зверями. Государство становится преступным, Санду! Кому-то, наверху, нужен этот хаос.

Адвокат помог ему написать прошение и на пересмотр дела в суде, покинув его на несколько дней и надеясь, что он будет освобожден под подписку о невыезде. К вечеру он был перемещен в другую камеру, с кроватями в два этажа. Ему сделали укол, и его боль немного утихла. Его сокамерник был завсегда в тюрьме, весь в татуировках, изъяснявшийся на блатном жаргоне. Этот тип не дал ему закрыть глаз два дня и две ночи подряд, все

спрашивая у него, не видит ли он кошмаров о убийстве той шлюхи. Потом, на смену этому, пришел другой, обеспокоенный тем же любопытством: где он ее убил, как постриг, как и где раздел ее и где спрятал одежду, волосы. Откуда взял кубинский мешок, который сейчас редкость тут у нас... Санду не сомкнул глаз и в последующие дни.

По настоянию адвоката суд рассмотрел легитимность ордера на арест и в присутствии прокурора объявил его незаконным. К откровенной неудовлетворенности родственников Маргариты, Санду Аиленей был выпущен из-под стражи.

– Как ты посмел защищать преступника?! – бросились на адвоката родственники, дежурившие у здания суда. – Убийца матери с двумя детьми ...

Их гнев разбудил его из состояния полной прострации, в котором он находился. Санду обратился к близким Маргариты со словами: «Я любил ее, я готов умереть за нее. Но я ее не убивал».

– Ублюдок! – провожали его гневными голосами собравшиеся.

– Молодец, – похлопал его по плечу следователь. – Добился все-таки освобождения. Но чтоб ты знал, мальчик мой, через год, через два, все равно раскроем твоё преступление, и тогда я сам буду просить самого сурового наказания... Кровь человека никогда не стереть из сознания убийцы!

* * *

Он вернулся домой, сбитый с толку, равнодушный ко всему. Не обратил внимания на тетю Веру, которая встретила его полными сострадания глазами. Не услышал, и когда она спросила, не нужна ли ее помощь... Уже не так болели переломанные ребра, затянулись раны от побоев. Ужасно болела только душа. На него навалился пустой, безнадежный, бессмысленный промежуток времени. Изредка, вторя глухому эху, всплывали в его памяти, уничтожая его, картины издевательств, которым подвергли его те два гомосексуалиста. Не мог избавиться от этого чувства и через несколько дней, когда прокурор объявил ему и родственникам Маргариты, что дело, возбужденное против Санду Аиленей, закрыто за отсутствием доказательств.

... Тот день для него обернулся кошмаром. Родственники продолжали обвинять его в убийстве Маргариты, обещая, что

покончат с ним сами, если правосудие коррумпированно и от него не дожدهшься правды.

Он пригнал машину из гаража, занял деньги у тети Веры и мысленно прошел все дороги, по которым когда-то бродили с самой любимой женщиной в его жизни. Купил венок из живых красных цветов и поехал на кладбище, где с трудом нашел могилу Маргариты. Надев венок на дубовый крест, посмотрел, как развевается на ветру лента, с простой надписью: «Самой любимой женщине, от извозчика» и сидел одиноко там, в верхней части холма, в окружении свежих могил, пока не появились первые звезды, и из-за тяжелых облаков не показалась луна... Когда вернулся домой, начался дождь и по широкому окну потекли ручьем небесные слезы. С подоконника, безразличные, спокойные, на него продолжали смотреть две фотографии, одна с образом полным наслаждения Маргариты, и другая с хрупким образом сына. Он открыл все окна в доме и промозглый ветер начал играть шторами. Потом снял со стены ружье, зарядил его двумя патронами, засунул дуло ружья в рот и нажал одновременно на оба курка...

Самые неожиданные чудеса могут случиться в человеческой судьбе, когда человек пытается покончить с собою. Фатальный момент той ночи для Санду Аиленей поразителен. Нажав на оба курка, оружие не выстрелило. Вдруг он очутился в положении солдата, в момент передышки на жестокой войне, утомительной и нескончаемой. На пустынной улице слышался лай собак. Ветер ревел раздраженно в окно, шторы дрожали волнами, перевернув бутылку и стакан, и разбив их при ударе о пол. Он таращил глаза, предчувствуя, что не видит ничего вокруг себя. Его челюсти лязгали, а ослабленные руки выронили ружье. Два оглушительных выстрела последовали один за другим, пули засвистели сквозь стены дома. Одно лишь мгновение отделяло его от перехода в вечность. В его голове просочилось несколько хаотичных тяжелых мыслей, пока услышал грохот тяжелой техники, медленно передвигающейся по мокрому шоссе за окном. Он сжал кулаки, закрыл окно, толкнул ногой ружье, и оно скатилось куда-то под диван. Все его существо ликовало. Внутренний голос кричал, разрывая его грудь: «Я жив... Я живу! Не умер... И я должен жить!!!»

До полудня вызвал мастеров и установил тяжелую железную дверь, поменял все замки, перетащил мебель из одной комнаты в другую, повесил черные шторы, чтобы в комнатах был полумрак. Когда мастера ушли, он долго лежал на диване, всматриваясь в потолок и размышляя о том, что он... бессмертен, что, поскольку удалось обмануть смерть, он будет жить вечно. Язвительная улыбка со зловещим оттенком появилась на его влажных дрожащих губах. Он поставил зеркало перед собой, достал из холодильника две бутылки шампанского и стал пить непрерывно, чокаясь сам с собой и отчетливо шепча: «Будь здоров, извозчик! Здоровья и долгих лет тебе!» Незаметно для него ночь исчезала со всеми своими тайнами. К рассвету усталость одолела его, и он заснул глубоким тяжелым сном.

Проспал он сутки напролет. В голове все время слышался гул танков, лай собак, смех женщин; двое несчастных детей отчаянно звали на помощь свою маму... Посыпаясь, его синие губы победоносно продолжали шептать: «Я живу! Я должен жить! И никому не позволю больше издеваться надо мной...». Его глаза злобно прищурились, и он решил, что будет ожесточенно сражаться со всеми, кто пытается обвинить его в убийстве Маргариты.

С нее начались многие беды в его жизни... Да, да, да, именно с нее. И если ее уже нет, неужели он обречен прожить всю свою жизнь в муках и постоянных переживаниях? Жизнь уникальна и не бесконечна. Один живет на этом свете, другой уходит на тот, другой свет. И так происходит испокон веков!

Вдруг он окинул взглядом свою комнату, схватил фотографию любимой женщины, продержал ее некоторое время у сердца, что пульсировало, как сумасшедшее, потом бросил сердито фотографию на пол и стекло рамы, превратившись во множество осколков, разлетелось во все стороны. Он, двигаясь как в тумане, собрал щеткой разбившееся стекло, положил осколки в целлофановый пакет и бросил его в мусорное ведро. Потом собрал в кучу какие-то бумаги и сжег дотла, превратив все в пепел...

Он должен был избавиться как можно быстрее от мучений. Слишком сильно они жалили его душу, просящую спасения от бед, свалившихся на него. Неуклюжими движениями он попро-

бывал размяться. Стал трясти головой, как норовистый конь и, казалось, сбросил тяжелое, как свинец, бремя с плеч. Потом при свете восковой свечи принял ванну. Как когда-то привык расслабляться, стал смотреть холодными немигающими глазами на пламя свечи. После вытер свое тело грубым полотенцем, одел длинный халат, погладил брюки, рубашки. К обеду, после многих, многих дней, аккуратно одетый, как жених вышел в город. На своей машине, салон которой, казалось, пропах запахом крови, поехал в сторону дома, где жила супруга бывшего чиновника. Он давно ее не видел. Наверное, и она соскучилась по нему. Перед свиданием, решил зайти в секретариат суда.

– Пришел за копией оправдательного приговора, – обратился он к секретарю суда, милой девчухе с кошачьими хитрыми глазками. Элегантно одетая барышня обернулась на его глубокий вздох, будто немного огорчившись, и, сделав жест рукой, указала на дермантиновую дверь:

– Господин судья попросил зайти к нему... Он хочет переговорить с вами и лично вручить вам оправдательный приговор.

– Это же не президентская награда, – буркнул Санду недовольным голосом. Тем не менее, он отважился войти.

Стены кабинета с длинным глянцевым столом были высокими, с цветными обоями, создающими впечатление утопающей в цветах равнины. Судья, человек с овальным лицом и спокойным взглядом, дождался пока неуклюжий Санду подошел к нему. Поправляя воротник судейской мантии, блюститель закона жестом руки показал Санду стул, на который можно присесть. Закончив подписывать бумаги со своего стола, он вдруг сказал:

– Хочу посмотреть еще раз в ваши глаза. Бывают случаи, когда в официальные документы пишешь одно, а интуиция тебе подсказывает совершенно другое. Прокурор пришел к выводу, что вы невиновны. Тем не менее, будет видно... Я хочу спросить вас, без протокола: в смерти Маргариты есть ваша вина или интуиция и меня обманывает? Расскажите, пожалуйста, правду. Все останется между нами... Может быть, и вам станет легче на душе. Слишком непонятен этот случай.

– Я тороплюсь на работу, – пробормотал Санду, полагая, что ему опять угрожают. – Не могу без работы. И провокациям

не буду поддаваться, но, чтоб вы знали, – и его взгляд опять стал хмурым, а на его щеках показались крупные капли пота, похожие на слезы, причитающей над покойником женщины, – сколько буду жить, буду искать преступника. Я, своими руками накажу убийцу Маргариты.

– Мне будет любопытно увидеть плоды ваших мучений.

Жена бывшего чиновника ждала его, готовая истощить оставшиеся у него последние силы. Он же не почувствовал никакого удовольствия...

Через неделю после освобождения, Санду устроился на работу бухгалтером в компанию, занимающуюся поставками нефти. В коллективе работало много молодых выпускников Академии экономических наук. После работы предпочитал оставаться в офисе и решать кроссворды из газет, прочитанных им от корки до корки.

Когда праздновались дни рождения сотрудников компании, он с удовольствием становился участником веселых розыгрышей. Узнав, что Санду разведен, а это значит, свободен, дамы стали соблазнять его взглядами и поощрять его веселый нрав.

Он всегда старался быть свежо выбритым, надушенным, аккуратно одетым, начал носить золотую цепочку и кольцо со знаком зодиака Козерога. Его лицо становилось более спокойным и тихим.

Любовь к жизни запирала прочными замками двери, откуда в любой момент могли выйти наружу его бывшие проступки. Лишь изредка шальная мысль бередила в его памяти некоторые события, которые происходили когда-то. Но он тут же с яростью пытался вытолкнуть ее из головы. Санду подумал, что необходимо как можно быстрее похоронить прошлое и начинать смотреть в будущее с оптимизмом.

Ему было за сорок. Тогда как душе его не было и 18. Он хотел встретить девушку, похожую на Маргариту, его самую любимую женщину, образ которой волей-неволей изредка появлялся перед его глазами, всегда спрашивая его сладким, приятным голосом: «Почему так случилось, милый ямщик?».

Чувствуя ее реальное присутствие, он осторожно оглядывался вокруг, будто желая убедиться, что никто не заметил его. Но в его ушах звучали другие слова: «Браво, ямщик! Ты боролся с правосудием, как лев! Ты победитель!» И тут же в его голове пронеслось ее недоумение: «А почему ты разбил мою фотографию, ямщик? Ведь я такая красивая, милая. Вся моя красота для тебя, мой ямщик».

Переполненные улицы ресторанами и кафе с белыми столами под красочными зонтами, веселые маленькие дети, игравшиеся вокруг фонтанов, успокаивали его. Но стоило ему вернуться домой, как он опять начинал бороться с самим собой. Он садился перед зеркалом и пытался убедить себя, что не виновен в смерти Маргариты и должен сделать что-то конкретное, чтобы избавиться от терзаний, не позволяющих ему успокоиться.

Иногда намеренно, с новыми коллегами, засиживался допоздна на работе, играя в карты. Он не любил играть в карты, у него было отвращение к любым азартным играм, не переносил сигаретного дыма, бесконечные беседы, но эта атмосфера была спокойнее, чем, когда он оставался в одиночестве. Тогда как дома, даже в компании какой-то милой женщины, он не мог найти покоя. Через несколько часов он начинал задыхаться и просил гостью оставить его одного. Стены дома с какой-то поры казались ему черными, и он в который раз белил их. Он одевал спецовку, прикрывал голову пилоткой, сделанной из газеты и как умелая домохозяйка белил все стены, затем отмывал до блеска полы и проветривал комнаты.

Все же через несколько дней, он опять чувствовал, как за ним с нежностью наблюдают глаза любимой женщины, и слышал ее бархатный голос, произносящий с восхищением: «И что же, сейчас лучше, удобнее, мой извозчик?» ...

Санду подумал, не поменять ли ему квартиру, или уехать в какой-то санаторий. На неделю, на месяц, чтобы не видеть этих глаз, чтобы не слышать этого голоса, которые он видел и слышал только в те моменты, когда приходил домой. Он понимал с каждым днем все отчетливее, что ему нужно лечиться...

* * *

Однажды он случайно встретил на улице сестру Маргариты, которая смотрела на него, как на какого-то монстра.

– Чтoб ты знал, – сказала она, – что никто меня не убедит, что смерть сестры не твоих рук дело. Бог все видит. Ты ее убил и твое место только в тюрьме! Каждый раз, когда я вижу тебя, я вижу смерть сестры... – Она посмотрела на него с презрением, добавив злобно, – никогда больше не ходи на кладбище и не носи венки... У тебя нет права подходить к могиле Маргариты. Оставь ее хоть на том свете в покое.

Он решил промолчать, опустив глаза. С тех пор, если он видел ее издалека, старался избежать встречи с ней.

Для утешения Санду пошел к адвокату, который защищал его, и признался, как перед священником, во всех психологических муках, которые терзали его душу. Защитник выслушал его исповедь, похлопал толстыми пальцами по блестящему столу и, к его великому удивлению, спросил:

– И все же, Санду, кто убил Маргариту?

– Если б я знал, – пробормотал Санду, и почувствовал, что не может смотреть открыто в глаза адвоката, как в те страшные дни, когда тот посещал его в тюрьме.

– У меня нет оснований не верить вам. Но если вы хотите очистить совесть, вам не избежать правды. Я верующий человек, систематически хожу в церковь. Внимательно и смиренно слушаю церковные проповеди. Бог так велел: если совершено преступление, оно искупается покаянием, страданием.

– А если человек не виновен? – сказал Санду едва слышно.

– Человек многое может сделать, многое может говорить, но Бог все видит и все знает. Он видит и добрые дела, и плохие поступки... Я не встречал ни одного клиента, совершившего преступление и которому бы удалось уйти от наказания, чтобы после этого он жил счастливо. – Адвокат дал ему понять, что он больше не желает заниматься его проблемами.

Время опять опустилось на его опущенные плечи, как призрак. Судьба шла рядом с ним, и, улыбаясь, душила его, тревожила его сон, путала в его голове цвета.

На несколько дней он ушел из дому. Он пошел в дом лесника в непосредственной близости от озера. Там он попытался ловить

рыбу. Но сквозь шелест тростника опять услышал голос Маргариты.

Когда он находился в тюремных застенках, ей как будто там не было места, она не приходила к нему ни разу, не разговаривала с ним своим нежным голосом. Теперь же, вернувшись на свободу, она всегда была рядом с ним.

«Почему ты меня мучаешь, Маргарита. Почему?» Он вздрогнул всем своим измученным существом. Ему подумалось, что его миссия – это сделать все для того... чтобы ему было хорошо. Тот, кто жив, должен жить в свое удовольствие. Он ведь тоже Божье создание. Когда-то смерть и его заберет в свое царство, но пока он должен жить. Ведь закон его признал невиновным!

Чтобы избавиться от дрожи в руках и ногах, однажды утром он решил пробежаться на большое расстояние по пересеченной местности. Вернулся в дом лесника после пробежки, смертельно уставшим.

Заснул и увидел во сне зал суда, укоризненные взгляды прокурора, судьи, которые произнесли вслух вердикт, что он, Аиленей Санду, не виноват и не имеет никакого отношения к трагической гибели Маргариты. Когда проснулся, его кулаки были сжаты. Он был полон решимости и почувствовал, что готов вцепиться зубами в любого, кто думает о нем плохо. После этого сна Санду понял, что печаль из его сердца стала утихать.

Все! Все закончилось. Что-то новое началось в его жизни. Чистая правда скрыта за семью печатями, она не сможет оттуда выйти никогда, и эта правда его уже не пугала...

* * *

... Эпилог этой истории любви был совершенно иным.

Возвращаясь к тем роковым моментам, Санду Аиленей, в большой тайне от всех, вновь и вновь наматывает нить воспоминаний, которые с каждым днем все больше и больше омрачали его судьбу.

Маргарита должна была ехать в пригород договариваться с ремесленником о покупке дверей и окон для дома. В полдень она позвонила и спросила:

– Ну что, извозчик, мне нужно тебя увидеть.

Маргарита справилась с честью со всеми отчетами, ее финансовые документы была в порядке и в назначенный час, увидев

Санду в офисе, она подумала, что иногда есть необходимость бросаться хоть ненадолго в водоворот приключений. Она посмотрела на него глазами девчонки-сорванца, перекинула толстую косу со спины на плечо, и она плавно упала между четко очерченными грудями.

– Взять тебя на руки?

– Ямщик! – вскрикнула она, чтобы услышали девушки в офисе, которые восхищались любовью этих двух счастливых людей. – Сегодня едем в Министерство культуры... сделать отчет о работе нашего гнездышка! И пить свой любимый кофе с чесноком!

– А как же поездка к ремесленникам?

– Никаких обсуждений, ямщик! Гони лошадей, куда я велела!

В его доме пили шампанское и кофе с чесноком. Рецепт был изобретен Санду. Маргариту всегда забавляло, когда она наблюдала, как ее любовник справляется со всеми делами на кухне. Санду кипятил чайник, заливал несколько столовых ложек растворимого кофе, затем бросал в чашку два нарезанных на мелкие кусочки зубчика чеснока. Накрывал напиток салфеткой и оставлял на несколько минут. После этого ложкой доставал чеснок. Кофе подготовленный таким образом имел специфический вкус и запах.

– Мой славный извозчик! – воскликнула счастливая Маргарита, потягиваясь после выпитого кофе. Она начала крутиться перед зеркалом, распустив свои густые длинные волосы, напоминая Венеру, спустившуюся с полотен Боттичелли. Она включила музыку, и стала изображать танец живота. Маргарита пригласила его на танец, но Санду отказывался, стоя перед ней как окаменевший, как лев перед своей жертвой.

– Что случилось, почему тебе так весело? – спросил он.

– Это настроение влюбленной женщины, – улыбнулась она. – Хочу тебе сказать, мой милый извозчик, что наша история любви сегодня... заканчивается.

– Есть ли серьезная причина для этого?

– Я влюбилась в другого ямщика... Не расстраивайся. Вся жизнь встреча, и вся жизнь расставание. Такова судьба красивых женщин. Чувствую, что исчезли все мои чувства к тебе. Дальше не могу.

– Отпусти свой живот, ведь разговариваешь не с ним, – грубо прервал он ее.

– Ты ведь меня знаешь, я не люблю шуток, – посмотрела она

серьезно на него. – Я замужняя женщина и долго это не может продолжаться. Поиграли немного в любовь, и достаточно! – После паузы, Маргарита предложила: – Давай останемся просто друзьями! Неужели так нельзя?

– Так мы должны расстаться с тобой сегодня и навсегда?

– С этого же момента, – сказав это, Маргарита оделась, схватила сумочку и жестом показала, что ей пора уходить.

Самолюбие Санду было уязвленным. Он понял, что женщина не шутит. Никогда в жизни он не был так охвачен волнами ревности, как в тот момент. Кипело, взрывалось все его существо. Он представлял, как эта женщина, сладкая, нежная, настолько привлекательная, скоро станет (или уже стала) любовницей другого. А как же он? Неужели он заслужил такого финала?

– Маргарита, не играй с огнем! Подумай хорошенько.

– Мое решение непоколебимо, любезнейший! Моя семья для меня важнее всего. И она должна быть сохранена, защищена. Не надо меня провожать. Сама пойду.

Слово «любезнейший» вонзилось ему в сердце, как отравленная стрела. Он чувствовал себя оскорбленным, его жгло пламя ревности. Мгновения замелькали перед ним. Маргарита, игнорируя все его эмоции, открыла дверь и готовилась переступить порог.

Он озверел, одержимый мыслью: «Почему эта красота не должна принадлежать мне? Неужели я родился на этой земле, чтобы никогда не иметь больше рядом такую прелесть?»

Он загородил дверь, чтобы остановить ее. Он задышал прерывисто, его ноздри то поднимались, то опускались под парами воздуха. Наступила глубокая тишина. Через некоторое время, когда показалось, что его рыжие волосы встали дыбом, как иголки ежа, он злобно процедил сквозь зубы:

– Нет. Не надо уходить отсюда, пока окончательно не решила. Поехали в мою деревню, чтобы тебя увидела моя мама.

– Не до шуток мне, ямщик! – ее голос был резким, нещадящим. Его лицо, выражающее только агрессию, вызвало у нее чувство презрения. Тут же он стал для нее таким далеким и чужим.

И все же она была удовлетворена тем, что он выдал свое истинное лицо. Ей давно хотелось покончить с этими отношениями, расстаться с ним навсегда. Теперь появилась идеальная возможность. Чувствуя победу, она смотрела на него равнодушным

взглядом, держа будто ногу на горле жертвы. После короткого колебания он сказал: «Город полон красивых женщин!»

– Я не знаю, как, но в моих глазах, ты вдруг стал... другой. Прости за искренние слова, но чувствую, что между нами не может уже быть того, что было.

– Ты издеваешься надо мной? – нахмурил он брови, чувствуя трепет, уносящий его на арену безумия. – Я не заслуживаю быть твоим? – он почувствовал, что его слова больше ничего не значили для Маргариты, которая, полна воли и решимости, пыталась выйти из его квартиры.

Шли минуты. Он продолжал стоять на ее пути, наблюдая за ней колючими и холодными глазами. После недолгой паузы, она накрыла рот рукой и рассмеялась безудержным смехом, пропуская свой голос сквозь пальцы:

– Остерегайся, ты не имеешь никакого права останавливать меня! Тебе же будет хуже...

Санду стал невменяем. Он крепко схватил ее за руку, будто приковылая к полу глазами, вспыхнувшими гневом. По его покрытому веснушками лицу покатился (в который раз!) ручьями пот.

В тот момент Маргарита вспомнила, как когда-то Санду избил, как собаку, руками и ногами водителя, который случайно создал на дороге аварийную ситуацию. Он избивал того незнакомого человека со звериной яростью и злостью. Тот кричал нечеловеческим голосом, изнемогая от боли. Маргарите стало страшно, а Санду, после этой ужасной сцены, будто ничего не случилось, сел за руль, нажал на акселератор и, напевая веселую мелодию, поехал. Ей захотелось отчитать его. Но он прервал ее с резкостью в голосе, сказав, что он мужчина, а у мужчин свои законы и принципы.

Был еще один кошмарный случай. Однажды вечером, когда они вдвоем возвращались с подножия Карпат, на одном повороте, без свидетелей, Санду сбил насмерть пастуха, который подгонял стадо овец. В то время как она пребывала в ужасе от всего произошедшего, Санду мгновенно принял другое решение: схватил труп за руки и ноги и бросил его изо всех сил, как рулон обоев, с крутого спуска в долину на краю дороги. Уезжая с места преступления, при жалком виде осиротевших овец, Санду нажал на педаль газа и включил свою любимую музыку из фильма «Эммануэль». Он гнал автомобиль, колеса которого были в крови, по-сумасшедшему. Марга хотела и в

этот раз поговорить с ним, но он посмотрел на нее сурово, сказав: «Заткнись! Или хочешь увидеть небо в клеточку?»

Маргарита в тот вечер поняла, что он, ее любимый мужчина, очень суров и беспощаден и что его характер изменчив, как весенний ветер. Не могла себе объяснить, почему прощает ему все. Она вспомнила и упреки старшей сестры, которая, как только она познакомилась с ним, огорченно покачала головой: «Неужели ты не в состоянии найти себе достойного любовника? Опомнись, сестра... И почему он тебе проходу не дает? У него что, нет работы, нет своих забот? Выгони его к черту. Он мне совсем не нравится. У него взгляд... вампира».

Маргариту одолевали воспоминания. Она вздрогнула, когда он спросил:

– Так мы едем к моей матери? – и опрокинул еще один бокал шампанского.

– Может, мне взять с собой и детей, и мужа? – посмела она пошутить.

Он так сильно дернул ее за руку, что Маргарите почудилось, что она находится под угрозой быть съеденной леопардом. Она испугалась, но в ее душе пробудилась гордость, придавшая ей решимость сопротивляться.

– Не смейся над моими чувствами! – крикнул он.

Маргарита, вместо ответа, снова расхохоталась, и попыталась выйти. Санду власто развернул ее лицом к себе, приковав ее глазами, повторяя те же слова: «Поехали знакомиться с моей мамой? Я хочу жениться на тебе».

– А я не хочу тебя! – ответила она ему спокойно, с твердостью в голосе, пытаясь освободить руки.

* * *

Маргарита почувствовала быстрый удар кулаком в лицо, потом еще и еще... Ее глаза стали большими-большими от ужаса, потом она сползла на пол. Нечеткими движениями, Санду направился в угол комнаты, достал оттуда лом и с жестокостью полоснул ее несколько раз по затылку...

Через несколько мгновений, извиваясь в конвульсиях, хрупкое тело самой красивой и любимой женщины из всех тех, кого он когда-то знал, отделилось от души...

На улице было слышно урчание машин. За стенами, в другой квартире, соседи громко ссорились между собой. Он не понимал, где находится, на небе или на земле. Санду Аиленей, с дрожащими руками, с широко открытыми сумасшедшими глазами, делал какие-то машинальные движения, не осознавая ничего...

Он постриг ее косу, зажег огонь в камине и внимательно следил, пока в огне растаяли все ее густые волосы. Снял с нее одежду, набивая ею камин, затем положил тело Маргариты в мешок и вынес его, крадучись, из квартиры. На улице бросил мешок в багажник автомобиля, затем вернулся в дом, прислушался, нахмурившись, к тишине, успокаивая себя, что никто ничего не мог слышать. После он тщательно помыл от крови полы. Убедившись, что не осталось никаких следов крови, посмотрел на часы, на фотографию сына с подоконника... Было за полночь. Он должен был спешить...

Когда он вышел на улицу, в лицо ему ударил влажный апрельский ветер. Он включил двигатель, вцепился руками в руль и помчался с сумасшедшей скоростью по темной пустой дороге. Не думал ни о чем, хотел лишь быстрее добраться до деревни, до своей матери, показать ей Маргариту, хоть такую, мертвую. Ведь он так много рассказывал маме о ней, хвалил ее! Через час он был уже возле родительского дома. Кое-где в окнах деревни мерцали огоньки.

Заблудившись в своих мыслях, он нажал на газ и поехал дальше к оврагу. Дня четыре назад шел дождь, дорога была мокрой. Автомобиль яростно передвигался по вязкой грязи, пока не остановился возле заброшенного колодца посередине вспашки. На рассвете он все закончил...

С матерью решил сегодня не видаться. Утром он должен был быть на работе в городе!

* * *

Ему хотелось верить, что этот кошмар был всего лишь страшным сном.

«Я отвечу только перед Богом, на старости лет, – говорил он себе. – А теперь я буду жить. Ни в коем случае не желаю отвечать перед законами, придуманными язычниками. Так Бог хотел, чтобы случилось... с Маргаритой.»

Каждый находит смерть от Бога. У моей любимой подруги была много грехов, перед мужем и детьми. Отныне, все бремя ее грехов, будет искуплено моей скромной персоной. Мною! И я буду ее грехи искуплять достойно!» По дороге домой прокрутил в памяти все, что произошло... У матери в саду, под абрикосовым деревом его детства, он закопал одежду, которая не сгорела в камине. Увидел, как наяву небольшие языки пламени, услышал, как потрескивали волосы Маргариты. Перед глазами всплывал отпечатанный образ ее голого тела. Нахмурился, вспоминая, как, прежде чем выбросить мешок в колодец, проехался по нему колесами автомобиля, инсценируя автомобильную аварию.

Видел в реальности черный сруб колодца, услышал глухой плеск воды, когда привязанный мешок с телом Маргариты упал на дно. Услышал скрежет плоскогубцев, которыми отрезал цепь, позволяя ей упасть в бездну колодца вместе с оловянным ведром.

Когда он приехал в город, решил заехать к своему брату. Он был весь в крови, в запачканной в грязи куртке.

– Матерь Божья, ты откуда в таком виде, неужели из ада? – удивился брат.

– Брат, – ответил Санду, уставшим голосом, будто задыхаясь. – Я умоляю тебя: если кто-нибудь спросит об этом, скажи, что я спал этой ночью... у вас. Понял? –

– Если это будет необходимо, конечно, – заявил брат, зная крутой нрав Санду и проводя его за калитку испуганными глазами.

Он подумал, что Санду нашел способ мести виновным в смерти сына. Если кто-то будет допытываться, он обязательно обеспечит ему алиби. Потому что Санду его единственный брат!

Как только вернулся домой, Санду включил стиральную машину, разрезал на куски коврик из багажника, на котором лежал труп и побелил известью стены, забрызганные кровью. И все задавался вопросом, не упустил ли он чего-то из виду. Как усидел в тот день на работе, только он знал. В полдень к нему в офис зашла коллега Маргариты по работе. Она, глядя на него и улыбаясь своей обычной игривой улыбкой, спросила шаловливым голосом:

– Ну, и где же вы были прошлой ночью, вы и Марга, голубки вы наши?

– С ней? Нигде, – успокаиваясь, он посчитал нужным объяснить, – Вчера вечером... Я ее провел до конечной станции, затем зашел к брату и там и переночевал.

– Удивительно! А ее муж везде ищет. Ее сестра тоже. – Она, заметив, что руки Санду задрожали немного, добавила, – Странно... Я была уверена, что она осталась ночевать у вас. Ведь она не могла куда-то еще уехать из города.

– Не волнуйтесь. Она никогда не оставалась на ночь у меня. Вы это знаете. Она уехала домой. Я хотел подвести ее до Колоницы. Она отказалась. Боялась, чтобы ее кто-то не увидел.

– Что же с ней? Что за отношения у вас? Да, не знала, что наша Марга способна на такие приключения. Разве ей недостаточно отношений с тобой? Почему не поступает, как я: у меня есть любовник, которого я называю моя проститутка. Когда мне нужно что-то новое, свежее, иду к нему и... Он моя служебная проститутка... Пожалуйста, особый случай! Вы, же...

На мгновение ему показалось, что коллега Маргариты что-то подозревает. Но он успокоился и был глубоко тронут, когда услышал:

– Почему не обращаешь на меня внимания? Ведь Марга замужем, а я – свободная. Несколько дней назад мы с ней поссорились. Она четко сказала, что, не против, чтобы мы с тобой стали любовниками. Это жизнь. И все постоянно меняется, совершенствуется...

– Убирайся отсюда, – сам не понимая почему, нагрубил он этой привлекательной и милой девушке. – Оставь меня. Я хочу быть один. Удивленная девушка вышла, заметив, как его голова устало опустилась на плечо. Санду Аиленей, чтобы удостовериться, что все, что произошло в ту ночь, было кошмаром, дрожащей рукой набрал еще один номер телефона. Тот, что был записан на спичечный коробок...

Марга не пришла сегодня на работу, – ответили ему на том конце провода, узнав его голос. – Ее все ищут и не могут найти. Если вы что-либо узнаете, звоните, пожалуйста.

Весь день был как в плену. «Почему ты это сделал, извозчик? – слышал он ее голос. – Ты должен быть нежнее, добрее, терпимее со мной... Почему лишил меня мира романтики, любви и красоты?.. Почему ты это сделал, извозчик? Почему?..»

* * *

Он тщетно пытался стереть из своей памяти трагические события. Санду Аиленей хотел убедить себя, что он не имеет никакого отношения к убийству Маргариты.

После многих усилий сестры Маргариты, его вину удалось доказать, и он был осужден на долгие годы лишения свободы. Отбывал наказание он послушно, чувствуя себя в заключении гораздо лучше, чем на свободе. После освобождения он вернулся домой, без здоровья и молодости. Оставшиеся годы судьба держала его среди живых с утешением, что он заплатил сполна перед законом за свои грехи, но и не перед Богом. Он каждый день и каждую ночь думал и мечтал о той сладкой женщине, которую подарила ему молодость, и которую он растоптал грязными сапогами...

Он сторонился родственников и друзей, находя убежище в великой тайне, когда подкрадывался сквозь старый забор к кладбищу. Долго сидел он рядом с наклоненным в сторону крестом, постаревшим, как и он. Закрывал пристыженно глаза, напрягал слух, чтобы услышать ее зов, скрытый под землей.

Как только годы оставили свой отпечаток и на его ноги, он все реже стал слышать веселый, бархатный, полный жизни голос. Казалось, что время, переживания, эмоции искупили его вину, но не грех... Он был готов принять самое тяжелое наказание, готов быть убитым ядовитой стрелой. Может так было бы легче избавиться от тех мук, которые терзали его на протяжении всей жизни. Люди не понимали его боли, многие успели забыть о ней. На него, сидевшего дни напролет среди кладбищенских крестов, смотрели как на человека без чувства времени и без здравого смысла.

Несколько раз он пытался покончить с жизнью, но его вовремя вытаскивали из петли... Примирился с мыслью, что его последний долг перед людьми – это встретить смерть со всеми ее мучениями, так, как ее пошлет ему Бог... И во всей круговерти жизни, старик все же находил, чем облегчить свое горе и чем искупить грех, который никогда не покинет его. Это был призыв ее голоса, доплывающего до его слабого, старческого слуха: «Эй, жизнь! Как можно жить в объятиях зла и обмана? Как не поверить, что мы не должны останавливаться ни на мгновение? Не колебайся, человек!.. Держи уздечку крепко! Гони лошадей жизни, ямщик! Гони, не стой на месте!..»

Озорная Нэлли

С самого утра, перед самым началом рабочего дня, в дверях кабинета появилась озорная Нэлли. С той же самой язвительной улыбкой, с распущенными волосами на плечах, гладким лицом, большими серебристыми серьгами и едва заметным шрамом возле уха.

– Что-то прохладненько на улице – говорит она мне, поглаживая свои румяные щёки.

Под бордовым пальто она носила бархатные джинсы чёрного цвета и блузку с широкими рукавами, столь нежную и прозрачную, что, слегка просвечивалась её совсем молодая грудь, но уже довольно полная. Как и прежде, увидев её в дверях моего кабинета, меня неожиданно пронзило волнение. Я ничего не ответил, разве что встал с кресла и стоял неподвижно.

И кажется, я даже забыл ответить на её ребяческое «Чао!», без всякой суеты.

Она поцеловала поспешно меня в щеку, лёгким движением руки стёрла след от помады и, сев поудобнее в офисное кресло, естественно без моего позволения, стала говорить слово за словом, иронично ухмыляясь:

– Хочу покуситься на твоё одиночество, начальник, поболтать.

В тот промежуток времени, что я не видел свою бывшую секретаршу, до моих ушей дошли множества самых разных слухов насчёт неё.

Некоторые говорили, что она вышла замуж за какого-то посла и уехала в Нуакшот в Мавританию, другие, на против, что выбрала себе в мужья бармена из «Ла извор», потом что развелась и снова вышла замуж, и уехала в Москву.

Я подозревал, что озорная Нэлли скитается по миру, всё ищет и ищет что-то ... что же она ищет? Девушка жила на шикарную ногу, это её слабость, и жизнь её была всегда как праздник, беззаботной. У меня были все основания подозревать, что это было именно так. Два года работы под моим крылом, я, как понимающий начальник, только это и видал: вечер за вечером приезжали за ней воздыхатели, то на голубых лимузинах, то

на чёрных или же на белых... Для того чтобы на следующий день видеть её на работе меланхоличной и безмолвной, с отрешённым взглядом; иногда видел её с опущенной на стол головой, её волосы, ниспадали до самого пола на глянцевый паркет приёмной. Я даже делал ей несколько раз замечания, но она с упрямством настаивала на том, что имеет право на личную жизнь и мне не стоит лезть в её судьбу. Меня раздражали её высказывания, поэтому я, в конце концов её просто уволил, хоть мне и названивали разные незнакомые голоса, упрасывая меня воздержаться от столь категоричных решений... Но после ухода Нэлли с работы, я столкнулся с тем что мне чего-то не хватает.

Утром того самого дня я увидел её спустя три года. Как бы там не было, время её изменило, но всё-таки с того момента как она села в кресло передо мной, Нэлли, пожирая меня своими большими, пронзительными глазами, разворошила мои юношеские воспоминания.

В первый раз я влюбился в десятом классе, в девчонку с первой парты, и только сейчас я осознал: она вылитая Нэлли! Если не внешностью, то характером уж точно, безусловно!

Боже мой! И уволил я её из глупой ревности?!

– Всё живёшь непринужденно, начальник? -неожиданно спросила она.

Хм... как-то раз, я ей признался, сам не зная с чего вдруг, что меня в жизни не любила по-настоящему ни одна женщина. Она это не забыла!

– Ты замужем?

– Нет! – ответила она с недовольством. –У меня нет ни мужа, ни любовника. Я свободна как лань. Я завязала со всем и со всеми одновременно!

– Ты ушла в монашество, другими словами, – киваю я с сочувствием, пытаюсь угадать, озорная Нэлли пришла ко мне с какой-либо просьбой или же просто зашла провести своего старого знакомого, поболтать о сём о том. Пожалуй, каждый строит по-своему свою жизнь. Она молода, красива, как раз хороша для счастливого замужества. Её путь, как говорится, усыпан лепестками роз!

– У тебя на это есть все основания. Мужчинам моего возрас-

та нельзя доверять. -Подшутил я мрачно, думая, что из-за застенчивости она сдерживает своё признание. –Могу я чем-то тебе помочь?

Мой тон, её никак не поразил. Она думала, как ни странно, что я буду с ней холодным и безразличным. Тем более, скоро, в моём кабинете начнется собрание. Нэлли понимала, что своим визитом она меня всё-таки удивила.

– Всё в верх дном в жизни! – сказала она философски и патетически, как будто совершила необыкновенное открытие, не взяв на меня.

Я молчал. Сидел в голубом кресле и смотрел на нее тоскливо. Хотелось спровоцировать её на конкретную, адекватную дискуссию, но не знал, как именно. Даже её намерения не были мне понятны. Я был ошеломлён её классическим профилем. Она же, заметив мой пронзительный взгляд, моргнула, прикрывая свои большие, голубые глаза и шрам, который больше похож на след от лезвия ножа.

– Какой толк от того что я молода... Я вышла замуж сразу как ушла отсюда, в 19 лет, и через год развелась. – Нэлли глубоко вздохнула. – И с тех пор, я не нахожу себе покоя. Я как лист, оторванный от ветки, и брошенный в грязь... Мужчины, словно прошлись грязными сапогами по моей душе, я, к сожалению, не была бдительной и позволила им это сделать...

Последнюю фразу она произнесла меланхоличным голосом, слегка прикрыв глаза. Потом она закрыла глаза, проявляя усталость и мучения. Нет, теперь она не была озорной, как совсем недавно.

– И надо было разводиться так поспешно?

– Да, невозможно было терпеть...

– Может быть, вина была твоя, Нэлли?

– Я не была девой, это верно... В семейной жизни это не так важно. Мой муж, тем не менее, был скотиной! Классической, с большими ушами, колерованной! Как же я была глупа, боялась остаться старой девой в 19 лет! –Закрыв глаза...– Не зря мужчины обзывают молодых девушек «коровами». Иногда это чистая правда... Ему, моему мужу, нравились чужие женщины и вино, но меня он ревновал! Когда он выпивал слегка, то было достаточно, намекнуть на то, что мне нравился, скажем, актёр

из фильма, который мы смотрели вместе, лёжа в постели и... Он, поспешно и со скандалом выключал телевизор. В случае моего сопротивления, он бы меня совсем уничтожил. Как-будто был тронут умом, не с кем было разговаривать!

– Он тебя избивал? – в ту же секунду я пожалел, что спросил.

У меня была куча дел, связанных с работой: это было утро понедельника, начало рабочего дня. В конце концов, я считал себя начальником конторы, а никак не любопытной бабой. Но вот вопросы стали появляться один за другим. Как будто, меня кто-то проклинал чтобы я замолчал только после того как иссякнет моё любопытство, которое сжигало меня столько лет, не осознавая, я не мог найти себе место и не понимал почему... Меня беспокоило, что с ней, с Нэлли?

Нужно узнать сегодня. Немедленно. Сейчас.

Она молчала некоторое время, поправила волосы на узком, но красивом лбе, посмотрела с грустью на облачное небо которое спускалось всё ниже к широкому окну моего кабинета и продолжила тихо, как будто сама себя слушала.

– Терпела я и избиения... По началу думала, что пройдёт. Но он, видя, что я молчу злился еще больше. Разве не из-за этого женщины становятся злобными иногда?! – предполагала она, в недоумении, и в данном проявлении виднелась другая тайна, отдельная от других. – И в конце концов моё терпение лопнуло! Я рассказала об этом своим родителям. Отец и мать заставили меня его бросить. Я послушала их и вернулась в родительский дом. И не жалею об этом.

– И потом? Что было потом? – стал я её подбадривать, делая вид что мне очень любопытно, будучи на самом деле очень раздражённым, даже яростным.

Нэлли же, молчала, и поэтому я настоял снова:

– Догадываюсь, ты не ушла в монахини? – Тон был слегка грубым, но Нэлли не приняла это в серьёз, спокойно продолжила:

– Возвращаясь в город, я устроилась секретаршей – машинисткой в районное отделение полиции и...

– И?!

– Я жила со Штефаном, водителем фургона.

– В сожительстве?

– Да, естественно. Правда, он предложил мне выйти за него, но я отказала... И в конце концов я столкнула его со своего пути!

– Почему?

– «Почему», «почему» ... Разве не ясно что я боялась ошибиться в очередной раз? У него не было ни кола, ни двора, и он всегда работал в ночную смену... Моя бабушка говорила: кто однажды ошпарился супом, будет остужать даже йогурт! Только сейчас я это поняла! Только сейчас! Тогда ведь, я была такой наивной, Господи! Обманутая женщина может быть и глупой, когда мимо проходит её счастье. Я не хотела усложнять себе жизнь и отказала ему. Это, наверное, моя самая большая ошибка. В её глубоких, голубых глазах, зажглась искорка сожаления. – Я живу с чувством страха и надежды, одновременно.

– И как ты закончила со Штефаном?

– Он женился, – улыбнулась она возмущённо, наверное, мне на зло. – Неудачно у него всё. Совсем! Он болен, детей нет, несчастный...

Охваченная грустью, она рассказывала о своём, но я её не слушал. Не было больше сил её слушать. Я думал про себя: «Надо же, как бывает... В принципе та-же проблема, уже четвёртый год. Тогда я её просто не понимал. Сейчас, да, я её отлично понимаю. Меня раздражает то что она глупа, что ходит где-то и занимается не понятно, чем, забывая обо мне! Совсем игнорируя меня! Не как начальника, а как мужчину. Это правда! Нэлли красива! Очень красива! И ведь если бы я не был семьянином, меня бы не волновало то что она глупа! Да, я её уволил чтобы не видеть больше эту недоступную для меня женщину, я женатый и серьёзный мужчина. И в конце концов, я её отодвинул подальше!»

– Я даже с ним не поссорилась, – дошли до меня её слова. Я тот человек, что всегда уступает, не может отказать. Но Штефан не понял это, и решил отказаться от меня. Сейчас он строит огромный дом!.. Сказал, что он всё-таки возьмёт меня в жёны такую какая есть. Лишь бы у меня было желание.

– Как это так? Не говорила ли ты что он женился?

– Говорила. Да, но он хотел развестись со своим новым огурчиком, потому что не может жить без меня. Его жена даже ребёнка ему не родила, хотя уже два года как женаты.

– Он уже не хочет жениться на тебе или же у тебя не хватает терпения ждать пока он закончит строить дом?

Нэлли помяла нервно тонкими пальцами край своего бордового плаща.

– Штефан это сказка с грустным концом: будучи чересчур ревнивым, он свихнулся, и теперь он в Костюженах, в психбольнице...

У меня не было слов! Мы долго молчали вместе. Потом я осмелился всё-таки нарушить тишину:

– Значит ты совсем одна? Где ты живёшь? Где работаешь? У тебя есть работа?

– Я живу у сестры, в общежитии для рабочих. В последнее время я работала на престижном предприятии, хотя работа мне особо не нравилась. Единственная радость была – день зарплаты. Я заказывала заранее такси на вечер, покупала огромный букет роз или гвоздик и ходила в национальный дворец, на концерт, чтобы подарить их артистам на сцене.

– Всё-таки тебе грустно...

– Напротив, и я даже не одна! – засмеялась по-детски Нэлли, да так, что звук разнесся по всему кабинету.

Потом добавила кокетливо:

– У меня была куча кавалеров. Скажи мне, начальник, почему мужчинам нравятся чужие и красивые женщины? Глупые, красивые и чужие? Я не умна, но все они кажутся мне ограниченными, все как один. И если я пожелаю, как и любая женщина, я бы могла закрутить с любым мужчиной из нашего города! Сейчас я устала менять их как перчатки. Я боюсь СПИДА, не смейся, я честно, мне надоело перебирать мужчин. Особенно высокопоставленных. Финские бани, выезды на природу на шашлыки, подарки, музыка, занятия любовью в роскошных автомобилях! Я от всех избавилась, но я тоже зашла в тупик: не могла выбрать между двумя чиновниками. Стагнация, господин товарищ!

Она опять мне подмигнула! Мне не понравилось это грубое подмаргивание, и она это немедленно почувствовала. Засмеялась звонко, охрипши:

– Ты странно смотришь на меня! Может быть, осуждая меня, ты чувствуешь себя церковным ключиком? Думаешь я не дога-

дываюсь почему ты меня уволил? Эх, если бы я захотела! Просто у тебя хорошая жена. Симпатичная, она тебя любит. И я не хотела разрушать твою семью.

– Выдающее великодушие, мама дорогая!

– Прости за честность!

Насколько жестокой может быть Нэлли, невозможно в это поверить. Её откровенность меня поразила... Что её заставило такое обо мне подумать? Я ей не давал повода... Ох, мегера! Она умнее гадюки. У меня снова появилось ощущение, что я парю, от волнения у меня закружилась голова. Лишь-бы что-то сказать, я пробормотал:

– Ты говорила, что у тебя неприятности с теми двумя... Как? Почему?

– Ну, у меня от них ребёнок... Я родила его пять месяцев назад.

Её фраза, сказанная наобум, шокировала меня. Я онемел.

– От двух мужчин одновременно? Это невозможно... сделать...один и тот-же ребёнок.

Она усмехнулась, следом и я рассмеялся! Казалось, что я сейчас захохочу, икая...

– Ладно, ладно, давай же приди в себя! – Она смотрела на меня прищуривая глаза. Её взгляд был полон испытующей нежности. – Не хочу тебя пугать, но смотри чтобы ты не попал как-то в такую же передрыгу. Они попались потому что заслужили это с полна. Ха-ха! Они думали, что умнее меня. Товарищ прокурор и товарищ заместитель министра! – Произнесла она жестко и пренебрежительно.

Озорная, неужели ты настолько коварна?

– Между нами говоря, сказала она, не замечая мою скованность. Иногда и жизнь нами играет, когда мы не поступаем с ней правильно... Сейчас у меня нет близкого друга. Из мужчин, разумеется. Мужчины из города. Поэтому я осмелилась прийти в твой кабинет... Я тебя давно простила. Когда я работала под твоим покровительством, я мечтала провести хотя бы часок вместе с тобой. Вдвоём, в интимной обстановке. Но ты не догадался даже на чашечку кофе меня пригласить. Может быть ты скуп, экономил национальную валюту семейного бюджета? Кто же тебя поймёт. Ты очень далёк от реальной современной жизни. Легко осуждаешь других. Уволил меня на раз-два!

– На что ты живёшь? На хлеб есть? – Попытался я увести разговор в другое русло. Я надеялся, что она будет мне жаловаться, я бы отдал ей малость что зарабатываю, ведь я не скуп, как она обо мне думает. Оправдываться перед нею... Зачем?

– Мне не нужны денюжки. Мне нужен друг, человеческая душа. Я подозревал, но всё-таки? Настоял, потому что я не верил, что ей хватает помощи государства.

– Денег мне хватает, – усмехнулась она, авторитарно и ехидно одновременно. Когда у меня кончаются денюжки, я беру на руки своего малыша и выхожу на «охоту».

– Тебе лучше успокоится, Нэлли, ты же мать, ты в ответе за...

– Не тот случай чтоб я притворялась святошей. Знаешь, что я заметила, начальник? – продолжала она, не обращая внимание на мою «родительскую мораль». – Они настолько забавны и изобретательны, прибегают к стольким уловкам, когда речь заходит о бдительности жён, но вот когда слышат о каких-то обязанностях – они дрожат! У них нет ни капли воображения, несчастные чиновники. Изменники! Но вот, однажды, все развлекаясь ночь за ночью, то с зам-министром, то с его величеством прокурором в саунах и охотничьих домиках... Ну ладно, в один прекрасный день, – Нэлли ткнула себя пальцем в грудь – озорная Нэлли оказалась беременной! И что вы думаете, что произошло в дальнейшем? Комедия! Они вели себя, как ни в чём не бывало, оба. Струсили, как братья, по несчастью.

– А ты разве не понимала, что они тоже люди – со своими промахами и недостатками?!

– Ну, ладно, я стерпела! Не искала их, а они, словно коты, думали, что я их провоцировала... Ла-адно! Когда родился Нелуцу, я сообщила им обоим. По очереди, конечно, – снова ехидно засмеялась Нэлли.

– Я думаю, что они очень обрадовались? – ответил я иронично.

– Очень! – засмеялась она, прищуриваясь. – Я пошла с ребенком на руках. Сначала к прокурору, затем к господину заместителю министра... Они напугались до смерти, как при пожаре! И вот, начальник, каждый из них поставил мне одинаковые условия: чтобы я не разглашала тайну, и они мне помогут. С того дня я живу хорошо и очень даже уютно. Ничего не скажешь? Живу в своё удовольствие! В конце месяца, когда у меня заканчивают-

ся финансы, я иду к ним поочерёдно, в кабинеты тех двух, вот так как сейчас зашла к тебе. Они смотрят на меня и дрожат от страха, но в их кармахах хранятся резервы, с подачи от подчиненных, отложенные для меня и Нелуцу. «Понравилось делать баеньки со мною? Будьте добры, заплатите за это!» говорю я им. Вот так мы с сыночком нашли своё место под солнцем.

Нэлли встала с кресла. Вроде закончила. Она поправила обеими руками свои длинные волосы, распущенные по спине, наверное, чтоб я заметил её дорогие серьги, потом отпустила медленно, вьющиеся волосы, на узкие плечи, усмехаясь как-то виновато, как будто просила посочувствовать ей...

Мгновенно, меня стало раздражать её кокетство, и даже обстоятельства которыми она гордилась – всё!

– Как ты смеешь, Нэлли? – спросил я охрипшим голосом и повторил: – Как ты смеешь? Ведь отцом ребёнка может быть лишь один из них?

– Но даже я не знаю который из них, – опустила она взгляд. И добавила: – Вырастит Нелуцу, вот мы и посмотрим на кого он будет похож. Тогда и расставим точки над «i». Доживём здоровыми до тех пор.

– Ей, девчонка! – вспыхнул я разъярённо. – Что ты делаешь? Была сперва двоемужницей, а сейчас... Что ты скажешь своему ребёнку? То, что ты творишь, это шантаж...

Молча, она одела незаметно своё пальто и вышла, не сказав мне даже «чао!».

Я не попытался её остановить, хотя до меня дошла капля сожаления:

– Я думала ты меня поймёшь, будешь сочувствовать, но ты...

На небе собирались хмурые тучи и у меня было предчувствие что скоро пойдёт дождь. Будет идти долго, тихо и монотонно и избавит меня от всяких мыслей...

В кабинете меня все еще преследовали большие, голубые и ласковые глаза. Может быть существует в жизненном хаосе, оправдание её действий! Как бы там не было, я всегда верил в то, что мы каждый день сдаём экзамен, который не каждый способен пройти... Кто знает, как бы я его прошёл, если бы я дал волю той самой «родительской заботе», о которой лишь сегодня сам узнал... Бедная девушка, она меня пожалела по-своему...

Думая о озорной Нэлли, я стоял, прислонившись к широкому подоконнику, ожидая услышать шум дождя. Старался разглядеть силуэт Нэлли в толпе на улице.

Когда куранты со стены били тяжело и приглушённо начало рабочего дня, в городе, ни с того ни с сего поднялась весьма необычная буря для конца марта. Я не знаю почему, но мне вспомнилась похожая картина одна из увиденных мной на Камчатке, когда я был там в командировке. Тяжелые тучи, толпились на горизонте и устремлялись над современными районами. Уже больше месяца не было ни дождя, ни снега. Как будто мы находились в другом полушарии, а времена года напутали свой естественный ход. Дождь, же, еще задерживался где-то за городом... Я следил через окно как над булыжной мостовой, большие вихри поднимали над домами пыльные столбы, словно вращающийся дым над вулканами.

ПОКЛОНЯЙСЯ ТИШИНЕ

«О, мама, сладкая мама! ...»

На пороге общежития, стоял маленький мальчик и дрожал от холода. Он часто дышал на свои ладошки и переминался с ноги на ногу, чтобы согреться. Ребенок внимательно следил за жужжащими троллейбусами с соседней остановки, у которых поочередно и шумно открывались и закрывались двери, но ожидаемый человек так и не появлялся.

Вдоль улицы зажглись огни. Шёл снег. По тротуару, охраняемому огромными тополями, пробежали два мальчика с санками. Старший из них, говорил братику чтобы тот вернулся домой и что его ждёт отец с ремнём наготове. Второй же, не воспринимая в серьёз сказанное, остановившись, засмеялся, передразнивая его пальцем, как щенка, что готов укусить. Напротив общежития, на одном из балконов многоэтажного дома, стоял их отец и, грозным голосом, звал их домой учить уроки на завтра...

Кругом всё стало белым и пустым. В морозном воздухе снежинки скопились, кружа возле лампы у входа в общежитие,

словно бабочки, налетевшие на одуванчики в конце весны. Мальчик про себя подумал: почему же снежинки не «звенят» так же как капли дождя? Дыханием изливал струйку пара, пытался поймать своим теплом хоть одну снежинку, но снег таял только на кончике носа. «Скоро новый год, подумал мальчик, и дети ходят с «Плугушор»-ом по домам. Интересно, а в городе ходят с этим обычаем в эти высокие дома?» И стал напевать шёпотом новогоднюю колядку. Он знал её наизусть, но местами путался. Поэтому начинал с начала...

У общежития, из-за угла появился рыжий пёс, с небрежно закрученным хвостом, он подошёл к мальчику и стал ластиться, хотел поиграть. Мальчик не привыкший к тому чтобы собака – особенно чужая! – стала ему другом, прогнал её ...

* * *

Она задержалась на работе. Как освободилась, сразу зашла к Ликэ – горделивому вдовцу, с тронутым оспой лицом. Как и договаривались днём, они сходили в театр. Возвращались домой воодушевлённые и забавные, как дети. Бросались снежками, обнимались, шептались, и громко хохотали. Ликэ предложил ей остаться у него, но она отказала...

По дороге в общежитие она зашла к своей подруге Валентине, муж которой угостил их вином «Норок», в честь грядущего праздника, и теперь, возвращаясь в общежитие по пустому тротуару и будучи в хорошем настроении, напевала краем губ, какую-то песню:

«И сказала я себе:

Не верь мужчинам...»

В ночной тишине, мальчик пошел вслед за ней виновато, и в момент, когда они поравнялись, он снял шапочку. Женщина не обратила на него никакого внимания; схватив решительно ручку дверей и, думая о том, что мужчинам всё же нужно иногда верить, поспешно зашла в общежитие.

– Добрый вечер, мама – прохныкал мальчик.

Его глаза блестели, а с губ шла, едва заметная, легкая испарина. Она приостановилась в недоумении, затем, через мгновение, осторожно, опустила в низ свои руки.

– Вот тебе раз... Ничего не понимаю: откуда ты взялся, голубчик?

Мальчик натянул шапочку на свою лысую голову, всхлипнул наивно, хотел что-то сказать, но в горле застрял ком.

– Говори, мальчик, кто тебя сюда послал?

– Я приехал на такси... с вокзала – едва прошептал он посиневшими от холода губами.

– Я хочу знать: кто тебе позволил приехать? – посмотрела она суровым взглядом. – Мы же договаривались?

Мальчик вытер рукавом свои промокшие брови, слушая упреки матери и понимая, что он создал ей большие неудобства. Она не хотела нервничать в этот вечер. Заставила его пройти за ней по ступеням до комнаты на третьем этаже. В комнате было тепло и уютно, и, пока мама смывала с лица краски, ребёнок уснул, прислонив голову о край стола.

На следующий день, перед уходом на работу, она ещё раз спросила его:

– Зачем ты приехал?

– Я хочу жить с тобою, мама... – ответил он напугано. – Возьми меня к себе, мне надоело жить у дяди Тоадера...

– Ты смотри на него, бесстыдного, – сорвалась мать; мальчик даже вздрогнул.

– Мама, и в Кишинёве есть школа – просил покорно мальчик. – Я буду послушным. Если в твоей комнате не хватит места, я буду спать здесь, на полу, указал он пальчиком на узкий коридор, где у стены прислонили две пары лыж. – Дядя Тоадер пьёт извар, и после, отправляет меня к тебе, деньги просить... а ты не знаешь где мой папа?..

– Замолчи, а то я тебя сейчас задам! – разозлилась женщина, кинув на стол помаду и зеркальце. Но, после паузы обиды, продолжила спокойным тоном: – Бессовестный! Убежал из дома чтобы прийти мне сюда ныть...

– Дядя меня послал, – повторял мальчик, закрыв лицо ладошками и пытаясь спрятать слёзы. – Он сказал, чтобы ты заплатила то, что мне причитается...

Опустилась невыносимая тишина. Мальчик стёр слёзы и продолжал виновато на неё смотреть. Нервно перебирал руками полотенце на спинке стула.

– Какая наглость! – Сказала она издевательски, обхватив руками свою тонкую талию. – Как ты смеешь, негодный, так раз-

говаривать с своей мамочкой? Что за воспитание, Боже мой!

Она думала, что мальчик что-то скажет, но он лишь наблюдал, украдкой, как она встряхивала свои наручные часы у уха.

– Я ухожу на работу. Опаздываю – бормочет она недовольно.
– Завтра утром едешь домой, без разговоров.

Женщина вышла, хлопнув дверь. Он, стоял возле окна и бесконечно любовался своей мамой –бойкой, красивой, исчезающей в уличной толпе.

При дневном свете, тополя, как будто надевшие на себя выпавший за ночь снег, казались огромными копьями, пронзившими стеклянное от мороза небо. Вокруг всё стало белым, двор общежития оживился детьми, выбежавшими на перемену. Мальчик стоял у окна и радовался за девчонок, которые сражались ожесточённо с мальчишками у стен школы. Они хотят победить мальчишек?! В их школе даже речи об этом не может быть.

Он целый день не выходил из дома. Дверь была заперта с наружи. Когда голод стал его безжалостно мучить, он стал рыться в холодильнике и нашёл там кусочек колбасы и одно яблоко. Ничего другого не было, но и не хотелось. Колбаса ему очень понравилась, и он подумал: что, если мамочка даст ему денег, он купит себе из Кишинёва буханку хлеба «от зайца», такой же что приносила ему частенько с ярмарки его покойная бабушка. Но вот, после её смерти, его родной дядя почти не заботился о нем...

После работы, она, конечно же, зашла к Валентине, к этой крупной женщине с ясными, пронзительными и мудрыми глазами, с большими губами, и стала рассказывать ей новость.

– И почему же ты не принудишь Санду заплатить алименты? Спрашивает в недоумении подруга.

– Пошёл он к чёрту! Даже имени его не хочу слышать. Придурок! Бессовестный отец! Отдала ему всю свою молодость... Валентина, мне надоела такая запутанная жизнь. Поверь мне, я хочу пожить в своё удовольствие, хоть одну недельку, так как мне нравится...

«Так как мне нравится...» Легко сказать... и после паузы:

– И где же сейчас твой муженёк?

– К белым медведям поехал. Лечиться, пьянчуга...

– А Ликэ? – Поллюбопытствовала подруга.

– Ах, вчера он меня провёл до дома, – вздохнула она, с облегчением, что подруга сменила тему разговора. – Он так мил, словно гусёнок, что расправляет свои крылышки. Завтра встречаем новый год вместе, в «Молдове». Я надену велюровое платье, его подарок...

– Когда получишь квартиру, выйдешь замуж?

Она посмотрела резко на Валентину:

– Город кишит вдовами, моя дорогая... вот знай, что мне уже четверо мужчин предложили выйти замуж...

– И что?

– Какие же они кавалеры, без крыши над головой? – И в то же мгновение, на ее лице нарисовалась грусть. – О чём тут говорить! В этом и есть причина почему я не могу порвать с Санду. Сама знаешь, что разведённые женщины с одним ребёнком, по закону, не имеют права претендовать на трёхкомнатную квартиру. Мы же пока, юридически числимся как семья из трёх человек, понимаешь?... Ох, даст Бог, у меня будет свой дом, и как говорит Ликэ, будет ясность и в моей жизни. Раньше я была сильнее, но теперь я всего боюсь. Боюсь сильного ветра, безлунных ночей. Я боюсь одиночества...

– А как же мальчик?

– Может, поумнеет немного, до того, как я получу квартиру, а пока, ходит за мной по пятам...

– Какая же ты счастливая, что у тебя есть ребёнок – сказала подруга, обнимая подушку. – Мы же ходили по стольким врачам, столько денег потратили – всё зря! Мы с Дану живём вот уже шесть лет, и нет у нас радости в доме... Думаем усыновить ребёнка, а то...

– Будут у вас ещё дети, рады не будете... Вы совсем молоды...

Вскоре вернулся с работы муж Валентины, седоватый мужчина, с вытянутом лицом и нежным взглядом. За ним, пришел и Ликэ.

– Любовница! – Воскликнул, широко улыбаясь, Ликэ. – Идём. На улице нас ждёт молодость, мечты и задор!..

Она и Ликэ ушли, отказываясь от угощения, не смотря на уговоры Дану. На улице, Ликэ нежно обнимал её и вдвоём они

смотрели жизнерадостно на огни общежития. Думали зайти в комнату, как обычно, но она его остановила, сказав, что приехал её отпрыск из деревни, и что они увидятся завтра, на вокзале, и оттуда – сразу в «Молдову»!

– Согласен?

– Согласен. – Ликэ поцеловал ей пальцы на руках, и они расстались.

Мальчик уснул. На двери висел, прикреплённый кнопками, лист бумаги, на котором он сам нарисовал Снегурочку, Деда Мороза и олимпийского медвежонка между ними, а внизу, пожелание «С новым годом!». Она зашла в спешке, поставила вариться манку, затем, разбудив его, сели пировать.

– Скажи дяденьке, что ему хватит того, что имеет в наследство дом деда, и чтобы не лез он туда, куда не следует... Ничего страшного, если ты поживёшь у него. А насчет оплаты скажи, что государство не доверяет чужие деньги в руки пьяниц. Алименты я коплю, они тебе ещё понадобятся, когда подрастешь. Кто же кроме меня будет тебя одевать, учить?

– Мама, а когда ты вернёшься домой? – осторожно спросил ребёнок.

– Эх, паренёк, не ждите меня, потому что я очень занята – ответила она, полностью погрузившись в свои мысли.

– А в апреле?

– Тогда я тоже буду занята.

– Мама, – сказал он ей смиренно, – а в апреле нас примут в пионеры. Наша учительница Нина Павловна об этом сказала.

– Если будешь послушный... – Стала она его уговаривать, чтобы хоть как-то замять этот разговор.

– Спасибо, мама. Я буду послушным!

Сказав это радостно, резко поднялся из-за стола и хотел её поцеловать. Она же, отодвинула его рукой:

– Будь послушным и дисциплинированным, как тебя учат в школе!

– Ладно...

– Садись и доедай.

На следующий день она провела своего сына домой.

– Деньги на дорогу есть? Спросила она его на вокзале.
– Совсем нет. Дядя дал только чтоб к тебе приехать.
– Чёртов скупердяй, – пробормотала она, и прошла к кассе за билетом, где толпилась куча народа, потому что был канун Нового Года.

В зале ожидания стояла нарядная ёлка, высокая, до самого потолка. Игривые, разноцветные огоньки, зажигались то здесь, то там, между игрушками, притягивая к себе взгляды.

Ликэ суетливо искал её в толпе на вокзале. Вскоре нашёл, но исчез мальчик, и они стали искать его вместе. Она была расстроена, но пыталась изо всех сил хоть изредка улыбаться Ликэ. Наконец, они его нашли, и, раз до отправки автобуса в Иняски было ещё время, они вместе подошли к ёлке. Ликэ протянул мальчику жвачку, в шелестящей, приятно пахнущей обёртке, для «молодого пассажира», так он его называл...

Приехал автобус. Она схватила впопыхах его за руку и приказала сесть. Прислонясь щёчкой к вспотевшему окну, мальчик всё старался вытереть его своей ручонкой. Снаружи, его мать рядом с Ликэ, всё отчитывала и наказывала ему чтобы он был внимателен, чтобы не проспал свою сельскую остановку. Она говорила, всё бросая взгляды на наручные часы мужчины и стуча ногами от холода. Мальчик, все также прислонившись щекой к окну, смотрел на них с такой любовью, с такой нежностью, как будто он увиделся с ними после длительного и мучительного расставания...

Автобус тронулся. Колёса скользили по замёрзшему асфальту, местами присыпанному песком. Она же, его родная мать, всё продолжала говорить вслед свои наставления: быть благоразумным и послушным...

САРКОФАГ

В нижнем предместье Верхнего Угрынива, стояло множество недавно построенных домов, жили молодые семьи, и были дети, как бы все одного возраста. Прошли годы, девчонки и мальчишки, с того самого нижнего предместья, а также из Клузева и Сыманивки, подросли.

Влюблённые пары начали веселиться в своё удовольствие и появилось ощущения того что скоро, поочерёдно начнутся свадьбы. Предместье погрузилось в приятное ожидание.

Среди молодых девушек, самой хрупкой и симпатичной была Жанетта Яцуляк. Она жила лишь со своей бабушкой, её родители давно развелись – мать исчезла куда-то и не выходила на связь. Отец завёл новую семью, но продолжал о ней заботиться и звал жить к себе, в Кишинёв. В Угрыниве Жанетта не особо радовалась вниманию парней, они присматривались к девушкам с приданным. Она же, ничуть не смущалась своего социального положения – мечтала о том, чтобы стать портнихой, хотела переехать к отцу в Кишинёв и работать в ателье у известного дизайнера. Этой весной навещая отца она договорилась с ним о том, что приедет к нему по первому вызову чтобы сделать себе удостоверение личности. Где-то посреди лета, её ожидание покрылось неким любопытством.

Ко дню села, в нижней его части, всё томилось в ожидании первой свадьбы. Светлана Гуляй, её одноклассница и школьная подруга, была помолвлена с Петро Дзибий, он был видным моряком, недавно демобилизованным, высоким с длинной шеей. Вместе со Светланой, все её друзья переживали самую счастливую пору в их жизни. История её любви стала самой красивой идиллией для всех, кто вырос в этом дворе. Молодые готовились к свадьбе. У невесты во дворе, под гнездом аистов, что свили гнездо над колодцем у дома семьи Дуранович, возвышалась большая брезентовая палатка, развисясь на ветру. Через несколько дней на потолке палатки включили большие лампы: на балках, колыхались разноцветные ленточки. Молодые же прогуливались по селу взявшись за руки.

В один прекрасный вечер, за несколько дней до свадьбы, в кладовке, окно которой выходит прямо на улицу, они наряди-

лись в свои свадебные одеяния и, счастливые, будто решили потренироваться, нежно танцуя «Не забывайте о любви к розам» и «Вальс невесты». Занавески, нежные и прозрачные отражали каждое их движение. На улице, группа молодых людей, аплодировала им тихо, словно боясь их спугнуть. Случилось что как раз в тот момент проходила по улице бабушка Жаннетты. Она взглянула на них со злостью, затем на зрелище в окне и высказала мрачно:

«Не к добру всё это... Нельзя накануне свадьбы танцевать в свадебном наряде... Это плохой знак...»

Жаннета плохо ладила с бабушкой Натальей. Старушка ни в какую не позволяла ей уехать к своему отцу. Каждый раз обвиняя её в предательстве... То есть, она её вырастила, и теперь, когда внучка должна быть ей опорой, оставляет её! ... Итак, у неё был повод накричать на неё:

«Пусть молодые радуются. Всегда ищешь повод чтобы испортить веселье кому-то своими суевериями и выдумками...»

После высказываний внучки, старуха отходила медленно в сторону своего дома с накрепко закреплённой крышей. Она лишь глубоко вздохнула и взволнованно пробормотала:

«Это плохой знак... Не к добру всё это...»

В селе ожидалось два события. Исполнялось 550 лет с первого документального упоминания о нём и первая свадьба молодых с нижнего предместья Верхнего Угрынива. На майдане, что возле дома Дурановичей, поставили импровизированную сцену для торжеств. Во дворе дома невесты, палатка уже была готова. Казалось, что даже аисты были на предпраздничных эмоциях – пролетали целыми днями над поселением, подготавливая своих птенцов к долгому осеннему путешествию.

Накануне, как и принято у украинцев с Галиции, молодые, вместе с Дмитро, отцом невесты, стали приглашать свадебных гостей. Прошли через железную дорогу в Клузив, село неподалёку от Стамслава, приглашая друзей и родню обеих счастливых семей. Долгожданные встречи, много воспоминаний и горилка. Отец Светланы, был слегка несдержанным, когда речь шла о выпивке, выпивал, как не в себя, и все нахваливал свою дочь. Вопреки всем разговорам, о том, что ещё долго останется незамужней, она смогла покорить видного моряка!

На обратном пути, Дмитро, через чур был расслаблен, всё шутил и бесконечно давал советы молодым о том, как жить в самом начале пути... Затем стал хвастаться тем что он бесстрашный во всём, что в прошлом был чиновником при Советском Союзе и никогда не скрывал то, что его отец пылко воевал против москалей в армии Степана Бандеры. Гордился тем что могила его отца стояла среди бойцов известного вождя украинского партизанского отряда, во дворе сельской церкви.

Если вдруг снова нападут на нас москали, знайте, что я стану вождём партизанов. Среди них должны находиться и вы... Я всех поголовно зарежу.

Им не место в нашей святой Батькившине!

Дмитро всё болтал, в то время как машина стремительно подъезжала к железнодорожному барьеру, мимо тех двух грузовиков что стояли перед шлагбаумом. Он не заметил и тех двух водителей с обочины, что махали нервно, чтобы тот остановился, ни полосатый барьер что подмаргивал красным сигналом – в его душу словно бес вселился. Вместо того чтобы притормозить, нажал ещё сильнее на педаль газа, и вдруг внезапно, словно смертоносный дракон, путь был перекрыт локомотивом и вагонами на молниеносной скорости. Искры, пронзительный скрежет, девичий крик и на глазах у всех произошло страшное несчастье...

Огромная некогда нарядная палатка, превратилась в день свадьбы местом для скорби. В двух чёрных гробах лежали тела Светланы, в свадебном платье, и Петро, в униформе моряка. День похорон совпал с 550-ти летием создания Угрынива. Люди с нижнего предместья были потрясенны: как так, по среди белого дня, отец допустил криминальную невнимательность и убил двух совсем молодых людей, он же обошёлся лишь царापинами? Автомобиль же помялся до неузнаваемости.

Жаннетту пригласили родственники усопших чтобы она выполнила роль... подружки невесты – надела молодым людям белые букетики и чёрные ленточки на грудь. У неё было смутное предчувствие – казалось, что она плывёт в океане неопределённости, в сверхъестественной туманности, в хаосе. Её душа искала свет, прояснения в вопросах жизни и смерти, которых она внезапно реально ощутила рядом с собою...

Какая-то родственница Петро шепнула ей на ухо то, что она должна подойти к гробу жениха и нацепить ему на грудь большой белый букет. Жанетте было страшно смотреть на изуродованный облик, с множеством глубоких ран, что изменили их лица до неузнаваемости. Лишь фотографии жениха и невесты, у их изголовья, живые цветы, что принесли посетители, привели её к мысли о том, что здесь лежат двое вечно влюблённых. Она подошла к гробу Петро пытаясь цеплять иголкой и нитью букет о чёрный и твёрдый как бетон костюм... Почувствовав слабость в ногах, как кровь хлынула к вискам, на глазах у всех Жанетта упала в обморок. Пришла в себя она, когда Олеся Дейчакивски, соседка, вместе со своим сыном, брызгали её водой у колодца, далеко от похоронной процессии которая двигалась к церкви, что неподалёку от кладбища.

Бабушка Наталья, проведя взглядом колдуньи по всем присутствующим, тихо прошептала:

– На всё воля Божья – когда Он желает забрать тебя в Царство Небесное, не оставляет тебя среди живых ни на мгновение больше... И перекрестилась так, чтобы это заметили все: Царство им Небесное, несчастным молодым!

Какое-то время, все молодые люди из предместья, кое-как консолидировались вокруг беспощадного несчастья. Некоторые зря старались избавиться поскорее от грустных воспоминаний о несчастье.

Мать Светланы, даже в том состоянии в котором она находилась – с погибшей дочерью в ужасающих условиях и с мужем пройдохой, в положении осужденного за убийство – организовала поминки на 9-ый и 20-й день...

Васька Дейчакивский, сын Олеси, вёл себя решительно и энергично. Часто организовывал вылазки в лес, импровизировал какие-то невинные вечеринки... На 30-й день от великой трагедии, много молодых людей решили сходить на день рождение к их общей подруге Оксане Пуксе. Собралась и Жанетта. Надела красное короткое платье, расчесала свои вьющиеся волосы, выглядела она привлекательно и соблазнительно.

Аисты готовились к перелёту в тёплые страны и стали вести себя беспокойно. Летали высоко над Верхнем Угрынивом, осматривая необъятные горизонты куда в скором времени намерива-

лись улететь... Жанетта надеялась избавиться от бремени грусти что её ещё угнетала. Перед тем как выйти из дому, стала рядом с бабушкой Натальей перед иконами с зажжёнными свечами и нашёптывала «Отче наш...». Для себя молилась, чтобы как можно скорее очутиться в Кишинёве, где ждал её добрый отец и тогда она будет по настоящему свободной и защищённой...

После вечерней молитвы, бабушка Наталья провела её как всегда, давая ей кучу советов и наставлений, которые Жанетта уже знала наизусть, они даже были ей слегка обидны.

Оказавшись на улочке, она вздохнула с облегчением... Девушка легко шагая по асфальту, стучала каблуками по шоссе. Шла быстро, как будто боялась, что бабушка догонит и опять станет советовать и наставлять – вести себя благоразумно и осторожно с парнями, вести себя так и этак... Аж вздрогнула в тот момент, когда появилась на её пути Маричика, секретарша сильрады, девушка с остреньким языком, что любила сплетничать и выдумывать.

В тот момент, когда они прошли мимо друг друга, без того чтобы как обычно поздороваться, её сердце ёкнуло на мгновение. Секретарша сильрады всё ещё думала о том, что Жанетта, прошлой весной перешла ей дорогу и завлекла её кавалера. Андрей, высокий парень, широкоплечий, но всегда сгорблен как старик, смуглый как цыган, с длинными неухоженными волосами, он неуклюже размахивал ими на вечеринках играя на гитаре. Правда Андрей несколько раз обращал на неё внимание, но Жанетта держала его на расстоянии. У парня и не было серьёзных намерений...

Проходя мимо Жанетты, Маричика всё же посмотрела косо на неё и ускорила шаг в сторону железной калитки, у которой ещё стояла бабушка Наталья. Жанетта ещё раз посмотрела в сторону бабушкиной калитки и заметила их возмущённый разговор.

«Наверное, они обсуждают меня», подумала она и быстро отошла за угол улочки, на дорогу, где уже прогуливались нарядно одетые пары. Но в тот же час, услышала строгий зов старухи:

«Жанетта, голубушка! Вернись, девочка моя!»

«Ну чего тебе ещё надо» рассердилась Жанетта, но почувствовав тревожную нотку в голосе бабушки, остановилась и пошла обратно неустойчивыми шагами.

Намериваясь поскорее разобраться с Маричикой – конечно, сбила с толку ее бабушку, пытаюсь их поссорить. Но почему её вернули и хотят, чтобы они с бабушкой поругались? Ну ладно, поставит она Маричику на место даже если после они этого станут врагами, ничего страшного. Теперь, когда она едет к отцу, ей уже всё равно и лишь один Бог знает, когда еще она приедет в Угрынив...

«Бедная моя внученька», бросилась к ней бабушка с протянутыми руками, вся в слезах, как на похоронах. Жанетта испуганно остановилась, посмотрела в их сторону, Маричика стояла в стороне, вся бледная, в слезах, держа в руке телеграмму.

«Плохо с отцом... плохо с ним... Вам пришло известие о его смерти...»

«Пусть земля ему будет пухом...»

«Боже, Боже, захотела внезапно закричать, сколько ещё может случится в моей жизни, Боже...»

«Может быть, это ошибка, – сказал сосед Павло, который недавно провожал её вместе с бабушкой Натальей к Станиславскому поезду, на вокзал. Что вы так ревёте, все сразу, бывают в жизни ошибки и в телекоммуникациях тоже...»

Слова Павло сняли помутнения наивных подозрений, но, поскольку он хотел их успокоить, всё же суровое подозрение всё чётче вселялось ей в душу. Странно, но с каждым мгновением она всё решительнее думала об отъезде в Кишинёв. Сейчас-же, ни теряя больше ни минуты. Ждала чтобы бабушка собрала её в путь.

«Как только доедешь до Кишинёва, – продолжала бабушка заплаканным голосом, сразу звони... Как доедешь, звони, чтобы я точно знала, что Лёня, твой отец, на самом деле...»

Девушка села в поезд, вагон показался ей тёмным и холодным. Огни города остались позади. Над равнинами Покуции настала тёмная ночь, а поезд, уставший и тяжёлый, всё шёл как будто через бездну. Жанетта только сейчас осознала, что собралась в ночную дорогу, легко одетая – лишь в красной короткой юбчонке и в чёрных туфлях. Вскоре она почувствовала ночную прохладу, но теперь ничего не имело никакого значения. Все мысли были об отце, единственный родной человек, которого уже, скорее всего, не было в живых.

Где-то по середине пути в вагон зашла компания, люди возвращались с какой-то свадьбы – все были на веселе. Несколько выпивших девушек распевали вульгарные частушки и радостно ликовали. Перед ней сел старик с небритым, неухоженным лицом. Он вытащил из пакета кулёк с едой – чеснок, сало и водку. После того как старик поел (и ей предложил сало и водку, но она отказалась), уснул в одежде и стал странно и громко храпеть, как будто хотел перекрыть гул, исходящий от распущенной компании. В вагоне свет был погашен, было почти темно.

Жанетта не смогла уснуть всю ночь. Забилась в угол возле окна, на сидении, стараясь не смотреть в сторону весельчаков. Она бы вышла, но боялась, что они могут к ней начать приставать – и всё может закончиться только хуже. Тёмные мысли, навеванные ночной бездной за окном, преследовали ее. В один момент она ощутила себя запертой в жутком саркофаге, куда не попадает ни один лучик света и из которого никак не выбраться на свободу.

Посреди этого содома её вывел из оцепенения маленький мальчик, что подошёл незаметно. Ему было этак, годика два, с беспорядочно растрёпанными волосами, как будто он появился из другого мира, из какой-то сказки. Малыш нашёл её своими задорными глазками, весело рассмеялся указывая на неё пальчиком. После паузы прошептал, будто боялся её спугнуть: «Ма-ма!». Жанетта вздрогнула – лучик света и божественного тепла окутали угол вагона, что недавно был для нее как саркофаг. Она протянула руки, и он сел ей на колени.

Всё казалось сном наяву. Ей часто снился сон, что она будет чьей-то женой, что обязательно родит мальчика. Даже стих сочинила про своего будущего малыша... Сейчас же малыш словно пришёл из далёкого будущего, чтобы утешить её, прогнать душевную тьму и холод... Малыш весело моргал глазками, что сверкали в темноте, гладил ей руки и продолжал говорить по слогам: «Ма-ма!». Казалось, что сон вот-вот дойдёт до волшебства, но к ним подошла женщина, бормоча что-то, вся угрюмая и сонная, потянула его к себе и увела на место, откуда он недавно отошёл без разрешения ...

На кишинёвский вокзал поезд приехал далеко за полночь, как раз в тот момент, когда к ней прокрался сон. В ночи, буше-

вал августовский ветер, большие капли издавали громкий звук, стуча в огромные окна здания перрона, построенного после войны немецкими пленниками.

Мало пассажиров сошло. Летний сезон еще не закончился, и пассажиры с Галиции всё ещё ездили к Чёрному Морю, в Одессу.

Поезд отошёл, и она осталась одна на перроне с пакетами что дала ей бабушка... вдруг ей стало ясно, что плохая новость, в телеграмме которую принесла Маричика, была истинной и нет тут никакой телекоммуникационной ошибки, как говорил сосед Павло. Станиславский поезд всегда подъезжал в Кишинёв в это позднее время, но каждый раз её встречал отец. Сейчас же никто её не встретил, и Жанетте стало немного спрашно. До дома где жил отец, в районе Малой Малины, был долгий путь. Общественный транспорт будет ездить только к утру, часа через четыре. Она не могла ждать на вокзале. Ей не терпелось узнать правду об отце – жив он или нет.

К ней подошёл невысокий мужчина, одетый в чёрный свитер, до шеи, его глаза были слегка удивлёнными и заспанными. Поправив свою шляпу с глянцевым козырьком, он задал ей вопрос, который обычно задают таксисты:

«Вам куда, девушка?»

Его голос ей казался настолько пренебрежительным, даже слегка ехидным, что Жанетта подумала о том, чтобы отказаться от поездки. Но нащупав в своём пакете портмоне с парой монет, которые дала ей бабушка на дорогу – должно хватить на поездку, решила она, до дома отца...

«Выше района Мелестеу.»

«Раз плюнуть» – сказал водитель и предложил ей помочь с пакетами. «Машина вот за тем углом, пойдём. Через пару мгновении ты будешь там... Почему ты не поехала как все, в Одессу на море?»

«Я уже достаточно отдохнула» – ответила Жанетта, сев на переднее сиденье, рядом с водителем. Сиденье было для нее слишком низкое, её ноги оголились из-за коротенькой юбки, обременённая мыслями даже не позаботилась о том, чтобы прикрыться от голодного взгляда водителя, который опять поправил свою кепку резким движением. Жанетта была занята мыслью об отце, каким же она его увидит, живым или нет...

«А ты привлекательная» – слышался ей, будто из далека голос таксиста, что виртуозно рулил. «Ты, когда в последний раз занималась сексом?»

В лавине своих мыслей, Жанетта словно ничего не слышала и даже не поняла вопроса. Пришла в себя только когда осознала, что машина гнала по пустой улице, без каких-либо построек и без освещения, чтобы потом резко остановится. Они были на окраине города, и Жанетте стало ясно, что сбились с пути. Она не успела ничего спросить, как мужчина набросился на неё, и придавив всем своим весом, стал разрывать её бельё. Пространство между сиденьями было узким и мужчине было неудобно совершить свой умысел. Жанетта закричала словно раненная птица. Спасительная мысль появилась в её голове, и девушка стала кричать:

«Оставьте меня! Я еду на похороны папы! Оставьте меня!»

В место ответа, мужчина, прижавшись к ней ещё сильнее, стал двигаться так, словно бился в конвульсиях. Бясь как птица в тесной клетке, девушка нащупала рукой какую-то рукоятку – в один момент, сиденье спустилось в низ. Половину тела протиснула между сиденьями, но дальше ей некуда было отодвинуться. Сейчас ей было ещё сложнее себя защитить – её бедра были зажаты между сиденьями, и лишь её хрупкие руки пытались оттолкнуть великана, что действительно старался раздвинуть ей ноги. Было слишком тесно и совсем неудобно чтобы ему это удалось.

Крайне раздражённый, мужчина от которого несло солярой и алкоголем, яростно разорвал ей трусы, затем стал хрипло и невнятно болтать:

«Моя жена уехала в Грецию! Шлюха! А мне постоянно нужна женщина... Хочу секса... Я уже пожилой, но все ещё хочу секса... Хочу секса...»

«Оставьте меня, не принуждайте меня!»

«Тебе будет со мной хорошо, дорогая...» – продолжает великан свой хриплый монолог. «Я хочу молодых баб... те что моего возраста, безобразны как русский язык... Я же горю лишь между ногами молоденьких. Таких как ты! Потерпи немножко... Ведь секс – это удовольствие и для тебя!»

«Оставьте меня...»

Движения мужчины становились всё безудержнее и настойчивее. Жанетта почувствовала резкие боли ниже рёбер, метал-

лические рамы сиденья поранили ей защемлённые бёдра, придавленная весом громадины, как в тройных тисках. На мгновение, ей пришла в голову та же мысль что посетила её посреди ночи в поезде – что она застряла в саркофаге и нет ни единого шанса оттуда выбраться, да ещё и угодив в добавок в щупальцы каракатицы. Она пыталась позвать на помощь, но большая, шершавая и вонючая рука мужчины закрыла ей рот. У него так и не получилось раздвинуть ей ноги, и таксист стал тереться всем телом, словно эпилептик, и стал беспощадно бить её, нанося удары по всему телу. Его волосы пропитались потом. Он часто кричал, расстроенный, пока не начал рычать как зверь:

«Отдайся, шлюха. Ведь видно из далека что ты шалава. Я предлагаю тебе акт в удовольствие. Ты же знаешь, что я дам тебе денег... Девушки вроде тебя радуются, когда за половой акт они получают деньги даже если и от какого-то таксиста... Большинство из вас, как только смотрятся в зеркало и понимают, что они красивы, сразу же думают о кармане клиента! – Затем, всё крихтя, он слегка отдышался и сказал яростно: «Разве ты не понимаешь что я могу сейчас тебя убить, затем выбросить в какую-то яму, на городской свалке, и даже сам чёрт не узнает кто это совершил...».

Водитель тоже попал в ловушку. Ногой разбив лобовое стекло, он никак не мог добиться удобной для него позиции. Но и свою добычу не отпускал из стальных объятий тисков... Не было выхода из душевного саркофага, и когда огромная рука ослабла, Жанетта стала произносить громко и чётко:

Отче наш, Иже еси на небесех!
Да святится имя Твоё,
да придет Царствие Твоё,
да будет воля Твоя...

Молитва девушки настолько повергла в шок водителя, что тот отклонился в сторону. Сел обратно за руль автомобиля, и позволил девушке привести себя в порядок. Подождал, когда она успокоится, чтобы в конце концов резким тоном сказать ей, глубоко дыша:

«Не думай, что ты от меня отделаешься... Иди домой, похрони своего отца, и послезавтра после обеда сделаем то что не

получилось сделать сегодня... И не дай Бог ты пойдешь в полицию... Я знаю всех полицейских. Бандитов тоже знаю...» После паузы, опять глубоко вздохнул, плюнув в открытое окно, он опять повторил: «Моя шлюха в Греции. Я же, без бабы не могу ни дня! Если бы я не любил так сильно женщин я бы точно стал наркоманом... Мне не страшны обвинения... Будь умницей! У меня есть деньги и ты ничего не добьёшься... Тебе ясно?»

«Да» – прошептала Жанетта сквозь слёзы, поправляя распушенные волосы и растрёпанное платье. «Сейчас я хочу домой, увидеть отца...»

На рассвете дня зелёное такси остановилась в районе Малой Малины у приоткрытых железных ворот. Первое что заметила сквозь слёзы Жанетта через железное обрамление, были огни подсвечника из какама, где на кровати, заметный с улицы, стоял гроб с безжизненным телом отца. Она услышала поникший голос тётушки Наты, которая горько оплакивала своего брата...

Жанетта с трудом вышла из машины, забыв пакет с едой что дала ей бабушка Наталья. Забыв даже заплатить водителю.

Шагнула в сторону двора из которого шла самая большая беда и несчастье в её жизни. Вслед она услышала хриплый голос требовательного водителя:

«Забери пакет... Значит, как и договорились... Увидимся завтра, не забудь...»

ЖЕЛАННАЯ МЕЧТА В ОРЕОЛЕ СВЕЧИ

*«В моей голове роились идеи,
Все без различия к культу богов»
Гораций*

Женщина всегда была и навсегда останется тайной, которую никак не раскрыть, и со временем она становится всё загадочней.

В молодости Фелиции Арамэ имели место быть и студенческая жизнь, и путешествия со многими интересными людьми по разным историческим местам в стране и за границей. Она работала преподавателем английского языка в одном из лицеев горо-

да. Была замужем за Никодимом – мужчиной намного старше её, работающего в прокуратуре. Он все время посвящал работе, и часто пропадал подолгу в командировках. Она же посвящала себя своим ученикам – всё учила их читать и писать на языке Шекспира и Байрона, а также, учила их жизни.

Семейная жизнь Фелиции и Никодима вовсе не была безрадостной, но за то была монотонной. В своё время она воздерживалась от беременности, а когда ей захотелось детей, не была в состоянии их родить.

И вот настал тот возраст, когда они оба вышли на пенсию. Ей хотелось бы ещё поработать, но коллектив лицезастроил ей шикарный прощальный вечер и ей было как-то неудобно что-то возражать...

Никодим сильно состарился, часто болел и стал капризным. Фелиция – была ещё достаточно молода и полна сил, ей хотелось активной жизни, путешествий и знакомств с разными интересными людьми. Но мужу, ничего уже не хотелось – он страдал гипертонией.

В их квартире на восьмом этаже стало совсем мрачно. Когда болезнь слегка отступала, Никодим дни напролёт играл в домино с мужиками во дворе, играли они за столиком в затенённой высокими ивами беседке. Затем заходил в дом и съедал свою порцию диетической еды, брал газету и читал пока не засыпал лицом к стене.

Тем не менее, Фелиция оставалась верна мужу, хоть и случилось много раз в городе, что некоторые мужчины на роскошных автомобилях к ней приставали познакомиться. Она была красива, полна жизни и выглядела неприлично моложе своих лет; её талия была такой тонкой, от чего можно было с лёгкостью поверить в то что она ещё молода.

Чтобы слегка уменьшить монотонность жизни, она иногда заходила к своей золовке, которая жила неподалёку вместе с племянником Стелей. Золовка та, была по характеру озорной, а её сын, был успешным бизнесменом. Золовка, также, как и она, была учительницей, но развелась, когда Стеля ещё учился в начальных классах. Она не захотела снова выйти замуж, и посвящала всё своё время хозяйству, сыну и выращиванию породистых собак, которых распродавала состоятельным людям. Это было

её скромным бизнесом, в котором её поддерживал сын. В летний сезон она предпочитала проводить время на курортах, где получала много впечатлений и собирала много сплетен о любовных похождениях разных мужчин и женщин. Она всё придиралась к Феличии чтобы та не забывала, что ещё довольно молода и представляет интерес у мужчин.

«Мораль, застенчивость, неудобство?» Сказала ей золовка, когда они однажды сидели на террасе возле дома, где играла музыка и веселились студенты. «Да брось ты это всё! Жизнь одна. Эгоизм живёт в сердце каждого ревнивого и импотентного мужа, особенно...» Они смешались с шумной и неугомонной толпой молодёжи. В паузах между танцами, Феличия словила краем уха реплику, что резала ей слух.

«Смотрите, как трясутся старушки! Разве в молодости им не хватило веселья? Только место здесь занимают! Какие-же они смешные!»

Почувствовав себя оскорблённой, огорчённо подумала: «А ведь так оно и есть! Теперь пришло время другим попробовать жизнь на вкус. Уже другая молодёжь становится в очередь, чтобы ощутить вкус жизни, и хочет воспользоваться этим правом сполна...»

«Женщина, не отступай!» Призвала её золовка, понимая, что именно её тревожит. «Иногда нужно побороться даже... кулаками за радость в жизни. Пробуди своего Никодима из его спячки, и ты будешь удивлена... Женщина даже после менопаузы может стать вулканом... главное, чтобы кто-то его пробудил.»

«Дорогой мой муж, уже середина лета, – посмела Феличия подойти к нему с уговорами. – Может быть поедem на море, или в горы? Мы же трудились всю нашу жизнь чтобы у нас был хороший отдых...»

«Хватит, нам было хорошо в жизни. Наши пути, и сама знаешь куда ведут – на кладбище...»

Женщина промолчала и все же послушалась мужа. Никодима врачи предупредили о том, что поездка на море или в горы может плохо для него кончиться. Она вновь успокоилась в своей квартире. Она смотрела за домом, стирала, покупала продукты в соответствии с диетой мужа. Она завидовала образу жизни золовки и её сына, которые были всегда веселыми, светлыми. Она

очень обрадовалась, когда они как-то вечером зашли к ней с собачкой породы немецкий дог, на руках.

«Его кличка Аристид, – сказал племянник. – Вот, дядя, прошу вас присмотреть за ним пока мы переедем на нашу дачу в Иняску.»

«За его содержание вам заплатит Стеля, – добавила золовка. – Пока не закончим стройку...»

«Я не переносу псину в доме, – пробормотал недовольно Никодим. – Но раз надо...»

«Я бы не рассталась с пёсиком. Но у нас ещё трое от одной сучки. В доме же не тесно, – опять попросила золовка.»

«Ладно, – согласился Никодим. – Но видишь ли, племянник, наша пенсия нам не позволяет содержать и собаку.»

Пёсик принёс хорошую дозу радости в их жизни. Феличия вместе с Никодимом любовались им, как он ластиться, читая в его пронзительных глазах огромное любопытство. По утрам, Никодим выводил его на прогулку по тропинкам Чеканского леса. К их приходу домой, Феличия готовила завтрак.

Аристид быстро привык к ароматному купанию, он очень любил побарахтаться в воде. Когда он встряхивал свою плюшевую шерсть, капли разбрызгивались повсюду, вызывая детский визг у Фелигии. Она выходила из ванной комнаты в полностью мокрым халате.... Через некоторое время, она стала снимать одежду и купаться вместе с Аристидом. Его плюшевая шерсть нежно дотрагивалась до её тела, вызывая некую дрожь, давно ею забытую.

Собака росла, становилась очень сообразительной и чутко слушала их команды. Хоть Никодим и был с ним строг, для того чтобы пёс понял, в доме есть главный авторитет, пёс всё равно безумно любил его. Он всем стал рассказывать о ловкости собачки, о её мудрости и радовался тому что им есть на что его содержать.

Стеля заходил редко, оставлял им деньги, и они радовались все вместе за собачку. Изо дня в день, дог становился всё сильнее. Большая голова, жилистое тело, уши – как две воронки, направленные вперёд, ясные глаза. Иногда дог становился свирепым. Он дружил лишь со своими хозяевами. Как только видел Стелю, в солнечных очках, налысо постриженным, в чёрных джинсах и в пестрой рубаше, громко лаял и с трудом успокаивался. Соседние многоэтажные дома, за которыми наблюдал Аристид из окна, были уже старыми. Жильцы получили там квартиры сразу после

войны и часто люди были встревожены похоронными маршами, провожая в последний путь тех, что уже своё прожил в этом мире. Аристид становился всё более любопытным и мудрым, и вот, сидя у окна он наблюдал за процессией и старался понять, наклоняя голову то в одну сторону, то в другую, что же всё это значит, цветы, чёрные ленточки, красные гробы и причитания...

К концу лета здоровье мужа ослабло, и он слёг. Больше он не мог выходить на прогулку с Аристидом, и в доме снова поселилась грусть. По вечерам собака зловеще скулила, запугивая людей вокруг. Поднималась на задние лапки, целилась искрящимся взглядом в перекошенное лицо хозяина, лежащего в постели с болезнью и, по чёрной как смола шерсти, стекали серебристые слёзы. Фелиция пыталась несколько раз вытащить его на прогулку, но собака сопротивлялась оскалившись. Как-то раз, пес даже стал разъярённо кромсать обувь у входа.

«Отпустите его, – попросил муж. – Без меня он никуда не уйдёт. Он же как ребёнок.»

В городе настала ночь. Фелиция была в замешательстве, её завлёл звук «Лунной сонаты» что шёл из одной из соседних квартир. Кто-то играл на пианино... В подобные моменты ностальгии она всегда зажигала толстую восковую свечу, закрывалась в своей комнатухе и непрерывно смотрела пустым взглядом на играющее пламя, мысленно переживая с самого начала, свою проходящую жизнь. Её охватила тайна одиночества, она ощущала, как в её теле, в свои пятьдесят лет, навсегда утихает огонь страсти былой молодости. Она не верила, что какое-то мужское прикосновение сможет в ней пробудить какой-то трепет...

«Надо-же... – думала она, – в этой жизни человеку всё дано понемногу и своевременно. Раз получил порцию удовольствия в молодости, радуйся этому в тот момент и все, можно отойти в сторонку потому что, на очереди уже другие. Ну а если вдруг ты не соблюдаешь поочерёдность – поверх всего царит Мораль, которая безжалостно всех осуждает. И вот тогда – берегись! Плотское наслаждение – это отдельный мир, который женщина должна променять на терпение и недостатки в своей жизни. С больным мужем и с Моралью вместе. Случится, муж покинет этот мир, его должна покинуть и здоровая женщина. Так гласит Священное Писание. Так же говорит и Мораль, этого требуют време-

на в которых живёт человек пока он не вынужден покинуть мир молодости, вместе со всеми наслаждениями и слабостями...»

От одержимости такими мыслями, её пробудил Аристид. Он, незаметно открыв дверь, зашёл в её комнату и лёг на деревянный пол, положил большую голову на лапы, грустно наблюдая за ней при свете таящей свечи, он стал... ревновать. Широко открыл свои глубокие глаза, приподнял большую голову с лап и зарычал угрожающе. Ему захотелось хозяйничать над всеми в этом пространстве.

Как-то в полночь Феличия вызвала скорую и Никодима увезли в больницу. Дог больше не был в отсутствии хозяина. Он всё драл стену когтями, переворачивал всё что было в доме.

Когда врачи оказались бессильны, мужа отправили обратно домой. Аристид беспокойно встретил его на пороге. Его держали за под мышки, и он тяжело дышал, пёс обнюхал его, прорычал недовольно, затем ушёл с опущенной головой на своё место и больше к хозяину не подходил.

«Он предчувствует мою кончину, – сказал с огорчением Никодим, с дрожащим от немоги подбородком. – Лекарства поменяли запах моего тела; он меня уже не переносит...»

Свеча горела всю ночь у изголовья Никодима. Взгляд Феличии иногда пересекался со взглядом Аристида, словно измеряя вечность с синхронностью тиканья больших настенных часов.

В одну из таких ночей, к утру, хозяин умер. Его похоронили без пафоса и совсем позабытым бывшими коллегами по работе. Феличия тогда ощутила, что остаётся совсем одна. Аристид тяжело переносил потерю. Он беспомощно скулил, бегал вокруг траурной процессии. Иногда останавливаясь, жалостно был приподнимая к небу свою морду, одетую в намордник.

...В доме остались лишь они, вдвоём... Аристид становился всё капризнее, всё норовистее, чувствуя что именно он остался за главного! Наблюдал за хозяйкой беглым, бдительным взглядом. Недовольно рычал, когда она задерживалась в магазине или подолгу болтала по телефону. Он всегда требовал к себе внимания, но Феличия еле справлялась со всеми делами, она стала более хозяйственной чем при жизни Никодима.

В один из вечеров, после кормления, она пыталась его купить. Уже месяц прошёл как умер муж, но дог никак не хотел заходить в ванную. Стало попахивать псиной, а Феличия не пе-

реносила этого запаха. Набрав тёплой воды в ванную, как обычно, сняла свою одежду и вошла в воду, долго упрасивая его. Он немного мешкал, но в конце концов сдался. В большой ванне, Феличия намылила его мочалкой и провела процедуру к которой он был давно привыкший. Пёс довольно ластился, прижимаясь к её влажному и горячему телу. После завершения ритуала, Феличия приказала ему выйти. Посвежавший и полон удовольствия, пёс полежал бы ещё рядом с женщиной, но всё же вышел в коридор и стал наблюдать за своей хозяйкой.

Оставив дверь открытой, женщина сполоснулась и стала как обычно, вымывать до блеска ванную до того, как укуталась в большое, цветастое полотенце. И как она стояла в полусогнутой позиции, вдруг почувствовала со спины нежное и теплое дыхания Аристиды... Горячий и нежный язык стал облизывать её нату, и по всему телу пробежалась волна наслаждения, беспокойного и наводящая страх. Это волна, появилась внезапно из недр её бытия, словно извержение вулкана, дремлющего много лет. Она попыталась разогнуться, но Аристид накрыл её своим телом. Она ощущала его вес и его тепло. Движения дога её беспокоили, она хотела сопротивляться, но, какая-то грешная сила заставляла её подчиниться. Голубая планета бытия окутала полной силой в безумии её женского тела, властвовав над ней. Дог вонзил свои когти в нежную кожу женщины. Из его широко открытой пасти, по спине женщины сочились струйки слюны, а его ритмичные движения распускали множество стрел, после которых женщина почувствовала облегчение, освобождение, что копилось много лет в её беспокойной жизни.

Дог смотрел на неё нежным взглядом. Он лёг на пол, прямо по середине комнаты, и когда женщина, будучи ещё в смятении легла обнажённая в постель, он положил свою чёрную как дёготь голову на её изнурённую, расслабленную грудь, и лёг вдоль нежного тела, лежавшего на диване.

Пришедшая в себя душа Феличии, стала биться как газель в лапах тигра из саванны. Она вдруг стала по-женски, невинно плакать, собака, почувствовав её состояние, продолжала ласкать ей те места что вели к источнику удовольствия, которых может найти существо, жаждущее удовольствия и любви. Больше не было желания сопротивляться, и она стала жертвой волны греха и удо-

вольствия. «Это и есть мир человека, – подумала она. – Из-за эгоистичной вины, иногда человек сдерживает Моралью путь к удаче что дана нам от природы, от Бога. Был прав тот, который сказал: «Человек проживает одну лишь жизнь ... но в каждый день.»

Поздно ночью, Феличия зажгла свечу и до утра смотрела на ленивые движения дога, что лежал на мягком ковре у кровати, с закрытыми глазами, положив голову на лапы. В её жизни всё стало по-другому.

Из забытого сундучка она достала украшения и нацепила их на шею собаки. Сшила ему из старой фуфайки мужа что-то похожее на пластрон, и надевала на него, когда выходили в прохладные дни на прогулки по утрам. Аристид стал спокойнее, менее капризным, но и более ревнивым. Не присматривался больше к бродячим сучкам во дворе и нервно лаял, когда какой-то мужчина пытался познакомиться с Фелицией. Когда садились за стол, бдил чтобы хозяйка тоже поела, и когда наступал подходящий момент, они вместе заходили в ванную комнату...

Примерно с середины весны Феличия начала привыкать к своему тайному миру. И лишь только в глубине своего разума она предчувствовала роковое стечение обстоятельств. Неожиданно могла налететь вьюга и разоблачить все её грехи, её дикое влечение...

В один прекрасный майский вечер, зашёл племянник Стеля. В дорогой одежде, на шее висел толстый золотой жгут, а на пальце – огромное кольцо. Плешивый, он внимательно наблюдал за догом что носил красивый намордник, затем отдал Фелиции целую кучу долларов, и обратился к ней завистливым тоном:

«Котедж в Иняске уже готов и Аристид должен его охранять...»

Феличия ощутила, что у неё под ногами затрясся паркет. У неё потемнело в глазах и всё кругом поплыло, и еле-еле пробормотала дрожащими губами:

«Аритсид мой... Заберите эти деньги обратно. Он, Аристид, мой и он не захочет...»

Стеля, один из главарей преступного мира города, не привык чтобы кто-то не подчинялся его воле. Тот самый послушный ребёнок внезапно показал жесты фраера, держа в руке чёрный пистолет и крича в адрес своей тётки:

«Я же тебе заплатил! Твой мертвец, там на кладбище, не нуждается в телохранителе...»

Она испуганно замолчала и подумала, что, скоро Стеля лишит её Аристиды. Но собака стала лаять грозно на гостя и Фелиция еле смогла его удержать в ошейнике. Племянник вышел пулей на улицу, дог кинулся ему вслед и передними лапами ударил о закрытую дверь. Он громко лаял, открывая широко свою пасть из которой стекала слюна между устрашающими клыками. Шумные шаги Стели были слышны до самого низа по лестнице и Фелиция, в недоумении смотрела сквозь занавески как он садился в чёрный «Mercedes» класса люкс, разговаривая с кем-то по мобильному телефону.

На следующий день позвонила золовка и налетела на неё с претензиями:

«Мы же договорились с самого начала, женщина. Имей совесть. Стеликэ не может себе место найти, и я боюсь как-бы он тебе чего-то плохого не сделал. Возьми да отвези псину в Иняску... Мы тебе даём на это один день и одну ночь...

Несколько дней телефон молчал, затем, в один вечер Стеля настойчиво приказал ей, с улицы по мобильному телефону чтобы она отдала Аристиду, или чтобы, сейчас-же, лично отвезла его в Иняску. Ей предоставят транспорт туда и обратно...

«Никогда!» – закричала она в трубку, наблюдая за «Mercedes»-ом во дворе, около которого стояли три барышни, в экстравагантной одежде в ожидании увидеть красавца дога. «Что-же мне от жизни осталось, племянничек? У меня же никого нету. Сжался!»

«Хватит тебе сколько барахталась в удовольствии и спокойствии, в то время как дяденька гниёт! Дай и другим тоже подышать свежим воздухом... Сколько мне ещё ждать твоего ответа!? У меня уже заканчивается терпение!!!»

Лавина оскорблений вызвала у неё слёзы, затем она громко разрыдалась. Сердце словно вырывалась из груди и уходило в бесконечную бездну. Аристид всё видел и всё понимал, и вот, он пустился в ход. Разъярённо разрывал шторы, рвал обувь и бился о дверь чтобы ему открыли. Фелиция сидела тихо в своей комнате и дрожала от угроз Стели и от веселых хихиканий барышень что были слышны в телефоне. Собака всё ходила кругами и искала выход, ударяя лапами затворку, которая внезапно

упала и дверь открылась, тогда дог, словно голодный лев, выскочил во двор полный народа, среди клумб с цветами.

«На-зад!» – кричала во всё горло Феличия.

Аристид накинулся всем телом на автомобиль с затемнёнными стёклами, что стоял за углом здания. Шины оставили на асфальте следы от дрифта.

Измученный, с дрожащими руками, Стеля выронил мобильный телефон, впопыхах завёл мотор, затем вытащил пистолет, но, воздержался. Барышни еле успели забраться и спрятаться за дверцами автомобиля. Люди вокруг, шокированные, наблюдали за разъяренной собакой, что ходила туда-сюда, ударяя лапами по металлу сверкающего и скользкого автомобиля. Машина медленно двинулась с места. Настойчивый зов Феличии, которая тоже вышла во двор, ни как на него не действовал. Аристид яростно кружил, пытаясь оторвать кусок «Mercedes»-а. Акробатически прыгнув он очутился на капоте, расставляя широко ноги и лая грозно на водителя. Вдруг послышался звук пронзительного скрежета шин по асфальту, и мощная машина двинулась резко с места, маневрируя сделав несколько виражей. Пёс рычал, чёрный как ночь, при свете фонарей, потеряв равновесие – поскользнулся и попал прямо под передние колёса. Автомобиль, немедля, проехался по его туловищу...

Как только лай Аристида утих, «Mercedes» уже безумно гнал по аллее вдоль которой росли тополя и исчез за углом квартала, укутанный в аромате весеннего вечера. Дог, упавший плашмя на землю, ещё дышал. Феличия нагнулась над ним, обняла его большую голову и стала горько плакать, произнеся глухим голосом:

«Не умирай, дорогой! Ты не должен умереть!»

Аристид смотрел на неё своими окровавленными, умирающими глазами. Она увидела себя в его больших, сверкающих зрачках, в которых запечалилась жалость и сочувствие. Животное попыталось лизнуть её печальное лицо и спустило свой дух...

Она похоронила его на окраине города, ниже кладбища и посадила акацию у изголовья. С того дня, Феличия ощутила, что у неё отняли все удовольствия что может испытать душа и тело женщины в жизни. Это была последней волной счастья, которую подарила ей судьба и которую так небрежно отняли у неё люди. Какой-то еле слышный голос преследовал её со всех сто-

рон, осуждал её, без всякого смущения: «Ты захотела большего удовольствия чем приготовила тебе судьба?.. Как же ты посмела проигнорировать Мораль своих сверстников?..». На все эти вопросы она не могла ответить.

Всё так и осталось тайной, которая, как ни пытайся её раскрыть при свете свечи, всё равно прячется, скрываясь в безжалостном, беспощадном омуте времени.

БОЙНЯ

(Посвящается Василию А. Цапоку)

*Та искорка была
От боли костра,
И свет принесла
Тишина зеркала.*

Лето в том году выдалось засушливым, и ему не удалось заготовить необходимое количество кормов. С наступлением осени, после долгих раздумий и сомнений, он всё же решил повести свою корову на ярмарку. Стоял тёплый солнечный день. Извилистая дорога, посыпанная щебнем и больше похожая на тропу, пролежала через долину со стройными рядами посевов табака, которые простилались до самых границ облесенного склона. Долина когда-то служила пастбищем, но затем её перепахали, и аромат луговых трав сменил густой и едкий табачный дух, повисший над всей долиной. Он был настолько горек, въедлив и тяжёл, что люди остерегались косить здесь даже высокие сорняки, что росли по обочине. Жояна медленно и нехотя плелась впереди хозяина. Её потёртые копыта гулко стучали по щебню, а над сухими рогами беспечно порхал мотылёк.

– Иди, Жояна, иди! – пробормотал Тудосе Роман, зажав подмышкой грубо плетёную бечеву.

Корова изредка останавливалась, косилась на хозяина своими большими и красивыми глазами, мотала головой, пытаясь ото-

гнать мотылька, иногда срывала пухлыми губами сочную траву, что пробивалась кое-где между камешками щебня или редкими пучками росла по обочине.

– Что там, Жояна? – взмахнув пустым рукавом пиджака, спросил её Тудосе, будто другого дела у него не было. – Ну и времена настали... У людей свои заботы, Жояна... С вашими вперемешку...

Солнце к тому времени уже поднялось над долиной и рассеяло тонкий и лёгкий утренний туман. Мотылёк периодически то отлетал и зависал над пыльными цветками табака, то вновь опускался на рога Жояны.

– Я не достоин, – жаловался Тудосе животному. – Нет у меня больше ни здоровья, ни сил...

Ветер со стороны леса доносил сквозь жухлые табачные кусты запахи осени, а весёлая трель какой-то пичуги всколыхнула в Тудосе целый рой спрятанных в глубинах памяти воспоминаний. Как у любого человека, у него была своя жизнь и своя судьба. Его окутал приятный трепет, и легкий покров грусти заволок взор, но посетили и утешения о прожитом дне и о том, который предстоит прожить.

Один мудрец сказал, что человек может порой целую жизнь прожить за один день. Вот и он прожил один такой день. Путаный, неудачный. Почему именно он оказался на этом проклятом пути? Что испытал он тогда, стиснув зубы и насмехаясь над собственным невезением: кому же в радость потерять руку, рисковать жизнью из-за нерешительности и замешательства? Никому. А вот он попал!

Он не был зол на жизнь, хоть и хлебнул лиха с самого детства, с тех пор как осиротел. Времена были то суровыми, то милосердными – как и все времена... Много чего произошло в его жизни, и он через многое прошёл. Но горечь не отступала, всё ходила вокруг, не отставляя его в покое. Устал искать справедливости. По правде говоря, давно уж потерял ориентировку, а также уверенность в том, что сама справедливость пройдёт свой путь, хоть и сложный, но всё же можно будет добиться права на допуск в Царство Справедливости. Его пугала мысль о том, что он уже состарился, но утешал свою душу тем, что он еще жив, что есть силёнки присматривать за скотиной, которую сегодня... он должен продать. Но может он ошибается? Тудосе Роман поразмыслил немного, взглядом со-

проводя полёт мотылька, удивлённо прислушался к удушливому кашлю Жояны и подсчитал, что те скромные деньги, что он заработает сегодня на ярмарке, ему вовсе не лишни. Будет жить спокойно на старости лет. А может быть, он не так уж и стар? Какой-же он старик? Ну ослаб немного. И что? Старики совсем иначе выглядят. У них есть жёны, дети, внуки, пенсия... У него же ничего этого нет. Прожил жизнь бобылём, не смог скопить деньжат даже на собственные похороны. В этом лишь его вина, и он себе этого не простит. Но всё же... Воспоминания нахлынули вновь. Горечь вместо радости, радость сменилась волнением, словно мощные волны бушующего моря с бешеной силой обрушиваются на прибрежные скалы. Сейчас, когда он решил продать корову (единственное своё состояние), нужно попытаться выйти из этой безысходности, оправдаться перед самим собой, понять, есть ли она – та самая дорога, проложенная судьбою.

Он хорошо помнит вражеское пламя, вплетённое в огромные клубы дыма, которые чёрным куполом нависли над еврейскими лавками сельского базара за холмом. По дороге, на окраине села, гнали телеги, гружёные наспех собранными пожитками. Испуганные люди в повозках кое-как придерживали их, чтобы те не вывалились по дороге. Взоры всех были обращены в небо: туда, где под бешенный рёв моторов чертили свою адскую траекторию самолёты и откуда вёлся прицельный огонь. В панике кони срывались с упряжи, переворачивали телеги и сносили всё на своём пути. Чтобы спастись от огня, люди пытались укрыться в зарослях, кубарем скатывались в канавы, но через мгновение откуда неслись жуткие взрывы, людские крики и стоны. Кругом окровавленные тела, и лишь беспомощные руки воздеты к небесам. Авианалёты происходили внезапно и часто. Настолько часто, что односельчане не успевали подоспеть на помощь раненым. Вражеские войска наступали, и их продвижение, казалось, ничто не в силах остановить. Армия отступала и вынуждена была оставить село в страшном беспорядке. Отступая, солдаты факелами поджигали поля и луга. И лишь ветер сбивал пламя, полностью накрывая долину дымом. У Трифана в погребе повзрывались бочки с вином, и оно рекой стекало в сельский овраг, багрово окрасив глинистые склоны.

Одному из солдат кое-как удалось согнать разбредшийся по всему селу скот в стадо. Тут же, не мешкая, он «срубил» их напо-

вал автоматной очередью, затем вылил что-то чёрное и ужасно вонючее в ближайшие два колодца. Люди стояли и наблюдали, как он спешно садится в машину. И в то же мгновение раздался жуткий грохот, все увидели, как взлетел на воздух взорванный мост, что связывал посёлок с дорогой.

Люди были в ужасе, их головы постоянно были обращены к небу, откуда доносился рёв самолётов. Преодолевая страх и ужас, некоторые попытались наспех собрать хоть какое-то зерно на чёрный день. Солдаты же хладнокровно выполняли приказы старших по званию.

И только через много лет Тудосе узнал, что увиденное им много лет назад называется тактикой выжженной земли.

К вечеру следующего дня полил дождь, и рёв авиамоторов умолк. Дорога в село превратилась в непроходимую жижу, и по ней медленно двигался поток солдат в длинных шинелях. Кое-где видны были пушки, которые тянули усталые лошади. Появлялись периодически экипажи, заляпанные грязью. Скорее всего, в них сидел какой-нибудь майор, или иной какой начальник. Вся колонна при этом останавливалась и отдавала честь. Когда же начальство удалялось, солдаты вновь продолжали своё мерное шествие по дорожной грязи. Слышно было, как один из них насвистывал какую-то мелодию, другой же, обронив что-то в грязь, принялся громко сквернословить. К вечеру поступила, очевидно, команда остановиться на постой. Некоторые из старших по званию принялись с важным видом расхаживать и по-хозяйски заглядывать в крестьянские сараи, свинарники, курятники. Кур хватали особенно охотно, но перед тем, как обезглавить, обязательно ощупывали в поиске яиц. Какой-то смуглый, сухой капрал, поглаживая своего коня по лбу, сделал признание перед всеми:

– Соколята! Мы стремительно одерживаем одну победу за другой! Скоро будем в Москве, у Сталина в ставке!

Гнедой, вытянув шею, пытался дотянуться до листьев акации, что росла вдоль забора, и тогда недовольный хозяин коня, спросил у женщины, стоящей на пороге дома:

– Дорогуша, далеко ещё до Москвы?

Женщина ничего не ответила и лишь покосилась в его сторону. Капрал широко улыбнулся и нарочито спросил:

– Большевичка, найдётся парное молоко?

Женщина жала плечами в недоумении.

– Значит, для большевиков нашлось, а для солдат Родины-матери нету?! – В шутку сказал он, наблюдая, как бедная женщина покраснела по самые уши.

Тудосе тогда жил с дедом. Стоял самый разгар жатвы, и как только дождь утих, они вышли в поле. Вместе связали снопы и принялись уж было их кучковать, когда к их хижине подошли несколько человек, которые сопровождали бричку, запряженную двумя вороными лошадьми. Один из военных – рыжий, с драконьими глазами – лихо спрыгнул со ступеньки брички, угодливо открыл дверцу (чтобы начальник мог беспрепятственно ступить на землю) и стал покрывать тропу большими листьями лопуха, чтобы начальство не замарало свои начищенные до блеска офицерские сапоги. Офицер, молодой человек с крючковатым носом, безразлично глянул в сторону снопов, затем, расстёгивая пуговицы на кителе, слегка ткнул Тудосе остриём кнута в живот:

– Эй, юнец, ты готов служить Родине-матери? Или останешься жить с папашей, а затем намерен удрать в Россию?

Парень засмутился, и за него ответил дед – человек, у которого, как говорится, что на уме, то и на языке.

– Мы, господин офицер, ни с кем не разругались и никому ничего не должны. Мы живём по воле Божьей и тем, что дарует нам земля.

– Родина-мать и её храбрые воины нуждаются в хлебе, – продолжал офицер, остановив своего ординарца коротким жестом. – И за то, как будут накормлены сыновья Родины, ответственность несу я – старший лейтенант Стынгэ. И те, конечно, кто окажет мне поддержку и помощь!

Работал Тудосе вместе со своим дедом в поле. Имели они двух бычков, один плуг, два серпа и один цеп. Построили землянку и не часто заходили в деревню. К концу уборочной страды, как по приказу, появилась бричка, а за ней подтянулась внушительная телега. Офицер лично пересчитал мешки с зерном и дал распоряжение загружать их в телегу. Он приказал отложить в сторону десять мешков: для семьи деда и для «земледельцев» армии. Затем надменно заявил:

– Это хлеб для соколов, что победно сражаются как тигры! Они уже достигли излучины Дона!

– Мы перерезали всех большевиков! – лстиво поддакнул ординарец из-за плеча лейтенанта.

Зимой, чтобы было чем заняться и для очищения души, Тудосе с дедом укрывались в ближайшем монастыре. Благочинно внимали проповедям отца Василия – сухонького священника с тёмными кругами под глазами и изборождённым глубокими морщинами от тяжёлой болезни лицом. Священник знал, как нести словом праведника истину мирянам:

– Прости, Господи, грехи тех, что в суровых широтах России умирают от холода и голода, гибнут от вражеских пуль и снарядов...

* * *

– Иди, Жояна, иди! – понукал животное Тудосе.

Корова лениво отошла от ощипанного ею кустика и нехотя побрела дальше. А с ней и мотылёк продолжил свой полёт, пронзая пространство над головой скотины, словно над верхушкой факела.

Бедная его молодость!.. Где-то далеко-далеко из-за холмов доносилась канонада, сгущаясь в протяжном гуле, словно слышался плач земли. Затем наступала тишина.

Старший лейтенант Стынгэ хвастал теми несколькими орденами на его груди и никак не реагировал на канонаду. Со стороны Жёлтого Берега под тяжёлым покровом мглы шёл в отступление поток войск.

Один солдат, насквозь промокший от дождя, хляпая мокрыми сапогами по дороге, пропел плаксивым и монотонном голосом:

«Едет поезд „Принчипесса“

С ранеными из Одессы,

Едет скорый поезд ада,

С ранеными из Сталинграда...»

Один из всадников с приподнятым воротником шинели приложил забинтованную руку повыше к груди, чтоб не замараться грязью. При этом он громким окриком обуздал своего попятившегося пегого скакуна:

– Ноо, кляча, навоевались!

Бились так, что!.. Ноо!

Без конца шли колонны из изголодавших, не выспавшихся и немых солдат. Они еле передвигались по селу в направлении леса. Лошади в изнеможении тащили переполненные телеги с ранеными и с боеприпасами.

– Ну и тоска эта погода! – слышались недовольные голоса.

По краю дороги, на определённой дистанции от солдат, шагали по грязи несколько ворон. Тудосе следил за этими чёрными птицами, которые будто плыли по грязи. Как ни странно, он тоже мечтал о высоких полётах, чтобы хоть на миг подняться над землёй и породниться с высотой. Мечтал о больших, широко раскрытых крыльях. С их помощью можно было штурмовать небо. Иногда он мастерил воздушных змеев, запускать их в синее небо и наблюдал за полётом до самого горизонта. Сейчас же, когда солдаты отступали, даже птицы перестали летать. Он встревожился. У него было странное предчувствие. Две огромные, тяжёлые и солёные слезы выкатились из его глаз.

Капитан Стынгэ, хмурый и в грязных сапогах, решительным голосом и грубыми манерами, заставил его очнуться от мрачных мыслей:

– Родина-мать возложила на тебя всю свою надежду и требует, чтобы ты отдал ей свой долг!

Тудосе Роман очнулся, окружённый солдатами со штыками в руках. Он тоже надел шинель, и, попрощавшись с дедом, направился в сторону леса. Ему всего за несколько часов стало понятным, как прицеливаться на врага, что следовал за ними по пятам. В лесу они пробыли несколько дней. Никто не осмелился войти в село. Глаза новобранцев жаждали настоящей битвы и будто забыли путь к селу. Наблюдала лишь за храбрыми соколами, что сражались от победы до победы, смотрели на сверкающие орудия и на солнце, что поднялось в небо над лесом и приближало момент сражения.

Листья желтели, и солдаты могли ещё какое-то время оставаться в лесу. Некоторые из них искали подходящее жильё в селе.

– Господа, – беспокоило предостерёг один из младших по званию, – давайте уйдём рысью отсюда, а то Иван нас догонит. Если мы вовремя не уйдём, то и до мордобоя дойдёт, ребята...

– Закрой свою пасть, дубина, а то я лично вырву твоё сердце и сожру его! – накричал на него капитан Стынгэ. – Возле Оргеева войска будут держать оборону, там застанем их врасплох и вы увидите, как большевики потерпят поражение!..

Речь капитана заглушил рёв самолётов, появившихся на горизонте. Лес спас их от опасности. Как шли построенные в колонну, так и продолжили они свой путь. На рассвете Тудосе, другие парни его возраста, солдаты поопытнее и те, что прошли боевое крещение, дошли до широкого побережья реки Прут.

* * *

– Иди, Жояна, иди, миленькая, – пробормотал он, когда коро-ва остановилась, вздрогнув от гула реактивного самолёта, что пролетел высоко над ними. Мотылёк также в испуге отлетел к кустам табака.

Вот уже десять лет, как на плодородных землях у села построили военный аэродром, и там ежедневно совершали тренировочные полёты... Тудосе Роман жил на окраине села и каждый раз, когда взлетали самолёты, его дом сотрясался. Как только наступал полдень, у него не было ни минутки спокойствия. Сельчане жаловались местным властям, но всё оставалось по-прежнему. «Привыкайте...», – таков был официальный ответ. А в один прекрасный день какой-то обозлённый полковник высказал им прямо в лицо:

– Если вас не устраивает, собираете свои манатки и уходите туда, где тихо!

– Иди, Жояна!.. – прикрикнул Тудосе, но скотина не хотела идти дальше.

Тудосе погладил рыжую спину коровы, вытащил из кармана скребницу и почесал её между рогами, прошёлся скребницей по мозолистым коленям. С уголка коровьего рта стекала блестящая струйка слюны. Животное обнюхало высокую траву, но не дотронулось до неё, потому что испытывало жажду. Жояна затрясла головой, но хозяин её понукал, и она покорно поплелась рядом с ним.

* * *

Построенные в один стройный ряд военные под присмотром капитана Стынгэ принялись рыть траншею. Чёрная рыхлая зем-

ля рассыпалась под каждым ударом лопаты. Было много суеты. Артиллеристы расставляли по своим местам орудия и кессоны, штыки прилаживали к винтовкам, и они сверкали в зарослях высокого и шелестящего тростника, что скрывал глубокие траншеи. И лишь распряжённые лошади свободно паслись на берегу реки. Капитан Стынгэ стоял перед траншеями, словно на параде: в аксельбантах, в новой кокарде, в начищенных до блеска сапогах, с серебряными пуговицами на кителе. Он не умолкал ни на секунду и всё инструктировал своих новобранцев:

– Эй, вы, молодняк, цельтесь прямо в мишень!.. Враг, скорее всего, будет нападать со стороны виноградников, с вон того склона!

* * *

– Иди, Жояна, иди!..

Очнулся от тяжёлых воспоминаний Тудосе лишь на вершине холма. Здесь заканчивалось табачное поле. Посреди впадины как на ладони виден был посёлок. Провёл взглядом пролесок, за которым виднелись руины бывшего монастыря. Пару лет назад на холмах образовались оползни. Стихия вырвала с корнями деревья, причинила такой вред, что люди были вынуждены покинуть эти места. Сейчас там обрыв, а дорога, что вела к побережью Чулука, где возвели новые постройки, заросла и стала пустынной тропой. Когда-то давно, ещё в детстве, они ходил туда вместе с дедом, каждое воскресенье... Холодный трепет пронизал его сердце.

* * *

Они сидели в траншеях, погребённые по самую шею. Тудосе посетило странное предчувствие, что люди играют в прятки. Его товарищи позволяли себе даже подшучивать. И лишь господин капитан Стынгэ не находил себе места, метал громы и молнии:

– Эй, пацаны, если будете сражаться как львы, пойдёте у меня на повышение!..

– И петух храбрится на своём пепелище! – позволил себе кто-то огрызнуться со дна траншеи.

В это то время с тыла показался первый танк.

Внезапно всё закружилось, смешалось – как в кошмарном сне. Сначала в небе сверкнули несколько ракет, за ними прямо над солдатскими головами просвистел снаряд, и в это же мгновение

на берегу Прута прогремел оглушительный взрыв. Водопад чёрной и мокрой земли накрыл траншеи.

Капитан Стынгэ, который стоял в это время на позиции, в один миг беспомощно взмахнул руками и рухнул как подкошенный. Осколками снаряда ему разворотило живот. Это была страшная картина! Капитан взвыл и корчась в судорогах взмолился, чтоб кто-нибудь из солдат его пристрелил. Но никто не обращал внимания: было не до него. Лошади под шквалистым огнём дико ржали и метались. В панике они бросились в мутную воду, по которой уже расплывались багровые пятна. Животные попытались плыть. Лишь их головы с торчащими ушами возвышались над бурлящей водой. Но очень скоро можно было видеть, как одна за другой они уходили под воду, оставляя на поверхности лишь белёсые пузыри.

Перед Тудосе Романом всё померкло – ни неба он не видел, ни земли. Внезапно Тудосе почувствовал, что роняет из рук оружие, и какая-то резкая боль вонзилась в его правую руку и висок.

* * *

– Иди, Жояна, иди!..

* * *

Придя в себя, Тудосе увидел вокруг грязных солдат, какой-то высокий дощатый забор, вдоль которого ходила охрана с собаками. Все лежали ничком, и если кто-то пытался приподняться, на него тут же направляли стволы:

- Лежать, румынские морды!..
- Мы из Бессарабии, – попытался кто-то пояснить.
- Один чёрт!..

Один день и одну ночь: ровно столько они пролежали на сырой земле. Ноги онемели, а раненая рука Тудосе отекала, словно толстое бревно. Пленные выпросили разрешение разжечь огонь во дворе. Им выдали мешок молочной кукурузы, которую они испекли на костре и тем утолили голод...

Ещё несколько дней пленные провели в загоне для скота в нижнем предместье Ундрешть. Изредка хмельные охранники пытались протиснуть им в качестве приманки бутылки с водкой. У отдельных выпивох возникало желание развлечься расстрелом. В обнимку по трое-четверо солдаты громко распевали скверные куплеты каких-то русских блатных песен. В соседнем дворе были

забиты несколько овец. Их пытались поджарить подобно тому, как коптят заколотых свиней: подкладывая солому, содранную с навеса дома. На крыльце сидела и рыдала молодая женщина, держа одного дитя на руках, а другого за ручку. Незадолго до этого молодуха безуспешно пыталась спасти своих раскудахтавшихся кур. В подоле она прятала бережно завёрнутую в белый платок корку хлеба. Один молоденький рыжий солдат забавлялся беспорядочной стрельбой поверх крыши дома. При этом он почему-то был невероятно доволен собой и глупо смеялся. Тудосе слышал плач женщины и крики детей. Затем он увидел, как рыжий солдатик с ухмылкой сошёл с крыльца и забежал в погреб, откуда выволок переводчика, подталкивая того в спину:

– Шанти... Скажи тем скотам, чтобы держали языки за зубами о том, что видели, и чтобы открывали рты лишь для того, чтобы рассказать, как армия спасителей освободила вас всех от румын!

– Мы не нуждались в освобождении, – с глухими рыданиями произнесла женщина.

– Закрой свой клюв, шлюха! – последовал окрик.

«Как же тяжка судьба беззащитного человека», – думал тогда Тудосе Роман. – Можно делать с ним всё, что захочешь. Можно вести себя с ним, как со скотом. Захочешь – покормишь, захочешь – забьёшь. И ни перед кем не нужно отчитываться».

Поздним вечером один из солдат зашёл во двор, держа на плечах поросёнка. Швырнул его оземь и тут же кинжалом содрал с живого солидный шмат шкуры. Окровавленный поросёнок неистово завизжал и заметался между людьми. Наблюдая это, стражники глупо ржали:

– Ловите, жрите!

Кому-то удалось поймать поросёнка за ногу. В тот вечер поели мяса вдоволь. Мясо выдавали лишь за послушание. Один из односельчан Тудосе заявил даже:

– Румыния – наша мать, а русский – это наш отец!

* * *

Дошли до склона, откуда начиналась ярмарка, и Жояна потянула Тудосе в сторону делянки клевера возле какого-то колодца.

– Не спеши. Сегодня у тебя будет время напиться воды вдоволь.

* * *

Двор, где они провели несколько звёздных осенних ночей, недавно служил загонем для скота. Повсюду – тучи комаров и мошкары. Однажды утром на перевёрнутый жёлоб вскарабкался невысокого роста человек во френче и произнёс короткую речь, переведенную одним из заключённых (вероятно, это был липованин). Человек во френче громко сообщил:

– Шанти, румыны до сих пор были нашими врагами, и бесарабские тоже, но ситуация изменилась: румыны перешли на нашу сторону!..

Переводчик на мгновение умолк, затем тем же писклявым голосом продолжил:

– Кто из Бессарабии – шаг вперёд!

Вместе с другими вышел вперёд и Тудосе. Перед образовавшимся строем прошёлся низенький липованин с крупным носом и в очках с толстыми линзами. Оглядев каждого, он стал вытаскивать вперёд по одному. Лишь Тудосе остался стоять на своём месте. Те, что стояли впереди, были молоды и относительно крепки, их не коснулись осколки снарядов. К его удивлению, выбранные из строя были одеты в форму врага.

– Война продолжается! – пафосно произнёс липованин.

– Родина нуждается в солдатах-храбрецах! Вы, вопреки всему, призываетесь в ряды доблестной красной армии, защищать её честь!..

После нескольких дней инструктажа (Тудосе наблюдал за подготовкой сквозь щель в заборе) в новом обмундировании товарищи построились в колонну и под громкую песню запевалы скрылись за холмом по направлению к Пруту.

* * *

В небе над городком со страшным рокотом пролетели два серебристых самолёта. С аэродрома ежеминутно то взлетали, то шли на посадку десятки летательных машин. Жояна подняла голову, затем оглядела окрестности своими большими чёрными и ясными глазами. По её ногам потекла извилистая жёлтая струйка. Раскалённая зноем земля моментально поглотила вспененную жидкую струю. Несколько лепёшек шлёпнулись на землю. Скотина с облегчением встряхнула головой и принялась

валятся по траве, что щетинилась перед чьим-то окрашенным киноварью домом. Затем стала жевать травинки. Не смотря на заботы хозяина, покашляла и заморгала глазами, в углах которых застыли две с горошину слезы. Тудосе помнил, что «глаза – это зеркало души». Сейчас, глядя в глаза скотине, он согласился с тем, кто это придумал, и подумал: у кого же ещё могут быть такие глаза, как у его Жояны? Он очень любил свою коровку, как никого другого! Поразмышлял он и над тем, что люди в погоне за прибылью сократили пастбища, засеяв широкие поля табаком.

– Бедная скотина оказалась зажатой со всех сторон. – рассуждал Тудосе. – Если бы она могла, она бы сопротивлялась. Но это не зависит от неё... Душа Жояны тоже широкая, ведь её взгляд словно раскрывает её горе, мысли, чувства... А что же было дальше, Тудосе Роман? – поймал он себя на мысли. – Дальше? Дальше всё оказалось обманом...

* * *

В сентябрьскую ночь стража сопровождала их вдоль Прута до вокзала в Ундрешть, который был забит пленными. На запасных путях в ярком свете нескольких мощных прожекторов стояло несколько эшелонов с пробитыми пулями вагонами. Под пристальным наблюдением охранников и под собачий лай пленных загнали по вагонам. Загремели железные задвижки, и они кто-как уселись на дощатый пол, застланный соломой. Сквозь многочисленные щели с улицы проникал осенний ветерок. На следующее утро, перед тем как эшелоны тронулись с места и направились в неизвестном направлении, с перрона раздалась грозная команда, адресованная всем, кто сейчас находился в вагонах, чтобы никому не вздумалось дезертировать. Резкий голос добавил:

– В стране военное положение, и мы здесь не в бирюльки играем!

Поезд тронулся. Никто не знал, в какое направление они едут и что будет с ними дальше. Они даже не говорили об этом. Лишь колёса поезда ритмично повторяли одну и ту же монотонную песню: «Увезу, увезу!...»

Прошёл день, прошла ночь. Снаружи больше не проникали запахи осени, но всё пронзительнее свистел холодный ветер. По

утрам двери вагонов покрывались слоем инея. Голод всё мучительнее давал о себе знать, а колёса всё стучали и стучали. Всем уже было безразлично, ночь ли на улице или день, где восток, а где запад, где вообще стороны света. Лишь иногда приоткрывался напольный щит, что служил нужником. И тогда сквозь него мелькал снежный настил между рельсами. Мороз усиливался, вой локомотива сообщал о бесконечной дороге. Ни общения, ни еды, ни сна. Люди в вагонах согревались тем, что тесно прижимались друг к другу. Однажды Тудосе почувствовал, что рядом лежащий товарищ как-то неестественно скорчился и замер с легкой улыбкой в уголках рта. Он прикоснулся к его закрытым глазницам, затем положил руку на холодный лоб и к своему ужасу понял, что человек мёртв. С большим трудом Тудосе поднялся, окоченевшие ноги еле держали. Перешагивая через чьи-то тела, шатаясь он подошёл к оледеневшей двери вагона и принялся та-рабанить в безучастную ко всему доску.

– Откройте, здесь человек умер! Он мё-ё-ё-ртва!!! – попытался он крикнуть осипшим голосом.

Тут стали кричать и остальные, но поезд продолжал гнать – разъярённо, непослушно, продолжая свой путь в неизвестность. Лишь спустя шестеро суток локомотив издал протяжный гудок и вздрагивая остановился. Дверь вагона распахнулась и появился стражник в овечьем тулупе. Он без особого интереса оглядел людей в вагоне и произнёс:

– Ну что, аники-воины, довоевались?

На той же остановке выгрузили десять трупов, сгребли их в одну бесформенную кучу и оставили вблизи вагона. Оставшимся в живых пленным дали поесть, горячую воду, затем вновь заперли вагоны, и эшелон тронулся в дальнейший путь.

Всю свою жизнь Тудосе боялся жестокой, неестественной смерти. Даже тогда, в пронизанном ледяным ветром вагоне его пугала мысль, что если он здесь умрёт, его выбросят как бревно на очередной станции, и могила его никому не будет известна. У него сама собой возникла потребность молить Бога о том, что если случится так, что он погибнет, чтобы его похоронили дома. Там, в своём селе, на том уголке земли. Он всё чаще думал о родительском доме, о солнечных деньках, проведённых на родине. Находившиеся рядом люди, умирали ежедневно. Никто больше

не кричал от страха, не стучал кулаками в стены – все привыкли к трупам. А выживших мучали голод и холод. Когда кто-то умирал, с него спешно снимали одежду. Как-то Тудосе, скрючившись от холода, сидел на своём месте и вдруг почувствовал, как чья-то рука ощупывает его тужурку, затем потрогала лоб.

– Я живой, – пробормотал он, будто был в чём-то повинен. – Я ещё живу...

Всё было на счету дней и ночей. Поезд остановился в какой-то глуши. Сквозь широкую дверь вагона сыпал снег. Никто не спешил им на помощь. Пленные самостоятельно выбирались из вагонов, помогая тем, кто ходить был уже не в силах. Тудосе Роману помогли выйти, поддерживая его под руки. Кругом намело снежные сугробы. Неподальёку от железнодорожного полотна горела бочка с солярой, распространяя вокруг мерзкий запах. Над ней кружились и таяли снежинки. Опустевший эшелон тут же тронулся с места, а люди и закутанные в тулупы охранники остались стоять под открытым небом. Единственная вывеска «20-й километр» ничего им не говорила. Когда погода слегка наладилась, на склоне холма стало возможным разглядеть пожухлые заросли камыша.

– Вот ваше жильё, – объявил кто-то из сопровождающих, укутанный в тулуп, словно баба. Тот же голос объявил, что он капитан Будягин, и добавил: «Отныне что посеете, то и пожнёте!»

Кому-то выделили серпы, а кому-то – косы. Часть заключённых направилась к лесу, другая – в сторону зарослей камыша. К вечеру был сооружён сарай, зажгли огонь. Семечко надежды осталось всё-таки, мёртвых стало меньше. Тудосе не заставляли работать. Ему поручили хоронить умерших, за три километра от лагеря. Он вывозил трупы на саях, покрытых поперечными брусками. Уже на месте расчищали снег и с двумя-тремя помощниками долбили мёрзлую землю мотыгами, покрывали яму снежным сугробом. Ни таблички, ни креста у изголовья...

Спустя неделю силами заключённых поднята была настоящая деревня из бревенчатых срубов. Через несколько дней вновь появился капитан Будягин, но уже в компании нескольких крепкого вида женщин. На них были чёрные стёганные фуфайки. Женщины осмотрели строй пленных, затем, ощупали у каждого мышцы. Подойдя к Тудосе, одна из них по-мужски сильно тряхнула. От резкой боли Тудосе стиснул зубы, а капитан сказал ей, что он ранен, и в

его плече несколько осколков. Женщина вроде поняла слова Будягина, но махнула рукой и раздражённо произнесла:

– Не будет тебе реабилитации: наши мужики погибли от ваших пуль!

И всё-таки судьба над ним сжалилась. Остальных братьев по несчастью увезли в карьер рыть песок для стекольной фабрики, его же больше не отправляли на ставшее привычным занятие хоронить умерших товарищей в мёрзлой земле.

Пришла весна. Снег таял, и на поверхности прорисовывались трупы. Появилась опасность эпидемии, и они были в срочном порядке эвакуированы в другое место, в провинциальный город на Волге. Из тех десяти тысяч пленных, что были в самом начале, осталось несколько сотен. Смерть сделала своё дело, особенно студёной зимой. Тудосе Роман жил надеждой, что не долго осталось до того дня, когда он вернётся домой, вернётся к земле. Именно туда летели его мысли: и день, и ночь. Думая о доме, забывались все его страдания, жил лишь этой надеждой.

* * *

Внезапно вновь появился и присел на рога Жояны мотылёк. По команде хозяина корова поднялась, слегка тряхнула головой, обнюхала поникший спорыш и тут же застыла послушно, как только Тудосе вытащил скребницу из кармана пиджака и принялся чистить и приглаживать её по шерсти.

– Иди, Жояна, иди!..

Неспешно они продолжили в свой путь, всё дальше и дальше от дома. Мысли и воспоминания расплелись в голове Тудосе, словно кудель для пряжи. «Правда всегда восторжествует, – сказал он себе. – Как бы высоко она ни летала, как глубоко бы ни пряталась ложь, а правда всегда побеждает. Вот и шагаешь вместе с ней, с этой правдой по жизни».

– Иди, Жояна, иди!..

* * *

Работали заключённые на стекольном заводе. Но вскоре рана на пострадавшей руке Тудосе воспалилась. Произошло омертвление тканей, а результате – полная потеря чувствительности и обездвиженность. Больше на заводе Тудосе просто физически не мог работать. Его обвинили в саботаже и

уклонении от работы. Целый месяц один из следователей всё допрашивал его: кто его родители, какое звание у него было в армии... Тудосе говорил чистую правду, но следователь не верил. Видя такое упорное неприятие правды, Тудосе был готов оговорить себя, лишь бы его не мучали больше вопросами. Единственным его желанием было избавиться от боли в руке. Между тем следователь всякий раз заканчивал одной и той же фразой:

– Ты живёшь в другой стране и должен подчиняться этой власти.

– А кто эта власть? – осмелился как-то спросить Тудосе.

– Государство.

– А государство это кто?

– Мы, народ.

– А если я не согласен с властью государства? Если я думаю иначе...

– Мало ли что ты думаешь... Другие за тебя думают. Тебе остаётся самая малость – молчать и подчиняться.

В конце концов Тудосе положили в больницу. Больная рука уже начала гноиться. На операционном столе ему дали выпить полный стакан спирта. Напиток попал в желудок словно на шесток печи. В уголках глаз выступили крупные слёзы, челюсть задрожала, начался бред. Доктор с двумя санитарями привязали Тудосе к кровати, накиннули на небритое лицо давно не стиранную марлю. Внезапно Тудосе Роман почувствовал, как в его руку вонзились стальные клыки.

При выписке один из рукавов его пиджака заправлен был за ненадобностью в карман. Тудосе больше не поручали хоронить умерших. Его назначили счетоводом гружёных песком вагонов. Всё чаще ловил он себя на мысли, что лучше бы он умер в эшелоне или же замёрз зимой, когда хоронил своих товарищей. И лишь мысль о доме отгоняла мрачные мысли. Через неделю, когда Тудосе посчастливилось попасть домой, ему казалось, что всё пережитое – страшный сон.

– Хорошо, что ты вернулся, но лучше бы не приходил, – огоршила с порога тётюшка, увидев его у входа, сгорбленного, истощённого и с худым вещмешком за плечами.

Старуха сидела у печи и дрожащей рукой наливала полов-

ником пустую похлёбку, которую ела затем медленно, прикрыв опухшие глаза.

– Прости, нечем тебя угостить...

Стоял сорок шестой год, над каждым домом развевались на ветру чёрные платки. Даже некому было рыть ямы. Если кто-то и соглашался, то только за кукурузную лепёшку. Люди ели жёлуди, стружку, а с района непрерывно прибывали телеги. Людей вызывали в сельсовет, чтобы те отдавали «излишки» государству.

На краю склона холма каждый день появлялись новые кресты. У входа в каждый сельсовет – лозунги, крупными буквами прославляющие изобилие, что свалилось на крестьян. За два голодных года – сорок шестой и сорок седьмой – в селе крестьян померло больше, чем за все годы войны.

Тудосе Роману повезло остаться в живых. К лету следующего года голод постепенно отступил, в сердцах людей зарождалось желание жить. Люди усердно работали. Кто как мог. Тудосе Роман единственной рукой управлял плугом, одновременно покрикивая и понукая быков. К следующей зиме люди стали приходить в себя. Даже сыграли несколько свадеб. И Тудосе полюбил одну вдову, такую шустренькую, хорошую хозяйку. Они жили душа в душу. Людская зависть клином вошла в их семью.

– Смотрите, калека, а как хорошо живёт! Богатеет на глазах. Он похож на зажиточного, на кулака!

Затем... как-то летней ночью в их дверь постучали... Конвой сопровождал их до вокзала Лучеферь, и без всяких объяснений их затолкали в вагон. Вагоны были похожи на те, что возили пленных и заключённых. Но теперь Тудосе был пассажиром в качестве классового врага! А что это такое?

На этот раз дорога показалась намного длиннее. Пришлось терпеть за двоих – за себя и за жену. Привезли их в сибирскую глушь. На пять лет. Пришлось всё начинать с нуля.

Депортированным удалось наладить хозяйство, завести скотину, отдавать налоги государству. Когда на руках уже было разрешение вернуться домой, на плечи Тудосе Романа свалилось другое несчастье. Умерла жена. Он вернулся один. Времена поменялись. Крестьяне обзавелись землёй, завели скот. Тудосе тоже приобрёл коровку. Он был полон сил, а земли в окрестностях села

оставались целинными. Когда нужен был корм, косу он мог держать даже и одной рукой, придерживая рукоятку подмышкой.

Душа просила радости от жизни, но силы покидали его, их не было как прежде. В смятении он искал виновных. Вот и смекнул, что виноватой оказалась справедливость. Та, что не позволяла ему извиниться перед самим собой. Его раздражение увеличивалось, когда сталкивался с реальностью. Целинных земель становилось всё меньше, пахотных – всё больше. Как-то по весне все земли засеяли кукурузой. Кругом – одна кукуруза! Корова могла пастись только на привязи и лишь у дороги. Жить, правда, было на что: небольшие сбережения и надои от коровы спасали положение. Большого ему не надо было. Хуже обстояли дела у него с пафосными театрализациями, с «фестивалями», которых в каждодневной жизни он не переносил. Его ровесники? Те, что были с ним тогда, в том сельском дворе на берегу Прута. Многие погибли, но многие и вернулись с войны! По праздникам их приглашали на сцену, дети им вручали букеты цветов и просили рассказать о своём героизме. А он?! Раз он не воевал на фронте вместе с русскими, он не был ветераном? Правда, его жизнь была другая. Ровесники Тудосе, ветераны, садились в колхозные грузовики, и их везли в лес на праздник. Он же, сгорбленный, вёл корову за верёвку на пастбище, проходя слегка смущённый мимо ворот тех, у кого на воротах были прикреплены красные звёздочки...

* * *

– Иди, Жояна, иди, а то день клонится к вечеру...

На краю посёлка центральная улица была закрыта. Знак на какой-то доске указывает другое направление. Шли они всё, шли по более узкой дороге. На каком-то перекрёстке милиционер направил их по переулку, что вёл к ярмарке. Вдоль высокого старого забора росла облепиха, повсюду неухоженные деревья, по стволам карабкались сорняки. Во многих местах дождевая вода застаивалась в лужах. Мотылёк исчез.

– Вот ведь странное существо, – подумал Тудосе. – Живёт всего несколько дней, а летать умеет.

Неожиданно гул авиадвигателя прервал его мысли. Про себя Тудосе подумал: «А вот человек не способен создать такую машину, чтоб она порхала, как бабочка – тихо и бесшумно...»

Корова дёрнула его слегка и потянула к кустику травы, что рос возле забора.

– Иди, Жояна, иди, миленькая!..

* * *

...Он пошёл просить пенсию. У него не было выбора. Когда лощины засеяли кукурузой, корове стало легче пастись: где-то кукурузные стебли достанет, а где-то початки. Но со временем земли засеяли табаком. Пенсию ему так и не дали. Сказали, что у него нет необходимых трудодней и ещё... Ещё его прошлое. Не забывай, кем ты был... не стоит искать привилегий. Думал всё-таки добиться справедливости, но кто-то из райцентра сказал ему по-товарищески:

– Смотри, чтобы ты не попутал.

Тудосе плюнул с горя и смирился. У него ещё были силы владеть косой, и летом потихоньку-помаленьку ему удавалось заготовить сена. В течение двух лет корова паслась на краю дороги, но когда все пастбища перепахали и засеяли табаком, он понял, что теперь ему не на что содержать скотину. Тогда он сплёл бечеву и решил отвести Жояну на ярмарку.

– Иди, Жояна, иди!...

* * *

Полуденное солнце будто застыло на небосводе. На подворье толпилось множество народу. Многолюдно и шумно. Тудосе привязал корову к шесту, как и весь скот, что привели на продажу другие люди. Покупали скотину неохотно. Можно сказать, вообще не покупали. Год был засушливым, и крестьяне стремились избавиться от предстоящих зимних забот, связанных с кормами.

Жояна жевала, моргала и поворачивала голову в сторону мимо проходящих людей, которые ощупывали её вымя. Но никто не покупал. Посреди ярмарки кто-то вывесил избитый плакат: «КПСС, МЯСО ДАВАЙ!»

В какой-то момент отовсюду послышалось «милиция», «прокуратура», «органы госбезопасности»... Нашли ли они злоумышленника или нет, Бог его знает, но факт был налицо. В мясных отделах магазина было пусто, и люди не спешили сдавать свой скот на бойню, потому что государство за это мало платило. К вечеру у входа вывесили официальное объявление, где ясно было

сказано: «Весь скот – на бойню!» Люди стали расходиться. Стал собираться и Тудосе Роман, но прямо у выхода путь ему преградили два милиционера.

– Мы думаем, тебе ясно, куда нужно вести скотину, – сказал один из них. – Это политика партии!

Тудосе призадумался и ничего не ответив повернул в сторону бойни. Ему сказали, что там хорошо платят и... Там не обидят! Прошёл он со своей коровой старую часть посёлка к бывшему монастырю:

– Иди, миленькая, иди!..

Жояна упрямылась. Что-то ей не нравилось, она упорно не желала идти дальше. Над её головой роем кружила мошкара, солнце нещадно припекало. Жояна постоянно мотала головой в безуспешных попытках отогнать назойливых мух. Тудосе принялся её уговаривать, затем вытащил скребок из кармана пиджака и принялся гладить её по хребту в надежде хоть как-то успокоить животное.

– Давай, иди, милая, иди, красавица!..

Вдоль дороги, по которой они продолжили свой путь, высились сухие стволы тополей с сидящими на них воронами.

– Кар-р-р! Кар-р-р!

Наконец добрались до бойни. Осталось лишь найти начальника. Его разыскали в старой каморке лежащим на продавленном диване, при этом он громко храпел. Это было тучное, колченогое создание с хитрыми бегающими глазками. Было заметно, что этот человек страдает одышкой.

– Что-то твоя коровка хиленькая, – зевая произнёс начальник бойни. – Ты поил её сегодня?

Тудосе Роман молча пожал плечами.

– Вижу, ты порядочный человек. Мы принимаем только жирных коров, но раз ты приличный, я хочу тебе помочь. Все мы люди, не так ли? До вечера ещё далеко. Иди вон в тот сарай, что в алтаре, накорми её, напои, а поутру видно будет.

Тудосе повёл свою Жояну через широкий двор бывшего монастыря. Стены обители были разрушены, да и вся она стояла в руинах. В детстве они с дедом Никэ сюда приходили. Тогда здесь царил порядок, всё заботливо расставлено по своим местам... Заходили они и в церковь, как раз попали на богослужение. В тот

день в храме было многолюдно, но никто не кричал, не суетился. Теперь... Теперь же всё заброшено, осквернено. На месте храма теперь разместилась бойня. Ну и времена, ну и странных людей же родила земля! Миновали карликовую черешенку, сиротливо прислонённую к стене трапезной, дошли до указанного сарая. Здесь на земляном полу валялись жёлоба с силосом, несколько блоков каменной соли. Изголодавшая Жояна накинулась на корм. Насытившись, она лизнула соль и вдвоём они направились к колодцу.

– Вот это да! Вот сейчас ты идёшь из дому! – с восторгом встретил Тудосе довольный начальник.

Затем он взвесил корову.

– Мне нравятся порядочные люди. С тебя магарыч! Как без него?

Тудосе не понял, к чему он клонит, взял квитанцию, поблагодарил и готов был направиться к кассе за расчётом. Но толстяк остановил его. Ухмыляясь и сотрясаясь всем телом, он с укором напомнил Тудосе:

– Дело сделано, теперь не грех и отдохнуть. А какой же отдых без жратвы, денег, выпивки и девок?

Кассир в бухгалтерии периодически вынимал из жилетного кармана никелированные часы, сосредоточенно смотрел на них. Наконец он достал из сейфа и пересчитал новенькие купюры. Передал их Тудосе. Пачка оказалась настолько увесистой, что еле уместилась в его мозолистую руку. Немного помявшись, кассир напомнил:

– Начальник просил вас зайти к нему.

Когда он вышел, Жояны не оказалось на прежнем месте. Кто-то закинул бечеву на раскачивающуюся на ветру ветку ближайшей акации.

Обливаясь потом, начальник бойни предложил Тудосе присесть.

– Я вижу – ты приличный человек, – не глядя в сторону Тудосе, произнёс он, скрупулёзно пересчитывая при этом деньги.

Пересчитав, отёр лоб и с укоризной попрекнул Тудосе. По словам начальника, хозяин коровы мог получить значительно большую сумму, если бы загодя не накормил и не напоил Жояну. А так – корова прибавила в весе. Смысл этих слов Тудосе не понял. Видя это, начальник отсчитал несколько хрустящих бумажек и сунул их в свой карман, а остальные деньги вернул Тудосе.

– Прогуляйся по двору, затем зайдёшь ко мне в кабинет, – с этими словами колченогий начальник отвернулся и вышел.

Такую пачку денег Тудосе никогда не доводилось держать в руках. С непривычки он зажал деньги подмышкой, перекрестился перед входом в бывшую келью, где теперь располагался «кабинет начальника», и присел на лавочку. Услышав приглушённый рёв, он вздрогнул. Стало почему-то тревожно. Тудосе ощупал в кармане чёрствую горбушку хлеба, непонятное волнение охватило всё его существо. Что там с по его Жояной? С этими чувствами он направился в сторону, откуда донёсся рёв животного. Войдя в просторное помещение, огляделся. Увидев грязный бетонный пол, внимательно оглядел обрызганные кровью стены, хранящие замазанные белилами лики святых. Местами проступили обширные пятна плесени. Где прежде располагался иконостас, он увидел прикреплённые к потолку дочерна промасленные цепные блоки на шинах. На фоне арочных окон трое забойщиков в чёрных измазанных кровью фартуках лихо управляли огромными ножами. Каждый из них проворно свеживал свисающие с потолка туши коров. Где прежде звучали молитвы и совершали богослужение – отрубленные головы, ноги, кишки забитых животных, стекающие к сливному отверстию кровавые ручейки... В помещении было сильно накурено. Работа спорилась!

– Живее, живее, – покрикивал один из забойщиков, бойко затачивая огромный нож на шлифовальном станке. – Осталось еще четыре штуки!

– Так ведь три было? – удивился другой.

– Да пришёл тут один со своей дохлой коровой...

Забойщики разбросали соль на освежёванные туши, оттащили их в угол помещения и шлангами принялись мыть окровавленный пол. Один из них обхватил своими мускулистыми руками тяжёлый молот, другой – отошёл к двери бывшей кельи, широко распахнул её и выпустил огромного бычка. Глаза напуганного животного налились кровью. Громко фыркая, он метнулся в сторону, где бесформенной грудой лежали части убитых коров. Мгновенно двое забойщиков ловко связали цепями ноги быка, обездвижив жертву. Тот, что держал в руках молот, приблизился к быку, погладил круп тыльной стороной ладони и неожиданно с размаху ударил между рогами. Бык вздрогнул, приглушённо закричал, затем подскочил

так, что цепи натянулись как струны. Послышался скрежет железа и искры взметнулись от удара цепей об пол. Последовал столь же мощный повторный удар. Мужчина напрягся весь, синюшные вены проступили на его шее. Один рог быка отлетел далеко в угол. Животное забилося в предсмертных судорогах, пало на колени как подкошенное и наконец рухнуло, вытянув в последнем вздохе далеко вперёд мощную шею. Кровь из размозжённой головы хлестала фонтаном, прокушенный язык вывалился набок... Последовал третий удар! Передние ноги быка судорожно подогнулись, натянув до предела связавшие в копытах цепи. И ещё удар!

Убедившись, что работа выполнена, мужчина отошёл в сторону. Его напарник приблизился к туше, пригляделся и одним ударом вонзил нож прямо в бычью гортань. Речушкой хлынувшая кровь потекла по направлению к сливному отверстию. Теперь тот, что прежде затачивал ножи, нажал в стене кнопку. К задним ногам забитого быка опустились два крюка, прикреплённые к цепному блоку. С их помощью животное было вздёрнуто к потолку. Огромные, непонимающие всего произошедшего глаза животного продолжали в упор глядеть на своих убийц. Кровь продолжала хлестать из раны на голове и задерживалась лишь на ресницах. Бык словно плакал кровавыми слезами...

– Что, дядя, палишься? Ни разу не видел, как скот забивают? – обратился один из забойщиков к пораждённому Тудосе. – Скот, уважаемый товарищ, предназначен для пропитания человека. Он не способен защищаться. Так мы получаем ветчину, колбасы...

Тудосе ничего не ответил, но и забойщики больше не обращали на него никакого внимания.

Крадучись, Тудосе пробрался в келью, где стояла Жояна. Завидев своего хозяина, корова потянулась к овальному оконцу с грязными в паутине стёклами, обнюхала ржавые решетки. С улицы, по ту сторону окна, влетела бабочка. Жояна подошла обнюхала Тудосе Романа. Он захотел её погладить, но животное откинуло голову назад. Понюхала горбушку на протянутой ладони, фыркнула раздутыми ноздрями, но не дотронулась. Вновь подошла к окну, вытянула шею, тяжело задышала на запотевшее стекло. Глухо замычала, но это мычание услышали лишь они вдвоём.

– Что с тобой, Жояна? – спросил в растерянности Тудосе. – Я потерял верёвку и не могу тебя отсюда вытащить...

Последовала мучительная тишина, после чего Жояна вновь замычала. У неё был испуганный взгляд, а из уголков глаз выкатилось несколько горячих и мутных слёз. Она продолжала обнимать пиджак, шляпу, культию с заправленным в карман пустым рукавом и деньги, которые хозяин зажал подмышкой.

– Эй, товарищ! – окликнул его кто-то. – Тебя начальник ищет.

Тудосе вынул рукав из кармана пиджака и как мог крепко обнял Жояну за шею. Прижал свой морщинистый и потный лоб к её жёсткой и влажной морде и тихо прошептал:

– Прости меня. Прошу, прости.

– Ты что, спятил?! – усмехнулся стоящий в дверях мужчина.

– Давай, поторапливайся, начальник тебя ищет. Корова уже не твоя. Сейчас мы с ней разберёмся.

Тудосе вышел во двор и тут почувствовал себя виноватым и беспомощным. Хмуро огляделся по сторонам и не мог понять, где он и куда идёт.

– Сюда, сюда! – позвал начальник, широко улыбаясь. – Заждался уж тебя! Давай, заходи.

В кабинете гремела музыка. Миниатюрный японский магнитофон, подключённый к двум усилителям, веселил народ. На столе аккуратно разложена свежая ветчина, ароматно пахло варёное мясо в цветастом тазике, расставлены бутылки с выпивкой. За столом уже поджидали Тудосе трое мужчин и одна девица, которая непрерывно хихикала.

– Гуляй, Вася! – весело воскликнула девка полулёжа в потёртом местах бархатном кресле бордового цвета.

– Сделай одолжение, присядь с нами, – нарочито вежливо пригласил начальник, обратившись к растерянному Тудосе.

– Ну, будем здоровы, и чтобы все держали скот... Не часто к нам поступают коровы вроде твоей!.. Пьём за это коньяк!

– Не «коньяк», Вася, а «конияк», – кокетничала с ним девушка, закусывая после выпитой рюмки ломтиком пастромы.

– Прошу прощения, – вмешался некий холёного вида мужчина с тщательно приглаженными волосами, – но, по-моему, этот напиток как-то иначе называется.

– У нас его называют спиртом, подкрашенным чаем, – вмешался другой в чёрной кожаной куртке, нарочито расстёгнутой таким образом, чтобы был виден синий в косую полоску галстук.

– Да как ни называй, все равно хорош! – восхитилась девица, протягивая бокал одному из присутствовавших в надежде, что ей тут же наполнят рюмку ещё раз.

– А пусть нам нальёт наш уважаемый гость! – предложил начальник, указав взглядом на Тудосе, который растерянно сидел на предложенном стуле и ни к чему не дотрагивался.

– Я не виночерпий, – последовал ответ. – Пусть каждый наливают себе как ему хочется...

Никто ничего не ответил, бокалы были опорожнены в полной тишине.

– Видимо, ты ветеран войны, – обратился к Тудосе человек в кожаной куртке, – ты воевал на фронте? Где именно?

– Оставьте человека в покое, – вмешался тот, что с прилизанными волосами. – Лично я уважаю скромных людей, которые не хвастают на каждом углу, вроде того, что, смотри, я воевал на фронте!

– Скромный и порядочный! – поддержал, подняв палец начальник, которому не с первого раза всё же удалось прикрыть подолом юбки бедро девушки.

– Получаешь хорошую пенсию?

– Твоя бабка жива? По вечерам делает тебе массаж?..

Тудосе, в ярости от увиденного, молчал. Его мысли были лишь о Жояне. Душою он был там, рядом со своей коровой.

– Пей коньяк, пей! – подтолкнул его мужчина в куртке. – Если ты вдовец, мы тебя женим. Мы много чего можем сделать. Есть у нас в услужении одна Жояна, старая дева, здоровая... Депутатка! Она тебя будет ласкать до глубокой старости. Увидите, как вам пригодятся деньги с коровы.

Сидящие за столом верно пьянели. Выпивали залпом и часто, рвали крепкими зубами мясо. Тудосе сидел неподвижно на стуле, рассматривал замазанные, но всё ещё отчётливо заметные лики святых на стенах.

– Выпей же! – упрекнул Тудосе начальник бойни, поглаживая короткой и толстой рукой выставленное вновь напоказ бедро захмелевшей девицы. – Ты поставил магарыч, мы пьём, а ты смотришь по сторонам и молчишь.

– Начальник знает, что говорит, – заплетающимся языком поддакнул холёный.

Неожиданно девушка вскочила с кресла, улыбнулась, подо-

шла к Тудосе со спины, обняла его обеими руками и нашептала в самое ухо:

– Пей, миленький, коньяк. Ко-ни-як!

Все захохотали, когда девушка смачно чмокнула его, оставив на щеке вишнёвый след от помады.

– Я пью только спирт! – неожиданно даже для самого себя возразил Тудосе Роман, стирая красное пятно со щеки.

Начальник бойни пристально посмотрел, дождался, когда девушка уgomонится и сядет на прежнее место. Затем ухмыляясь и часто икая медленно вынул ключи из глубокого кармана клетчатых брюк, гордо открыл сейф, отодвинул какие-то бумаги в сторону и достал банку:

– Чистый спирт, – уточнил он, – к твоим услугам!

– Ура-а-а! – заорали все гости, разругнявшиеся от выпитого, с остекленевшими пустыми глазами.

Начальник плеснул в гранёный стакан напиток из банки, наполнил рюмки гостей коньяком. Стало тихо. Тудосе Роман засомневался: опять отказать, встать и уйти? Но внезапно что-то кольнуло его в самое сердце. Он вспомнил случай из своей далёкой молодости, когда выпил стакан спирта, а очнувшись оказался без руки. Неловко схватил стакан, зажмурился и залпом выпил. По щекам катились слёзы. Голова стала тяжёлой, перед глазами всё поплыло.

Когда очнулся, увидел себя сидящим за столом, сгорбленным, опустошённым, безучастным ко всему. Медленно стал приходить в сознание: «Заберу Жояну домой!», – была первая мысль. – Кое как перезимую, у меня ещё есть силы... Заберу...»

Все сидящие за столом похвалили его, восхитившись тем, как он залихватски махом опустошил стакан, и между собой соревнование, кто больше выпьет.

– Ну, что скажешь? – спросил старший по бойне.

– Отдай мне мою корову и заberi обратно свои деньги! – взмолился мгновенно протрезвевший Тудосе.

Острая боль огнём жгла в желудке: весь день он ничего не ел. Повисла пауза. В келье жужжали мухи. Жирные, наглые мухи. Внезапно все засмеялись. Хохотали долго и до слёз.

– Иди и заberi! – хохоча громче всех предложил начальник. – Пожалуйста, я разрешаю тебе забрать её! – Иди, забойщики проведут тебя к твоей корове!

– Где моя верёвка? – с надеждой в голосе спросил Тудосе.

– Вот она! – девушка протянула новенькую верёвку, которую достала из мешка на полу.

Тудосе прижал подмышкой верёвку, проверил её на прочность. Надел шляпу и направился к двери. Начальник придвинул свой стул поближе к креслу и бросил ему вслед:

– Мы в расчёте, не так-ли?

Тудосе одобритительно кивнул и вышел на улицу. Услышал звук защелки за собой. Шатаясь и еле держась на ногах дошёл до двери бойни. Не глядя на забойщиков, с размаху широко распахнул дверь, перешагнул через кучи наваленной требухи, всем телом навалился на дверь кельи, за которой он оставил Жояну. Никого! Тудосе не верил своим глазам – никого, нет Жояны! Мужики, попыхивая папиросами и прищуриваясь от едкого табачного дыма, следили за растерянным Тудосе, который обежал всё помещение и в недоумении остановился, затем поднял глаза к потолку и остолбенел. Его словно оглушили: «Жояна...» Он её узнал сразу. Она висела на цепи, вздёрнутая за задние ноги, а забойщик, старательно и напряжённо пытался содрать с неё шкуру...

* * *

В сумерках аэродром у реки постепенно затихал. Тудосе Роман возвращался домой. Шагал он медленно, периодически смахивая здоровой рукой крупные капли пота со лба. Из-за леса подымался огромный кроваво-красный диск луны. Отчётливо просматривалась дорога, что вела от ярмарки к селу. Ветерок нежно дул, разнося аромат спелых орехов и мускатного винограда вперемешку с запахом табака. За холмом Липэгэу ещё видна была вечерняя заря. Гармония царила в природе. Как это хорошо, что у природы есть дар успокаивать, утешать в горе, смиряться с судьбой даже при самых тяжких её ударах!

Через каждые несколько шагов Тудосе останавливался, обирачивался и долго смотрел в сторону бывшего монастыря.

– Иди, Жояна, иди, миленькая!..

Он остановился на вершине холма, откуда как на ладони видно его село. Сел на пригорок отдохнуть и перевести дух. Очередной день его жизни клонился к закату. Тяжёлый день, слишком тяжёлый для одного маленького беззащитного человека!

Даже совершив преступление, он бы не чувствовал себя таким опустошённым. Он продал... Нет, он предал Жояну! Ради чего, ради денег?..

Многие соблазны люди не в силах преодолеть, многие искушения ведут к предательству. Как же это хотелось бы забыть каждому, кто хоть однажды был на месте Тудосе Романа! Но раскаяние и муки совести, видимо, неизбежно преследуют каждого.

Деньги... Самое, пожалуй, большое зло на земле – деньги. Не каждому дано вовремя осознать, что они не приносят желаемой радости, не делают человека счастливым. В погоне за богатством люди зачастую теряют человечность, честность, душу свою, теряют себя. В наши дни алчность – болезнь, от которой человек не в силах излечиться, как от иных хворей. Но оправдается человек, когда предстанет перед судом Божиим?..

Так думал Тудосе Роман, сидя погружённым в свои мысли. Вдруг что-то почудилось ему. Вздрыгнул. По воздуху беззаботно порхал мотылёк, всё ближе и ближе. Тудосе Роман равнодушно достал из кармана стопку купюр. Ветерок растрепал выбившиеся из-под шляпы вихры поседевших волос. Он пристально смотрел на маленькое беззащитное создание, что не угомонилось даже с наступлением ночи. Тудосе раскрыл ладонь, и свежий ветер стал сдувать в долину хрустящие бумажки – одну за одной. Безучастно наблюдал Тудосе Роман, как они становились мотыльками. Он тяжело вздохнул, поднялся и медленно стал спускаться с горы.

* * *

В долине деревня зажигала свои огни...

МИНИАТЮРА

Моё путешествие на африканский континент состоялось в конце января – начале февраля. Тогда в Молдове стояли лютые морозы, а в Хургаде – туристический город, расположенный на берегу Красного моря, царила летняя погода и люди загорали во всю... Приехал я в Египет с целью увидеть Долину Царей, это такое скалистое ущелье, расположенное на западном побережье реки Нил, недалеко от города Луксор, где на протяжении многих лет были возведены гробницы для фараонов и высокопоставленных чиновников с времён Нового царства. Мне непременно захотелось побывать в этой известной Долине, о которой весь мир заговорил после того как раскрыли усыпальницу Тутанхамона. Я прочел множество информации про жизнь Рамсеса и Аменхотепа и про другие династии тоже. Где-то прочитал что изучение этих мест европейцами в районе Фив продолжалось и в XIX благодаря стараниям учёного Чамполиона, который расшифровал иероглифическую письменность и открыл много скрытых тайн. А также, моё путешествие было с целью забыть эмоций, которых я оставил дома, по поводу того что мои отношения с любимой женщиной затенились. Я знал точно, что она мне изменяет и с каждым днём становилась всё холоднее ко мне. Хотя я и не показывал, что мне это известно, моя душа сильно мучилась и я верным путём скатывался к состоянию одиночества, рисковал даже впасть в депрессию. Будучи размещён в одном из пансионатов, я сразу же согласился на экскурсию по реке Нил и в город Луксор – который является современным городом, а в периоды Среднего и Нового царствий – был столицей Древнего Египта, из-за чего прославился в наши дни как «крупнейший музей под открытым небом». Нашим гидом был араб средних лет, выпускник Московского Университета, который стал нам по-русски рассказывать, что город, через который нам предстоит проехать, условно делится на две части: «Город живых» и «Город мёртвых». «Город живых» это жилой район на правом берегу Нила, здесь же расположен тот самый отель где побывала сама Агата Кристи и где она написала свой роман «Смерть на Ниле». Там же, на правом берегу расположены Луксорский храм – главная достопримечательность, Аллея Сфинксов и храм Амона-Ра в Карнаке. Сперва мы

увидели это античное чудо, затем плывем к «Городу мёртвых» который был расположен на другом берегу Нила, там, где нас ждал знаменитый Фиванский Некрополь, включающий в себя Долину Царей и Долину Цариц, погребальные храмы Мединет-Абу, царицы Хатшепсут, Рамессеум, Колосы Мнемона и прочие некрополи Долины знати. Не далеко от Луксора, с самого утра мы стали ознакамливаться с городом Карнак... Путешествуя по этим необычным местам, я словно попал в мифический мир окутанный волшебством, с особым интересом слушал рассказ арабского гида и наблюдал за фантастическими строениями, которые почти лежали в руинах. Несмотря на огромное количество туристов, мне казалось, что вокруг царит тишина, особенно посреди величественных колон стены которых были красиво расписаны. У меня с собой был фотоаппарат, я много чего сфотографировал, но мне захотелось запечатлеть себя на фоне античности. Все те, кто ехали со мной в автобусе на эту экскурсию не были мне знакомы, поскольку это было сборище со всех туристических баз, и мы не знали друг друга. Экскурсия уже подходила к концу, а я так и не сфотографировался на фоне античного храма. Каждый был занят своими делами, и я упрямо стал искать выход из положения... И вдруг я заметил девушку невысокого роста, она была одета в красных брюках, в розовой кофточке с короткими рукавами, на плече висела черная сумочка. Она ходила туда-сюда и любознательно смотрела на всё вокруг своими красивыми глазами. Изредка протирала широкий лоб, с её плеч свисали слегка распущенные локоны цвета спелой айвы. Я её заметил ещё в автобусе по пути к Луксору, но постеснялся заводить с ней разговор поскольку она находилась в компании двух других женщин зрелого возраста, которые будто опекали девушку. Позднее она вроде как случайно оказалась рядом со мной, и тут мне ещё больше захотелось сфотографироваться на фоне античных чудес:

– Вас не затруднит? Протянул я ей фотоаппарат.

– Да-да, конечно, ответила она и тут же взяла аппарат и сделала пару щелчков. Затем, протягивая свой мобильный телефон, попросила милым, обаятельным голосом:

– Сфотографируйте меня возле статуи Рамсеса...

Девушка показалась мне жизнерадостной, весёлой и жаждущей общения. И тут я набрался смелости.

– А Вы откуда? Спросил я её, одновременно поглядывая в сторону тех двух женщин которые немного отошли от девушки.

– Я из Беларуси, из города Могилёв. Мои мама и тётя там живут, указывая взглядом в сторону женщин. Работаю я в Москве, затем объяснила: они притащили меня на эту экскурсию в подарок мне на мой день рождения. Я отмечала его пару дней назад.

– Я тоже водолей! Восторженно сказал я, продолжая любопытствовать: а как вас зовут?

– Ольга. Ольга Богомыя, конкретизировала она. А Вас?

– Чудесная фамилия! Похожа на еврейскую... Вы очень красивая! В юные годы, в школе я сидел за одной партой с блондинкой, с еврейкой... Правда, у неё были веснушки на щеках и на носу...

Одним словом, мы познакомились. С того момента я держался рядом с ней постоянно. Настойчиво поддерживал с ней беседу. Меня интересовала тема Москвы и Беларуси, а также её планы на будущее... В начале она отвечала на моё любопытство. Я узнал, что Ольга закончила факультет инженерии и что в Москве ей не очень нравится, и что недавно она пережила любовное разочарование и только сейчас стала приходить в себя. Узнал я, что после этой экскурсии она полетит в Иерусалим на Святую Землю... Я продолжал её фотографировать и не брал во внимание подозрительные взгляды тех двух женщин, которые про себя думали о том, что я увлёкся молоденькой девушкой – и что на самом деле я в отцы ей гожусь. Затем, одна из них отозвала в сторону Ольгу и стала ей что-то говорить, после этого девушка резко изменилась. Перестала со мной общаться. Я был в замешательстве, а её глаза словно говорили мне: «Не следует тебе приставать к молоденькой, невинной девушке... Соблюдай дистанцию и меру приличия, дядя! ...»

Во время той экскурсии я больше с ней не говорил, хоть и стояли не далеко друг от друга. Мы продолжали фотографировать друг друга но между нами было молчание. Невинное молчание, которое все-таки стремилось к общению. Между нами ничего не происходило, лишь переглядывались, а моё воображение стало плыть свободно по течению и фантазировать. Человеческому мозгу нельзя запретить мыслить, и слава Богу, что учёные не изобрели метод чтения мыслей. А я все думал, что лишь это нежное

создание в состоянии вытащить меня из тупика, влюбить меня в себя. Моя жизнь находится в эмоциональном и душевном напряжении, стала непонятной из-за того, что моя любимая женщина, которая осталась дома, увязла в предательстве, и сейчас, как никогда я нуждаюсь в спасении, которое никому не в силах мне его дать. Сейчас же я увлёкся прекрасной девушкой, но она была для меня запретным плодом которого охраняли мать и тётя. С самой юности я не ощущал подобных чувств, когда хочется непрерывно общаться с такой девушкой что может в одно мгновение зажечь пламя любви и нежности. Мне казалось безумием то, что с каждым мгновением я был всё ближе к этой белорусской девчонке, но её предназначение в этом путешествии было молчание – навязанное её родственницами. Огромная разница в возрасте между девушкой и зрелым мужчиной всегда осуждалась социумом. Подобное ощущал и я. Моё путешествие к гробнице Тутанхамона из Долины Царей, экскурсия по замку Хатшепсут, по всему античному маршруту проведённым бок-обок, в молчании, меня это ужасно мучило и беспокоило, но где-то глубоко в душе, я ощущал счастье! Я был счастлив тем, что человек может пережить подобные чувства и в одиночестве, без взаимности. Что касается Ольги, я убеждён что она не переживала подобного, и не нуждалась в таких же переживаниях. И она была права! А мне должно было быть стыдно за те мысли что лезли мне в голову. Я представлял себе, что наши отношения продолжатся всем на зло, и у нас родится ребёнок которого назовём Эрнест. Что я буду приезжать к ней в Беларусь, что я буду уговаривать родителей чтобы те, приняли наши отношения... О Боже, в моей порочной голове кишат одни нелепости!.. В конце экскурсии мы возвращались в Хургаду в комфортабельном автобусе. Стемнело, над египетской пустыней небо было ясным и звёздным. Мы сделали остановку на какой-то станции где-то в пустыне. Я не стерпел и подошёл к Ольге чтобы дать ей совет по поводу поездки в Израиль, ведь пару лет тому назад я побывал там:

– Когда зайдешь к Гробу Господнему в Иерусалиме держись рядом с кем-то из путников чтобы вы смогли фотографировать друг друга.

Ольга посмотрела на меня своими большими и пронзитель-

ными глазами, словно извинялась за то, что ей запретили общаться со мною:

– Да, я знаю... Еду в Иерусалим для того что бы очиститься. Несколько лет назад умер мой отец, которого я сильно любила. Я по нему очень скучаю, и эта поездка облегчит мою боль.

Больше я не говорил с этой приятной и харизматичной девушкой. Я знал, что она скоро выйдет у своего пансионата вместе с матерью и тётей, затем автобус отвезёт меня в мой... После расставания я не мог сомкнуть глаз, хотя другие уставшие пассажиры дремали в своих креслах. Думая о Ольге, я ворошил и искал подходящие слова, которых я бы хотел ей говорить вез конца, если бы даже этот путь начинался в античности и длился до нынешнего момента. За всю свою жизнь я перечитал сотни книг, тысячи стихов и лишь несколько запомнил наизусть, и в последующие мгновения, направляя взгляд в сторону девушки с переднего сиденья, я вспоминал шепотом про себя стихи, автора которых не могу вспомнить, но они были про меня, про неё – про нас обоих. В следующий миг имел предчувствие что дарю ей нежный букет белоцветника и чудесные нерудовские стоки:

*Да, ты мне нравишься когда молчишь так странно
И слушаешь меня как будто бы тоскуя
Когда твое лицо так призрачно , туманно
И скреплено уста печатью поцелуя.
Природа вся полна душой твоею
И ты похожа на души создания
На бабочку что увидел во сне я
На слово безысходного страданья...
Позволь мне помолчать с тобою рядом,
Позволь мне молча говорить с тобою:
Как свет звезды твое молчанье чисто
В ночи далекой, ясной и лучистой!
Да, ты мне нравишься, когда молчишь так странно
Печальная и словно неживая
И если улыбнешься мне неожиданно
Тогда я счастлив, сам того не зная...*

В следующие минуты Ольга вместе с теми двумя женщинами вышли из автобуса и даже не попрощалась со мной.

Несмотря что прошло уже пару лет с момента нашего расставания я постоянно думаю о часах, минутах когда были совсем рядом, но не имели возможность больше узнавать друг о друге, составлять планы, встречи на будущее. Я не держу на неё обиду. На против – у меня остались ощущения теплоты, и я вместе с ней окунувшись в раздумья:

«Человеческая судьба имеет свой конкретный путь, которого мы преодолеваем то медленно – то быстро, мы находимся то в аду – то в раю, исход которого предreshён заранее и заканчивается... смертью. Я искренне сожалею о том, что я, будучи несовершеннолетним, не могу угодить предпочтениям и желаниям окружающим меня сородичей. Трезво осознаю, что на протяжении всей своей жизни являюсь конгломератом недостатков, и сколько бы я не старался, мне никак не удаётся избавиться от сентиментальности, из-за которой часто приношу явные неудобства окружающим. Никак не могу убить в себе ребёнка что бы не казаться смешным даже для самого себя! Сожалею о том, что те, кто пересекались со мной, чувствуют мою неспособность повзрослеть. Так же, имею честь признаться, что я желаю, чтобы все встречающиеся мне женщины были лучше меня в плане сентиментальности, были корректнее и умнее, вежливее и привлекательнее, чтобы они были примером для следующих поколений для продолжения красивой и правильной жизни. Люди, современники мои, я Вас люблю! Каждый из вас, со своими взлётами и падениями составляет сущность моей Эпохи! И если судьбе будет угодно, и я проживу еще пару десятков лет, я обещаю быть более чутким и привлекательным для Вас, как можно больше избавиться от недостатков, ибо со временем я пришёл к выводу что ничего более прекрасного нет на планете Земля, чем жизнь человека, сотворённая Богом.» Будучи уверенным в том, что больше никогда не увижу этот белорусский бриллиант, я завершил своё путешествие с мыслью: «Насколько необычными не были наши мечты, жизнь не заканчивается нынешним поколением. Будущее нам открывает пространство для других больших дел: либо причудливым, либо неосуществимыми, но они всегда приветствуются, потому что они нас продвигают к бесконечным глубинам нашей человеческой души.»

TIKENNI GÜL

*«Большие воды не могут потушить любви, и реки не зальют ее.
Если бы кто давал все богатство дома своего за любовь,
то он был бы отвергнут с презрением.»
Песня песней (глава 8-я, стих 7)*

С тех пор как вернулся домой и стал прикованным к постели, Вани Юзбаши убедил себя в том, что участь исправляет век... и нет ничего другого в жизни человека кроме бесконечной жизненной суеты, и в погоне за ней выпиваешь чашу добра, зла, правды, обмана и любви. И смотря как именно познаёшь эти законы жизни, тебе кажется, что происходит что-то новое, невиданное. Хотя, человечество уже давным-давно открыло или же изобрело всё что только возможно, и хранит это всё на своём счету для последующих поколений. Он ловил себя на мысли что человечество овеяло славой своё прошлое постройкой древних пирамид, эпохой Возрождения, триумфом своих предков, которые обрели гагаузам свободу в Буджакской степи. Его поколению поднесено ещё одно поприще для самоутверждения... Но сперва он должен перебороть самого себя, осознавая то, что жизнь всего лишь одна единственная и вновь не повториться, затем свою болезнь, из-за которой он прикован к постели. Он был ликвидатором Чернобыльской аварии, затем десять лет мотался по России в поисках заработка, но позже понял, что может найти своё счастье и на родине, где провёл своё детство и где встретил свою первую любовь. Ему понравилась Дока Исюмбели ещё с тех пор как ушёл в армию. Она была в то время девчонкой с распущенными светлыми локонами, с большими пронзительными глазами в которых искрились звезды, с выразительными ресницами, со смугловато-румяными щеками и с широким ясным лбом. Он всё чаще представлял себя с ней рядом, и надеялся, что рядом с ней его будущее... Будучи учительницей начальных классов в сельской школе, Дока после занятий навещала его, рядом со страдальцем проводила часы на пролёт. Вани стал калекой, больше не мог передвигаться даже на костылях, она кормила его как малыша и меняла ему подгузники... В начале поступок Доки никого не удивлял – это было что-то вроде благотворительности, которая растает в один прекрасный день словно хрупкая, дешёвая свеча. Но

через некоторое время, выхаживание больного поставило в замешательство её тётушек, подруг, да и весь Конгаз. Отец и мать Доки уже четвёртый год как работали в Италии и отправляли ей сообщения с призывом о том, чтобы она хорошо обдумала свои действия, но, когда узнали о том, что она отказала предложению о замужестве Тодуру Куйжуклу, самому видному бизнесмену в Буджакской степи, совсем прекратили с ней общаться. Дока навещала Вани и утешала его грустный взгляд, говорила с ним о том, что Господь подарил ему жизнь и он же её у него отберёт, развеивала его мысли об эвтаназии, о которой delikanni (парень) стал иногда говорить. Она часто задерживалась у него далеко за полночь, слушая как по Буджакской степи гуляет ветер, извивается трава и веет прохладой. Она ложилась к его ногам, укрытые белым одеялом, и они беседовали о луне, о звёздах, о цветах, о любви и о смерти. Вани рассказал ей как прекрасны были розы тем летом, когда он находился не далеко от ядерного реактора. Может быть он насмотрелся на ослепительную красоту тех самых бордовых роз и поэтому заболел лейкемией?... Усадьба Юзбашиев располагалась через пару домов от дома девушки, прямо в центре Конгаза, не далеко от родника, от мэрии, роддома и от старого кладбища. Хозяева уехали на заработки в Италию и двор уже два года как пустовал. Ниже стоял величественный двор Тодура Куйжуклу, в забор которого упирался дом учительницы Доки Исюмбели. Она проживала вместе со своей тётёй, Марийкой, которая была довольно молодой, но пару лет тому назад осталась без мужа и теперь присматривала за племянницей пока её родители были на заработках. Она не одобряла её влечение к Вани, которого считала одной ногой в могиле. Она успокаивала себя тем, что это всего лишь акт милосердия и не упрекала племянницу, когда та задерживалась далеко за полночь... Тётя от всей души желала ей совершенно другого будущего чем то, к которому шла племянница, но как только начинала об этом разговор, Дока упорно настаивала на своём. Как-то раз, когда стало смеркаться, в уютной комнате с ламбрекеном на окнах, молодые выключили электрическую лампу и зажгли на канделябре две большие свечи. Трепет горящих свечей в ночи утешал их души. Колючие, изгибистые розы у окна охраняли их любовь, напоминали им о том, что скоро осень. Бордовые лепестки медленно сливались с темнотой и наблюдали из-за занавеси как девушка ласкает лоб и ещё мускулистые плечи парня, как она целует ему веки и бледные губы. Поздно ночью, ближе к уходу, Дока

включала магнитофон, в воображении девушки величественность сонаты «Мария Мидиган» смешивалась с цветовой гаммой настенной картины «Над вечным покоем» Левитана. Смешанная хроматика всего этого излучалась нежно в их бытие. Пламя свечей будто боролось с бледностью луны после тяжелого дня, что не смогла пробить оловянный небесный покров... После ухода девушки, Вани засыпал глубоким и спокойным сном до полудня следующего дня, когда Дока уже возвращалась со школы, если же просыпался раньше, вдумчиво смотрел в окно на огород, где ему открывалась приятная и спокойная панорама. Сквозь розовые кусты и штaketный забор, сквозь уличный гул, он слышал прохожих, которые направлялись в мэрию или к роднику и несли с собою из Буджакской степи всевозможные новости. Обсуждали с беспокойством тех, кто уехал за границу на заработки, дома что остались без присмотра, детей что остались одни... С раннего утра и до позднего вечера к роднику приходили мужчины и женщины, молодые парни и девушки с алюминиевыми флягами, с тележками запряженными усидчивыми осликами. В самый разгар дня, чабан Василий Курогло что был мужчиной в возрасте, гнал с холма овец к водопою. И был он рассказчиком по своей натуре и постоянно находился в окружении прохожих, которые всегда хотели услышать от него какую ни будь байку, но особенно – мелодии, что играл он на нескольких музыкальных инструментов которые всегда были при нем: флуер, окарина, свирель, кларнет, волынка, кемеңсә (скрипка) со смычком. Веселые мелодии лились рекой – гагаузские, болгарские и молдавские – он пританцовывал в своих лаптях и его поддерживали аплодисментами многие прохожие зеваки, но и те что шли к роднику именно в полдень чтобы застать там старика с овечками. И даже молодёжь, которая предпочитает современную музыку что звучит в сельских барах, подходила и слушала концерт под открытым небом... Чабан носил цурканскую шапку, овечью меховую безрукавку, штаны затянуты широким поясом красного цвета и болтал он на древнем, богатом, с конгазским диалектом языке. Старик знал толк в лечении травами, а также был искусным массажистом... Дока и Вани подружились с ним ещё тогда, когда старый чабан делал массаж больному. Он приходил до заката солнца, делал своё дело долго и медленно, чтобы успеть поговорить о том, что происходило в мире, да и в селе.

– Гагаузы, как и все бессарабцы, стали как перелётные птицы, говорил чабан отчаянно. – Даже когда я вернулся с войны, в Конгазе не было столько заброшенных домов как сейчас... Все разъезжаются с мыслью о деньгах, но деньги утоляют лишь беды, но не успокаивают душу. И пока водил своими широкими ладонями по истощённым мышцам больного, всё засматривался и улавливал взглядом густые косы девушки, что играли на её бёдрах, на её лёгкую походку, её молодую упругую грудь. «Самое большое село во всей Европе находится в полном недоумении – как так получилось, что красивая и умная девушка попала в такое банальное положение», думал про себя чабан. Но мало кто из односельчан знал, что эта история любви началась далёкой весной, когда Вани был совсем юным парнем, а Дока возвращалась с детского сада. Старик предался воспоминаниям. На весь Конгаз мело белыми лепестками, когда вишни трепетали от тоски... Молодых людей провожали в армию. К вечеру Дока возвращалась с детского сада в муаровом платье и с белыми бантами в волосах. У родника – шествие людей, пришедшие за водой слушали душераздирающие мелодии Василия Кириогло на флуере. Вани, укутанный полотенцами, как и остальные призывники, подошел к девчонке что наблюдала своими большими глазами за шествием, приподнял её над своей головой и громко сказал:

– Вот кто дождётся меня и станет мне невестой! ... Тудорка Кывыржик, которая работала бухгалтером в мэрии, одетая в белом платке с ожерельем, в катринце и в безрукавке из шерсти ягнёнка, так же провожавшая своего суженного в армию, сказала слегка упрекая:

– Она мала еще для тебя, Вани.

– Ты меня дождёшься? Спросил он у девочки которая, порхала и сияла над его головой как бабочка.

– Только если ты принесешь мне розы, зазвенел как колокольчик хрустальный голосочек, что рассмешил всех вокруг.

– Вот видите! Вскликнул торжественно Вани. Малышка с характером и дождется меня! Толпа развеселилась, увидев румянец в щеках девчонки и уверенность Вани. Лишь только чабан Василий не мог успокоится и провожал парней со слезами на глазах:

– Возвращайтесь дамой, парни, не оставляйте девушек незамужними... кода прошёл срок службы, почти все молодые люди вернулись. Многие женились, создали семьи, родили детей. Но настали трудные времена и многие разъехались кто куда чтобы заработать

приличных денег и во многих сёлах появлялись заброшенные и неухоженные дома... Вани, после того как отслужил, остался в советской армии чтобы стать летчиком. В ту весну, когда произошла Чернобыльская авария, случилось так что экипаж его вертолѐта был самым лучшим в маневрировании в авиационной школе, и его мобилизовали на устранение аварии. Через несколько месяцев после этого, многие из его коллег стали плохо себя чувствовать. Их отправили в военный санаторий и там, вместе с другими товарищами и с летчиками постарше, которые так же были «чернобыльцами», отошли от авиации. Ему было неудобно возвращаться дамой, он так и не стал летчиком, но и не был на одном уровне со своими сослуживцами, поэтому он решил пока остаться в России, заодно подзаработать денег, затем вернуться на родину с деньгами и с уверенностью в завтрашнем дне. Но, когда болезнь дала о себе знать, он решился вернуться на родину, к своим родителям – он был единственной опорой на старости лет, но принес он им больше страданий чем радости. По правде говоря, в первые месяцы своего прибытия, из заработанных денег он пытался запустить собственное дело в Конгазе, тогда он ещё мог держаться на ногах. Открыл дискотеку в старом здании дома культуры. Каждый вечер её посещали молодые парни и девушки из разных сел как Конгаз, Чок-Майдан, Дезгинжа, Бешалма, Күчүк-Конгазчик, Авдарма и Кызләр. Смуглые гагаузки всегда строили глазки видному, стройному парню. Вани же, всё чаще останавливал свой взгляд на остроумной девушке с волшебной улыбкой на лице. Она была ужасно умной и находчивой, держала себя как святая, но в то же время ещё та была чертовка, с времён учёбы в Комратском Университете. Может это всё что осталось от той самой малышки с характером, но теперь она стала красивой девушкой, что полыхала страстью и молодостью. Он узнал её при первой же встрече у родника, по её большим глазам что остались в его памяти со того самого дня, когда она ошеломлённо наблюдала за шествием людей. В Конгазе за ней ухаживал Тодур Куйжуклу и всё молодые люди из села знали, что он намерен на ней жениться. Молодой бизнесмен отучился на факультете экономики в Кишинёве, у него был процветающий бизнес, ему исполнилось 27 лет и был намерен запрыгнуть куда-то в коммерческие центры мира. В Комрате уже стало тесновато. Ему нравилась девушка со «змеиным характером», так он её прозвал и дал всем понять, что желает на ней жениться, и чтобы все остальные выбросили это из головы, а то... В

конце каждой недели он посылал своего подчинённого – здоровенного мужика, похожего на живой шкаф – и тот приносил ей огромный букет бордовых роз, чтобы он стоял на подоконнике во время уроков, в классе где Дока учила малышей... Цветы были шикарными и притягивали внимание остальных учительниц. Они приходили и восхищались ими, но и завидовали ей конечно же. По необходимости Тодур предоставлял ей своё личное авто для поездок на разные семинары в Комрат или Вулканешты. Предложения с его стороны о совместном отдыхе на пляже в Анталии были напрасны... Она предчувствовала нечто и её пугал некий холод, исходящий от него. При встречах с ней, он часто смотрел на часы, без конца говорил по сотовому с деловыми партнерами и все повторял: «Если мы с тобой поженимся, то будем жить в Тирасполе, Москве, Стамбуле или же в другом культурном центре в мире, где царит цивилизация» ... Он или не был привыкши или же забывал говорить ей слова нежности, говорить о молодости, красоте и любви. Весь его разговор ограничивался тем, как заработать больше денег ... Вани, не долго ожидая, взял да позвал её к роднику. Она сразу согласилась и это его не удивило, хотя, волновался как маленький ребёнок. Он подарил ей большой букет роз:

– Benim sevgili çiçääm! Yalpak sevgim! (на гагаузском: «Мой любимый цветочек, моя нежность»). Ты помнишь?.. Когда-то я говорил тебе, что будешь мне невестой! Его слова ласкали её душу, как бальзам наполняли обольщением, искренностью, проникающий до глубины её души. Она позволила ему себя обнимать, целовать, ласкать. С того вечера они стали неразлучны... Но сегодня девушка жила и мучилась рядом с ним, он чувствовал, что болезнь заметно прогрессирует. Все лето, затем всю осень и всю зиму, когда он еще мог немного передвигаться на костылях, они проводили вечера на дискотеке, у его калитки или у родника. Но когда болезнь приковала его к кровати, и врачи не решались давать ему каких-то шансов, Дока ежедневно, после уроков, навещала его, ухаживала и поддерживала. Когда даже на костылях не мог передвигаться, Вани понимал, что его жизнь кончается, и всё чаще говорил об эвтаназии. Он глубоко приуныл и не мог больше работать – ощущал, как жизнь медленно покидает его молодое тело, и он нехотя опускается в пропасть. «Лейкемия, подумал он, это разрушительница мечты, молодости, надежды, амбиций и она превращает человека в пленника грусти и печали. Спасти от такой участи может лишь только смерть или ангел хранитель. И этот

ангелочек совсем рядом... Он послан Богом, ведь будучи в отчаянии человек всегда найдет в Нем поддержку». Дока перешагнула через свою молодость и через разговоры всего села, Дока каждый день навещала дом с бордовыми розами. И никто в селе не мог этого понять... В то время как Вани Юзбаши мучился от рака, Дока Исюмбели объявляет, что любит его до слёз! Многие были в недоумении: как же такое может быть, чтобы такая девушка как она, упала в объятия калеки?! Многие знакомые думали, что она может быть пофлиртует с ним некоторое время и... Естественно, такое бывает, надо помогать нуждающимся. И настанет тот день, когда Дока обустроит своё будущее так как она того заслуживает. Но вскоре Конгас смирился с этой сказочной любовью и оставил их наедине с их любовью. Но только тетушка Марийка не отступала и, время от времени, отчитывала её:

– Ну и что ты связала свою молодость с этим арестантом? И чего же ты добровольно связываешь себе руки на всю оставшуюся жизнь, девочка моя? Чего ожидать от живого трупа? Открой глаза, как же ты не замечаешь какой парень сохнет по тебе? Тётушка естественно намекала на Тодура.

– Если бы я ощущала, что он желает меня душой и сердцем, а не ... деньгами, может быть я бы поняла, что он способен любить по-настоящему, отвечала ей племянница.

– Ты слишком наивна! Богатство превыше чувств. Выйди за Тодура и всё придёт само-собой... Ты только посмотри какие цветы он тебе дарит!

– Его розы слишком колючие и пахнут деньгами! упрямылась племянница. Все старания Марийки, сбить её с неверного пути, все убеждения в том, что её будущее должно быть другим, что её родители в Италии сильно огорчены, влияли на Доку так, что она – возвращаясь со школы, уходила сразу же к Вани. Чувствуя, что племянница через чур упряма, в голову пришла мысль о суевериях. Хотела разобратся в том, что повлияла на то что она отталкивает богатого жениха и упрямо хочет связать свою судьбу ... с подгузниками. И в один прекрасный день, не выдержала это всё и пошла к гадалке.

– Бог любит её за этот поступок, нервно ответила ей гадалка. И даже не пытайтесь сбить её с верного пути... Тётушка Марийка вспомнила что это большой грех перед Господом Богом – ходить по гадалкам, и на ум ей пришла другая мысль – о заговоре, и стала думать, как уговорить Тодура на такой шаг, похитить Доку в силу тра-

диции османов. Запереть её в своём доме, между корзинами с виноградом, айвой и красивыми коврами... так чтобы никто не услышал её крики... Позвать музыкантов, толпу девушек и *delikanni* (юношей) и, таким оригинальным способом объявить о помолвке с Докой. На второй день, когда гости разойдутся, девушке станет стыдно перед односельчанами и останется там на всегда... Для Вани они приобретут лекарства и наймут сиделку... Бизнесмен Конгаза легко согласился на такое. Среди ночи, когда Дока возвращалась дамой от Вани, он попытался неожиданно у ворот дома насильно посадить её в машину... Увидев, что настойчивость переходит в насилие, девушка, долго не думая, схватила с земли розгу и изо всех сил ударила его, да так что у Тодура заискрилось в глазах ... Затем ещё один удар, ещё и ещё, пока он совсем опозоренный, стал бежать как угорелый в темноте в сторону родника, убеждённый в том, что уловками нельзя купить любовь. Бывает, что любовь имеет свои чудеса и извилистость, но никогда нельзя завоевать её без согласия того, кого любишь. После того случая, Дока стала реже появляться дома – она шла напрямую к своему «арестанту» и часто оставалась у него ночевать.

– Мне кажется, что на ней венец безбрачия, огорчилась тётушка, оставив её наедине со своими чувствами. Тодур тоже перестал волновался. Проконсультировался с врачами, и те ему гарантировали что лейкоemia добьёт Вани максимум до следующей осени, ровно тогда, когда он и планировал жениться на Доке. А до тех пор, пусть девушка сама убедится в своей ошибке. Все село думало также.

В отличие от тех девушек что покупали себе импортные брюки и кроссовки, Дока надевала платья собственного пошива, по образцам из специализированных журналов. Её живая походка словно была списана от солнца, от луны, от звёзд; элегантные манеры веют аристократической, королевской женственностью. Она всегда улыбалась, рассказывала анекдоты, лишь бы её сокровищу не лезли чёрные мысли в голову. Был у неё ещё особый талант молчать, и она чувствовала, когда этого требуют обстоятельства. В совершенстве владела литературным гагаузским языком, а также диалектами из Чадыр-Лунги и Вулканешт, часто иронизировала манер Комратского каламбура, где вперемешку был русский, молдавский, болгарский и родной язык. Она злилась на гагаузов – псевдопатриотов, которые, как только обрели автономию, думали только лишь о своих карма-

нах, полностью игнорируя язык своего народа, а в школах и учебных заведениях говорили только на русском языке. Дока рассказала Вани ту самую легенду, которую рассказывает малышам в начале каждого учебного года – случилось так что на распятии времён, забытый гагаузский народ, сбившийся с пути, был спасен... одним волком, что привел их в степи Буджака. С тех самых пор замечательный гагаузский народ проживает свою долю рядом с другими доброжелательными, гостеприимными народами, а их трудолюбие сотворило плодородными и щедрыми места их обитания... Народ противостоял сильным ветрам, несущимся со всех сторон, пережил враждебность времен, потому что любой народ добывает своё существование, обогащает свои традиции только лишь пройдя сложные и суровые испытания. Дока искренне желала своему народу, чтобы отныне он никогда не блуждал и требовала от малышей чтобы те, знали про старые и новые традиции, хотела чтобы они, так же как и она влюблялись в свою родину и чтобы у них не появлялась мысль о том чтобы покинуть её ради лучшей жизни ...

Доке же лично поступали предложения на учёбу в вузы Румынии, России, Турции, и как ей только не завидовали её коллеги, которые только и мечтали о подобных предложениях! Толпы девчонок разъехались по миру и работают нелегально, занимаются проституцией, или же учатся в странах Европы, Америки, Австралии, она же отказывается от шанса! Дока вернулась в родное село, смирившись с реальностью: здесь школа и дети, уехавшие на заработки родители, люди с красивым языком предков, с гагаузскими традициями. В родном селе иначе проходили времена года, здесь же встретила её настоящая любовь – Вани. Она любила когда расцветали розы у окна, посаженные им прошлой осенью – цвели они посреди лета и до глубокой осени. Однажды, рассказывала Вани как сильно она любит те самые розы у окна, он же с горечью вспоминал:

– В Чернобыле, недалеко от ядерного реактора, цвели удивительные розы, и у них были огромные шипы, да такие что никто не мог до них дотронуться... а эти розы что у окна – наши местные, Конгазские...

Тодур Куйжуклу расширил свой бизнес в Комрате, в Тараклии, в Чадыр-Лунге, в Болграде, в Тузле, в Измаиле где у него были скотобойни и комбинаты по переработке шкур. Мясо бычков было в

спросе там далеко от Черного моря, на берегу Босфора, за Дарданеллами и до Анкары. Когда он начал бизнес, турецкие капиталисты попытались его обмануть. Через российскую фирму он импортировал в Галац эшелон деревянных обрубков разных размеров. Турецкая сторона потребовала чтобы дерево было направлено на экспорт в Анатолию, но без коры. Работники Тодура почистили серпами обрубки, калибровали и загрузили их на грузовые суда чтобы отправить по Дунаю к морю. В ожидании таможенных документов и перечисления денег, ночью турецкие бизнесмены сняли суда с якорей и к утру должны уже были быть в нейтральных водах Черного моря. Тодур был предусмотрительным – грузовые суда доплыли лишь до порта Сулина и сразу были окружены таможенной полицией, имея при себе ордер на их арест. Контрабандисты сбежали с судов и исчезли на скоростной лодке в сторону острова Змей, избегая тюрьмы... После этого и других подобных случаях, Тодур Куйжуклу поставил на место бизнесменов из Анатолии и Анкары, заставляя их понять, что он заслуживает их уважения... Всего лишь за пару лет Тодур накопил солидный капитал, будто доказывал своим кровнородственным уехавшим за границу что дома тоже можно денег заработать и не хуже чем там. Главное иметь мозги. Сейчас он уважаемый человек, а чабан Василий Курогло обожествлял его:

– Ты наш настоящий посол в чужих странах, дорогой *delikanni*! Расскажи там всем что гагаузы — это честный, трудолюбивый народ и он за честный бизнес. Самое главное, что ты любишь свою родину и украшаешь её своим трудом... Тодур был обольщён словами Василия, и сразу вспомнил какой он бессильный перед девушкой, которую любит и хочет на ней жениться. Он попытался о ней поговорить с опытным стариком:

– Может быть ты поговоришь с Докой? Ведь я желаю ей только добра и обязательно сделаю её счастливой. А что за приключения такие у неё с тем дохлым? Старик нахмурился в замешательстве и затем сдержанно сказал:

– Иногда жизнь сурова, парень! Мужчины созданы что бы зачастую любить то что им не принадлежит. Дока выбрала свою судьбу так как ей захотелось, и даже сам Господь Бог не в силах тебе её вернуть. Сам решай, как тебе дальше быть. Любой советчик в этом деле – лишний... Отказ старика еще больше ввел его в замешательство. Сколько он пытался пересечься с Докой Исюмбели, поухаживать за

ней, она так и оставалась для него крепостью красоты и нежности, которая с каждым днем осады становилась все более неприступной. Девушка решила связать свою жизнь лишь с Вани Юзбаши. «Жизнь может быть печальной, если ты позволишь ей захватить твою судьбу», сказал себе Тодур и оставил все на самотёк. Всего-то, что он переехал жить в Комрат.

Волны нежности и меланхолии притихли в Буджакской степи. Усталость конца лета налегала на веки и все чаще их закрывала. Дока поглаживала лоб Вани, затем глаза, щеки, губы подбородок и волосы, уже тронутые сединой. Ощущая её движения, бледными губами целовал ей руки прищепывая:

– Benim paalı kızım! (моя дорогая девочка)! Yalpak çiçekik (нежный цветочек)!

От этих слов у Доки хлынули слёзы – это были слёзы боли и счастья. Она спрятала лицо чтобы не расстроить Вани, спросила у себя самой: «что есть Бог для нас, для людей? Это желание прожить свою жизнь... рядом со своим любимым, любить его несмотря на грусть и печаль...» Через несколько недель девушка ощутила в себе некоторые изменения что заставили её себя спросить: «Неужели эта правда?» Её грудь округлилась и утяжелилась. Но когда прошел месяц, и не случилось того что обычно бывает у девушек в определённый срок, она догадалась что кое-кто живет у неё под сердцем... Отблеск свечи оставлял след на бледном лице Вани, он открыл свои большие глаза на мокром месте, и наблюдая за Докой, сказал:

– Зачем ты со мной мучаешься, иди и живи своей жизнью! ...

– Ты помнишь день, когда вас провожали в армию? Неожиданно спросила его Дока, поглаживая тыльной стороной ладони его щеки. Тогда ты мне пообещал, что я буду твоей невестой. Я не хочу, чтобы от роз что растут у твоего окна остались лишь шипы... Её слова звучали как приговор. Однажды, ранним августским утром, когда Буджакская степь раскраснелась от зари, Дока Исюмбели вернулась на радостях дамой и сообщила своей тётушке что Вани попросил её руки... Конгаз всё трепал и трепал языком как старая мельница. Несколько дней подряд Дока плакала в подушку. Слова Вани пронзили её сущность настоящими жемчужинами гагаузского языка. Она чувствовала боль и печаль, мгновения незнакомые ей до этих пор. «Счастье всегда приходит неожиданно, вместе с нежным весенним

ветерком, или же как ослепительная молния. Помоги мне, Господи, в том, что я задумала и дай мне силы довести это до счастливого конца.» Увидев больного который пытается приподняться на локти, повернуться с одной стороны на другую, Дока чувствовала появление мельчайшей надежды, которую лишь небо могло ей чудесным образом подарить, как Христос по пути в Иерусалим. Она молила о помощи всех тех что были печальнее неё: «Что тебе дать, Боже, в нашей судьбе мы находимся между жизнью и смертью, а боль одного из нас становится общим страданием... Посреди равнодушия оставляешь место для вечности между тенью и светом, из боли и грусти, из надежды и любви?.. на Земле мы гости – посетители музея, которые восполняем феномены жизни. Мы встречаемся, развлекаемся, через все проходим, обманывая себя иллюзией о вечном существовании рядом с Чернобылем, с терроризмом, с болезнями и воинами... Боже, ты нас наградил, неограниченной силой, но не для того чтобы разрушить красоту Земли». Наблюдая за страданиями Вани, продолжала: «Хотя он не наделён крыльями чтобы летать, его глаза надеются, что жизнь должна продолжаться со всеми её прелестями. Ни один человек в мире, каким он умным не был, не определил где именно кончается страдание и где начинается счастье, которое естественно начнётся там, где появляется любовь. Лишь любовь убеждает в том, что человек не зря проживает жизнь. Человек сколоченный из земли и святого духа, надеется на продолжение рода, чтобы оставить свой след в то время как его сопровождает любовь». Узнав о решении Доки, Тодур остолбенел от недоумения:

– Самый опасный зверь для мужчины – это женщина, но когда любовь проникает в её сердце, она... окончательно сходит с ума!

Дока переехала к своему жениху и начала приготовления к свадьбе... Сделала ремонт в комнате, поменяла постель, прикупила одноразовых подгузников. Поставила телевизор перед Вани, а возле кровати – радио приёмник, этажерку с книгами и телефон. С тех пор она словно повзрослела и стала более расчётливой. Её тётя, её родители, которые никак не решались приехать дамой из заграницы, но и другие её родственники, обсуждали то что пока Вани прикован к постели не стоит играть свадьбу, а то люди засмеют. Дока злилась от таких слов, становилась как гроза от обиды и отвечала словно резала вживую:

– Я готовлюсь к свадьбе, а не к похоронам... Никто не умирает и не умрёт в этом доме! Всё село застыло в ожидании развязки этой истории любви неслыханной прежде в Буджакской степи. Родня была в замешательстве и больше, никто не лез с советом чтобы остановить Доку Исумбели. Но иногда, когда девушка оставалась наедине с собой и никого не было рядом, она прикрывала лицо ладонями и как заплачет, что казалось, что рушиться весь шарм их любви. Но позже утихала и продолжала приготовления. Родители Вани, старые и беспомощные, чувствовали себя виноватыми в происходящем, с больным сыном и со смелой и упрямой невесткой рядом. И лишь только чабан Василий что приходил ежедневно и массировал Вани, поддерживал намерения этих двух *yavklu* (помолвленные). Он согласился быть *dolaclak* (тамада) на их свадьбе... если они придержутся православных канонах и обвенчаются в церкви:

– Будьте *steonozlu* (обвенчанные молодые), как того желает Бог! говорил старик. Видно сам Господь Бог желает чтобы вы были вместе. С приближением свадьбы, Дока настаивала на том чтобы приготовления шли полным ходом. Что же это за размах такой? – удивлялись односельчане, которым всё это казалось лишь ужасным риском. В каждый вечер, допоздна, неподалёку от родника, толпы молодежи веселились, да так что гудел весь Конгаз. Она ощущала зов молодости, её тянула в свою стихию, но девушка усердно выхаживала больного с бледным смуглым лицом, и всё ему рассказывала с нежностью:

– У нас будут гости, шаферы, разные блюда на столах, а я буду невестой! Вани, ты же пообещал мне что я буду тебе невестой. Представляешь, в этом мире есть девушки, которые никогда так и не выйдут замуж и так и умрут, не надевши фату ни разу в своей жизни. Будучи один раз учительницей, один раз женщиной и один раз невестой, Дока заразила своих подружек Митру и Тудорику – свадебными приготовлениями. Они отвечали за блюда для застолья.

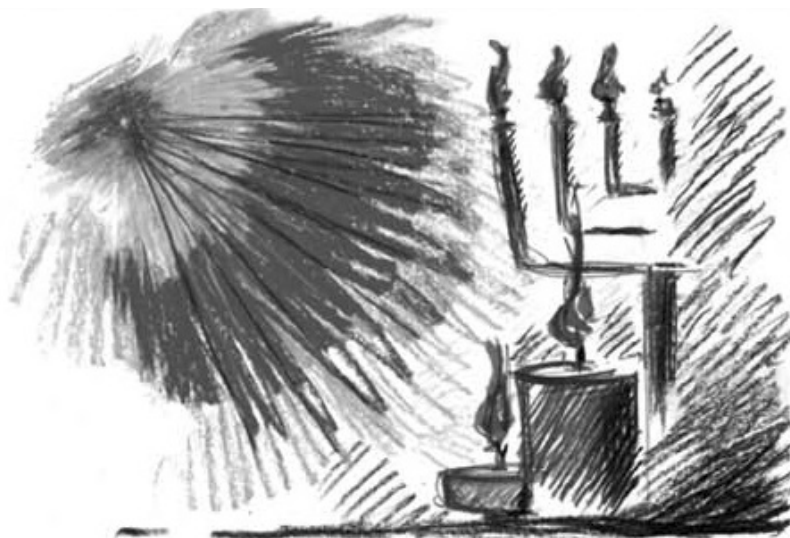
В день свадьбы она надела белое шёлковое платье. Затянула свою осинную талию золотистым поясом, а на голову надела фату с собственноручной вышивкой. Вани одела в черный костюм, светлую рубашу, галстук, на грудь прикрепила белоснежный букет. В день свадьбы, после богослужения, к полудню, пришёл священник чтобы их обвенчать, затем мэр села зарегистрировал их брак и

также к полудню собрались гости. В bûük baş (каса маре), на столе застеленным белой скатертью с красными цветами, стояли бутылки с вином «Чумай», «Томай», и другие бутылки с уарта rakı (самогон), затем были поданы блюда из традиционной гагаузской кухни: sarma (голубцы) из капустного и виноградного листа, manca, kavrma, kivrma, düün kolacı (kolaç)...

В начале, гости вроде как неудобно себя чувствовали, смотрели на бледное лицо Вани но как только пропустили пару рюмок крепкого, delikannılar с красными розами на груди, подружки невесты, одетые в платки с вышивкой, boncuklarlar (с бусами) на шее напевали песни, отгоняя грусть из сердца Конгаза. Ведь жизнь существует везде, даже в самых тёмных уголках человеческой души. В начале застолья чебан Василий Кириогло сыграл меланхоличную дойну на свирели затем мастерски исполнил веселый гагаузский танец на kemençe, затем стал веселить всех веселыми мелодиями на пикулине. И вдруг, неожиданно для всех молодые выглядели ясными и полными жизни. Лицо Вани оживилось, Дока станцевала танец невесты вокруг кровати... Из любопытства в тот дом зашло еще много гостей и среди них появился и Тодур. Он пришел с большим букетом цветов и преподнёс его к подолу платья невесты в знак уважения, как к памятнику, пожелал молодым счастливой жизни и ушёл. Гуляли все до самого утра...

У окна Юзбашей расцветают розы: красные, белые, чёрные, розовые, невиданные в Буджакской степи. Эти цветы лелеют любовную балладу двух сердец, что рвутся к вечной жизни, при любых ненастьях... К вечеру Дока зажигает свечи на подоконниках. Языки огня сближаются затем тянутся вверх, растворяясь в дымке. В окне, с неба, луна посылает таинственные осколки света, застилая покой в судьбе двоих. До самой зари, не далеко от родника, от мэрии и кладбища, пламя свечи становится чистым и ясным. Два облика искаженные самой крупной катастрофой, выпавшей из божественной вечности, соединились в общую человеческую судьбу – судьбу каждого из нас – решительно шагают по жизненному пути, искажая пространства и целые эпохи, преподнесённые нам Богом, чтобы мы прожили с ними свою оставшуюся жизнь...

ПЪРВАТА

К 100 летию Ихила Шрайбмана

Ихиль Шрайбман молдавский писатель! Ихиль Шрайбман настоящий национальный еврейский писатель! В сравнении с другими еврейскими писателями Молдовы, именно он является национальным писателем, во всю заслуживая это гордое имя. На страницах его творчества описывается жизнь, обычаи, фольклор, песни и трагическая история евреев ашкенази, которые жили на протяжении веков бок о бок с молдаванами, деля с ними и радость и горе. Его творчество, будто клезмерская музыка, переплетается гармонично с ритмами молдавской хоры и печалью дойны, не ощущая разницы, переполняются в гармонии друг с другом. Творчество Ихилы Шрайбмана это шедевр прекрасного мира людей, который составляет целую страницу нашей молдавской истории.

Ихиль Шрайбман жил на протяжении своей долгой жизни в странстве четырех географических государств: в Российской Империи, где родился в 1913 году, в Великой Румынии, где продолжил свое детство и молодость, после чего стал одним из первых молдавских советских писателей СССР, и в конце своего славного творчества – как гражданин нового государства – Республики Молдова.

В лоне родной бессарабской днестровской божественной природы, в местечке Вадул Рашков, писатель прошел через время сочным родным идишем, на котором разговаривали его предки евреи среди веселых и трудолюбивых молдаван. Находясь в гуще событий 20 века, он олицетворяет данную эпоху. Вдохновляется от идиша и в то же время обогащает его своими же выражениями и мыслями, которые, как будто были посланы Богом, материализовались в словесной форме.

Верил в идеал светлого будущего и социалистической идеи, обладал толерантностью и романтизмом, видел равноправие людей

во всем и не делил народы на врагов и друзей. Он был истинным бессарабцем, выкладывался полностью, когда работал, творил, побеждал, развлекался, шутил и даже когда любил. Отличался редкой отвагой, презирал духовную и физическую немощь, с трудом поддавался влияниям и легко – настроениям. Независимость и своенравность позволяли царить вокруг него изобилию, раздолью и уверенностью в свои силы. Был безгранично уверен в том, что самое лучшее на свете это родится на бессарабской земле, где был верным сыном евреев Бессарабии.

Ему суждено было родиться в местечке Вадул Рашков, в среде которого были написаны прекрасные еврейские рассказы и новеллы под общим названием «Рашковские истории». В данной книге читатель открывает мир еврейских имен, обычаев, нравов, фольклора и разносторонности характера еврейского народа.

Вадул Рашков для Ихиля Шрайбмана это планета любви и печали, это планета прекрасного идиша и прекрасных людей которые дали ему все, для того чтобы стать настоящим еврейским писателем. Именно в еврейском местечке Вадул Рашков он создал себя как человека творческого, что способствовало появлению работ таких как «Семнадцатилетние», «Семь лет и семь месяцев», «Годы и мгновения» и многие другие новеллы и литературные миниатюры.

Пройдут годы, десятилетия, столетия и, я уверен в том, что благодаря именно творчеству Ихиля Шрайбмана, в истории появится представление о мире бессарабских евреях, говорящих на идише, языке, который давно ушел в небытие.

Живя среди вольной, богатой природы Бессарабии, Румынии и Буковины он и сам был волен как стихия, загорался новыми идеями и планами, воспламенялся любовью и гневом. Величественная красота окружала его – вот почему он чтит красоту человека и природы. Отчаянно любил щегольнуть, поразить, преувеличить; по истине детские ощущения неизменно привлекали его, но и романтическая прелесть и изобилие родных мест сказались на его натуре: его горячая сила сочеталась с почти женской восприимчивостью к красоте и к страданиям еврейского народа. Страдания, из-за которых иногда, на пару мгновений, его охватывал пессимизм. Но такое состояние души только служило толчком для творческого продвижения вперед!

Прямой и искренний, он никогда ни в чем не подозревал своих собратьев и верил в честность каждого из них до тех пор, пока не убеждался в обратном. Вот почему он был зачастую чрезмерно доверчив, легковверен, и, со слов его жены Марины, был вечно большим ребенком, вот почему ничего не стоило сыграть над ним любую шутку.

Своим бесстрашием, выносливостью, живучестью он верил в красоту родного языка идиш, хотя видел, как уменьшается и умирает на глазах его читатель, молодые евреи, которые уже не понимают родной язык идиш, язык предков, и поэтому он напоминает и остается навсегда в нашей памяти настоящим идишским Дон Кихотом Бессрабии.

Всегда оставался верным своим убеждениям и привязанностям, щедрым и великодушным, способным испытывать злобу, почитать красоту и стихийные силы рашковской природы. Не покидал родного края и остался большим патриотом этой земли. Хотя был свидетелем своего поколения наряду с ужасами войны, холокоста, эвакуации от фашистских убийц, а на старости лет произошел самый мощный удар за всю его жизнь, исчезали евреи, говорящие на идише. А что же может быть страшнее для писателя, который осознает и даже видит собственными глазами, как умирает его читатель?! Тем не менее, он оставался как последний воин на баррикадах, неисправимым оптимистом, наполненным верой в прогресс, всегда готовым посвятить и поистине посвятивший жизнь построению разумного человеческого общества на бессарабской земле.

Прошло время...и, хотя язык идиш крайне редко слышится на улицах Кишинева, а в бывших славных еврейских местечках он вообще исчез, по моему глубокому убеждению, в бессарабской земле остались бриллианты его произведений.

Надеемся на молодое поколение, у которого проявится желание и возможность выкопать и открыть для себя красоту и блеск культурного наследия, которое создал пишущий еврейский человек под гордым именем Ихиль Шрайбман.

13.03.2013

«Я не пишу на идиш, я его целую...»

О памятнике в селе Вадул-Рашков, где родился еврейский писатель Ихил Шрайбман.

Наконец-то, я посетил село Вадул-Рашков, в котором три года назад был открыт памятник в честь известного еврейского писателя Ихила Шрайбмана. В этом местечке, когда-то еврейском, он родился и провел детские годы. Памятник, автором которого является скульптор Владимир Шуляк, воздвигнут на средства его сына, Эдуарда Шрайбмана, живущего ныне во Флориде, а также при помощи и содействии Еврейского конгресса Молдавии, республиканской еврейской общины, министерства культуры и Союза писателей Молдавии.

Памятник установлен в центре села, возле местного Дома культуры - в виде огромного куска белого мрамора, на котором вычерчен профиль писателя и выгравированы надписи на двух языках – на идиш и румынском. Фактически, это первый памятник в Молдавии, воздвигнутый в честь еврейского писателя.

Сегодня Вадул-Рашков – большое село, раскинувшееся у самого Днестра, и только заброшенное и заросшее бурьяном кладбище и старое здание синагоги свидетельствуют о том, что до Второй мировой войны здесь бурно кипела еврейская жизнь, которую так живо и красочно описал в своих рассказах и романах Ихил Шрайбман. Правда, в еврейскую литературу это местечко вошло просто под названием Рашков – таким, как на-

зывали его обитатели. Да, когда-то в его воздухе витал идиш, на улочках стоял гвалт, когда на ярмарку съезжались из окрестных деревень и местечек десятки подвод, груженных различным товаром.

В своих книгах «Рашковские рассказы», «Годы и мгновения», «Тем летом», «Далее», «Всегда...» Шрайбман прославил родное местечко и его жителей, ушедших в небо с пламенем Катастрофы, и этим как бы воздвигнул им свой памятник. Сегодня в Вадул-Рашкове, о котором он повествовал с юных лет, не осталось ни одного еврея.

Начав в Бухаресте публиковать свои первые рассказы, Шрайбман и в годы войны не выпускал из рук пера, находясь в эвакуации в Узбекистане, и даже в послевоенные страшные времена антисемитских репрессий. В Кишиневе, в тиши еврейского кладбища, на могильном памятнике, под которым покоится писатель, начертана фраза из миниатюры, которая как бы является движущей силой его многолетнего творческого труда: «Я не пишу на идиш, я его целую...».

С большой заботой и ответственностью относится администрация села Вадул-Рашков к парку, на территории которого установлен памятник Шрайбману. Вокруг него пестреют яркие цветы, растут красивые деревья, часто собирается местная молодежь и школьники. Мне приятно было услышать, как старожилы села вспоминают добрым словом своего бывшего соседа, а также еврейские обычаи и праздники, которые отмечали жившие когда-то здесь евреи.

Молдаване берегут память еврейского писателя-земляка. Следует добавить, что городские власти Кишинева сейчас рассматривают вопрос о присвоении одной из улиц столицы имени Ихила Шрайбмана.

«Форвертс», №31923, 3-9 августа 2012

Марине Шрайбман – 75! **(Основатель Шрайбманистики** **еврейской литературы)**

Удивительная вещь время. Оно, хоть и не имеет начала и конца, очень быстротечно. Как и жизнь человеческая. И быстрее всего в нашей жизни пролетают счастливые мгновения. А таких мгновений в жизни Марины Шрайбман, к счастью, было больше, чем грустных.

Марина действительно счастливая женщина. Так как родилась она 29 февраля, и свой день рождения празднует один раз в четыре года, то можно считать, что в этом году ей исполняется всего 19! Марина прекрасная женщина, удивительная собеседница, неисправимая оптимистка, обладающая непревзойденным чувством юмора.

Повезло ей и с мужем. Она прожила почти 30 лет с известным, колоритным, талантливым еврейским писателем Ихилем Шрайбманом. Марина успешно продолжает творческую жизнь И. Шрайбмана. В ней сейчас все от Ихили. После смерти писателя Марина продолжает жить его творчеством. Благодаря ей появилось много его книг в Израиле, Молдове, Германии, США.

Марина дорога нам еще и тем, что, являясь русской по национальности, она выучила идиш и сейчас во всей Молдове, а в Кишиневе уж точно, чуть ли не единственная, говорящая, читающая и пишущая на идише.

Марину можно с уверенностью назвать основательницей Шрайбманистики еврейской литературы. Она продолжает оставаться движущей силой для всех, кто ее знает и любит.

И я хочу сказать Марине Шрайбман :

«Знаем, что в вашей душе живет молодость, так пусть ее будет так много, чтобы никто не посмел усомниться в том, что там нет места для старости!

Желаем Вам душою не стареть, творить, любить, мечтать. Судьба была строга с Вами, но оценила Вашу стойкость, жизненное упорство, и наградила достойнейшей второй половинкой и настоящими друзьями. Прожитая жизнь – это мудрость, жизненный опыт и сила духа.

Желаем Вам крепкого здоровья, пусть сбывается все, что еще не воплотилось, пусть радостью и светом будет наполнен каждый Ваш день. Много сделано, много достигнуто, и пусть закат станет лучше рассвета, а осень будет теплой и яркой.»

Смастеривший свое счастье

Высокий, сильный, словно Давид против гиганта Голиафа, более известен за рубежом, чем в Молдове, Слава Фарбер прославился исполнением самых красивых песен на идиш.

В момент прослушивания одной из них – «Сон на идиш» на слова Михаила Финкеля – даже я, не зная Фарбера, был бесконечно удивлен тем, насколько убедительно он передает дух своего народа через песню – звучала она как настоящий гимн величию и достоинству, ностальгии и печали. С тех самых пор, каждый раз слушая песни в исполнении Славы, весь день готов жить его голосом, напевая мелодии. В концертных залах присутствует ощущение проникновения его сильного голоса в души присутствующих, словно жемчужины,

натянутые над историей многострадальной нашей Бессарабии, над городами и районами, где до недавнего времени проживали евреи. Его сильный голос собирает старательно и умело именно те жемчужины, которые были созданы евреями с болью и большим мастерством, в еврейских местечках много лет назад, располагавшихся между Днестром и Прутом.

Его родина, где прошло детство, – все это уходит к руслу реки Днестр, где находится село Вертюжень (Вертюжаны), хотя Фарбер утверждает, что оно всегда называлось местечком, в семью Шмилы и Эльки Фарбер. С юных лет Слава сумел почувствовать песню, прочувствовать то, что можно праздновать силой песни – феномен рождения детей, свадьбы, работы день за днем в поте лица, чтобы заработать на кусок хлеба, проводы в последний путь родных людей. К моему счастью я открыл стихотворение про вертюжанских евреев которую с удовольствием предоставляю на суд читателей:

Песня Вертюжанских евреев

Береги немного свои силы,
Береги своё не крепкое здоровье!
Не стоит в голову всё брать:
Ведь годы мчатся, словно ветер!

Не стоит рвать мир на куски
Потому что на тот свет всё равно
С собой ничего не возьмешь!

Береги немного свои силы,
Береги своё некрепкое здоровье!
Не стоит в голову всё брать:
Ведь годы мчатся, словно ветер!

Почти весь мир объехал
И многих я людей встречал
У каждого- свои стремления и амбиции
И каждому отмерено столько сколько положено

Но торопить ничего не следует-
Всё придёт своим чередом
И пронесется, как ветер!

Поэтому побереги немного своих сил,
Береги своё некрепкое здоровье!
Не стоит в голову всё брать:
Ведь годы мчатся, словно ветер!

Весь спектр человеческого существования он узнал из песен, спетых родителями, оставивших в памяти отпечаток богатых насыщенных воспоминаний. Именно в Вертюжанах родилась история предков, которые пережили моменты удачи, веселья, но и страшных страданий, что происходили во время Холокоста, затем – события эмиграции, когда его дорогие родственники покинули местечко, оставляя за собой лишь плиты памяти, состарившиеся вместе с могилами, ушедшими в забвенье.

Слава Фарбер – мой друг, а у друзей много общего. Мы оба родились в деревне, у обоих присутствует особое чувство к природе, к народным традициям, к песням, вместе с которыми сельчане жили сотни лет. Иначе просто быть не может, потому что Слава – достойный представитель еврейской песни в Бессарабии, наша особая гордость. Благодаря ему, мы становимся лучше, да и сам Слава имеет счастливую возможность концертировать. Его уникальный талант открывает музыкальные жемчужины прошлого времени для сегодняшнего и завтрашнего поколений вместе с душами предков – для того, чтобы они согревали и делали нас достойными их памяти.

Еврейский фольклор одарил Фарбера таким призванием, которое удерживает исполнителя как можно дольше в мире детства. Потому что только душа младенца, удержанная народным гением фольклора и народных традиций, способна дотянуться до величия и теплоты лучей света в относительно вечном мире, окруженном множеством оттенков темноты.

Значение песен Славы весит больше чем богатства, к которым безрассудно рвутся люди. Несмотря на финансовые трудности, с которыми приходится сталкиваться, Слава исполняет и совершенствует любую песню из тех, которые считались потерянными в необратимых волнах времени. В большинстве населенных пунктах

Бессарабии уже нет евреев, зато песни Славы Фарбера доказывают, что дух еврейского местечка существует и будет существовать, пока жива песня, и именно такая песня, передаваемая его роскошным голосом.

В свои 60 мой друг остается сильной творческой личностью. Убежден: Слава проживет еще столько же, не зря ведь еврейская традиция желает человеку жизнь в 120 лет. Достижения Славы не могут не радовать. Его талант исполнителя дарит еврейскую песню слушателям из России, Израиля, Украины, США и Европы. Красота песни, подобно летящему аисту в небе, успокаивает душу и призывает нас жить, надеяться на лучшее и видеть красоту окружающего мира. Слава в свои славные годы ассоциируется в моем воображении с зеленым деревом, возвышающимся на поляне цветов, удерживая своими ветвями ценности, необходимые нашей душе: веселье, ностальгию, историю, правду...

И хотя министерство культуры и правительство Молдовы никак не отметили заслуги Славы, и радио с телеканалами не транслируют его песни, – всё это не означает, что Фарбер перестал быть нашей гордостью.

Поздравляем тебя, брат наш! Гордись своим именем, подаренным тебе родителями, не переставай дарить всем нам доброту и красоту своей души.

Вайншенкеры из Баймаклии

Мой кишинёвский сосед по дому Юрий Вайншенкер в свои без малого девяносто исполнен чувства собственного достоинства и ясен умом. Он часто рассказывал о своей жизни, вспоминал прошлое, и в этих обрывочных воспоминаниях отражалась судьба евреев юга Бессарабии в середине XX в. – времени его детства и отрочества. Моему соседу очень хочется, чтобы эти мои заметки, написанные с его слов, прочёл кто-нибудь из бывших соседей, которые сейчас, вероятно, рассеяны по всему свету.

Хаим, отец Юрия, родился в 1888 г. в городке Леова, расположенном на живописном берегу Прута, а мать Удл (Ольга) – ровесница века, уроженка Баймаклии. Новобрачные переехали в село Тараклия де Салчие, где приобрели лавку. В этом селе в 1926-м и

родился мой сосед. Он был третьим ребенком в семье. Старших братьев звали Срул и Ицик, а ему дали имя Цалик. После прихода русских его стали называть Юрием. В 1932-м родилась еще сестра Фаня, она ныне живёт в Чикаго.

В конце 30-х годов прошлого века семья Вайншенкеро́в переехала в Баймаклию, где тогда проживало более двух тысяч евреев. В центре местечка были корчмы, много магазинов, краси-

вый парк и большая синагога, в которой маленький Цалик часто бывал вместе с бабушкой. До войны Баймаклия славилась своими мануфактурами. Каждый четверг здесь проводились ярмарки, и в местечке царило оживление. Жители окрестных сёл приезжали продавать скот и узнавать новости. И никакого антисемитизма, никакой агрессивности! Отношения между молдаванами и евреями были гармоничными: они сотрудничали, уважали друг друга, вместе веселились в праздничные дни, вместе хоронили умерших. Недалеко от христианского кладбища, у опушки леса, было старое еврейское.

Баймаклийские евреи между собой говорили на идише. Румынским языком владели все, а родители Цалика знали еще и русский. Сельская жизнь, богатая событиями, бурлила. Большим уважением в Баймаклии пользовались зажиточные семьи Вольдман, Полищук, Шварц; стеклорез и стекольщик Скляр, близнецы Даскэл – портные, шьющие кожаные и меховые шапки; братья Ицик и Мойше Зак, которые содержали корчму, где собирались любители пообщаться за стаканом вина.

Многие молодые люди после окончания начальной школы отправлялись на дальнейшую учебу в Бухарест, Яссы и другие горо-

да Румынии. Во время каникул молодежь возвращалась в родные местечки, где сразу становилось весело и шумно. Везде собирались юноши и девушки, и начиналось горячее обсуждение событий, происходящих в стране, обмен новостями и впечатлениями, полученными во время учебы.

Как и все сельчане того времени, каждая семья содержала себя, как могла. Бабушка Хона Шварц, женщина добрая, религиозная, воспитывала внука в духе еврейских обычаев и традиций. Под ее опекой маленький Цалик выучил много еврейских песен, рос умелым и любознательным. И как почти все молодые евреи того времени, Цалик продолжил учебу после окончания начальной школы. Родители отправили его в городок Болград, где он поступил в лицей Carol al II-lea. Цалик даже помнит адрес квартиры, где проживал: ул. Инзова, д. 7. Домой он приезжал только на каникулы. Жизнь казалась ему идиллической, будущее – светлым, а все юношеские мечты – достижимыми...

Но приближался 1940-й год, и первыми, кто заволновался, были немцы. В то время на юге Бессарабии в особых поселениях насчитывалось много немцев. У них были богатые хозяйства, хорошо оснащенные сельскохозяйственным инвентарем, повозки и ломовые лошади. Эти зажиточные семьи жили в красивых домах с большими дворами, владели мануфактурами, кузнями. У большинства было радио, возле которого вся семья собиралась, особенно по воскресеньям, чтобы послушать новости с родины.

В 1939–1940 гг. Гитлер призвал немцев из Бессарабии перебраться в Германию. Многие не хотели уезжать, но решились и распродали всё, чего нельзя было увезти с собой. Их дома опустели, предвещая смутные времена.

Родители Цалика купили у соседей, уезжавших в Германию, корову, кэруцу с парой лошадей и сельскохозяйственный инвентарь. После того как обмыли сделку, один из немцев-крестьян сказал Хайму: «Нам еще было кому продавать своё добро, а вам, остающимся, уже будет некому». Тогда они не придали особого значения этим словам, но летом 1940 г. в Бессарабию пришли русские. С самых первых недель после смены власти закончилась спокойная жизнь и настала тревожная неопределенность. Хотя большинство евреев симпатизировали советской власти и в июне 1940 г. встречали русских с хлебом, солью и цветами, всего через несколько недель

самые справные хозяева ночью были арестованы и отправлены в Сибирь. Сочли кулаком и депортировали родственника Вайншенкеров Исаака Ицковича, который вернулся в Молдову только после смерти Сталина, в 1953-м. Люди не догадывались о том, что ждёт их в 1941-м...

Юрий (так мы будем в дальнейшем называть Цалика Вайншенкера) вспоминает то лето. Он приехал на каникулы в Баймаклию и 22 июня, в красивое воскресенье, вместе со своими братьями Срулом и Ициком находился на засаженном картофелем участке у леса близ деревни. Утром он поймал ежа, играл с ним, а ближе к обеду пошел косить траву для лошадей.

Около полудня со стороны реки Прут, на расстоянии каких-нибудь 18 км от границы Румынии с СССР, послышалась артиллерийская канонада, и все подумали, что это пограничники проводят учения. Но вскоре из Баймаклии пришла встревоженная женщина, которая принесла еду своим родственникам, работающим на соседнем участке, и взволнованно сказала: «Ион, пойдем домой! Началась война!»

Потрясенные люди запрягли лошадей и разъехались по домам. Баймаклию охватила паника. В село прибыли военные инструкторы и начали проводить мобилизацию молодежи. В помещении школы ребята проходили медицинскую комиссию. Тех, кого признали годными, построили в колонны и отправили в Тараклию, к железнодорожной станции. Охваченные страхом люди оплакивали своих сыновей, уходивших по пыльной дороге... В числе мобилизованных были Срул и Ицик – братья Юрия. Мать дала им 60 рублей на расходы и торбу с едой. Все плакали.

Лишь годы спустя картина прояснилась. На станции Раздельная ребята рыли окопы, пока какой-то военный не приказал им бросить всё и спасаться. Вокруг царил хаос. О возвращении братьев домой не могло быть и речи: война их догоняла, и они были в полной растерянности. В своих военных формах они отправились пешком в Одессу, надеясь, что сядут на пароход и доберутся до Кавказа. Все уже знали, что немцы расстреливают евреев. Больше о судьбе Срула и Ицика ничего точно не известно. Говорили, будто братьев схватили и казнили, когда они блуждали по городу, пытаясь купить продукты в дорогу. Эти смутные подробности семья Вайншенкер узнала после войны от односельчанина Даскэла.

...Немецкие войска очень быстро продвигались к Днестру. Евреи в панике стремились эвакуироваться. Вся семья Вайншенкеров: родители, бабушка, сестра Фаня и сам Юрий, собрав всё необходимое, сели в кэруцу, запряженную лошадьми, привязав к ней позади корову, направились на восток, к Днестру. Одни евреи уехали раньше, а некоторые остались, в том числе и Лейб, дядюшка Юрия, с женой и дочерью. Многим не верилось, что немцы могут творить зло: их помнили еще со времен Первой мировой войны как людей порядочных.

Зейлик Шварц, дядя Юрия со стороны матери, продавец в магазине, погрузил свое имущество на кэруцу и последним покинул Баймаклию, но не доехал даже до Днестра: по дороге его убили грабители... Евреев, оставшихся в Баймаклии, всех до единого уничтожили захватчики...

Сыновья Зейлика, Срул и Хаим, двоюродные братья Юрия, были призваны в Красную армию, сражались на фронте, а после войны вернулись в Кишинев. Сейчас они вместе со своими детьми и внуками живут в Канаде и Германии.

...А 15-летний Юрий в июне 1941 г. вместе с родителями, сестрой Фаней и бабушкой добрались до Тирасполя. Там они продали корову: надо было ехать дальше, война гналась за ними по пятам. Через несколько дней и ночей они добрались до реки Буг и переправились через нее на пароме. Они думали, что наступил конец их блужданиям, но пришлось ехать дальше. Недели лишений, ночевки под открытым небом – и вот они, наконец, на юге России, в селе Романовка Сальского района Ростовской области. Прожить здесь довелось недолго: снова пришлось ради спасения жизни бежать дальше...

В начале лета 1942 г. они добрались до дагестанского села Джалга Ипатьевского района Орджоникидзевской области. Там жили украинцы, их язык Юрий и его семья знали. Жители села работали в колхозе, как будто не было войны. Чужие края, чужие люди, но Вайншенкеры уже начали привыкать к тамошнему образу жизни, надеясь остаться в Джалге до конца войны. Родители передали весь свой инвентарь местному колхозу, устроились на работу, но мир и покой длились недолго: в разгар зимы им вновь пришлось эвакуироваться, на этот раз – в Среднюю Азию.

Снова они отправились в долгий тяжкий путь и, преодолев Кавказский хребет, оказались на станции Кизляр, а потом со своим

скромным скаблом добрались до Баку – столицы Азербайджана. Там было много эвакуированных евреев. Все ждали катера, который должен был их перевезти через Каспийское море на другой берег.

Огромное количество людей толпилось на 137-м пирсе, дожидаясь своей очереди подняться на спасительный катер. Ожидание длилось до середины лета 1942 г. Люди страдали от голода, жажды и лишений. Начались болезни. Свирепствовала лихорадка. Многие умирали...

Особенно тяжело заболела бабушка Хона Шварц, вслед за ней – Юрий. Вызвали врачей. Бабушку госпитализировали; хотели и его забрать в больницу, но воспротивилась мать, сказав: «Что будет с нами, пусть будет и с ним!»

Наконец дошла и очередь Вайншейнкеров подняться на борт катера. Родители решили ехать без бабушки, и Юрий долго безутешно оплакивал ее: очень уж он любил Хону... Юрий считает, что спасся благодаря своему отъезду с родителями. Семья много раз посылала запросы о судьбе бабушки в еврейские общины Азербайджана, но ответа не последовало.

Путешествие на катере длилось три дня и три ночи. Люди умирали. Смерть стала чем-то привычным. Близкие не оплакивали умерших. Трупы заворачивали во что попало и бросали в море. Господствовало полное безразличие. Никто не знал, что произойдет в следующую минуту. Если бы бабушка умерла на катере, ее ждала бы такая же судьба – волны Каспийского моря... Все трое суток навстречу, в сторону фронта, плыли корабли с солдатами и боеприпасами.

Оказавшись в Туркмении, измученные голодом и жаждой люди бросились на поиски воды. Местные жители продавали мутную воду, по цвету похожую на чай, по 50 копеек за кружку. Вода была плохого качества, с примесью морской... Вайншенкеры сели в эшелон, который ехал только ночью: днем железная дорога была занята войсками, отправлявшимися на фронт. Юрий диву давался, как семье удалось выжить... После долгих странствий их одиссея завершилась в казахстанском городе Павлодаре. Там Юрий прожил три года, повзрослел и женился на Лидии Прибыловой, с которой прожил всю жизнь. Они вырастили сына Лёву.

В конце войны Юрий вернулся из эвакуации в знаменитое

еврейское местечко Баймаклия, но, к сожалению, не застал там ни одной еврейской семьи. Он переселился в Кишинев и прожил здесь всю жизнь.

Р. С. Этой весной я съездил в Баймаклию. Деревня показалась мне пустой и заброшенной. Никто не помнил, что когда-то здесь жили евреи со своими обычаями, традициями и верой. Не сохранилось ни одного еврейского дома, ни одной лавки, нет и синагоги... На окраине села в лесных зарослях я наткнулся на хаотичную россыпь могильных плит, поросших мхом. Разрушенные надгробия с надписями на идише – всё, что сохранилось от еврейского кладбища, и это единственное напоминание о трагически ушедшем в небытие еврейском местечке Баймаклия...

Агвидор Либерман для Молдовы

В нынешней эпохе глобализации, при появлении новых государств на карте мира, обнаружился тот факт, что в политическом классе таких государств, практически отсутствуют личности способные сконструировать государственную администрацию. Именно по этой причине, ряд государств как Болгария, Польша, страны Балтии и другие, обратились к своим соотечественникам, жившим долгие годы в демократических странах, приглашая их встать во главе данных государств. В этом плане, имеются немало неоспоримых примеров, они же являются полезно-выгодными.

В современном мире, также часто происходят цивилизованные отклонения от того что называется анахроничным стереотипом, руководствуясь им назначается лидер для страны, и ему не обязательно принадлежать этнической группе большинства населения. Примером может стать президент Бразилии, который является болгаринцем по национальности, или же недавно всенародно избранный демократическим путем, президент Румынии Клаус Йоханнис, с немецким происхождением. Нужно вспомнить и одного из бывших мэров города Кишинэу, К. Шмидта, который построил архитектурный и административный фундаменты столицы Молдовы, также, будучи немецкого происхождения.

Я лично считаю, что Молдова пока не обладает своим политическим классом и весомыми личностями для эффективного

руководства страны, то, что привело бы к продвинутой демократии. И на сегодняшний день, сталкиваясь со множеством политических, экономических и социальных трудностей, не следует игнорировать пример тех стран, которые сумели призвать к своему управлению иностранных политиков, являющимися потомками данных государств.

Своевременно вспомнить тот факт, что у нас имеются политические личности, которые проявили себя за границей, в тех странах, куда в свое время иммигрировали, и за это время, накопили огромный опыт в политике. Также своевременно вспомнить тот факт, что за границей есть известный политик, рожденный в Молдове, этот человек является частью политической жизни Израиля, его имя Агвидор Либерман, и именно он является политиком с большим опытом работы, обладая мировым престижем. Он родился в Орхее, молодость свою провел в Кишинэу, и ему хорошо знакомы молдавские обычаи и традиции, а также проблемы, возникшие в наши дни в Республике Молдова, как на местном уровне, так и в международном плане.

Агвидор Либерман приезжал много раз в Кишинэу, по личным делам или же в качестве министра международных дел Израиля. Лично я слышал много раз его выступления, речи его звучали интеллигентно, компетентно, с глубоким осознанием фактов в геополитическом контексте, с которыми на сегодняшний день сталкивается Республика Молдова. Опыт Агвидора Либермана образовался в политическом, этническом, экономическом и геополитическом спектре Израиля, и это является идеальным примером для Республики Молдова.

Я желаю, чтобы мое мнение дошло до стола просмотра к нашим политикам, а также, и до стола самого Агвидора Либермана, и я уверен в том, что наш народ получил бы много хорошего от того что этот политик был бы назначен конституционным путем премьер-министром или президентом Республики Молдова. Думаю, что именно сейчас настал переломный момент сделать именно это предложение Агвидору Либерману, и в случае его согласия, население Республики Молдова нашло бы всевозможные демократические рычаги для обеспечения его мандата. Я твердо верю, что молдавское государство останется только в выигрыше от того что имеет во главе самого Агвидора Либермана.

Коротко об авторе

Молдавский писатель, поэт, переводчик и композитор Борис Друцэ родился в 1955 году, вырос в большом еврейском местечке Теленешты, где учился у Биньямина Когана - раввина, педагога, автора учебников молдавского языка и литературы. Б. Друцэ член Союза писателей Молдавии, автор сборников прозы, поэзии, драматургии и двух компакт-дисков собственных композиций. Переводил с идиша стихи Любы Вассерман, Мотла Сакциера, Ицхока Каценельсона, Иосефа Керлера, Мойше Лемстера, а с русского языка - Ефрема Бауха, Рудольфа Ольшевского и других русских поэтов, выходцев из Молдавии. Борис Друцэ выпустил за свой счет книгу «Зеркало молчания», содержащую переводы с идиша на румынский язык современных еврейских поэтов. В Стране обетованной, которую он недавно посетил, у него много друзей. Ей он посвятил свою книгу «Израилю - стране любви». Автор уверен, что поддержка, человеколюбие, доброта, царящие в этой стране, достойны такого посвящения.

Розы для идиша

В 2015 году мой приятель, замечательный молдавский поэт и прозаик Борис Друце издал небольшую книжицу, 130 стр., под названием «Trandafiri pentru idis» (Розы для идиша). Она прошла как-то незаметно, как в Молдове, так и в странах, где ещё есть носители идиша и литераторы, пишущие на этом языке. Это книга переведённых автором поэтов евреев, писавших и на русском, и на идиш. Причём, большинство стихов в книге - это переводы с идиша. Замечу, что эта не первая книга автора, посвящённая евреям Молдовы и их творчеству.

Б. Друце родился после Второй мировой войны в 1955 г. и жил в бывшем когда-то еврейском местечке Теленешты. В советских Теленештах проживало ещё немало евреев, в основном, учителя, врачи, мастеровые. Как он сам пишет в предисловии к книге: «Любовь к истории, культуре евреев проистекает из моего детства. Будучи школьником в Теленештах, я слушал слова идиша, звучащим как музыка». Мы узнаём, что его учителем румынско-

го языка и литературы был еврей, который привил ему любовь к творчеству. И именно ему он показывал свои первые стихи на румынским языке. Для поэта и писателя Друце евреи - неразрывная часть солнечного края и истории Бессарабии. В своём стихотворении, ставшем песней, к которой он сам написал музыку и сам исполняет на русском языке, он называет евреев «братьями, покинувших свой дом», «милый мой народ» и пр.

Конечно, автор не мог обойти в своей книге тему Холокоста. В предисловии к книге он публикует свой «Реквием» (Кадиш) по убитым 2 миллионам (из шести) женщин - евреек. Есть у него и стих о судьбе идиша. Под названием: «Te stringe-n brate, IDIS» (Тебя обнимает идиш). Стих посвящён еврейскому поэту Иосифу Керлеру и писателю Ихилу Шрайбману. Поэт спрашивает в стихотворении: «Кому ты останешься идиш?» И выражает надежду, «что ты будешь сиять идиш, вечно под солнцем».

С идиша Б. Друце перевёл поэтов: Ицика Каценельсона, Любы Васерман, Иосифа Керлера, Моисея Пинчевского (родом из Теленешт), Моисея Лемстера, Мотла Сакциера, Дов-Бера Керлера. Даны и переводы поэтов евреев, которые родом из Молдовы и писавших на русском языке.

А в конце книги его перевод еврейской песни из местечка Вертужаны, которую пел и поёт наш общий друг, заслуженный артист Республики Молдова - Слава Фарбер.

Борис Друце - один из первых, кто знакомит румыноязычного читателя с творчеством евреев, живших и творивших в Бессарабии, Молдове. Как сам пишет автор книги в заключении: «Я надеюсь, что моему примеру последуют и другие...» Будем надеяться на это и мы. Бессарабские евреи, в самом широком смысле этого слова, оставили заметный след в истории этого края, они любили эту благодатную землю, воспевали её в своих творениях, в том числе на языке идиш, который неотделим от бессарабский земли, также, как и грустная мелодия Дойны.

Ну, а Борису Друце надо выразить нашу огромную благодарность за то, что он напоминает сегодняшнему поколению молдаван о евреях, живших когда-то этом крае, для которых эта цветущая земля была родным домом. Хочется сказать на нашем бессарабском идиш: «А гройсн донк дир, тайерер Боре Друце, фар дер шэйнер матунэ, вус ост ундз, ди бесарабер идн, гешонкен. Мозл-

тов» (Спасибо тебе, дорогой Боря Друзе, за прекрасный подарок нам, бессарабским евреям. Счастья тебе)!

Моисей Лемстер
(Израиль)

Еврей и молдаванин

Борису Друзэ

И в бессарабских молдаванах,
Не кажется мне это странным,
Еврейской искорки есть след –
Тот на лице неяркий свет,
В котором не сокрыта тайна.
Ведь он сродни, и не случайно,
Мерцанью доброму свечей,
Что с древности до наших дней,
По пятницам, в канун субботы,
Забыв на время про заботы,
В домах еврейских зажигают,
Шабат от будней отделяя.
И виден отсвет сквозь туман
На добрых лицах молдаван.
И в бессарабских всех евреях,
То ярок он, то вдруг слабеет,
Но не угаснет в толще лет,
Молдавской искры странный свет.
В нем – вечная игра такая:
Возникнет он и исчезает,
Чтобы явиться вскоре вновь,
И грусть являя, и любовь.
В еврее каждом из местечка
Бредет заблудшая овечка,
Ища тепла в дороге дальней
По Дойне тихой и печальной.
Без искры той в душе своей,
Еврей в Молдове – не еврей.

*Перевод с идиш
Фрэdden Зорин*

О книге Бориса Друцэ ***«Sub steaua lui David, cu Dumnezeu»*** **(Под звездой Давида, с Богом)**

Свое предисловие писательница и переводчик Еуджениа Давид называла «Духовное сообщество». Это очень подходящее определение для новой книги Бориса Друцэ.

Книга объединяет под одной обложкой разные по форме образцы творчества адвоката по профессии, но писателя, публициста по призванию Бориса Друцэ. По форме и стилю разные очерки, заметки, материалы из интернета и справочников, рассказы, повесть, стихотворения и песни этого представителя титульной национальности Молдовы посвящены евреям, объединены одной общей темой... Написанные в разные время они призваны подтвердить ту положительную роль, которую в течении веков сыграли евреи в развитии экономики, финансов, культуре Бессарабии – Молдовы.

Нельзя не согласиться с тем, что задача, которую автор поставил перед собой, сопряжена с риском и требует определенного мужества. К сожалению, и в третьем тысячелетии во многих странах, претендующих на демократию, не изжит антисемитизм, бытуют предрассудки. Не изжиты и у нас разные мнения о Холокосте, отголоски бытового антисемитизма. Поэтому работа Бориса Друцэ заслуживает большого внимания и интереса.

Свыше ста страниц книги отведены материалам, содержащим сведения по истории еврейского народа, начиная с библейских времён и до наших дней. Сведения эти подчеркнуты из многочисленных источников и уже нашли отражение в предыдущих публикациях автора, которые он счел нужным включить и в рассматриваемую книгу. После кратких исторических материалов приводятся и протоколы совещаний Кишиневского еврейского общества, свидетельствующие о периоде еврейского ренессанса в независимой Молдове. Приведены материалы о положении евреев в довоенной Бессарабии. Уделяется внимание статистическим данным о замеча-

тельной роли местных евреев в восстановлении экономики и культуры края в первые послевоенные годы.

Особую боль и горечь испытывает Борис Друцэ при посещении заброшенных и разрушенных еврейских кладбищ в местечках, где уже давно не проживают евреи. Он даже пытается найти выход из этого положения, предлагает какие-то возможные варианты и разные подходы к разрешению проблемы их восстановления в Молдове.

Отдельная глава книги посвящена Земле Обетованной. Материалы взяты из разных источников, в которых содержатся исторические и географические сведения об Израиле. Приводятся данные о заселения страны с времен первой и последующей алии. Автор знакомит читателей с законами, традициями, с еврейским календарем, с кибуцами. С большой теплотой он говорит об Иерусалиме, о будущем страны.

Значительное место в книге отведено очеркам-портретам еврейских интеллектуалов, работающим в Молдове. Выбор героев очерков был прерогативой автора, они отражают его собственное отношение к их роли в развитии культуры Молдовы, что раскрывается даже в название очерков. Чувствуется, что портреты создавались писателем в разное время, некоторые уже были известны в более ранних публикациях. С многими героями очерков Борис Друцэ знаком, и это находит выражение в субъективном их изображении, что является его правом. Большинство портретов охватывают лиц, принадлежащих к гуманитарным профессиям: поэты, прозаики, музыканты, архитекторы и т.д.

В разделе «Черные лилии» Борис Друцэ возвращается к истории евреев, останавливаясь на самых трагических событиях XX столетия. Исключением является здесь проблема о распятии Христа, которая поднята в статье Льва Аброзова, вошедшая в книгу. Автор восстанавливает картину Кишиневского погрома 1903 г., пишет о причинах его возникновения. Следующее трагическое событие – Холокост. Описывая ужасные его последствия, автор приводит статистические данные об уничтожении еврейского населения в Бессарабии, возмущается тем, что далеко не все виновные в массовых преступлениях были выявлены и не все понесли заслуженного наказания.

Вместе со своими детьми писатель посетил Бабий Яр и делится впечатлениями об этой памятной поездке.

Борис Друцэ с тревогой констатирует, что после ужасов Холокоста советским евреям пришлось пережить другие тяжелые годы, связанной с так называемой борьбой с космополитизмом. Сталин и сталинисты затеяли разгром Еврейского Антифашистского комитета, который завершился разгромом еврейской культуры в СССР. Были арестованы лучшие представители еврейской литературы, театральные деятели, писатели и т.д. Двенадцать из них были расстреляны, сотни сосланы в концлагеря. Как пример такой расправы Б. Друцэ приводит судьбу еврейского поэта и прозаика Иосифа Керлера.

Раздел «Из истории Теленешт» - самый личностный и исповедальный в данной книге. Борис еще в детстве бывал в Теленештах, местечке близком к его родному селу Инешть. В Теленештах он окончил среднюю школу. Он подробно описывает это еврейское местечко, которое давно перестало быть еврейским. Приводит серию портретов теленештских евреев разных профессий. Тепло и уважительно даны автором портреты его учителей. Выделен портрет любимого преподавателя молдавского языка и литературы Бениamina Когана, с чьей семьей из Израиля Борис поддерживает связь до сих пор.

В книгу включены стихотворения автора, посвященные его детям и знакомым евреям.

Проза представлена большой повестью «Доротей» и несколькими рассказами. Герой повести еврей Наум Вайнштейн полюбил молодую девушку, которая его обманывает. Сложные переживания Наума – главная тема повести. В «Доротее» затронута и тема массового исхода евреев в другие страны.

С еврейской темой связан рассказ «Этлия Беккер». В нем повествуется об еврейских детях, спасенных молдавскими семьями в годы фашистской оккупации.

Книга «Под Звездой Давида, с Богом» призвана воспитывать у читателей разных национальностей доверие и толерантность друг к другу. В ней рассказано о роли евреев в развитии экономики и культуры Молдовы, о дружбе между евреями, молдованами и представителями других националь-

ностях. Поскольку книга явно призвана «добрые чувства прививать» - она должна быть во всех публичных и школьных библиотеках, чтобы молодежь знала правду о тех, кто жил и живет рядом с ними.

*Зав научно-библиографическим отделом
Еврейской библиотеки им И. Мангера
Сара Шпитальник*

«У нас есть чему учиться у евреев»

Борис Друцэ родился, в крестьянской семье, в молдавской деревне Инешть, недалеко от бывшего еврейского местечка Теленешть. Он известный человек в Молдове, известен разными талантами. Будучи адвокатом, согласно его образованию, Друцэ стал известен как талантливый писатель. Он пишет стихи и пишет к ним музыку.

Важное место в его творческой деятельности занимает глубокий интерес и дружеское отношение к евреям. Еврейская история, катастрофа и евреи в лагерях Транснистрии, судьбы евреев с которыми жили по соседству, которые когда-то селились во многих Бессарабских местечках, государство Израиль и борьба с палестинскими террористами -- все эти темы нашли сердечный отклик и отношение в его художественных произведениях.

Новый сборник Бориса Друцэ «Флорь де дор пентру Шалом» (Цветы признательности к Шалому) вышел недавно в Кишиневе, включая рассказ «Етлия Беккер», посвященный еврейским учителям писателя, его стихи ранней лирики, заметки, песни (тексты и ноты) и в отдельной части вошли воспоминания о его еврейских друзьях, с которыми он учился в одной школе.

Во вступительном слове этой книги автор пишет, что, всегда проходя в Кишиневе по улице Иерусалимской, где установлен монумент в память еврейских жертв войны, слышится ему рассказ его родителей, которые видели, как нацисты расстреливали местных евреев недалеко от Теленешть. Борис Друцэ приводил туда своих детей и рассказывал им эту страшную историю. Он поддерживает идею, что историю еврейской катастрофы – Холокоста, необходимо включить в школьную программу.

ספעציעל פֿארן „פֿארווערטס“

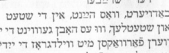
[illegible]

רדוצו איז אנטקעפן מענטש געמיטשט
בזבז זיין דאן און אנטקעפן זיין
ארגומענטירן אים. צו צוראמבריינגן זיין
געזונטעס הארץ. ווער זאל זיין געזונט און
ווער פאר פארקערטע זיין און ארומט
צוריק. דאס איז דאס וואס ער וויל זאגן.
וויסן ווער ער שטעלענדיק און ווער
קעממען ער האט זיין דארט אנטקעפן
ווער דעפארטירט און אראפ שטעלען
אראפן בורגהאלד. די מעסטענע זאכן
ווערען געצאלט אדער ארויסגעלעבן
און ארויסגעטון און ארויסגעטען קיין
ידיבה עס האט געזאגט אונז. לאזט זיך
ווערן ווערן געבליבן און ערענט און ערענט
ווערן געטון ווערען חזרה לעצטע
אקטוערען שטיכענדיק ווידיאליזירטע
און ווערען ערענט און ערענט
ענדע ווערן און ווערן און ווערן ווערען
און אדערשטען און ווערן ווערען
עס אפאל און און ווערן ווערען ווערען

דיבער די צייט, ווען די סאָוועטישע פֿונק-
אַגענז האָבן געטאָן אַלץ, כדי צו אַסימילירן
און רוסאַפֿיצירן די מאַלאַוואַנער; און

אויסגעשולט נאך אין
די אמאליקע צייטן.
אפגעגעבן זייער טא-
לאנט און ענערגיע
צו לערנען די נאציא-
נאלע קאדדען זייער
שפראך, ליטעראטור
און קולטור.

די אמאליקע שילן אן היסטארישע אדנקען
ענטרעט עס טרויערונג ציטער ווען די
אטרוקע באפעלעכענען אדנקען געזעהן
זינע זיכער וועט זיך פארטראטן וועגן
פארשטעלענע שווינדערס וועגן זינע
קיינער-איהן ווען עס האט זיך געשפילט און
געטריט מיט זיינעם גינגלן און מיינלעך
קומט עס צום אפטייל אן דאזיגלע וועגן
גאר נישט אייביקייט, אדאמלעט אדאמלעט
און פארשטעלן פון זיך ווען, ווי וואו עס דארף
זיך באזעצן צום משפחלעכעם זיך האבן
די קינדער טאגן די טרויערעכע, מיהנעס
די געטראקע אצורוח, זיין אלקס און
פאר טרויערליכע אצורוח

געשיכטע איז דא
וואס צו געניסן.
שיוין אפגעווערט.
וועגן דער ליבע
און געטוישט
צו ארץ ישראל צום
לאנד פון אבות...

בארץ
הדורע
באטיילטען זיך און
טוויי אינעם געזעל
שאטלעכן זעבן פון
דער קעסענעווער
קוליה בעם ליוון און
די "הויצע פלענצטער"
די פראבלעמען, פאר
בונדן מיט דער ייד
דער טעטיקייט, דא
העלפט אים אורדא זון
יורידישע בילדונג און שרייבערענע טעם
פראגמענט. עס קומט אים דעמאלט א הארץ

Писатель жалеет что сегодня в городах и местечках, где жили евреи, заросли дикой травой еврейские кладбища, разрушаются строения бывших синагог и исторические памятные места связанными с историей евреев Бессарабии. Он мечтает по тому времени, когда местное население, читая его книгу задума-

ПОСЛЕСЛОВИЕ

О Борисе Друцэ – поэте и человеке

Я родился в местечке Теленешты и пережил детство и юность, похожие на детство и юность Бориса Друцэ: долина местечка и холмы с виноградниками вокруг, галдящие базары, зелёные луга с пасущимися овцами, чарующая весна, осень приготовления вина – идиллия! И как противостояние - память о страшной войне. С годами мы стали углубляться в источники и в историю. Борис хотел знать как можно больше об евреях, я искал скрытые течения в жизни молдован. Думаю, мы оба нашли то, что искали.

Читая книги Бориса Друцэ, знакомясь с его героями, я с радостью и удивлением нахожу людей, бывшими героями и для меня. Бенъямин Моисеевич Коган, учивший Бориса, учил и меня. Это он послал его в писательские странствия, и это был он, сказавший и мне: «Моня, ты должен писать». И теперь мы оба пишем.

У нас в доме было два родных языка: идиш и румынский. Я пошёл в школу, не зная русского языка. И каким счастьем было для меня, когда мои учителя-евреи говорили между собой не по-русски, а по-румынски – на прекрасном и певучем языке моих родителей. Оказавшись в Яссах, я уже на второй день нашёл знаменитый Ясский университет, ходил по его аудиториям и сидел на его скамьях, чтобы почувствовать дух моих учителей, учившихся здесь.

Чем больше я общаюсь с Борисом Друцэ, тем больше я узнаю необычного человека: по желанию знать больше, по любопытству к жизни вокруг, по любви к женщинам, по честности и порядочности, по его отношению к евреям. Недаром говорят: «Скажи мне, как ты относишься к евреям, и я скажу тебе, кто ты». Писать песни и книги об евреях, переводить с иврита и с

идиша на румынский еврейские песни, интересоваться жизнью евреев и говорить об этом вслух – дело не совсем привычное для молдавского уха. Иметь смелость пойти против волны есть не у каждого. Она есть у Бориса Друцэ.

Жизнь в современной Молдове нелегка. Канули в лету многие постулаты прежней жизни и на арену вышли новые приоритеты. В этом хаотическом круговороте не так просто сохранить ясность мысли, человечность и честь. К счастью, сегодня в Молдове есть такие люди. Один из наиболее заметных среди них – Борис Друцэ. Почитайте его повести, рассказы и поэзию, и вы обнаружите удивительный мир образов, созданных автором, – будь то евреи или молдоване, молодые или пожилые, мужчины или женщины. Но всегда это люди, которые ищут правду и которых обуревают страсти; которые задают философские вопросы и ищут еврейские ответы – или наоборот.

Радуются и страдают не только герои произведений Б. Друцэ. Он сам горит и вопрошает, полон желания сделать этот мир более понятным для людей и изменить его к лучшему. Именно за это я люблю Бориса Друцэ и именно поэтому его книги – желанный подарок для читателя.

*Менахем Вайнбойм,
Израиль*

Содержание

Предисловие	4
Rescîem. Перевод с румынского Менахем Вайнбойм.....	6
Испокон веков. Перевод с румынского Менахем Вайнбойм	7
Только любовь. Перевод с румынского Менахем Вайнбойм	8
Истребление. Перевод с румынского Менахем Вайнбойм.....	9
О, Боже, горячо молись за них. Перевод с румынского Менахем Вайнбойм ...	11
Евреи, милые, евреи. Перевод с румынского Мирослава Метляева	13
В объятиях идиша. Перевод с румынского Менахем Вайнбойм	18
Израиль, слеза золотая. Перевод с румынского Александра Юнко	19
Святой Иерусалим – любовь моя. Перевод с румынского М.Вайнбойм ..	20
Марине Шрайбман. Перевод с румынского Менахем Вайнбойм	22

ПРОЗА

Этлия Беккер. Перевод с румынского Л. Ильиной	24
Отрадно или грешно. Перевод с румынского Л. Ильиной	37
Доротей. Перевод с румынского Л. Ильиной.....	53
Самая печальная история любви. Перевод с румынского Л. Ильиной....	241
Озорная Нэлли. Перевод с румынского, Ольга Лабутина	285
Поклоняйся тишине. Перевод с румынского, Ольга Лабутина	294
Саркофаг. Перевод с румынского, Ольга Лабутина	301
Желанная мечта в ореоле свечи. Перевод с румынского, Ольга Лабутина ..	311
Бойня Перевод с румынского, Ольга Лабутина.....	321
Миниатюра. Перевод с румынского, Ольга Лабутина	350
Tikenni gül. Перевод с румынского, Ольга Лабутина	356

ПУБЛИЦИСТИКА

К 100 летию Ихила Шрайбмана. Перевод с румынского, О. Лабутина	371
«Я не пишу на идиш, я его целую...» Перевод с идиша: Зиси Вейцман ..	374

Марине Шрайбман – 75! (Основатель Шрайбманистики еврейской литературы). <i>Перевод с румынского, О. Лабутина</i>	376
Смастеривший свое счастье. <i>Перевод с румынского, О. Лабутина</i>	377
Вайншенкеры из Баймаклии. <i>Перевод с румынского, О. Лабутина</i>	380
Агвидор Либерман для Молдовы. <i>Перевод с румынского, О. Лабутина</i>	386
Коротко об авторе	388
Розы для идиша. <i>Моисей Лемстер</i>	388
Еврей и молдаванин. <i>Перевод с идиш Фрэдди Зорин</i>	390
О книге Бориса Друцэ «Sub steaua lui David, cu Dumnezeu» (Под звездой Давида, с Богом). <i>Сара Шпитальник</i>	391
«У нас есть чему учиться у евреев». <i>Михаил Хазин</i>	394

Послесловие

О Борисе Друцэ – поэте и человеке. <i>Менахем Вайнбойм</i>	397
--	-----